ГЛАВНОЕ.
ВЫБОРЫ-2021

Публикации, выступления и интервью Григория Явлинского в феврале – октябре 2021 года

ГЛАВНОЕ. ВЫБОРЫ - 2021

Публикации, выступления
и интервью Григория Явлинского
в феврале – октябре 2021 года

Москва
«Медиум»
2022

УДК 32-027.21
ББК 66.0
Г52

ГЛАВНОЕ. ВЫБОРЫ-2021. Публикации, выступления и интервью Григория Явлинского в феврале – октябре 2021 года / Предисловие А. В. Космынина. – М.: «Медиум»», 2022. – 504 с.

ISBN 978-5-85691-092-5

Настоящее издание продолжает цикл публикаций общественно-политических работ Г. А. Явлинского. Книга включает в себя выступления, статьи и интервью за период с февраля по октябрь 2021 года. Представленные работы посвящены вопросам экономики, внутренней и внешней политики России и главным образом связаны с избирательной кампанией по выборам депутатов Государственной Думы VIII созыва.

Издание предназначено как для специалистов в области политики и экономики, так и для широкого круга читателей, интересующихся современной Россией.

Составитель: И. А. Яковлев

Фото на обложке: Наталья Селиверстова / РИА Новости

ISBN 978-5-85691-092-5

© Явлинский Г. А., 2021

© Космынин А.В.,
предисловие, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 6

Без путинизма и популизма 8

«Вот так просто попасть в палачи: промолчи!» 24

«Не доводите людей до отчаяния» 31

Вертикаль палачей 57

Что угрожает Путину и что угрожает России 59

Векторы Горбачева 62

«Все движущие механизмы сталинизма сохранились» 71

Путин и Байден. Кто как называется? 84

«Свободу всем политическим заключенным!» 88

Угроза войны как стержень политики Путина 110

Цена несвободы 117

Доведение до войны 121

За чертой. О послании Путина 124

Несовместимость 135

Что значит отказ от расследования отравления Навального 138

Защитник 140

Цена объятий 142

Женева-2021: с чем осталась Россия? 145

«Вы не за нас голосуете, вы за себя голосуете!» 149

«Нести ответственность за будущее нашей страны» 162

«С улицей вы власть никогда не поменяете» 168

«Ликвидировать „Яблоко“ — не проблема» 198

«Путин вас не боится» 210

Ответ Алексею Венедиктову: какую политику мы не будем проводить 232

«Можете всю жизнь голосовать за Путина, он всегда пройдет» 238

«Это будет война не с Украиной, а со всем западным миром» 255

Об историческом будущем России и Украины 269

«Власти делают людей политически инфантильными» 279

«Будет возможность проголосовать против войны» 295

За свободу народа Беларуси! 316

Ложь открывает путь к войне 318

Интервью для фильма «30 лет ГКЧП: хождение по кругу» 320

Он выбирал свободу 343

«При любых обстоятельствах мы должны вести себя как свободные люди» 345

«Власти хотят решить все проблемы войной. Война всё спишет» 349

Расследовать отравление Навального 364

«Сейчас всё очень просто: будет война или не будет» 366

«После нас та же участь постигнет и вас» 375

Сталинист Лавров 380

«Мы — агенты собственного народа» 382

«Вы не за «Яблоко», вы за себя голосуете» 397

«Надо завоевывать умы и сердца людей, а не территории» 414

Провал 421

Россияне беднее американцев в 14,5 раза,
японцев — в 22 раза 433

Григорий Явлинский —
«Не понимаю, что они такого делают
в Думе на полмиллиона рублей» 442

С чем Россия пришла к выборам? 447

«Как проголосуете, так и будете жить.
Потом не жалуйтесь!» 453

«Сталинисты и не сталинисты,
больше ничего на этих выборах нет» 458

«Это голосование за вас» 477

«Мы не откажемся от своей позиции» 481

Отрицательный отбор 485

Помните о ней 500

«Муратов буквально своими руками
защищает свободу слова в нашей стране» 501

На языке войны 502

Предисловие

Сборник открывается статьей «Без путинизма и популизма», написанной в феврале 2021 года. Она породила большую и бурную дискуссию о состоянии российской политики и способах преодоления системного кризиса российской государственности.

Эта дискуссия не закончена.

Во-первых, потому что очень много сил и времени было потрачено на обсуждение сиюминутных вопросов личностного плана, через которые в каждом интервью, в каждом эфире Явлинскому приходилось буквально продираться, чтобы начать разговор о главном. Такая ситуация сама по себе — свидетельство сложного положения, в котором находится наша страна и наша партия.

Во-вторых, поставленные вопросы выходят далеко за рамки не только предвыборной кампании 2021 года, но и всех событий этих шести месяцев.

Большая статья, завершающая сборник, «Отрицательный отбор» — это подведение итогов полугода и констатация того, что опасения, высказанные в феврале, полностью подтвердились, а поставленные тогда вопросы остаются актуальными.

То, как российское общество на них ответит и определит будущее нашей страны.

А между этими статьями — ткань жизни, сложный и насыщенный материал, отражающий положение дел в стране и мире, фиксирующий ключевые события, которые будут иметь долговременное влияние.

Например, вывод американских войск из Афганистана (статья «Провал»), подведший печальный итог двум десятилетиям ставки на силу в решении глобальных проблем.

Конечно, эта статья тоже про Россию, потому что в современном мире все события взаимосвязаны и внешнеполитическая повестка прямо связана с тем, что происходит внутри России.

Попытка вывести ее за скобки или вовсе исключить из круга актуальных проблем, чтобы не раздражать коммунистов, националистов, крымнашистов — серьезная ошибка и прямое следствие тактики «голосуй за кого угодно, кроме…».

«Смена тактики действий власти — это не игрушки, а Левиафан, очень опасный, агрессивный и обладающий огромным силовым потенциалом. Тешить себя тем, что зверь в чем-то глуп, совсем неумно. Звериная глупость может обернуться для людей страданиями и кровью. И здесь главное — понимать, что реальна перспектива:

— поглощения Беларуси путинской Россией;

— эскалации войны в Украине;

— новых авантюр — как международных, так и внутренних.

Какого момента надо ждать, чтобы говорить о политике, которая, по моему убеждению, никак не препятствует этим перспективам?» — предупреждает Явлинский.

Предупреждение об опасности войны, необходимости сохранения антивоенного направления в оппозиционной политике занимают важное место в публикуемых здесь статьях. Среди них выделим статью «Об историческом будущем России и Украины» —ответ на статью Владимира Путина.

Еще одна ключевая тема сборника — необходимость сознательного и последовательного преодоления большевизма и сталинизма, которое должно стать фундаментом создания в России современного европейского государства.

«Именно в возвращении российского государства к большевистским стандартам политического мышления и поведения корни текущих процессов в нашей стране», — отмечает Явлинский.

Нынешний курс — этот «путь которого нет», но уйти с него — это не просто проголосовать против «партии власти», а создать ценностную альтернативу.

Андрей Космынин,
ноябрь 2021 года

Без путинизма и популизма

О смыслах текущей политики

6 февраля 2021 г., сайт Григория Явлинского

Если мой народ пойдет за Гамсахурдиа,
я пойду против своего народа.
Мераб Мамардашвили, 1989

Прошло почти десять лет с протестов 2011 года. За эти годы в нашей стране случались разные по своей массовости уличные акции, и каждый раз с надеждой говорилось: «Это совсем другое, теперь все будет иначе».

В действительности за десять лет в протестном активизме ни с точки зрения численности, ни с точки зрения характера протеста не изменилось почти ничего. И это по оптимистичной оценке. Потому что на протестные акции в Москве в январе 2021 года вышло меньше людей, чем выходило в 2011-м, 2012-м и даже 2019-м. 100 миллионов просмотров в ютюбе конвертировались примерно в 200 тысяч человек по всей стране и 20–30 тысяч в столице. По нынешним меркам для «оффлайна» это большое число. Однако этого даже близко недостаточно для того, чтобы влиять на политическую ситуацию в стране и уж тем более чтобы принудить власть к мирному содержательному диалогу (что является самым важным) (см. «Активизм и политика», октябрь 2019).

При этом протестные волны, периодически поднимавшиеся за эти годы в России, никогда не представляли серьезной проблемы для властей. Главный реальный результат этой протестной активности — рост числа арестованных и политических заключенных, в отношении которых никакое «общественное давление» не формируется и которых никто освобождать не собирается. На этом фоне еще один такой цикл уличных акций — это путь к еще большему разочарованию. Даже в штабе Навального это поняли и заявили, что пока не будут звать людей под дубинки.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ «ПЕРЕМЕН»

За десять лет российская власть (та самая, которую агитаторы акций пытаются представить «испуганной» и «рассыпающейся»):

— дважды организовала избрание Путина президентом — на третий срок в 2012-м и на четвертый в 2018-м;

— аннексировала Крым и развязала кровопролитие в Донбассе;

— отправила воинский контингент в Сирию для участия в гражданской войне;

— посредством ЧВК влезла не в один вооруженный конфликт в Африке;

— провела через полностью подконтрольный парламент целую систему репрессивного законодательства;

— организовала плебисцит по изменению Конституции, включая предоставление Путину возможности остаться у власти еще на 12 лет после 2024 года;

— успешно и последовательно нагнетала атмосферу подавления инакомыслия и поиска внутренних и внешних врагов.

РЕПРЕССИИ И ИЛЛЮЗИИ

В последние годы информационная политика власти в вопросе освещения протестов прошла путь от полного замалчивания в подконтрольных СМИ до подробного пропагандистского разбора уличных

акций с целью дискредитации любой оппозиции. В этом свете очевидно, что режим будет использовать протесты для того, чтобы еще крепче «закрутить гайки» и «зачистить поляну» перед думскими так называемыми выборами осенью. И не следует думать, что протесты пугают власть или являются неожиданностью для Кремля. К жесткому подавлению возможных народных выступлений там готовились давно: принимали репрессивные законы, укрепляли ОМОН и Росгвардию, расширяли полномочия силовиков, последовательно отменяя какую-либо их ответственность перед гражданами.

Еще пенсионная реформа, заведомо крайне непопулярная, показала, что ставка делается не на понимание и даже не на заигрывание с народом, а на большевистские методы: ложь, пропаганду, запугивание, репрессии, террор. И не следует делать вид, что мы не понимаем, с кем имеем дело и на что эти люди способны.

Это реальность, с которой мы сталкиваемся каждый день и в которой, возможно, будем жить еще долго. И после событий января–февраля 2021 года, и после следующих акций будет очень тяжелое послевкусие: будут суды и серьезные репрессии. Нынешняя власть в России — вне права. Поэтому, несомненно, появится «болотное дело-2» с соответствующим нормативным административно-уголовным ужесточением.

В этой ситуации необходимо изо всех сил, кто как может, противостоять репрессиям, помогать заключенным и арестованным, их семьям, использовать все имеющиеся возможности для защиты прав людей, для освобождения политических заключенных — как новых, так и тех, кто сидит по прежним делам.

При этом надо избавиться от каких бы то ни было иллюзий и ясно осознавать, где мы живем.

Симптоматично, что, говоря о последних протестах, Путин упомянул расстрел Белого дома в Москве в 1993 году. Тогда в протесте против Ельцина и его реформ объединились коммунисты, националисты, фашисты и другие разнообразные несогласные. Сегодня эта аналогия из уст президента выглядит предупреждением о решимости власти не останавливаться ни перед чем.

Оптимистичные расчеты в лагере противников режима строятся на том, что при определенной массовости и упорстве протестов власть отступит, потому что не решится использовать масштабные и жестокие средства подавления. То есть ставка делается на некий гуманизм репрессивной системы, ну или на то, что Кремль будет опасаться осуждения со стороны. В реальности же ситуация совсем другая. Для путинской системы поведенческие ориентиры — это Ельцин в 1993-м и Дэн Сяопин в 1989-м с танками на площади Тяньаньмэнь в Пекине. То, что происходило в конце января—начале февраля этого года на улицах Москвы и других российских городов, подтверждает это.

КОРРУПЦИЯ КАК ПОВОД

Навальный вернулся в Россию намеренно, несмотря на недвусмысленное предупреждение со стороны властей об аресте. Решение суда о заключении Навального — политическое. Но политическими были и замена приговора по делу «Кировлеса» на условный в июле 2013 года, и передача ему властями подписей для участия в выборах мэра Москвы, и игнорирование неоднократных привлечений к административной ответственности и поездок за границу как законного основания для замены условного срока на реальный. Все судебно-правовые события, происходящие с Навальным, политически мотивированы и до самого последнего времени отражали, мягко говоря, внутриэлитные интриги и противоречия. И всем, кто выходил и еще будет выходить на улицы в поддержку Навального, полезно понимать те общественно значимые роли, которые он играет в последние годы.

Как блогер-разоблачитель, «ревизорро» верхних эшелонов российской власти и бизнеса Навальный служил индикатором, позволявшим по характеру транслируемой информации судить о подковерной борьбе внутри элит. Но поскольку в России практически все убеждены в существовании гигантской коррупции, разоблачения Навального воспринимались положительно, а экономический спад и обнищание населения в последние десять лет позволяли успешно играть на увеличении разрыва в уровне благосостояния, превращающегося

в пропасть («Мир — хижинам, война — дворцам!»). Тем более что политический популизм, перерождающийся в национализм и, как следствие, ведущий зачастую к жестким столкновениям, сегодня опасный глобальный тренд. Россия здесь не исключение.

Расследования Навального, к сожалению, не имели и не могут иметь практических результатов для общества. Все разоблаченные остаются на своих местах и при своих деньгах. Дело здесь не столько в вековой традиции воровства во власти, сколько в том, что в ходе реформ 1990-х и, в частности, полукриминальной (а в некоторых случаях, таких как залоговые аукционы, и полностью криминальной) приватизации на основе слияния собственности и власти была создана система, не предполагающая существование в стране независимого суда, независимых СМИ, настоящего парламента и честных выборов. А без категорического отделения собственности и бизнеса от власти, без разделения властей борьба с коррупцией невозможна.

Поэтому главный общественно значимый эффект, на который ориентирована стилистика «разоблачительных» фильмов Навального, — это разжигание примитивной социальной розни. И это тоже не ново. Так уже делали власти, когда отжимали ЮКОС у Ходорковского в 2003 году. Разжигание классового популизма в России, провоцирование столкновения бедных и богатых ни к чему хорошему не приведет. Националистический разогрев общества ради борьбы с Путиным стал одной из предпосылок весны 2014-го — с аннексией Крыма и войной на Украине.

Сегодня карту передела собственности система Путина пока держит в рукаве, но в любой момент может снова разыграть в своих целях и опять с крайне негативными последствиями, а то и с кровью.

Люди в России беднеют не только из-за коррупции. Наши граждане теряют несопоставимо больше из-за войны в Сирии и Донбассе, из-за гонки вооружений и совершенно безграничных, непрозрачных и бесконтрольных расходов на ВПК, из-за международных санкций, на которые без конца нарывается Россия, но больше всего — из-за неэффективной затратной экономики госкапитализма (когда доходы частные, а убытки государственные). По-настоящему коррупцию можно победить лишь сменой системы. Поэтому, повторюсь, настоящая

борьба с коррупцией — это не съемка с дронов поместий проворовавшихся чиновников, а политическая борьба за новое российское государство, за новую Конституцию, за Учредительное собрание (см. «О будущем», июль 2020).

ТЕРРОР

Что касается попытки отравления Алексея Навального, то здесь все очень серьезно.

Необходимо всестороннее международное расследование, которое не заменят никакие шумные «разоблачения» в ютюбе. Дело вообще не в разоблачении сталинской сути системы, которая сама этого даже не скрывает. Так, к примеру, приговор историку Юрию Дмитриеву — необъявленная и, пользуясь нынешней терминологией, гибридная политическая ликвидация человека, который расследовал государственный террор. И ничего не скрывается — ни методы, ни участники.

Однако отравление Навального не просто преступление. Возможно, это свидетельство существования в России санкционированных властями «эскадронов смерти», причастных к государственному террору в отношении политических противников. Кроме того, крайне тревожный вопрос о применении боевого отравляющего вещества по-прежнему остается на повестке. Здесь требуется достоверное установление исполнителей и заказчиков, раскрытие всего механизма преступления. Это жизненно важно для всего общества. Столь же важно довести до конца расследование убийств Бориса Немцова, Юрия Щекочихина, Тимура Куашева, Фарида Бабаева, Ларисы Юдиной, расследовать убийства и покушения на жизнь других политиков и общественных деятелей современной России.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР

Политическое направление Навального — это популизм и национализм. Наиболее точно, на мой взгляд, его суть сформулировала в 2011 году Валерия Новодворская: Навальный может стать «будущим лидером обезумевших толп, да еще и с нацистским уклоном». «Борьба с коррупцией, — говорила Новодворская, — может привести к тому, к чему она уже привела в Белоруссии. Лукашенко прельстил народ тем, что с утра до вечера говорил о борьбе с коррупцией. И легко купил легковерных белорусов. А недомыслящая интеллигенция его поддержала, решив, что сможет им вертеть как хочет. Ну и мы видим сегодня белорусский пейзаж… Аресты не являются политической индульгенцией. Большевики тоже сидели на каторге, и Дзержинский 10 лет сидел в тюрьме. Гитлера тоже посадили. Жаль, что не на 15 лет. Может быть, не было бы Второй мировой войны… Если толпы пойдут за Навального, страну в будущем ожидает фашизм… Волна, которая сейчас поднимается, поднимается отнюдь не только против Путина. Она поднимается за недемократическое будущее России. Она поднимается за прошедший коммунизм или за будущий фашизм. И Навальный — один из потенциальных лидеров этой новой погибели».

С тех пор совершенно ничего не изменилось. В претензиях Навального на участие в российской политике с предлагаемыми им идеями и повесткой дня нет ничего позитивного. Когда в 2009 году неонацисты убили в центре Москвы правозащитника Станислава Маркелова и журналистку Анастасию Бабурову, Навальный организовывал «Русские марши», на которых, собственно, и разжигалась межнациональная ненависть и происходили подстрекательства к подобным убийствам. Этот националистический вектор Навальный не скрывал и во время войны с Грузией, и комментируя войну в Донбассе (одна только его беседа со Стрелковым-Гиркиным чего стоит).

Ни самого Навального, ни его окружение не волнуют поломанные судьбы граждан, которые по их призыву вышли на несанкционированные акции и оказались за решеткой (достаточно вспомнить обещания денежных компенсаций через ЕСПЧ за задержания). Они сознательно выступают за преступное использование несовершеннолетних

в политических целях. Навальный как единоличный вождь ориентирован только на себя и уничтожает любые наметки на коалиции.

Поэтому, поддерживать или не поддерживать Навального как политика, каждый решает сам. Но надо понимать: демократическая Россия, уважение к человеку, свобода, жизнь без страха и без репрессий несовместимы с политикой Навального. Это принципиально разные направления.

ХАРАКТЕР ПРОТЕСТА

На последних протестных акциях не выдвигалось ни организованного требования освободить политических заключенных (хотя среди них есть и те, кто получил сроки за участие летом 2019 года в митингах против фальсификаций и недопущения к выборам ближайших соратников основателя ФБК), ни требований остановить войну на Украине. Все требования касались исключительно фигуры Навального.

В персонально ориентированную антипутинскую коалицию приглашаются все без разбора: коммунисты, националисты, левые, правые… В общем, кто угодно, кроме тех, что за Путина. И это отнюдь не новые политические технологии. Так уже было в октябре 1993 года в Белом доме.

Никогда не надо идти за толпой — какими бы ни были задор и напор этой массы, какая бы агрессия ни обрушивалась на тех, кто идет «не в ногу», и тем более на тех, кто движется в противоположном направлении.

Те политики и общественные деятели, которые сегодня опасаются попасть под каток обвинений в неподдержке протеста или рассчитывают прокатиться на этой волне, должны бы уже понять, что эта самая волна их же и смоет.

Впрочем, дело не только — а в нынешней ситуации, пожалуй, и не столько — в угрозе национал-большевистского революционного триумфа по модели 1917 года. Навальный, судя по всему, перестал быть элементом игры власти с обществом (или его политически малокомпетентной либерально-креативной частью), которая велась с 2011 года. Но это не значит, что он и его окружение избавились от прежних

связей и зависимостей во власти — просто игра стала другой. Навального с командой, возможно, используют втемную, а собирать урожай будут другие, причем очень вероятно, что из той же путинской системы с целью ее охранения или, наоборот, для замены фасада. При этом важно понимать и помнить, что система Путина гораздо больше, чем один человек: не Путин начинал ее строить, и сама собой она не исчезнет.

«ИНФОРМАЦИОННЫЕ ПУЗЫРИ» И ВЫБОР БУДУЩЕГО

Говорить обо всем этом особенно трудно, потому что на практике мы сталкиваемся с проявлениями проблем, которые обсуждает весь мир и которым пока не найдено действенного решения. Это сбои в общественной коммуникации, ставшие следствием информационной революции, распад информационного пространства на радикализованные кластеры, формирование «пузырей», обитатели которых буквально не желают видеть и слышать того, что не соответствует их точке зрения. Люди в России хотят уже сейчас изменить политическую реальность, они устали, им нужна надежда.

Навальный создает альтернативную информационную картину для своих сторонников. И это не факты против пропаганды и не правда против лжи. Так, в фильме про «дворец Путина» главное — это не дворец, а образ такого Путина, который до дрожи боится Навального и его разоблачений. Кроме того, одна из задумок авторов — выстроить ассоциативный ряд между Путиным и Януковичем, чья безвкусно-помпезная резиденция стала символом бесславного конца власти. Только теперь вместо золотого батона — туалетный ершик. Все это — продажа эмоций в соответствии с технологиями потребительской рекламы. Ведь лучше жить не в стране потерянного будущего, а на заре прекрасной России: «Восхода не видел, но понял: вот-вот — и взойдет».

Однако это не реклама айфона или кроссовок, речь о будущем страны и всех тех, кто в ней живет и будет жить. Цинично использо-

вать усталость людей, ощущение потери будущего в корыстных целях, в том числе политических. Это называется мошенничеством, и этому необходимо противостоять, несмотря на трудности и неприятные последствия. Цель не оправдывает средства. За будущее надо бороться с открытыми глазами и пониманием того, что путь к его обретению окажется долгим и очень трудным.

Наша страна и наши соотечественники достойны честной современной политики, политики XXI века. Политики, главным приоритетом которой является жизнь и достоинство человека.

«ЗАГРАНИЦА НАМ ПОМОЖЕТ»?

Есть надежда, что после шока от штурма вашингтонского Капитолия ведущие западные демократии основательно займутся поиском путей очищения современной политики от популизма и национализма — когда за власть борются с помощью разжигания ненависти и посредством накачанной пропагандой толпы, когда реальные проблемы государства и общества используют лишь как инструмент влияния.

Но независимо от того, что будет предпринимать у себя коллективный Запад, надо учитывать, что из-за системного непонимания происходящего в разных концах мира западные политики допускают серьезные ошибки. Достаточно посмотреть на политику Запада последних десятилетий в отношении Мьянмы: прославление Аун Сан Су Чжи, присуждение ей Нобелевской премии мира, ее возвращение к власти в 2016 году, а дальше — военные репрессии при ее попустительстве, геноцид мусульманского меньшинства рохинджа в 2017 году и в итоге военный переворот в январе 2021-го, в результате которого Аун Сан Су Чжи оказалась за решеткой. Но теперь на Западе стараются не упоминать мьянмскую «правозащитницу».

В политических кругах Европы и США понимают Россию все хуже и хуже. И это началось не вчера. Помните, Джордж Буш-младший в июне 2001 года в Любляне «заглянул в глаза» Путину, «ощутил его душу» и увидел в нем «прямого и достойного доверия человека»? Так что полезно знать мнение Запада, но не стоит ориентироваться на него.

Кроме того, тот огромный шум, что поднялся в мире после отравления Навального, конечно, был связан не с ним самим, а с очередным подозрением в использовании Россией боевых отравляющих веществ. Этого, естественно, на Западе очень боятся, поэтому и разыграли шумное шоу с подвернувшимся под руку странным отравлением. Такую реакцию вполне можно понять в контексте новой холодной войны, которую, безусловно, спровоцировала Россия и лично Путин. И здесь важно напомнить об убийстве в 2015 году Бориса Немцова. Как политическая фигура Немцов был значительно крупнее Навального, однако на Западе это сочли внутренним делом России и подобных сегодняшним журналистских расследований не проводилось.

Вообще, Запад со своими шаблонными подходами к демократии, скажем так, в недемократических регионах может вообще потерять влияние и остаться не у дел, если не научится понимать происходящее. По большом счету это касается и России. Сегодня на Западе в отношении сложных и нестандартных ситуаций применяются типовые схемы и решения из 1990-х годов.

Что же касается процессов в России, то приравнивание политического лидерства к владению технологиями манипулирования массовым сознанием — ошибка вчерашнего дня, породившая сегодняшние проблемы. И это крайне порочная практика — ссылаться на то, что на Западе, мол, развитая демократия, а у нас система Путина, в борьбе с которой все средства хороши. Такой подход уходит корнями в опасливо-пренебрежительное отношение советской и постсоветской элиты к народу, «не доросшему» до реальной демократии и вечно нуждающемуся в некой «руке» — то ли «поднимающей на дыбы» (диктатора), то ли ловкой (манипулятора).

Никакого достойного будущего не построить, если здесь и сейчас не практиковать отношения к гражданам, соответствующего той России, которую мы хотим создать. Крайне важно, чтобы протест был политически осознанным, гражданским в полном, высоком смысле этого слова. Основа такого протеста — люди, которые открыто выступают против системы Путина, но при этом не поддерживают популизм, отторгают национализм, вождизм, большевистское разжигание социальной розни, не приемлют подмену демократических процедур и институтов властью

толпы, манипулирование. Эти люди и есть основа России будущего. Мы будем бороться за то, чтобы представлять их интересы.

СНОВА ВЫБОР ИЗ ДВУХ ЗОЛ?

Есть те, кто после посадки Навального не знает, что делать. Хотя нетрудно понять, что эпоха постсоветской модернизации — построения демократического общества и государственности в России — завершилась поражением. И формальным символом этого поражения стало уничтожение Конституции минувшим летом вместе с установлением фактически вечной несменяемости неограниченной личной власти.

Тогда, в июле 2020 года, наступила новая, мрачная эпоха. Разве можно было в этих условиях ожидать чего-то иного, кроме приговоров и жестких репрессий против протестующих? Речь не о политологах, конечно, а о «рефлексирующей», как правило, столичной интеллигенции. Раньше в таких ситуациях — например, после ареста Ходорковского — эти «рефлексирующие» граждане, погоревав в очередной раз о том, что власть «пробила дно» и «дошла до края», сначала окунались в личные дела и заботы, а потом начинали думать, за кого голосовать. Сегодня для них уже подготовили с одного фланга партию «Новых людей», а с другого — партию «За правду». «Авторитеты» либерально-демократической «наружности» найдутся как для членства в этих партиях, так и для их продвижения в соответствующих целевых аудиториях.

Поддержка очевидных кремлевских проектов «людьми протеста» давно не кажется невозможной. Вспомните, сразу после Болотной зимой 2011–2012 годов случилась президентская кампания миллиардера Прохорова, принесшая ему миллионы голосов, которые сразу после выборов были слиты в канализацию вместе с планами создания новой партии. При этом понятно, что на очевидную связь кандидата с Кремлем не просто закрыли глаза. Многие «протестующие» видели в этом чуть ли не преимущество — из-за цинизма, комплекса политической неполноценности, презрения к народу и глубинного патернализма, убежденности, что свобода может прийти только сверху, с барского плеча.

Именно из-за этой убежденности в 1996 году призывали голосовать за Ельцина и раскручивали Лебедя, а в 2018-м — Собчак. Кто знает, возможно, осенью в поддержку Навального и его «умного голосования» «рефлексирующие» граждане проголосуют за коммунистов или справедливороссов, преобразовавшихся в национал-социалистов, — все равно за кого, лишь бы не за «Единую Россию» (но за тех, которые перебегут туда или в ЛДПР при первой возможности).

Да и парадоксально эмоциональное разочарование исходом последнего суда над Навальным в этом смысле показательно. Казалось бы, невозможно было предположить иного приговора. Но теперь заламывание рук и стенания на тему «как жить дальше?» только подтверждают, что до последнего момента ждали, что сверху снова подмигнут и отпустят. Отсюда же и бесконечный «плач Ярославны», и разговоры о «системных либералах», и переживания о Чубайсе, и ожидание каких-то невиданных персональных санкций, после которых путинские олигархи должны восстать против хозяина.

Голосование с зажатым носом и последующие вздохи «кто же мог подумать?» сопровождают российский, так сказать, образованный класс с середины 1990-х. Если тогда все были обязаны поддерживать Ельцина, так как жупелом для общества служил коммунизм, то сегодня новые пропагандисты, называющие себя оппозиционерами, стращают уставших от несменяемости власти и коррупции людей путинизмом.

Они сознательно подталкивают к выбору из двух зол, но не говорят о том, что малое зло, побеждая большее, всегда становится злом еще бОльшим.

А мы вновь, в одиннадцатый раз за 28 лет (трижды на президентских и восемь раз на думских выборах), предложим альтернативу — путь к свободе и достоинству. Мы будем убеждать, доказывать, собирать немыслимые деньги для участия в том, что называется выборами, пытаться ограничить фальсификации, собираться с силами и идти дальше к принципиально новой российской государственности, новой Конституции и Учредительному собранию.

ЧТО ДЕЛАТЬ СЕЙЧАС?

Защищать людей от репрессий. Разворачивать политическую борьбу за смену системы, против режима несменяемой власти, авторитарного персонального правления. Предлагать альтернативу во всем: в государственном устройстве, экономике, внутренней и внешней политике.

Пришло время формировать и серьезную кадровую альтернативу — из профессионалов, способных управлять государством по-новому, ценящих свободу и уважающих людей, реально любящих и понимающих Россию и не имеющих ничего общего с национализмом и популизмом.

Чтобы начать строить новое государство, потребуются новая Конституция, созыв Учредительного собрания, глубокая экономическая реформа по ликвидации неэффективного государственно-монополистического капитализма, введение гарантированного базового дохода для граждан страны, реализация таких программ, как «Земля – Дома – Дороги» и «Газ — в каждый дом». Это и есть содержательная альтернатива путинскому тупику.

Наивно и опасно надеяться, что какой-то вождь или группка вождей принесут все это на блюдечке. Созидательной политикой, как солидарным совместным творчеством, надо заниматься самим. Для этого необходимо наконец присоединяться к политической партии, которая отстаивает ваши интересы. Это не одолжение, не выполнение чьей-то просьбы, не поддержка кого-то, это нужно исключительно вам самим, а еще больше — вашим детям.

Как этого добиваться? Надо доносить альтернативные предложения до людей, убеждать, объяснять, завоевывать доверие. Другими словами, надо учиться побеждать на выборах в тех условиях, которые есть.

Вы спросите, что это значит практически? Вот план действий.

Надо, чтобы на выборах в сентябре этого года — уж какие они есть (возможно, кстати, последние) — за свободу и самоуважение, то есть за «Яблоко», проголосовало не менее 20 миллионов человек. Это те, кто не за Путина и не за популистов-националистов. Тогда будет основа для диалога с властью, и мы сможем начать реальную смену

режима. Тогда люди будут жить в гораздо большей безопасности, а полиция будет вести себя совершенно иначе. Тогда начнет появляться свобода, жить можно будет без страха.

Что для этого нужно:

1. Для предотвращения массовых фальсификаций потребуются сотни тысяч наблюдателей. В России 97 тысяч избирательных участков — значит, нужно не менее 300 тысяч наблюдателей (членов комиссий). Записывайтесь наблюдателями уже сейчас! Пройдите курс обучения и готовьтесь.

2. Становитесь сторонниками «Яблока». Быть нашим сторонником — значит вести пропаганду и агитацию за свободу и справедливость, за жизнь без страха, за мир и дружбу с соседями, за неприкосновенность частной собственности и честную конкуренцию, за закон и правовое государство, за настоящий федерализм и против коррупции, за независимый суд и еще за многое, что жизненно необходимо нашему народу. Как это сделать, написано в нашей программе. Рассказывайте об этом людям, агитируйте, убеждайте их, распространяйте буклеты и листовки. Объясняйте, что сейчас голосование за «Яблоко» — это единственный способ начать менять жизнь к лучшему. Каждый сторонник «Яблока» должен сагитировать за оставшиеся полгода 50 человек, привести их на избирательные участки и не дать фальсифицировать результаты. Вы это делаете для себя, для своих детей. Пока еще можно сделать это мирно, без драк и избиений, без арестов и судов. Делайте!

3. Поддержите петицию «Яблока» о немедленном освобождении политических заключенных, собрать необходимо 20 миллионов подписей. Пойдут ли власти на освобождение несправедливо осужденных, вопрос, но пусть они знают: миллионы людей требуют этого и будут добиваться этого, бороться против репрессий.

4. Если вы разделяете нашу программу «Меморандум политической альтернативы», становитесь кандидатом на выборах. Да, мы выдвигаем только и исключительно убежденных единомышленников, не лишь бы кого. Потому что мы несем ответственность за каждого нашего кандидата и за его работу депутатом в случае избрания.

5. Участвуйте в работе Общественного конституционного совета. Мы готовим новую народную Конституцию свободных людей.

6. Учитесь быть настоящими политиками, приходите в Федеральную школу «Яблока». Мы поделимся с вами опытом и знаниями, приобретенными за 28 лет участия в российской политике. Стране нужны сотни профессиональных, честных, некоррумпированных политиков! Приходите!

7. Помогайте собирать средства на избирательную кампанию. Скоро мы объявим сбор средств на кампанию по выборам в Госдуму РФ.

Политическая борьба в современной России — дело исключительной сложности. Мы далеко не все знаем и умеем — приходите, участвуйте, работайте, выдвигайте идеи. Наберитесь немного терпения. Мы искренне хотим вашего самого серьезного участия. И если не все сразу организуем, потерпите или помогите все наладить. Уж точно это лучше и умнее, чем драться с ОМОНом.

И помните: система Путина побеждает тогда, когда вы не участвуете в голосовании. Системе нужен «НаХ-НаХ». Системе нужно, чтобы политикой снова занимались артисты, музыканты, писатели и телеведущие, какие-нибудь очередные Собчак и Прохоров, бузовы и исинбаевы; главное, что «политики нам не нужны». Вместо того чтобы объединяться вокруг действующей почти три десятилетия партии, сейчас опять зазвучат призывы что-то создавать — «координационный совет», третью, четвертую или пятую силу. Заниматься этим будут дилетанты и случайные люди. К этому уже призывают, можно даже назвать фамилии. Результат такой деятельности будет, как обычно, нулевым. Тем временем люди будут сидеть в СИЗО и колониях, а режим будет укрепляться и смеяться в сталинские усы над нашей глупостью.

И последнее. Никто не знает, в какой момент подует настоящий ветер перемен — когда десятки миллионов людей по всей стране одновременно захотят изменений, как это случилось на рубеже 80-х и 90-х годов прошлого века. Наша ответственность в том, чтобы иметь наготове парус: проект новой Конституции, программу экономических реформ, квалифицированные кадры, — а также суметь правильно и вовремя этот парус поставить.

Главное — верить в себя и свой народ больше, чем в любые технологии, алгоритмы, готовые рецепты.

«Вот так просто попасть в палачи: промолчи!»

10 февраля 2021 г., сайт Григория Явлинского

Статья «Без путинизма и популизма. О смыслах текущей политики» вызвала дискуссию. Одна из часто звучащих претензий — в том, что статья была опубликована «не вовремя», что «момент выбран неподходящий». Я так не думаю.

Статья эта — разговор о том, что происходит, об угрозах, которых становится все больше, и о будущем нашей страны, о том, что делать, чтобы Россия стала свободной, демократической, современной. Такой разговор не может не коснуться Навального, который с августа прошлого года в центре общественного внимания и который стремится быть не просто политиком, а лидером. Следовательно, его политическая позиция, безусловно, должна быть предметом анализа и обсуждения. К счастью, он здоров, полностью оправился после тяжелого отравления. Да, он получил два года и восемь месяцев колонии. Но надеяться на то, что Навального отпустят на свободу в результате апелляции или еще по какой-то причине, не стоит — этого не случится.

Ну и на какой срок нужно откладывать в этой ситуации такой разговор? Когда говорить о насущном и жизненно важном будет своевременно? Через неделю, месяц, год? Накануне или после выборов? Когда он выйдет?

Итак, по пунктам:

1. С точки зрения нынешнего положения Навального и его отношений с карательной системой, публикация, критикующая его политические взгляды, как и любое другое мнение о нем, ничего не меняет. Навальный знал, что, если он приедет в Россию, его посадят. И он решил приехать и сесть. Это его политическая тактика. Навальный хотел, чтобы люди вышли протестовать, чтобы к его аресту и суду было привлечено максимальное внимание. Это вполне ожидаемо привело к тому, что тысячи людей были арестованы, сотни оказались в изоляторах, возбуждены десятки уголовных дел (на 11 февраля — 90 дел, и это не предел).

2. Навальный не просто сидит в тюрьме. Его соратники от его имени и через его аккаунты в соцсетях руководят выходом людей на улицы для выражения протеста и, соответственно, столкновения с силовиками (см. план, обнародованный штабом Навального 4 февраля).

3. Сначала от имени Навального публикуется план, в котором говорится о продолжении таких акций весной. Потом планы меняются и людей вдруг призывают выходить на улицы уже в ближайшее воскресенье. Очевидно, что этими призывами из заключения Навальный не ограничится. И руки у него не то чтобы были связаны. Он руководит протестами из тюрьмы, которая используется для того, чтобы вызвать поддержку и попытаться заткнуть рот всем критикам, оппонирующим власти. Да, это его стратегия. А почему мы должны ей следовать? Люди будут выходить, их будут избивать и сажать, ломать их судьбы. Это подлая и бессмысленная тактика, которая ведет, помимо всего прочего, к глубочайшему разочарованию.

4. Поскольку партия «Яблоко» всегда помогает всеми силами задержанным на таких акциях, мы знаем, что в конце января – начале февраля ситуация в этом вопросе усложнилась: возможностей защищать людей, вытаскивать их из спецприемников, добиваться соблюдения их прав стало еще меньше. Так когда же высказывать точку зрения о том, что надо прекратить провоцировать людей идти под дубинки и уголовные дела? Через месяцы или годы? А пока сидеть и молчать? Это, что ли, политикой называется?

5. Из стратегии Навального, озвученной руководителем сети его штабов в обращении к сторонникам: «Я брал огромный моральный груз», когда отдавал «приказ» организовывать эти митинги. «Но я понимал, что сейчас нам надо привлечь максимальное общественное внимание… к делу вокруг Навального… чтобы получить максимальную поддержку… Нам надо было тогда все бросать в эту топку. Но выхода другого не было, приходилось так делать, потому что мы могли добиться большой общественной консолидации перед решением суда… И мы добились этого ужасно дорогой ценой — …12 тысяч задержанных». Оказывается, все это организовывалось не ради «нашей и вашей свободы», не для освобождения политзаключенных, а конкретно для того, чтобы привлечь внимание к Навальному. Ради этой цели людей и дальше призывают выходить на улицу и садиться в тюрьму. За «привлечение внимания» к Навальному люди должны заплатить своей свободой, своим здоровьем, а страна — своим будущим. И мы должны сидеть, смотреть на это и молчать? Нет, политик обязан говорить тогда, когда идет действие, а не когда-нибудь потом анализировать уже случившееся.

6. И разве пребывание в заключении исключает человека из текущей политики? Вот полковник Буданов в тюрьме оставался носителем вполне определенной идеологии, которая обсуждалась в обществе. Да и нацбол Лимонов сидел: кому-то пришла в голову мысль отказаться от дискуссии о национал-большевизме? А как быть с членами ГКЧП? Ходорковский — другое дело, он был предпринимателем, поэтому его политические взгляды не следовало обсуждать.

7. Осенью 1999 года мне тоже говорили, что критику Путина и Второй чеченской войны лучше отложить до завершения выборов, а то момент, мол, не тот. И про «нож в спину возрождающейся в Чечне российской армии» тогда тоже кричали. И про потерю электората, и про угрозу тоталитаризма в лице Лужкова и Примакова, и про нелюбовь к России… И во время выборов 1999 года пытались устроить мне всем «либеральным обкомом» показательную расправу на телевидении. Но откладывать заявление о недопустимости и преступности войны до завершения выборов было бы бесполезно и абсолютно нечестно по отношению к людям, которых продолжали убивать в Чечне,

по отношению вообще ко всем гражданам России. Потом, правда, спустя год, немногие совестливые из тех, кто витийствовал и шельмовал меня на телеэкранах, те, кто просто не понял про взрывы домов, про страшную войну, кто недооценил катастрофу, за которую мы платим репарации до сих пор, приходили ко мне и извинялись… Но это было потом. И, кстати говоря, после этих моих заявлений произошел мини-раскол в партии: часть людей ушла и даже попыталась создать партию-конкурента, но ничего из этого не вышло.

8. Теперь о том, что важнее. Мнение группы экзальтированных товарищей, большинство из которых сидят дома (а многие вообще за границей), когда людей бьют на улицах, заводят уголовные дела и сажают в тюрьмы, или судьба этих пострадавших из-за участия в уличных акциях людей? Мне дороже судьба людей. Для меня категорически неприемлемо «бросать их в топку». Я несу ответственность за политику в моей стране, а значит, за жизнь и судьбу этих людей. Да, безусловно, надо всячески помогать теперь всем пострадавшим, но не гордиться сбором денег и передач для политзаключенных, а стремиться к тому, чтобы этого делать не пришлось.

9. «Яблоко» не партия Гапона, мы людей подставлять не собираемся. Мы против провокаций, и говорить об этом надо тогда, когда есть угроза, а не когда для кого-то это прозвучит красиво. Гапоны готовы пролить кровь, чтобы легче было прикончить действующую власть. Такая цена нас не устраивает. Это вопрос принципа.

10. Политика — серьезное профессиональное дело. Этому надо учиться. Философия этих социальных протестов — ницшеанство и национал-социализм. Для нас нет такой цели, ради которой можно открыть дорогу этой идеологии.

11. Не упоминая Навального, странно было бы говорить о политическом направлении, которое он обозначает, и спорить с этим направлением как крайне опасным для России. Просто не упоминать его имя? Сделать из него фигуру умолчания, как это делал долгое время Путин? Зачем это? Никто бы ничего не понял и справедливо не обратил бы внимания на суть этого текста и ключевые предостережения.

12. Возник очень опасный для всего общества ложный посыл: Навальный пошел в тюрьму — значит, он прав, дискуссия закрыта. Нет,

не закрыта. Речь идет без преувеличения о жизни в нашей стране. Вопрос в выборе пути — куда идти, что делать, как оценивать ситуацию, сложившуюся в стране.

13. Называющие себя оппозиционными активисты любят говорить о том, что власть верит собственной пропаганде и это ее слабое место. Но теперь то же самое происходит и в протестном движении. Люди начинают верить в дрожащего от страха после фильмов Навального Путина, который испугался возвращения своего оппонента из Берлина. Ну это же полная чепуха! Но теперь за эту фантазию многие люди дорого заплатят. Политик в такой ситуации не должен ради психологического комфорта, такта или тактики молчать.

14. Об очень важном. Никакого понимания в обществе относительно провального завершения эпохи постсоветского строительства демократической России не наблюдается. Значение первоиюльского конституционного переворота не понято. Очень много удивленного негодования беспрецедентными силовыми мерами, перекрытиями центра городов, отрядами «космонавтов». На этом фоне возникает ожидание, что в какой-то момент этот морок исчезнет, Навального снова освободят, как в 2013-м, да еще и допустят до выборов, как это было тогда. Отсюда, собственно, и претензия про «несвоевременность» критики. А этого ничего теперь не будет. Ничего не исчезнет. Потому что все это — наша новая реальность, которую, вообще-то, можно было представить себе год назад, когда Путин выступил со своим «конституционным» посланием. Мы теперь так и живем — с репрессивным государством, качественно отличающимся в худшую сторону даже от того, что было после 2014 года. Смена тактики действий власти — это не игрушки, а Левиафан, очень опасный, агрессивный и обладающий огромным силовым потенциалом. Тешить себя тем, что зверь в чем-то глуп, совсем неумно. Звериная глупость может обернуться для людей страданиями и кровью. И здесь главное — понимать, что реальна перспектива:

— поглощения Беларуси путинской Россией;

— эскалации войны в Украине;

— новых авантюр — как международных, так и внутренних.

Какого момента надо ждать, чтобы говорить о политике, которая, по моему убеждению, никак не препятствует этим перспективам?

15. Мировые тенденции. Активистский протест нигде не достигает целей. «Желтые жилеты» во Франции, «арабская весна» на Ближнем Востоке, «Оккупай Уолл-стрит» в США, протесты в Гонконге… Накопился многолетний опыт, четко показывающий, что надежды на горизонтальную сетевую самоорганизацию после разрушения «старых» институтов не оправдываются. На Западе все чаще об этом задумываются. Штурм Капитолия очень напугал американскую элиту и стал мощным стимулом к осмыслению и действиям. Не думать об этом в России, полагать, что популистский протест сам собой родит новое качество, — значит относиться к нашей стране и к нашим людям как к чему-то второсортному. И об этом надо говорить сейчас, когда люди слышат, а не через два года и восемь месяцев.

16. Политическое острие плана Навального — очередное «умное голосование», на этот раз на осенних парламентских выборах. Как долго можно не видеть, что именно умного в этой стратегии нет, что это очень глупая и вредная выдумка? С 2011 года, в том числе благодаря придумке Навального «голосовать за кого угодно, кроме ЕР», мы имеем Думу, единогласно поддерживающую путинские внешнеполитические авантюры и надругательство над Конституцией, без промедления штампующую репрессивные законы, нагнетающую истерию поиска внутренних врагов и иноагентов. Ну и что теперь? Команда Навального будет и дальше продвигать эту дурь, а мы будем «тактично» молчать, потому что сам Навальный в колонии? Нет, так не пойдет: в быстро беднеющей стране опасность национал-социализма возрастает, а поддержка партии Миронова–Прилепина и ЛДПР — это путь прямо туда, к фашизму.

P.S. Вал претензий к статье «Без путинизма и популизма» очень напоминает путинскую пропаганду: «проплаченный агент Кремля», «печеньки из АП»… Потому и схлопывается активистский протест, что от изначальной бесцельности скатывается на путь наименьшего сопротивления и копирует систему Путина: ненависть, подозрительность, шельмование. Но не стоит уподобляться властной системе, надо отвечать ей совсем в другой плоскости, там, где у нее почти нет

ресурсов: в области программной, интеллектуальной, творческой. Надо предлагать выход, показывать путь к свободе. Иначе потеряем не избирателей, не места в муниципальных советах, не оргструктуры, а целые поколения.

P. P. S. Что касается обвинения команды Навального в привлечении к протестам несовершеннолетних. Давайте посмотрим. В статье сказано: «Они сознательно выступают за преступное использование несовершеннолетних в политических целях». Волков, тот самый соратник Навального, что говорил о «топках», в одном из своих январских стримов в ютюбе сказал буквально следующее: «Команда Навального вовлекает несовершеннолетних в протестную активность? А что такого?! Мы рады всем тем, кто вышел сегодня на протесты: и взрослым, и студентам, и подросткам». А вот и сам Навальный накануне акций 23 января опубликовал у себя в инстаграме благодарность детям: «Отдельный респект школьникам, устроившим, по выражению адвоката, «беспредел в Тик Токе». Не знаю, что это означает, но звучит круто». Так что? Не выступают за использование? Не поддерживают?

«Не доводите людей до отчаяния»

11 февраля 2021 г., радио «Эхо Москвы»

Алексей Венедиктов — Григорий Алексеевич, вы политик опытный. Мы сегодня вспоминали, когда последний раз мы встречались в студии и вспомнить не смогли — так давно. И когда вы публиковали свою статью «Без путинизма и популизма», о содержании которой мы поговорим еще, вы, конечно, понимали, что в то время, когда вы ее публикуете, упомянутый вами герой Алексей Навальный находится в тюрьме и не может ответить. Вот почему вы выбрали такое время для публикации этой программной статьи?

Григорий Явлинский — Потому что эта статья, вообще говоря, не о нем. И в этой статье я его, честно говоря, ни о чем не спрашиваю. Меня там, в этой статье тревожили совсем другие проблемы. Меня в ней тревожили события, которые происходят в нашей стране и в огромной степени перспективы, а тем более, связанные с жизнью и, я бы сказал, с судьбой и здоровьем очень-очень многих людей.

Алексей Венедиктов — Смотрите, в публичной политике — вы политик, безусловно — вы, называя или затрагивая ту или иную политическую деятельность или программу, или действия человека, вы же прекрасно понимали, что это требует ответа. И если бы, скажем, Алексей Анатольевич был свободен, то завтра он бы был здесь для того, чтобы ответить на те если не обвинения, те претензии, которые вы выдвинули.

Все-таки, почему в такое время? Почему сейчас, что случилось-то?

Григорий Явлинский — Это нетрудно. Значит, смотрите, 6-го числа вышла моя статья, да?

Алексей Венедиктов — Да.

Григорий Явлинский — А 4-го числа от имени Алексея Навального были сказаны слова, которые невозможно было оставить без внимания. Были сказаны такие слова, это связано с протестами: «Было не жалко ничего. Отдавал приказ, распоряжение, что, ребята, вы должны сесть в спецприемники на длительный срок, потому что организация этих митингов неизбежно связана с арестными статьями, потому что всех забрали и посадили. Но я понимал, что вот эта ситуация… Нам надо привлечь максимальное общественное внимание к этому делу вокруг Навального, чтобы максимально сконцентрировать внимание, получить максимальную поддержку. Нам надо было, — обращаю ваше внимание, — тогда всё бросить в эту топку. Хотя это было ужасное решение — говорить людям: «Вы поедете кавалерией против танков». Но выхода другого не было. 12 тысяч задержанных…», — это я всё цитирую.

Алексей Венедиктов — Я слышу.

Григорий Явлинский — Да, вы это знаете. «Никому не пожелаю платить такую цену. Но мы вынуждены ее платить. Смысл был в том, что мы собирали общественное мнение. И мы добились, и они с нами и на «умном голосовании»…

Алексей Венедиктов — Это Леонид Волков, все-таки, не Алексей.

Григорий Явлинский — Это Леонид Волков. Цитата эта начинается со слов: «Я получил абсолютно точные указания от Алексея Навального».

Алексей Венедиктов — Проверить не можем.

Григорий Явлинский — Да, не можем. Теперь. Что вы хотите мне сказать? Что я должен ждать 2 года 8 месяцев, чтобы высказываться по этой политической линии? Этого не будет. Я прошу прощения, я только отвечаю на ваш вопрос. Я отвечаю и реагирую, я не обсуждаю личность Алексея, я не обсуждаю его какие-то поступки, я даже не обсуждаю, правильно он сделал или неправильно. Я обсуждаю политику.

Алексей Венедиктов — Да, политику.

Григорий Явлинский — Но если он в этой политике уже полгода в связи с событиями, которые вокруг него, оказался фигурой, можно

сказать, центральной, что же я могу сделать? Ведь дальше что Волков сказал? «Мы переносим продолжение этого всего на начало весны». Через 3 недели.

Алексей Венедиктов — То есть это предупреждение.

Григорий Явлинский — Через 3 недели.

Алексей Венедиктов — То есть вы считаете, что это подготовка к следующим подобным…

Григорий Явлинский — А Венедиктов в своем эфире 6-го числа объясняет Бунтману, неглупому человеку тоже…

Алексей Венедиктов — Так. Более умному, чем Венедиктов…

Григорий Явлинский — Тоже. Что они просто просчитались.

Алексей Венедиктов — Ну я так считаю. Но это же не мой вопрос.

Григорий Явлинский — Это же не упрек. Они просчитались — а 90 уголовных дел. Они просчитались — а тысячи людей сидят в спецприемниках. И что, и все должны молчать, потому что так получилось?

Алексей Венедиктов — Григорий Алексеевич, в этом же спецприемнике сидит и тот человек, которого вы критикуете — сидит Алексей Навальный, правильно? Если бы он был на свободе…

Григорий Явлинский — Здесь мы не договоримся. Есть политические темы, который обсуждаются независимо от этого. Моя статья никакого отношения к его делу не имеет, к суду не имеет. Никаких дополнительных обвинений я ему не высказывал. И вообще это не о нем. Это обращение не к нему. У меня было два обращения. У меня было обращение о поддержке людей, которые выходят, чтобы ощущать, спасать… Я сам в этом участвовал, я могу рассказать подробно…

Алексей Венедиктов — В чем вы участвовали?

Григорий Явлинский — В Петербурге. В Петербурге нету ни одного такого депутата, как Вишневский, руководителя фракции «Яблоко»…

Алексей Венедиктов — Борис Вишневский, да.

Григорий Явлинский — …Который бы помог заключенным и арестованным больше, чем этот человек. Что касается меня, я все время работал с Сахарово. Там девчонки наши были, по двое суток находились. Могу фамилии привести. Я пытался освобождать из других мест. Но когда подожгли автобус на Горького, всё прекратилось. Уже

помочь никому невозможно было. Я так и не знаю, кто там поджег этот автобус. В общем, пожар был.

Это я к чему говорю? Что в данном случае судьба этих людей и события вокруг этих людей, с моей точки зрения, гораздо важнее, чем, честно говоря, такого рода рассуждения. Потому что я его ни в чем не обвиняю. Я говорю, что его политика для меня неприемлема…

Алексей Венедиктов — Мы сейчас вернемся к этому вопросу…

Григорий Явлинский — Он когда захочет — ответит.

Алексей Венедиктов — Нет, не когда захочет, а когда сможет все-таки, Григорий Алексеевич.

Григорий Явлинский — И что теперь? Нет, вы мне скажите, два года теперь надо ждать, что ли?

Алексей Венедиктов — Сейчас мы придем и к ждать и не ждать. Дело в том, что, я, например, честно говоря — может быть, память плохая — не помню вашего личного отношения, не «Яблока», а вашего личного отношения к тем судам и к тем преследованиям, тому отравлению, которому он подвергся.

Григорий Явлинский — Ну почему?

Алексей Венедиктов — Я не помню. Может быть, напомните мне?

Григорий Явлинский — Да, я вам напомню, я сейчас скажу. В той же прямо статье это написано. Там же есть раздел, называется «Террор»… Владимиром Путиным в политическом спектре России впервые заявлена тема «эскадронов смерти», связанных с Навальным — впервые. И там заявлена тема об использовании внутри страны, тем более еще, кроме того, боевого химического оружия. И там же сказано, что это такая тема, от которой мы не откажемся никогда. Мы всегда будем требовать обязательного расследования. И в этом смысле я нахожусь в полной степени на стороне Алексея Навального.

Это вообще к тому не имеет никакого отношения. Потому что то, что с ним произошло, это беспрецедентное событие, требующее этого расследования. Здесь, в студии, благодаря тому, что я был приглашен в эфир, на второй или на третий день я заявил, что необходимо международное, подчеркиваю, уголовное расследование этого беспрецедентного события. Так что в этой статье это занимает огромный кусок. Особенно — подчеркиваю еще раз — там сказано,

что «эскадроны смерти» имеют отношение к событиям, связанным с Немцовым, к событиям, связанным со Щекочихиным, и дальше — с Бабаевым, и дальше — с Юдиной и до бесконечности. Много людей и много дел.

Алексей Венедиктов — Навальный должен быть освобожден?

Григорий Явлинский — Там же в статье сказано: Всё, что происходит вокруг Навального, не имеет ничего общего с правом, это всё политическое. Причем, я не знаю, по-моему, с какого-то 11-го года — всё. Все события, связанные с «Кировлесом» — политические. Про «Ив Роше» — я просто не знаю, это уже куда-то совсем… Как его выпустили после «Кировлеса». Как его посадили, потом выпустили, потом прокуратура прибежала… Потом люди вышли. Потом ему дали подписи. Путин дал ему подписи участвовать в выборах Москвы. И вот эти эпизоды происходят всё время. Потом у него условный срок. Он с этим условным сроком попадает множество раз в административные аресты. Ему ничего не делают. Он там, как я слышал, 60 раз не являлся отметиться…

Алексей Венедиктов — 6 раз.

Григорий Явлинский — 6 раз?

Алексей Венедиктов — 6.

Григорий Явлинский — Евгений Витишко не отметился один раз.

Алексей Венедиктов — Это эколог.

Григорий Явлинский — Да. Ему дали 2 года. Сразу дали 2 года. И сколько Сергей Митрохин за него ни боролся, ничего не смогли сделать. Он просто один раз не пришел отметиться. Поэтому всё вообще… А он еще и за границу ездил.

Алексей Венедиктов — Григорий Алексеевич, вы намекаете, что он инструмент в руках части власти?

Григорий Явлинский — А я не могу этого сказать.

Алексей Венедиктов — Нет, а на что вы сейчас намекаете?

Григорий Явлинский — А как?.. Вот вы…

Алексей Венедиктов — Я хочу вас понять. Дальше…

Григорий Явлинский — Пожалуйста, я буду опираться на вас.

Алексей Венедиктов — Опирайтесь.

Григорий Явлинский — Я скажу вам, что вы сказали, что «они думали, что это 13-й год, а это уже не 13-й год». Это точно, это правильно.

А что вы имели в виду, что 13-й год? А вот это и имели в виду. Вот это и имели в виду, что это какой-то пасьянс, какие-то, как вы точно выразились, башни Кремля… я не разбираюсь в башнях Кремля. Я говорю искренне, я не знаю, я не понимаю, что вокруг него происходит.

Алексей Венедиктов — Григорий Алексеевич, ну можно же сказать, что и вы часть пасьянса политического. «Яблоко» — часть пасьянса.

Григорий Явлинский — Ну как и «Эхо Москвы».

Алексей Венедиктов — Да, конечно.

Григорий Явлинский — Ну так а мы все кто…

Алексей Венедиктов — Мы сейчас не про «Эхо», мы про Навального и про вас.

Григорий Явлинский — Нет, почему? Мы и про «Эхо». А почему?.. Всё часть пасьянса. Все, кто в нашей стране живут, все платят налоги, и все часть пасьянса.

Алексей Венедиктов — Я имею в виду политические вот эти…

Григорий Явлинский — И политического. Ну раз нас не закрыли, хотя мы считаем аннексию Крыма преступлением, раз мы считаем, что аннексия Крыма недопустима, раз мы считаем, что донбасская война — это преступление (там 13 тысяч, даже большее количество людей погибших). Нас уже давно должны закрыть, но нас же не закрыли. Почему?

Алексей Венедиктов — Часть пасьянса.

Григорий Явлинский — Ну значит да.

Алексей Венедиктов — Ну хорошо, часть пасьянса все…

Григорий Явлинский — Я не буду про «Эхо» говорить.

Алексей Венедиктов — Вы можете говорить. Просто время тратить…

Григорий Явлинский — Да нет, я не буду. Просто часть пасьянса.

Алексей Венедиктов — Как угодно. Вот скажите мне, пожалуйста, все-таки, если говорить о политике — сейчас закончу этот вопрос, потому что я хочу перейти к сути статьи, а не ко времени — не скребет, что в общем парень сидит по политическим мотивам, а вы в этот момент выпускаете очень жесткую статью, которая вызывает огромное обсуждение? Потребовалось сегодня решение, как я понимаю,

Федерального бюро партии, чтобы отнестись к этому… собрать… Вот не скребет? Ну не вовремя. Нет?

Григорий Явлинский — Нет, не скребет.

Алексей Венедиктов — Нет, не скребет.

Григорий Явлинский — Нет. Я считаю, что всё сделано, к сожалению, правильно. Меня скребет, что в стране происходит. Меня скребет — 10 лет прошло впустую. Вы статистику видите, вы видите социологические опросы, вы не можете не видеть.

Алексей Венедиктов — Ну конечно вижу.

Григорий Явлинский — 90 уголовных дел меня скребет. Меня дело 212 скребет. Я был на всех акциях запрещенных или неразрешенных в 19-м году. На всех.

Алексей Венедиктов — Я вас видел, подтверждаю.

Григорий Явлинский — Потом у меня были одиночные пикеты. Я стоял в одиночных пикетах. Я там был везде. Я пытаюсь поддерживать тех, кто сегодня до сих пор сидит в тюрьме. Меня всё это ужасно скребет.

Алексей Венедиктов — Но Навальный тоже сидит в тюрьме.

Григорий Явлинский — Да. Но я ему тоже буду перечислять деньги. Меня всё это ужасно скребет. Но меня скребет, из-за чего сейчас сидит 90 человек. Не 90 — тысячи и еще 90 уголовных дел.

Алексей Венедиктов — Я понял. Я хочу все-таки понять. Вот вы считаете его… Знаете, как это выглядит?

Скажем так. А вот политический конкурент. Вот Алексей Навальный — политический конкурент, который там на выборах и не только на выборах… А соответственно, собирает свою партию, называйте как хотите. Отбирает у «Яблока» голоса. И вот в тот момент, когда власть его изолирует, поменяла к нему тактику — дай-ка я еще воспользуюсь тем, что я остался единственный на площадке.

Григорий Явлинский — Алексей Алексеевич, мы же давно с вами знакомы?

Алексей Венедиктов — Давно.

Григорий Явлинский — Ну как вы себя чувствуете, а?

Алексей Венедиктов — Не скребет.

Григорий Явлинский — Что вы говорите?

Алексей Венедиктов — Я задаю вопросы.

Григорий Явлинский — Алексей Навальный не участвует в выборах, не отбирает никакие голоса.

Алексей Венедиктов — Нет, я сказал — его люди. Как…

Григорий Явлинский — Ну так. Не отбирает никакие голоса.

Алексей Венедиктов — Не отбирает?

Григорий Явлинский — Ни разу не отобрал ни одного голоса, потому что он не участвует в выборах, и никакие его люди не участвуют в выборах.

Алексей Венедиктов — Но он поддерживает конкурентов партии «Яблоко»…

Григорий Явлинский — Ничего…

Алексей Венедиктов — Ну как?..

Григорий Явлинский — Это просто малейшие эпизоды, совершенно не имеющие значения. Он, кстати говоря, в очень редких случаях и яблочников поддерживает, когда складывается ситуация.

Алексей Венедиктов — Да.

Григорий Явлинский — Поэтому этого сюжета не существует на сегодняшний день. Это совершенно сюжет к этому никакого… Это имеет другое значение. Оно имеет. Это критика того направления, которое становится для нашей страны всё более и более опасным.

Алексей Венедиктов — Какого?

Григорий Явлинский — Направление популизма, перерастающего в национализм и имеющее перспективу вырасти в любой ситуации…

Алексей Венедиктов — Григорий Алексеевич, какое отношение к этому имеет Навальный?

Григорий Явлинский — Прямое. Вы разве не знаете, за что его исключили из партии «Яблоко»?

Алексей Венедиктов — Когда это было? У людей меняются взгляды. Подождите, у людей меняются взгляды.

Григорий Явлинский — Хорошо. Я этого не заметил. Я не заметил этого ни по Донбассу, ни в его беседах с Гиркиным…

Алексей Венедиктов — Вот был бы свободен, я бы спросил. Я не могу спросить.

Григорий Явлинский — Вот вы не можете спросить, а я могу. И я вам говорю, я этого не заметил ни по его беседе с Гиркиным, я этого не заметил, ни по его позиции по Донбассу, я этого не заметил по «грызунам» в Грузии. Что вы говорите?

Алексей Венедиктов — Просто не поднимались эти вопросы последние 5 лет.

Григорий Явлинский — Они у нас поднимались. Они у нас больные вопросы, потому что мы по всем этим опросам имеем диаметрально противоположную точку зрения: по фильтрационным лагерям…

Алексей Венедиктов — Уверяю вас, когда он выйдет, я задам ему все эти вопросы.

Григорий Явлинский — Задайте, задайте…

Алексей Венедиктов — Но сейчас я не могу подтвердить, что он поддерживает ту же позицию.

Григорий Явлинский — Вы задаете вопрос…

Алексей Венедиктов — Да, это было, но когда это было? Вот я поэтому… Может быть, фантомы прошлого?

Григорий Явлинский — Я еще раз вам говорю, это было совсем… Слушайте, все эти события продолжаются. Я еще раз говорю, в данном случае речь идет не лично о нем, а в данном случае речь идет о политике.

Алексей Венедиктов — Так.

Григорий Явлинский — Речь идет о том, какую политическую линию он представляет и какую политическую линию я считаю очень опасной, тупиковой и очень-очень плохой для нашей страны.

Алексей Венедиктов — Что вы называли популизмом в смысле Навального, если можно? Вот популизм Трампа мы видим.

Григорий Явлинский — Что такое популизм, я вам объясню.

Алексей Венедиктов — Давайте. Что вы имели в виду?

Григорий Явлинский — В самом простом виде. Вот когда они кричат, что Путин напуган до полусмерти… Ну вы вчера наверное видели напуганного до полусмерти?

Алексей Венедиктов — Ну это… ну да.

Григорий Явлинский — Как у вас, сложилось впечатление, что он напуган до полусмерти? Что еще чуть-чуть мы подтолкнем — и весь режим рухнет — это популизм, глупый и опасный.

Алексей Венедиктов — Почему опасный? Глупый — предположим. Почему опасный?

Григорий Явлинский — Потому что люди выходят — их бьют и еще сажают кроме того. Вот почему опасный. Потому что цель не оправдывает средства. Потому что выставить на улицу… Ну я вам только что читал. Опасный для жизни людей. Я за них несу ответственность, за всех этих людей…

Алексей Венедиктов — Почему? Это же не вы призвали.

Григорий Явлинский — Нет, не я призвал, но это мои граждане моей страны. При чем здесь?.. Я еще не дожил до того, что это вот мои, а это вот чужие. Они все граждане моей страны. Я говорю, это большая опасность. И как только Волков это всё влупил и еще сказал, что «мы через 3 недели, с 1 марта будем продолжать», я посчитал себя обязанным сказать об этом прямо, что граждане, это очень опасное направление. Оно не имеет перспектив, оно тупиковое.

Алексей Венедиктов — Хотите сказать, что массовые уличные протесты, в которых вы участвовали, Григорий Алексеевич, вы лично участвовали, я вам там видел, извините, весь 19-й год, оно тупиковое?

Григорий Явлинский — Нет. Оно имело другой смысл совсем.

Алексей Венедиктов — Нет. А сейчас оно тупиковое?

Григорий Явлинский — Оно имело другой смысл.

Алексей Венедиктов — Объясните.

Григорий Явлинский — Объясняю. Вы меня видели…

Алексей Венедиктов — Видел.

Григорий Явлинский — А хорошо бы вы сказали, о чем были протесты. Вы помните? А протесты были…

Алексей Венедиктов — О регистрации кандидатов.

Григорий Явлинский — О фальсификациях.

Алексей Венедиктов — Фальсификация регистрации, да.

Григорий Явлинский — Вот. Фальсификации — это одна из крупнейших ключевых политических проблем. Впервые в Российской Федерации люди в таком масштабе вышли прямо конкретно против фальсификаций. Ну может быть, в 11-м году еще было что-то тоже похожее.

Алексей Венедиктов — В 2011 году были, конечно были.

Григорий Явлинский — Наши, кстати, наблюдатели… Это была борьба против фальсификаций. Это абсолютно важная вещь. И она поимела определенный положительный результат, как и очень болезненный. Вот если речь идет о таких вещах, то за них надо бороться.

Алексей Венедиктов — А почему сейчас? Люди вышли «Свободу политзаключенным!» — основной лозунг, мы видели.

Григорий Явлинский — Люди не совсем вышли «Свободу политзаключенным!»

Алексей Венедиктов — Ну Григорий Алексеевич, это неверно.

Григорий Явлинский — Ну как не верно? Я же видел…

Алексей Венедиктов — У меня тоже там работали мои ребята.

Григорий Явлинский — Люди вышли немножко с другим акцентом, но там были другие лозунги тоже. Но в 19-м году это потом превратилось в выборы. И на этих выборах целый ряд людей, которые не имели без этих протестов никаких шансов, они эти шансы получили и, кстати, реализовали.

Алексей Венедиктов — Да, согласен.

Григорий Явлинский — Здесь ясно было, что это тупик.

Алексей Венедиктов — Почему? Ну хорошо, я… Но вы-то политик, вы по-другому…

Григорий Явлинский — Вы рассказали о том, что они просчитались…

Алексей Венедиктов — Да, но это я считаю. Я тоже могу ошибиться, я не политик.

Григорий Явлинский — Я присоединяюсь к вашей точке зрения.

Алексей Венедиктов — Почему вы так считаете?

Григорий Явлинский — Потому что это уже другой режим.

Алексей Венедиктов — Так.

Григорий Явлинский — Вот когда изменилась Конституция, когда ее уничтожили, в России появился другой политический режим, не имеющий ничего такого, как это было в 13-м году, на чем вы акцентировали внимание, и даже ничего такого, как в 19-м году. Это уже другая штука. Это режим жестокий, жесткий, однозначный. Вы его не сдвинете. Это уже другое вообще дело. Постсоветская модернизация России завершена. Она просто закончилась. Закончилась она тем,

чем закончилась. С моей точки зрения, мы, вот лично я, потерпели поражение.

Алексей Венедиктов — Вот люди пишут: «Что ж такая безнадега-то?»

Григорий Явлинский — Да. Для того, чтобы эту безнадегу, о которой вы сейчас говорите, ее не продолжать, нужно беречь людей, нужно не вести их к разочарованию.

Алексей Венедиктов — Залезть под матрасы? Залезть на матрасы?

Григорий Явлинский — Нет, сверху можно. После этих событий, которые мы с вами обсуждаем, разочарование будет очень большое. Работать будет не с кем и не о чем. Невозможно будет двигаться вперед. Вот, собственно…

Алексей Венедиктов — А вперед — куда, если такой режим?

Григорий Явлинский — А он не вечный.

Алексей Венедиктов — Он сам осыплется, да?

Григорий Явлинский — Нет, сам он не осыплется. Знаете, мы конечно все выросли в советское время…

Алексей Венедиктов — Мы с вами точно.

Григорий Явлинский — И мы конечно все воспитаны в то время и конечно нам внушили, что всё делается руками, что всё можно сделать. Не всё. Не всё можно делать.

Алексей Венедиктов — Мрачновато.

Григорий Явлинский — Мрачновато, мрачновато. Не расстраивайтесь с такой силой. Работать просто надо. Надо взять и работать.

Алексей Венедиктов — Что такое «работать»?

Григорий Явлинский — Кстати, вся последняя часть статьи посвящена тому, что…

Алексей Венедиктов — Мы перейдем к ней после новостей. Перейдем к этому, безусловно. Но я хотел возразить вам. Потому что реально большинство тех, кто вышел — это люди, которые, может быть, и родились в Советском Союзе (но на самом деле сомнительно), но это люди, родившейся в постсоветском союзе. Это молодежь.

Григорий Явлинский — То, что там была молодежь, это точно.

Алексей Венедиктов — Много.

Григорий Явлинский — Очень много молодежи.

Алексей Венедиктов — Это мы с вами можем сейчас вот… на матрсы.

Григорий Явлинский — Мы же должны передавать опыт.

Алексей Венедиктов — А какой у нас опыт? Вы сами сказали — поражение.

Григорий Явлинский — Вот.

Алексей Венедиктов — Мы должны поражения отделять от поражения?

Григорий Явлинский — Да. Вот вы должны, например, так же, как я, понять, почему мы ничего не смогли сделать. Почему вы в своей профессии ничего не смогли сделать…

Алексей Венедиктов — О, я в своей профессии много чего сделал и продолжаю.

Григорий Явлинский — То есть у вас всё хорошо?

Алексей Венедиктов — Отлично всё.

Григорий Явлинский — А вот у меня нет. Потому что в моей стране не отлично. Я с трудом могу понять, как это у вас, в вашей профессии, тем более, еще и в профессии…

Алексей Венедиктов — В профессии…

Григорий Явлинский — …отлично, а в стране — вот такое всё…

Алексей Венедиктов — Бывает.

Григорий Явлинский — Знаете, вы в какой-то другой стране, наверное, живете. Вы о чем-то странном говорите. А вы для кого работаете?

Алексей Венедиктов — Вы сейчас прямо как Владимир Владимирович, честное слово.

Григорий Явлинский — Вы для кого работаете, если у всех всё плохо, а у вас всё хорошо?

Алексей Венедиктов — Да.

Григорий Явлинский — Вот вы как Владимир Владимирович: у всех всё плохо, а у вас, Алексей Алексеевич, всё хорошо.

Алексей Венедиктов — Вот это и есть отражение страны.

Григорий Явлинский — Как же это так? Чего отражение? Да это крах всей вашей профессии. Вы посмотрите, что с журналистикой-то случилось. Это крах.

Алексей Венедиктов — Григорий Алексеевич сегодня не очень оптимистичен. Но мы вернемся в студию сразу после новостей и рекламы. Я вижу ваши вопросы. Давайте послушаем новости и зададим Григорию Алексеевичу вопрос.

Григорий Явлинский — …Кто выходил на улицу, она обращена к тем, кто является затейниками этого всего, кто является организаторами этого всего. И я очень благодарен, например, Александру Падрабиненку, Яну Рачинскому, Ольге Александровне Седаковой, Виктории Ивлевой за содержательное обсуждение этой статьи. Я очень признателен, я это очень ценю. И всем другим хочу сказать: простите, если кому-то стало больно, но политика очень серьезная, жесткая и болезненная вещь.

Алексей Венедиктов — Григорий Алексеевич Явлинский в эфире «Эха Москвы», в программе «Тузы». Вот как вы можете ответить на этот вопрос: можно ли конструировать политическое будущее без Алексея Навального и тех, кто его поддерживает скорее — вот как вы это видите?

Григорий Явлинский — Нет, они могут жить и быть, даже не надо разрешения у меня просить.

Алексей Венедиктов — Это не разрешение, это вопрос.

Григорий Явлинский — Ну так вот я и говорю, они существуют сами по себе. Это целое направление. Оно, кстати говоря, сейчас очень распространено вовсе не только в России. Сейчас популизм и национализм — это мировой тренд.

Алексей Венедиктов — Григорий Алексеевич, я про национализм повторяю: не могу ничего сказать…

Григорий Явлинский — А я вас не спрашиваю, я вам сообщаю.

Алексей Венедиктов — Я слушателям говорю, что мы зададим вопрос, когда Алексей Навальный выйдет.

Григорий Явлинский — Вот когда он придет, вы у него спросите.

Алексей Венедиктов — Безусловно.

Григорий Явлинский — Вообще говоря, послушайте, это правда интересно. Мне важно людям сказать. Смотрите, сейчас действительно популизм, национализм — это тренд, который очень серьезный, потому что там дальше идет национал-социализм. И вот переходом от

национализма к национал-социализму является — сейчас вы будете напуганы, конечно — борьба с коррупцией. Она является переходным сектором.

Алексей Венедиктов — Вам придется объяснить.

Григорий Явлинский — Я объясню. Когда вы бесконечно, безрезультатно, правда, но бесконечно всё время рассказываете: «У этого — дворец; у этого — уточки; у этого — яхты; давайте всех схватим, сейчас всё раздерем, поделим, у богатых заберем, бедным отдадим», — это такое серьезное дело. И я обязан сказать об этом в нашей стране, что это направление, к которому движешься.

Алексей Венедиктов — Подождите, вы считаете, что Алексей Навальный и его соратники находятся внутри этого направления?

Григорий Явлинский — Да, внутри. Я хочу сказать следующее — что опасности для любой страны — а тем более в наше сегодняшнее время, потому что сейчас особое время и особые изменения происходят — этого рода представляются настолько существенными и настолько серьезными, что о них нужно говорить незамедлительно, очень громко и вслух. Да, я сожалею, что это совпало с тем, что Алексей попал… вот его арестовали, но это не отменяет категорической необходимости говорить об этом. Уже однажды был всплеск национализма. Помните, «Русские мерши» были, было такое, да?

Алексей Венедиктов — Было.

Григорий Явлинский — Когда убили Бабурову, Маркелова.

Алексей Венедиктов — Да, было. Но вроде сплыло.

Григорий Явлинский — Да, вот оно сплыло, но оно закончилось Донбассом, и оно закончилось тем, что там сейчас происходит. Путин увидел, что это имеет значение, имеет поддержку и конвертировал это. Вот точно так же знайте, что у него в рукаве есть карта «передел собственности».

Алексей Венедиктов — У кого?

Григорий Явлинский — У Путина, у кого… Вы же с ним встречались. Он вам что, не рассказывал?

Алексей Венедиктов — Про передел собственности — нет.

Григорий Явлинский — Нет? Ну, он сказал про 93-й год.

Алексей Венедиктов — Да, помню, читал конечно.

Григорий Явлинский — Нет, совсем недавно.

Алексей Венедиктов — Да, читал конечно.

Григорий Явлинский — В связи с этими протестами.

Алексей Венедиктов — Да, читал.

Григорий Явлинский — То есть он объяснил примерно, что он собирается делать. Это 93-й год, Тяньаньмэнь. Это прямо на эту тему.

Алексей Венедиктов — Сказал, сказал.

Григорий Явлинский — Это надо понимать всем. Я не хочу, чтобы это повторялось в нашей стране. Я сделаю всё, чтобы не допустить повторения 93-го года в нашей стране, потому что это будет безрезультатно, я подчеркиваю. Все эти действия безрезультатные. Они ведут только к отрицательным результатам.

Алексей Венедиктов — У вас сейчас получилось, Григорий Алексеевич, что Путин с Навальным находится как бы… в одном потоке.

Григорий Явлинский — В одной стране.

Алексей Венедиктов — Нет, в одном политическом потоке.

Григорий Явлинский — И вы тоже в этом потоке находитесь. В одной стране находимся. Это вот политический поток. Вот сейчас страна беднеет, экономика страны падает. У нас самая высокая смертность, как я сегодня понял, от коронавируса вдруг оказалось. Такие были прекрасные цифры — и вдруг теперь всё хуже всех. Я правда сам считал, но думал, что это мои расчеты, а оказывается, что это уже почти официальные расчеты. Колоссальные, да?

Вот смотрите: беднеющая страна, разрастающаяся смертность… Куда еще лучше для разыгрывания такой карты? Самая прекрасная атмосфера.

Алексей Венедиктов — А Путин — популист?

Григорий Явлинский — Конечно, в значительной степени.

Алексей Венедиктов — То есть они с Навальным — популисты.

Григорий Явлинский — Ничего смешного. Потому что еще раз повторяю, объясняю всем на пальцах.

Алексей Венедиктов — Давайте-давайте.

Григорий Явлинский — Выход из популизма самый простой, самый примитивный — национализм. Ну если он у Трампа даже получался, а вы что-то мне рассказываете про Навального. Вы должны

видеть. Посмотрите на Венгрию, посмотрите на Польшу. Посмотрите на Индию. Посмотрите на Бразилию. Это сейчас общий тренд.

Плюс к этому… Вот я написал такую работу, она называется «Политическая энтропия». Вот то, что происходит, то, что сегодня обсуждается, в том числе, в нашей стране, — это вот проявление всего этого. И очень уважаемая мною Лидия Федоровна Шевцова написала статью. Посмотрите, что там написано. Эта статья — боль. И она прямо показывает, как всё распадается, как происходит политическая энтропия. А выход из этого идет в эту сторону.

И теперь хочу подчеркнуть, Алексей Алексеевич, прошу прощения, 20 секунд…

Алексей Венедиктов — Давайте. Займите.

Григорий Явлинский — Может быть, наши слушатели не знают этого, но мне хотелось бы сказать. Месяца 3–4 назад появилось большое открытое письмо 80 мирового уровня ученых из разных стран — Канады, США, Великобритании, Европы очень многих стран, — которые занимаются изучением фашизма. Там историки, психологи, социологи, все. Это письмо об угрозе фашизма в мире, о том, что он наступает. Вот он наступает опять. О нем было сообщение коротенькое в российских СМИ. Я придаю всем этим вещам большое значение. Я просто вижу, как это происходит. И вот эти драки с ОМОНом и применение абсолютно неадекватной силы против этих протестующих…

Алексей Венедиктов — То есть с двух сторон…

Григорий Явлинский — Ну как… вот эти два процесса ведут к этому делу, чтобы он разрастался. Мало вам того репрессивного пакета, который принят? Ну сейчас примут еще и будут принимать еще…

Алексей Венедиктов — Как-то депрессивно все равно, Григорий Алексеевич.

Григорий Явлинский — При всей моей симпатии к вам, я не пришел вас радовать и развлекать.

Алексей Венедиктов — Меня не надо радовать. Вы пришли к нашим слушателям, а не ко мне.

Григорий Явлинский — А я ничего не могу сказать такого. В стране происходят процессы, которые вовсе не вызывают никакого оптимизма, радости.

Алексей Венедиктов — Григорий Алексеевич, придет серенький волчок и утащит за бочок. А какие встроить… У нас 2021 год. У нас приняты репрессивные законы, нарастает, соответственно, популизм. У нас собирается новая Государственная дума, президент такой, какой он есть. Что 21-й год? Какие встроить столбики для того, чтобы затормозить, повернуть вспять или пропускаем?

Григорий Явлинский — Вот спасибо, Алексей Алексеевич, что вы об этом сказали. Я об этом говорил именно в такой тональности, потому что еще остались небольшие, сомнительные крайне инструменты, но они еще остались. В каком-то виде будут выборы. Им надо сильно уделить внимание. И наконец перестать валять дурака. Там должны быть выборы однозначно очень серьезные. Например, нужно 300 тысяч наблюдателей. Друзья, записывайтесь в наблюдатели.

Алексей Венедиктов — Подождите, сейчас не пропущу. Григорий Алексеевич, но вот своей статьей и своей позицией принципиальной, вашей лично вы оттолкнули часть людей активных политически, вот этой статьей.

Григорий Явлинский — Я думаю, что я привлек, а не оттолкнул, потому что, как вы знаете, то, что вы видели по социологическим опросам, у Алексея Анатольевича там есть свои цифры, очень хорошо, там 4–5%. А еще 95% — это будем работать.

Алексей Венедиктов — Да у вас столько же, еще даже меньше.

Григорий Явлинский — Я и говорю, надо работать. Надо работать Алексей Алексеевич. Вас мы просить работать не будем, вы все-таки представляете «Газпром»…

Алексей Венедиктов — Мы и так работаем. И «Роснефть»

Григорий Явлинский — И «Роснефть»

Алексей Венедиктов — Алмазы только не представляем.

Григорий Явлинский — Какие-то алмазы, но это вам виднее.

Алексей Венедиктов — Хотелось бы.

Григорий Явлинский — Поговорите с людьми, может быть они и согласятся. В общем, я про это ничего не знаю. А вот то, что я точно знаю, что нужно — вы смотрите, нужно 300 тысяч наблюдателей. Оптимизм заключается в том, что пока еще такая опция существует.

Почему 300 тысяч? Потому что 97 тысяч избирательных участков и так далее. Я могу эту тему развивать, я там всё подробно написал, что нужно делать.

Алексей Венедиктов — Это понятно. Нужно привлекать людей, а вы их отталкиваете.

Григорий Явлинский — Так это их страна и их жизнь, это не мне нужно. То, что вам это не нужно, я знаю, но это не мне нужно. Это всё — 300 тысяч, голосование, все эти выборы — это для них, это их жизнь, не моя.

Алексей Венедиктов — Так.

Григорий Явлинский — Ну вот так. Поэтому мне нужно им объяснить, что их судьба зависит от них пока еще. И если они своей судьбой в этом году не воспользуются, то общий пейзаж грусти будет еще больше, чем… вот я смотрю: вижу страдание в ваших глазах — и вы будете еще больше страдать, чем даже сейчас. Я говорю, надо двигаться не в ту сторону, чтобы всех тащили сейчас в каталажку, чтобы всех судили, открывали уголовные дела — не в эту сторону надо двигаться. А надо двигаться вот в эту сторону. Сейчас вот такой момент. Нужно это делать. Но этого мало. Нужно создавать новую Конституцию…

Алексей Венедиктов — Это когда-то, это что…

Григорий Явлинский — А это может быть в любой момент.

Алексей Венедиктов — Ну нет, Григорий Алексеевич…

Григорий Явлинский — Да, это может быть в любой момент.

Алексей Венедиктов — Это утопия.

Григорий Явлинский — Смотрите, кто ожидал, что в Беларуси вдруг вот такое случиться, что столько людей проявят такую высочайшую гражданскую…

Алексей Венедиктов — На улице, Григорий Алексеевич — на улице.

Григорий Явлинский — На улице. А содержание?.. Потому что не было политики. Но там были репрессии дикие.

Алексей Венедиктов — Да.

Григорий Явлинский — Там Лукашенко просто, как я понимал, просто уничтожал своих оппонентов.

Алексей Венедиктов — Да.

Григорий Явлинский — Физически. Но у нас еще какие-то возможности есть, значит, надо ими пользоваться. Значит, нужно вырабатывать платформу на будущее. Вы знаете, что надо будет полностью перестраивать всю экономику? Если вы меня об этом спрашивают. Почти как в Советском Союзе.

Алексей Венедиктов — Непонятно, когда это будет.

Григорий Явлинский — А мне понятно. Вот вам непонятно.

Алексей Венедиктов — Непонятно.

Григорий Явлинский — А мне понятно. А вот вы меня позовите когда-нибудь — я вам расскажу. Нет, не сейчас. Это разговор на другую тему.

Алексей Венедиктов — Хорошо.

Григорий Явлинский — А вот на ту тему… и мы с вами поговорим, что делать с госкапитализмом.

Алексей Венедиктов — Поговорим, хорошо.

Григорий Явлинский — А с ним надо делать, а это очень важная вещь.

Алексей Венедиктов — Я все-таки про 21-й год.

Григорий Явлинский — А что 21-й год? Я вам сказал, через 4–5 месяцев это будет главная тема, к ней надо готовиться.

Алексей Венедиктов — Как вы собираетесь стать интегратором со своими идеями, когда вы своих возможных избирателей довольно резко отталкиваете? Часть из них.

Григорий Явлинский — Послушайте, еще раз говорю: другая часть избирателей аплодирует, пишет, что всё так…

Алексей Венедиктов — Она и так была ваша.

Григорий Явлинский — Вот и хорошо.

Алексей Венедиктов — И вы ее сохранили.

Григорий Явлинский — И эта часть почитает внимательно статью, послушает Алексея Алексеевича, прочтет то, что я говорю, что он 6-го числа сказал, что Алексей Анатольевич просчитался, и что они сами ошиблись. Я даже так не думал высоко политически, что они сами себя посадили в тюрьму. Они думали, что это 13-й год… Вообще, хорошо голова работает, если человек в 21-м году вдруг начинает думать, что 13-й год, что все выйдут на улицу — и его тут же выпустят. А вы правильно сказали —

нет, не выпустят. Поэтому я не совсем понимаю, когда вы считаете нужным… Кстати, у него там еще есть дела. Там могут быть большие…

Алексей Венедиктов — Да, да.

Григорий Явлинский — И что, я должен не писать статьи…

Алексей Венедиктов — Сейчас был острый момент…

Григорий Явлинский — Всё, уже закончился суд. Ну какой острый момент? Перестаньте! Тут всё время будет острый момент. В нашей стране всегда острый момент. Уже всё там закончилось, всё с этим было ясно. И еще раз: эта статья не имеет никакого отношения к делу, которое ему впаривают — иначе я уже сказать не могу, с выездными судами, с этим голосованием в багажниках и со всем этим впаривают просто, — оно никакого отношения к этому не имеет. Никаких личных нападок на него там нету, и вообще к этому не имеет никакого отношения.

Алексей Венедиктов — Просто кажется, что его политическую программу вы рассматриваете исключительно под критическим углом. Политическую программу, не знаю, заявление.

Григорий Явлинский — Это политическую… я даже не знаю, программу…

Алексей Венедиктов — Программа была, с Сергеем Гуриевым разговор был…

Григорий Явлинский — Ну разговоры всякие бывают. Его политическую линию…

Алексей Венедиктов — Линию, хорошо, да.

Григорий Явлинский — Политическую линию да, я рассматриваю критическим путем.

Алексей Венедиктов — Вам скажут, что вы всё время думаете о его линии 11-го, 9-го… 14-го года.

Григорий Явлинский — Нет, нет. Я думаю о том, что я вижу, что происходит в нашей стране и, кстати, еще раз повторю — и в мире сегодня тенденции есть, и вижу вот эти опасности. И скажу вам, что всегда с национализмом, с национал-социализмом нужно бороться при первых малейших признаках. Вы не хотите меня услышать? Я вам еще раз повторяю, возьмите сегодня на ночь послушайте беседу Алексея Анатольевича с господином Стрелковым, и там вам всё будет ясно, если вам до сих пор.

Алексей Венедиктов — Вы сами говорите, мало ли какие беседы бывают.

Григорий Явлинский — Ах вот как!

Алексей Венедиктов — Это вы сказали.

Григорий Явлинский — Ах вот как…

Алексей Венедиктов — Я не слышал.

Григорий Явлинский — Вы не слышали беседу?

Алексей Венедиктов — Не слышал беседу, нет.

Григорий Явлинский — Вот жаль.

Алексей Венедиктов — Я послушаю, я себе записал.

Григорий Явлинский — Вы защищаете человека по таким принципиальным вещам…

Алексей Венедиктов — Я не защищаю человека, я выявляю вашу позицию. Когда у меня будет Алексей Анатольевич, я буду выявлять его позицию.

Григорий Явлинский — Дай бог, чтобы он появился здесь как можно быстрее. Так вот, кстати, я хочу сказать, что в нашей стране есть левые, есть правые, есть националисты, есть демократы, есть либералы, и они все должны быть, и это есть настоящая страна. Но это не значит, что они не могут спорить. Это не значит, что нельзя написать статью, понимаете. Не значит. А я вот, например, хотел бы, чтобы все эти силы без взрослого большого дяди, как был Борис Николаевич, сели за стол и вместе определили реальное будущее России. Вот я писал об этом 10 лет назад…

Алексей Венедиктов — Мир другой и страна другая. Вы сами сказали. Вы сейчас это сказали сами.

Григорий Явлинский — Вот мир другой. И именно это необходимо.

Алексей Венедиктов — Вопрос тогда. Если говорить о том, что надо к выборам готовиться в этом году в Государственную Думу и в региональные парламенты — все равно коалиция. Вот вы сказали — 20 миллионов.. Ну невероятно.

Григорий Явлинский — Так у нас всегда коалиция. На прошлых выборах у нас список состоял из самых разных людей. Там был и Гудков, и кого там только не было. Мы и сейчас будем с Дмитрием Гудковым работать. И Рыжков Володя…

Алексей Венедиктов — А вот с националистами?..

Григорий Явлинский — С националистами не будем, нет.

Алексей Венедиктов — Ну как же? Это часть страны.

Григорий Явлинский — Часть страны, но не часть «Яблока». «Яблоко» — это еще не вся страна.

Алексей Венедиктов — Но «Яблоко»… В коалиции с…

Григорий Явлинский — Нет, это такая коалиция, которая для нас, извините, невозможна. Они уже нашли себе пристанище.

Алексей Венедиктов — Да, я знаю.

Григорий Явлинский — Где?

Алексей Венедиктов — Как где? В «Справедливой России».

Григорий Явлинский — Ну вот. А чего вы…прошу прощения, меня спрашиваете?

Алексей Венедиктов — А вдруг вы тоже захотите.

Григорий Явлинский — Они пошли к Миронову. Вот туда, пожалуйста, вам туда. Кстати, «умное голосование» — это как раз проверка. Голосуйте за всех, кроме «Единой России». За кого угодно — за фашистов, за коммунистов, за кого хочешь.

Алексей Венедиктов — А вот с коммунистами, Григорий Алексеевич, коалиция?..

Григорий Явлинский — Какая коалиция?

Алексей Венедиктов — В регионах.

Григорий Явлинский — Исключено.

Алексей Венедиктов — Тоже исключено? Националисты — нет. Левые…

Григорий Явлинский — Нет, подожди…

Алексей Венедиктов — Так с кем?

Григорий Явлинский — Вы задавайте правильно задачи.

Алексей Венедиктов — Я задачи вообще не ставлю, я спрашиваю…

Григорий Явлинский — Вопросы задавайте.

Алексей Венедиктов — Мне интересно.

Григорий Явлинский — С националистами — нет.

Алексей Венедиктов — Нет.

Григорий Явлинский — С коммунистами — нет.

Алексей Венедиктов — Так. С кем?

Григорий Явлинский — Ну с остальными можем поговорить.

Алексей Венедиктов — А кто остальные?

Григорий Явлинский — А не надо тогда. Тогда мы и есть. Мы демократы и есть, мы и будем. Мы Российская объединенная демократическая партия.

Алексей Венедиктов — Ну так вы собираете 3–5%… 2, 3… 5

Григорий Явлинский — Понимаете, на этих выборах это хорошо еще 3–5% набирать. Когда выборы — я это утверждаю с полной ответственностью — результаты существенно фальсифицируются. Вы прекрасно знаете, что весь подготовительный избирательный процесс и совершенно ничего не имеет общего с открытостью, с равенством и так далее…

Алексей Венедиктов — Опять загоняемся в зеленую тоску? Вы сами сказали, 300 тысяч молодцов…

Григорий Явлинский — Слушайте, это возрастное. Почему вы все время в тоску? Не надо.

Алексей Венедиктов — Это вы загоняете. Загонять не надо.

Григорий Явлинский — Это не тоска, это работа. Еще раз объясняю. Вот снег надо убирать. Я вам скажу: Сейчас надо выйти и убирать снег. А вы мне скажете: Вы мне опять нагоняете тоску. Да нет, бери лопату — убирай снег. Вот вам вся тоска. Так же как и здесь с выборами. В чем смысл политика вообще? Смысл политика заключается в том, чтобы предложить гражданам своей страны решение наиболее важных ключевых вопросов.

Алексей Венедиктов — Убедить их в этом, потому что они могут не поверить.

Григорий Явлинский — И убедить их в этом. В этом смысл политика. Например, наша партия за 30 лет это сделала 10 раз. 3 раза на президентских и 7 раз на парламентских выборах. Я думаю, что все люди получил достаточный урок. Например, в 18-м году, когда я участвовал в президентских выборах, я говорил: Вы получите проблемы с пенсиями, вы получите проблемы с экономикой, вы получите проблемы с бедностью, потому что вместо того, чтобы говорить о политической программе, главный кандидат товарищ Путин, который

сегодня на троне, он рассказывает про ракеты, он вам показывает мультфильмы, где ракеты летают. Это значит, что если что случиться, вам помогать не будут — будут делать ракеты и так далее.

Алексей Венедиктов — Не помогло?

Григорий Явлинский — Нет, люди ошиблись.

Алексей Венедиктов — Не поверили.

Григорий Явлинский — Не поверили. У них теперь есть шанс все-таки. Полностью решить задачу невозможно, но можно попробовать. Такой шанс остается, у нас еще такая возможность есть. И ею надо воспользоваться.

Алексей Венедиктов — Григорий Алексеевич, вы сами сказали, что после принятия поправок в Конституцию летом 2020 года страна перешла в другое состояние.

Григорий Явлинский — Да, перешла.

Алексей Венедиктов — А вы мне говорите про 18-й. А какой же шанс есть? Почему есть шанс?

Григорий Явлинский — Объясняю. Шанс есть потому, что якобы через полгода или через 5 месяцев будут выборы. Вот если они будут — будет шанс. Он небольшой, он ничего не решает, он сомнительный, он очень тяжелый. Но сложная ситуация. 100 лет был коммунизм, а еще 30 лет после коммунизма. Пока еще не смогли решить задачу создать здесь государство не гоббсовского типа, то есть государство без насилия и издевательства над человеком, а государство, в котором человека уважают. Знаете, у нас было на прошлых выборах: Уважение к человеку. А лозунг главный был какой: «Мы хотим, чтобы нас слушали, а не прослушивали».

Алексей Венедиктов — Не слушали?

Григорий Явлинский — А теперь, может, послушают. И мне не хочется, чтобы наиболее активные люди попадали в спецприемники, чтобы их били дубинами по голове в бессмысленном режиме.

Алексей Венедиктов — То есть вы рассматриваете протестующих, как людей, которые могут прийти, помочь «Яблоку»…

Григорий Явлинский — Да нет, не помочь «Яблоку»…

Алексей Венедиктов — Нет, помочь себе, но проголосовать за «Яблоко». Вопрос же в этом.

Григорий Явлинский — Себе помочь. Потому что это очень активная, важная часть общества. Их надо оберегать, а не кидать в топку.

Алексей Венедиктов — Ну они сами вышли. Они не бревна и не буратины. И не чиполлины.

Григорий Явлинский — Послушайте, я считаю себя обязанным это объяснять: они не бревна и не буратино. Пускай они читают статьи и принимают сами решение. В этой же статье написано: вы сами примите решение, что вам делать: ходить или не ходить, кого поддерживать или не поддерживать. Единственное, что я могу вам сказать — что моя политика, политика демократической свободной современной России расходится с тем направлением, которое представляет политика Алексея Навального. Что в этом такого-то?

Алексей Венедиктов — То есть людям надо выбирать между вами и Навальным?

Григорий Явлинский — Выборы, выборы… Послушайте, выборы — это человеческий выборы. Это самое главное достижение, когда у человека есть свободный выбор, и когда жизнь без страха. Вот за жизнь без страха и за свободный личный выбор я буду бороться всегда для своей страны. Потому что это главное, что нужно стране в 21-м веке.

Алексей Венедиктов — Такое ощущение, что вы боретесь со всеми политическими силами, кроме «Яблока». Такое ощущение есть.

Григорий Явлинский — Я еще раз говорю, такая политическая структура, которая сегодня существует… Я повторяю, я готов разговаривать с левыми и правыми… Разговаривать, но это не значит, что это мои союзники и коалиция. А может, по каким-то вопросам находить общий язык. Я за то, чтобы у нас была настоящая страна, состоящая из людей, которые любят свою страну.

Алексей Венедиктов — Григорий Алексеевич Явлинский был гостем программы «Тузы». Кого убедил, кого нет. Но он будет неоднократно в этой студии. Я рассчитываю, все-таки надеюсь, что Алексей Навальный придет в эту студию и ответит на то, что говорил Григорий Алексеевич.

Вертикаль палачей

18 февраля 2021 г., сайт Григория Явлинского

«Здесь, в урочище Сандармох, месте массовых расстрелов, с 1934 по 1941 год убиты палачами НКВД свыше 7 тысяч ни в чем не повинных людей: жителей Карелии, заключенных и спецпоселенцев Белбалтлага, узников Соловецкой тюрьмы. Помните о нас, люди! Не убивайте друг друга!»

Эта надпись должна была быть высечена на памятнике жертвам политических репрессий в Сандармохе. Но перед открытием памятника из текста исчезли слова «палачи НКВД». Все дело в том, что наследники тех самых палачей НКВД сегодня оказались у власти в нашей стране. И, как показало расследование «Проекта», наследники эти не только идеологические, но иногда и биологические.

На этой неделе кассационный суд оставил без изменений приговор историку Юрию Дмитриеву. Приговор по полностью сфальсифицированному делу. Приговор, по которому 65-летний руководитель карельского «Мемориала» был отправлен на 13 лет в колонию строгого режима. Это сталинская расправа не только над одним конкретным человеком, это попытка расправы над памятью, над историей нашей страны, это преступление против собственного народа.

Всю свою жизнь Юрий Дмитриев боролся за историческую правду, рассказывал о преступлениях сталинского режима, убийствах невинных людей. Именно Дмитриев вместе с коллегами находил в Карелии и Архангельской области места массовых расстрелов времен Большого террора.

Но современной российской власти не нужны разоблачения преступлений предшественников. Сегодня в России снимают героические

фильмы про «палачей НКВД», устанавливают мемориальные доски с их именами. Тем временем архивы ВЧК–НКВД–КГБ остаются засекреченными до 2044 года. Наследникам есть что скрывать.

Все это указывает на то, что система Путина, по сути, легитимизировала присутствие «палачей НКВД» во всех ветвях власти и на всех уровнях. Региональные управления ФСБ, СК и МВД занимаются фальсификациями уголовных дел против неугодных. Суды абсолютно всех инстанций выносят обвинительные приговоры по звонку. У всех свои мотивы: где-то не занесли денег, где-то надо устранить конкурента, где-то просто заткнуть рот. В каждом таком сфабрикованном деле «успех» (максимальный срок заключения) зависит от ранга покровителя в вертикали власти. Кому-то санкционируют дело на районном уровне, кому-то на областном, кому-то прямо в Кремле. Так работает вертикаль палачей.

Именно так было сфабриковано и дело против Юрия Дмитриева: региональное управление ФСБ, покровительство наверху, бонусом — пропагандистская поддержка в СМИ.

Кстати, последние расследования Bellingcat и The Insider указывают на существование в России настоящих «эскадронов смерти», состоящих из действующих сотрудников ФСБ, которые занимаются устранением политических оппонентов режима.

Так что дело «палачей НКВД» в современной России живет и процветает. Только полностью выкорчевав эту большевистско-сталинскую вертикаль из системы управления государством, люди смогут жить без страха, что завтра их арестуют, посадят, отравят, убьют. И первым шагом к этому должна стать всесторонняя государственно-правовая оценка большевистско-сталинской системы, ее практик и тяжелейших преступлений. Это неизбежно будет и оценка событий 1917 года, и признание незаконности разгона Учредительного собрания, приведшего к национальной трагедии и страшной гражданской войне, и оценка десятилетий государственного террора и политических репрессий, и констатация абсолютной неприемлемости использования террора, лжи и насилия в государственной политике. Без этого невозможно движение к новой свободной России.

Свободу Юрию Дмитриеву! Свободу политзаключенным!

Что угрожает Путину и что угрожает России

26 февраля 2021 г., сайт Григория Явлинского

423 агента «иностранных спецслужб» было выявлено в России в 2020 году, сообщил Владимир Путин. На коллегии ФСБ Путин говорил о главных, по его мнению, современных угрозах для России: шпионах, террористах, хакерах, противниках «Спутника V». Угрозы эти, конечно, по «внешнему периметру». Внешний враг опять хочет «подорвать ценности, которые объединяют российское общество, в конечном итоге ослабить Россию и поставить ее под внешний контроль».

5716 дел было заведено после протестных акций в конце января–начале февраля этого года в Москве. Арестован 1251 человек. Это не шпионы и не террористы. Они ничем не угрожали и не угрожают благополучию России. А на улицы их вывели совсем другие угрозы, не те, о которых говорит Путин.

УГРОЗА ПЕРВАЯ

— Отношение к гражданам России как к ресурсу для реализации великодержавных амбиций и противостояния с Западом, растущая бедность и бесправие, неэффективная российская экономика госкапитализма, нарастающие санкции.

Сознательная политика экономии на первоочередных потребностях людей в период стихийного бедствия — пандемии, минимизация помощи им в этот крайне сложный период не только привели к резкому

падению уровня жизни (только по официальным данным реальные располагаемые доходы россиян за год упали на 3,5%, а к уровню 2013 года — на 10,6%), но и стали причиной огромной избыточной смертности. С апреля по конец 2020 года избыточная смертность в России составила 358 тысяч человек.

УГРОЗА ВТОРАЯ

— Ложь, репрессии и террор вместо диалога с обществом.

Репрессивные и охранительные действия — это не следствие страха перед людьми, которые выходят на улицу, а признаки изменившегося характера режима, который демонстрирует обществу, что неразрешенная уличная активность будет жестко пресекаться. Репрессивные действия сопровождаются масштабными информационными кампаниями по шельмованию политической оппозиции и всех выражающих недовольство, нагнетанием атмосферы подавления инакомыслия, поиска внутренних врагов и иностранных агентов.

— «Гибридный» террор и насилие через частные военные компании, «эскадроны смерти».

Это не подчиняющиеся законам, неофициальные, но, возможно, тесно связанные с государством инструменты давления на граждан и осуществления внешнеполитических авантюр. При этом на повестке дня остается острый вопрос о возможном применении внутри страны и за ее пределами боевых отравляющих веществ.

— Готовность к применению масштабного насилия в отношении протестующих, к пролитию крови, а также большая вероятность провокаций, подталкивающих к реализации этого сценария.

Поддержка российским руководством беспрецедентного насилия в отношении протестующих в Беларуси, риторика, используемая президентом и госчиновниками в разговоре о недавних протестах в России, не оставляют сомнений в готовности власти к масштабному насилию в отношении граждан, выражающих недовольство. При этом пространства для легального уличного протеста практически не остается.

УГРОЗА ТРЕТЬЯ

— Агрессивный национализм, имперская политика в отношении соседей, стремление к контролю над постсоветскими странами в различных формах — от реализации доктрины ограниченного суверенитета до аннексии (в первую очередь речь идет об Украине и Беларуси).

— Готовность к разрыву связей с демократическим миром (о разрыве отношений с Европой как об уже практически состоявшемся факте говорит Лавров). А ведь есть еще опасное участие в военных конфликтах в Сирии и ряде стран Африки.

УГРОЗА ЧЕТВЕРТАЯ

— Политический популизм, перерождающийся в национал-большевизм, борьба за власть с помощью разжигания ненависти между бедными и богатыми и посредством накачанной пропагандой толпы, когда реальные проблемы государства и общества используют лишь как инструмент, зачастую ведущий к жестким столкновениям.

Раскручиваются националистическая и левопопулистская повестка, что создает условия для перенаправления общественного недовольства с неэффективной несменяемой власти на тех, кого она укажет: на внешних и внутренних врагов. Не следует забывать, что ситуационный союз гражданских активистов с националистами и национал-большевиками уже приводил к трагедии. Подъем национализма и «Русские марши» в 2000-х годах стали прямой предпосылкой для десятков убийств в России, а затем сдвиг в общественном сознании был использован путинской системой, которая в 2014 году аннексировала Крым и инициировала кровавую войну с более чем 13 тыс. жертв на востоке Украины.

* * *

Это реальные угрозы, с которыми ежедневно сталкиваются граждане России. Это не выдуманные шпионские истории, не подрыв созданных пропагандой скреп. Это угрозы жизни людей.

(По материалам решения Федерального политического комитета партии «Яблоко» от 19 февраля 2021 года)

Векторы Горбачева

Разговор не о прошлом, а о будущем. К 90-летию Михаила Сергеевича Горбачева

2 марта 2021 г., сайт Григория Явлинского

«Но как нам быть с эпохами упадка, когда пора развития и цветения миновала и место исчезнувших преданности и веры заняла лживая фразеология, когда торжества сменили пышные спектакли, а принцип доверия к власти превратился в тупое равнодушие или же макиавеллизм? Увы! Такие эпохи не представляют для мировой истории интереса, в анналах человечества записи о них будут все короче и короче, пока не будут вычеркнуты совсем, как лживые и ненужные. Какое же несчастье родиться в такую эпоху! Родиться только для того, чтобы на собственном примере узнать, что миром правит не Бог, а ложь и Сатана и что на верху общественной лестницы сидит Верховный Шарлатан! Вы только представьте себе, как безотрадно-мрачно мировоззрение нескольких (двух, иногда трех) живущих в такую эпоху поколений, с их точки зрения живущих, на самом же деле в сущности уничтожающих себя и при этом сознающих, что второй жизни для них не будет»[1].

Вот от чего избавил нас, своих современников, Михаил Сергеевич Горбачев. Он освободил нас. И сделал это сам, по своей воле, мы и не просили. За свободу тогда боролись единицы, еще меньше было тех, кто верил в то, что такое возможно. Он дал свободу всем нам, а уж

---

[1] *Карлейль Томас,* История Французской революции (ч. I). с. 14. М.: Мысль, 1991.

что мы с ней сделали, не его вина и даже не его забота. Это наша ответственность. Собственно, на этом можно и остановиться. В истории мирно такое произошло лишь однажды и благодаря ему.

* * *

Немногим более шести лет Михаил Горбачев обладал реальной властью на посту главы государства. Можно долго и подробно анализировать, что за это время ему удалось сделать, а что нет. Но, как ни парадоксально, главное достижение Горбачева как раз в том, чего он не сделал. А не сделал он того, с чем до него прекрасно справлялись все советские руководители: Горбачев не стал держать людей в страхе. И несмотря на то, что с момента отставки первого и последнего президента СССР прошло почти три десятилетия, фигура Михаила Сергеевича остается крайне важной для современности и для любого разговора о будущем страны. Поэтому юбилейная дата не столько частный повод, сколько необходимость проанализировать эпоху, которую открывал, возможно, сам того не осознавая, юбиляр.

1989 год — очевидная поворотная точка новейшей истории[2]. 30-летней годовщине тех событий за последнее время было посвящено много статей, исследований и даже книг. Общая тональность этих публикаций — неоправдавшиеся надежды, нереализованные возможности, недостигнутые цели, в общем, «the light that failed», угасший свет (название романа Редьярда Киплинга «Свет погас» использовали недавно для своей книги о надеждах и реалиях последних трех десятилетий в Восточной Европе Иван Крастев и Стивен Холмс[3]). Однако едва ли кто-то ставит под сомнение критическую важность и эпохальный масштаб падения Берлинской стены, освобождения Восточной Европы от коммунизма и демократизации СССР. И ключевую роль в этих событиях сыграл именно Горбачев.

За время своего правления Горбачеву удалось положить начало новой эпохе. И причины сегодняшних глобальных проблем и кризисов во многом обусловлены как раз тем, что начатая Горбачевым

---

[2] См. «30 лет после коммунизма. Контуры новой эпохи», ноябрь 2019.

[3] The Light that Failed: A Reckoning, by Ivan Krastev and Stephen Holmes, Allen Lane, 2019.

тридцать лет назад эпоха закончилась: на смену новому, основанному на ценностях мышлению пришла архаика, распахнутые когда-то окна возможностей захлопнулись, и теперь необходимо открывать, а иногда и прорубать новые. Но для этого нужно осмыслить и понять, что было сделано и не сделано за три десятилетия. Не проклинать Горбачева, а взглянуть в первую очередь на себя и попытаться ответить на вопрос, как и почему открытые для всех нас в конце 1980-х возможности были упущены[4].

В основе этих возможностей лежала свобода. Свобода, которую России подарил Горбачев. Свобода, которой мы не сумели воспользоваться.

Горбачев дал возможность советским гражданам, десятилетиями боявшимся открыть рот, свободно говорить то, что они думают, не опасаясь расстрела, тюрьмы, увольнения с работы и даже исключения из партии. И это явление не просто свобода слова как одна из демократических свобод, но экзистенциальное освобождение от страха — того самого, который в России иногда с презрением, иногда с оправданием называют генетическим.

За эту подаренную свободу абсолютному большинству не пришлось бороться — жертвовали собой единицы. Полное осознание достигнутого так и не пришло. Россия не справилась с этой свободой: не научилась жить без страха, не воспользовалась свободой для творчества, не сохранила, не защитила, не приумножила и в итоге потеряла ее.

Сегодня многие в нашей стране считают случившееся во второй половине 1980-х не благословением, а проклятием. Однако тогда, тридцать лет назад, десятки миллионов граждан СССР с готовностью восприняли буквально обрушившуюся на них свободу слова. Критика власти без боязни репрессий, открытие запретных тем, от «белых пятен» истории до проблемных «слепых зон» повседневной жизни советского общества, — все это было как дождь, упавший на иссохшую почву. Новая информация мгновенно впитывалась, и требовалось еще. Страна, народ, общественное сознание хотели свободы (по крайней

---

[4] См. *Явлинский Г.А.* Второе июля, август 2020.

мере свободы говорить, слушать, читать, обсуждать) и правды. И то, что произошло с Россией за последние тридцать лет, не вина Горбачева. Эпоха постсоветских реформ с точки зрения свободы и уважения к человеку закончилась полным крахом, и ответственность за этот провал лежит на всех, кто жил и работал в эту эпоху. Это касается не только политиков, принимавших решения, но и рядовых граждан, имевших возможность говорить и действовать, выбирать и голосовать так, как они считали нужным, без страха репрессий. Поэтому все те, кто позволил загнать себя вновь в политическое стойло несменяемой коррумпированной лживой власти, несут ответственность за обратную трансформацию страны наравне с теми, кому позволили принимать такие решения.

Кстати, на стыке 1980-х и 1990-х свободу получили не только народы СССР. Европа освободилась от разделенности и военно-блокового противостояния, а весь мир — от перманентного страха ядерной войны. Как Европа и мир этой свободой воспользовались — уже другой вопрос.

***

Как-то Путин, отвечая на вопрос, должен ли глава государства скрывать от общественности своих детей и внуков, сказал: «…такая западная политическая культура связана с представительством как бы членов семьи. Но мне кажется, что мы не в таком состоянии находимся, чтобы заниматься этим театром. У нас должно быть все по-взрослому. Серьезно»[5].

На самом деле путинский подход — это совсем не «по-взрослому», это просто подражание большевистским моделям и практикам. У Горбачева даже в этом пункте было все принципиально иначе.

Появление Раисы Максимовны рядом с генсеком было не «копированием западной традиции», а разрывом большевистского шаблона, в котором человек есть функция, щепка и любое человеческое проявление воспринимается как слабость (об искренней любви и теплоте в отношениях супругов Горбачевых свидетельствуют последние

[5] См. 20 вопросов Владимиру Путину, 18 серия, ТАСС.

дни первой и единственной леди Советского Союза — когда угасающую от рака жену муж буквально носил на руках).

Именно в возвращении российского государства к большевистским стандартам политического мышления и поведения — корни текущих процессов в нашей стране. Это и слом Конституции, и преследования политических оппонентов, и трактовка государственного суверенитета в духе «что хочу, то и ворочу», и основанная на этом понимании концепция «многополярного мира», и попытка возродить политику «ограниченного суверенитета» в отношении соседей. Это сознательный разворот назад, возвращение в догорбачевскую эпоху.

За отказ от достижений демократии позднего советского периода, за перечеркивание всего, что успел сделать Горбачев, России придется дорого заплатить. Одного примера с разрушением договоров по сдерживанию вооружений достаточно, чтобы понять масштаб цены этого разворота[6].

В последние месяцы на посту главы государства и уже после отставки Горбачеву пришлось многое пережить: унижения, оскорбления, травлю. Но это не сломило Михаила Сергеевича. Ему удалось сохранить достоинство и остаться Человеком, может быть, еще более ярким и более авторитетным, чем он был, находясь у руля державы. Имея все возможности, Горбачев никуда не уехал, остался в России. По большому счету, остался он и в политике. Его мнением время от времени интересуются в Кремле. Слова Горбачева — это, вероятно, последнее, что готовы услышать в мире от страны с отрицательной репутацией[7]. Кстати, если бы он уехал за границу, то все, что он сделал когда-то, все перемены, которым способствовал, имели бы совершенно иной смысл. И лично я бесконечно благодарен Михаилу Сергеевичу за то, что он остался в России, со своим народом.

А еще Горбачев доказал, что с властью можно расстаться, сохранив при этом уважение и достоинство.

Да, в нашей стране многие не любят Горбачева, даже не пытаются понять и оценить его вклад в будущее. И это, безусловно,

---

[6] См. *Явлинский Г.А.* Опасность войны, декабрь 2019.

[7] См. См. *Явлинский Г.А.* Утрата репутации: отравление ложью, сентябрь 2018.

несправедливое отношение. Ведь Горбачев дал людям свободу выбора, позволил народам СССР — украинцам, казахам, латышам, литовцам, эстонцам, молдаванам и многим другим, кого он выпустил из «казармы», — наконец жить так, как им хочется. Потом сами россияне в 1991 году безоговорочно поддержали Беловежскую пущу, Ельцина и катастрофические реформы, которые уже к концу следующего года привели к полному и всеобщему обнищанию. Горбачев здесь совершенно ни при чем.

Так же и сейчас россияне сами голосуют за Путина, за отсутствие экономической политики, за шесть лет падения реальных доходов, за продление пенсионного возраста, за новую холодную войну, за судебные и внесудебные расправы, за авторитарную конституцию и за несменяемость власти. После Горбачева прошло тридцать лет. За это время россияне десять раз голосовали на федеральных выборах, когда, несмотря ни на что, выбор был. Десять раз у людей была возможность изменить ход событий и начать двигаться в сторону свободы, правды и справедливости, идти по пути, который открыл стране Горбачев. Но большинство сделало другой выбор. Что ж, это право народа. Но если кого-то что-то не устраивает в современной России, то обижаться надо на себя, а не на Горбачева.

***

Историческая роль Горбачева, его вклад в представление о политике чрезвычайно важны и ценны, и даже не столько для текущего момента (к сожалению, этот момент уже проигран), сколько для будущего. Фигура Горбачева, его жизнь и политическое наследие сегодня как никогда актуальны для всего современного мира. Это одна из составляющих новой надежды.

Сегодняшнее состояние мира по всем позициям гораздо менее стабильно и куда более опасно для человечества, чем то, в котором оставил нам мир Горбачев. Посмотрите:

— он создавал глобальную систему ядерной безопасности, а сейчас эта система практически разрушена;

— он многое сделал для международного единства при решении глобальных проблем, а нынешний мир все больше раскалывается, демонстрируя отсутствие воли к выработке совместных решений;

— он задал вектор для преодоления разрыва между восточной и западной частями евроазиатского континента с потенциалом создания единого ценностного и экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, а сегодня Россия движется в противоположном от европейских ценностей направлении, тогда как саму Европу разрывают на части национализм и популизм;

— он способствовал мирному демонтажу советской тоталитарной системы, а сейчас всерьез обсуждается авторитарное будущее США.

В последние годы на Западе крайне популярна тема вмешательства России в выборы и политику в других государствах, причастности Москвы к развалу западных демократических институтов. Может, и вмешивается, может, и причастна. Но если Запад реально разваливается из-за махинаций каких-то кремлевских поваров в интернете, то проблемы в состоянии западного общества, а не в российских хакерах. Все это очень похоже на разговоры о роли ЦРУ в развале СССР. Как и Запад сегодня, СССР тогда разваливался изнутри, проблема была в самой советской системе.

Вообще, сегодня важно помнить, что у СССР была вторая по мощи армия в мире, огромный ядерный арсенал, а государство рухнуло по своим внутренним причинам, которые никаким образом не были связаны с обороноспособностью — просто стала непреодолимой пропасть между обществом и государством. Но мог ли Горбачев предотвратить такое развитие событий? Руководствовался последний генсек при принятии судьбоносных решений некой стратегией или сиюминутными соображениями? Насколько сознательно и продуманно он действовал?

Скорее всего, Михаил Сергеевич просто не предполагал такого стремительного развития событий, такого решительного отказа от советской системы. Он дал людям свободу слова, а все остальное было уже следствием, все произошло почти мгновенно.

Да, Горбачев действительно верил в возможность обновления социализма, считал, что в уже безжизненное тело советской системы

можно вдохнуть жизнь. Да, были ошибочные решения, случалось ошибаться в людях, в понимании и оценке ситуации в конкретный момент времени. Все это было.

Еще можно упрекнуть Горбачева в том, что он так и не сформулировал глубоко и убедительно, в чем должно заключаться новое политическое мышление для нашей страны и всего мира.

Однако все это не меняет главного. А главное заключается в том, что трансформация, случившаяся в годы правления Горбачева с нашей страной и миром, была на самом деле ценностной революцией.

С дистанции в десятилетия хорошо видно, что Горбачев начал воплощать новое политическое мышление, новую философию.

Да, не было создано институтов, основанных на ценностях. Горбачев этого не сделал — слишком короткий отрезок времени у власти был ему отмерен, да и, возможно, он вообще не видел такой задачи. Однако и за три последующих десятилетия новые институты, основанные на общих ценностях, не были созданы[8]. Напротив, победила концепция «конца истории», торжества модели западной демократии последних лет XX века как застывшей институциональной формы. Тем временем ценности, лежащие в основе этой демократической модели, в отсутствие жесткого оппонирования со стороны советского тоталитарного социализма стали восприниматься как формальность, общее место, красивые слова, по-настоящему с «реальной политикой» не связанные.

Однако источник проблем современного мира в принципиально иных явлениях — в циничном прагматизме реалполитик и реалэкономик. Именно эти явления, к сожалению, сегодня определяют нашу жизнь и современный мир. Но к историческим векторам Горбачева, к ценностям, к которым они направлены, неизбежно придется вернуться. И чем раньше, тем лучше.

---

[8] См. *Явлинский Г.А.* Политическая энтропия, ноябрь 2020.

* * *

В августе 1995 года Горбачев единственный раз был в моем офисе (а не я в его). И я задал ему вопрос:

— Михаил Сергеевич, я правильно понимаю, что самое главное, что вы сделали, — это подарили людям возможность говорить громко и вслух то, что они думают? За это их перестали сажать в тюрьму, увольнять с работы и даже исключать из партии. И этого оказалось достаточно, чтобы коммунистическая тоталитарная система, построенная на лжи, развалилась?

— Правильно, — подтвердил Горбачев.

— А тогда, — сказал я, — объясните мне, пожалуйста, как вам, генеральному секретарю ЦК КПСС, такое могло прийти в голову? Как вам могло прийти в голову, что люди могут быть свободны?

Горбачев улыбнулся и ответил:

— Гриша, а разве ты не знаешь, что Раиса Максимовна у меня философ?

«Все движущие механизмы сталинизма сохранились»

5 марта 2021 г., «Эхо Москвы в Петербурге»

Виталий Дымарский — Неделя, которая завершается, отмечена двумя датами. 2 числа мы, я бы сказал, праздновали… Ну кто как, но я думаю, что Григорий Алексеевич и я позитивно очень относимся к этому человеку и действительно отмечали 90-летие Михаила Сергеевича Горбачева. Сегодня еще одна дата этой недели — это 68 лет, если я правильно посчитал, со дня смерти Сталина. Почему я соединил эти два события? Потому что, конечно, безусловно, XX съезд, Хрущев сделали огромное дело. Это действительно был огромный прорыв. Но все-таки я думаю, что то, что сделал Горбачев, это была более системная, что ли, борьба со сталинизмом и со сталинщиной даже, позволю себе сказать.

И тем не менее, Григорий Алексеевич, почему мы дожили до 21 года XXI века, а Сталин и мерзейшая сталинщина все еще с нами?

Григорий Явлинский — Всё же я хотел начать с того, как и вы, что поздравить Михаила Сергеевича с 90-летием и сказать, что он, конечно, человек совершенно особый.

Виталий Дымарский — Выдающийся.

Григорий Явлинский — Абсолютно особый, выдающийся. Хотел бы просто поделиться с вами мыслями о том, что же он сделал. Но всё перечислять невозможно. Но одну важную вещь я скажу.

А может быть, самую важную. Горбачев позволил людям говорить то, что они думают. Причем не просто на кухне, а говорить то, что они думают, громко, на всех каналах телевидения и так далее. И при этом он сделал так, что людей не наказывали, не расстреливали, не сажали в тюрьму, не выгоняли с работы и даже не выгоняли из партии. Это колоссальный прорыв.

То есть что он сделал? Он позволил людям жить без страха. И поскольку люди начали говорить то, что они думают, империя или страна, скорее государство, построенное на лжи, тут же рухнуло. Потому что оно было основано на лжи, а люди стали говорить то, что они думают. Это колоссальное событие.

Иначе говоря, Горбачев взял и дал всем нам свободу. Можно долго обсуждать вопрос, так он это сделал или по-другому. Пусть кто-нибудь попробует сделать по-другому. Но он свободу дал. А что мы с ней сделали — это не его вопрос. И вот все те, которые сегодня его ругают, критикуют, они должны понять. Им дали свободу. Что они с ней сделали? Они сами за это несут ответственность. Они сами. Им дали свободу. И это еще не все. Он показал, что есть жизнь после власти. Что можно быть нормальным, светлым, благородным человеком, после того как ты ушел из такой власти.

Виталий Дымарский — И не бояться никаких судов.

Григорий Явлинский — И вот теперь об этом. И, мало того, я должен сказать вам: он не уехал. Он мог уехать в любую страну мира. Он остался со своим народом. Это имеет колоссальное значение. И это колоссальный моральный фактор — жизнь в России. Потому что, если бы он уехал, я бы так сказал, многое из того, что он сделал и в чем он участвовал, изменило бы характер, изменило бы смысл.

И последнее. Вы, наверное, знаете, в новостях писали на этой неделе, что один из президентов крупной европейской державы, страны был осужден за коррупцию. Срок получил.

Виталий Дымарский — Николя Саркози.

Григорий Явлинский — Когда у Михаила Сергеевича возникли проблемы с деньгами, он снимался в рекламе Pizza Hut. Понимаете, какая разница?

Виталий Дымарский — Ему пеняли все время.

Григорий Явлинский — Человек не только ушел из власти. Он ничего за собой не утащил. Ничего не утащил за собой. Сейчас все обсуждают дворец, то, се. Ничего не утащил человек за собой. Вот вам и Горбачев. Вот вам и 90 лет. В этом его миссия. И последнее. Его векторы, направленные на ценности, на человеческую жизнь, на человеческую свободу, что превыше всего — это еще все впереди. Политика Горбачева еще впереди. И то самое, над которым иногда посмеиваются — новое мышление и плюрализм. То есть тогда, когда вся свора не набрасывается, для того чтобы топтать кого-то одного, и каждый может выразить свое мнение, отличное от целой толпы. И свобода говорить то, что думаешь. И первые выборы свободные — это все впереди. Поэтому спасибо, Михаил Сергеевич, будьте здоровы, насколько это возможно.

Виталий Дымарский — Я абсолютно с вами согласен во всем, Григорий Алексеевич. Я только хочу добавить еще два слова буквально. Мы перед эфиром говорили с одним нашим с вами общим знакомым. И знаете, о чем мы говорили? Тоже о Михаиле Сергеевиче. Мне просто рассказали, что в фонде была такая большая встреча, конференция, где вы присутствовали тоже, что как он умудрился в той обстановке вот этого Политбюро, как он умудрился сохранить человечность. Это фантастика просто.

Григорий Явлинский — После того, как он ушел из власти, ее стало еще больше. Понимаете? А вот, например. Впервые в истории, наверное, после Николая II рядом с главой государства появилась его супруга — Раиса Максимовна.

Сейчас про эти гендерные вопросы бесконечные тёрло со всех сторон, извините за выражение. А человек взял просто и представил всему народу. Народ это не очень понял. Его это раздражало, что угодно. Он взял и как благородный настоящий и лидер, и государственный деятель, и мужчина, относящийся к женщинам с уважением, смог это сделать. Но разве это не прорыв? Разве это не событие? Это еще впереди всё, оцените это.

А на сегодняшний день, кстати говоря, сегодняшний лидер по этому поводу, что это такая западная традиция — комедийная, театральная, никому не нужная, когда вам демонстрируют своих

родственников. А это большевистская традиция, чтоб вы знали. И вот, что вы меня второе спросили. А это большевистская традиция — стесняться любви, чувства, уважения, симпатий, бояться этого, демонстрировать жлобство. Это большевистская традиция. Вот так.

Виталий Дымарский — Григорий Алексеевич, хорошо. Давайте перейдем все-таки к моему первому вопросу. Его можно расширить за счет того, что вы сказали. Почему тогда наше общество (да и мы с вами фактически, мы все) свободе предпочли что-то типа Сталина?

Григорий Явлинский — Вообще говоря, не все.

Виталий Дымарский — Если мы не сумели в другую сторону повернуть, значит мы тоже виноваты. Вот и всё.

Григорий Явлинский — Абсолютно. Это вопрос совершенно правильный. Эпоха постсоветской модернизации России проиграна полностью в части прав человека, свободы, уважения. Отвечая на ваш вопрос «почему», что я вам могу сказать? Могу сказать вам, что были допущены две глобальные ошибки.

Первая (мы ее сейчас не будем подробно разбирать) — это то, как были проведены реформы. Это глубочайшая, серьезнейшая ошибка. А вторая — то, что не был решен вопрос о государственно-общественной полной оценке сталинизма, большевизма и всего советского периода. Это не было частью реформ 1990-х годов. И в 2000-х тем более. И поскольку общество так и не проанализировало на государственно-общественном уровне, не на уровне XX съезда, а на уровне государства и общества, что это такое было: большевизм, сталинизма, политический террор, советский период. Поэтому все движущие механизмы этого явления сохранились. И более того, всё больше и больше стали набирать силу. И появилось такое явление, как современный большевизм или современный сталинизм, если вы хотите.

И это, кстати говоря, в данном случае речь идет не о памятнике даже Дзержинскому на Лубянке и не о цветах, которые кладут к могиле Сталина на Красной площади и кланяются, молятся. В буквальном смысле стоят на коленях и крестятся, и молятся. А это то, что происходит в Донбассе. Это когда людей просто убивают. Это то, что антиевропейством называется. Это постоянные заявления, что мы готовы разорвать все отношения с Европой. Это когда люди — мусор, люди —

щепки, их можно использовать как угодно. Их можно использовать в Сирии, их можно использовать в Донбассе, их можно использовать еще где-то. Вот эта цель и средства, когда цель оправдывает любые средства — это и есть сталинизм, большевизм. Вот в этом дело.

Виталий Дымарский — Смотрите, но даже советские руководители, уже послехрущевские, ну брежневского периода прежде всего, даже в какой-то мере, безусловно, возвращаясь к Сталину, возрождая какие-то аспекты сталинизма, они все-таки (немножко у меня такое ощущение было) этого стеснялись. Это не было настолько открыто, грубо и в такой форме, как это происходит сейчас. Сейчас не просто реабилитация идет, а просто возвеличивание, я бы сказал, Сталина.

Григорий Явлинский — Я еще раз говорю. Потому что та политика, как она сегодня организована — это и есть современный большевизм. Если хотите, современный сталинизм. Или, если еще точнее, национал-большевизм, вырастающий из национализма. Что такое весь этот конфликт с Украиной, это все безобразие? Это что такое? Это и есть национал-большевизм в полном объеме. Я вам говорю про практические и сутевые вещи. А вопрос этот заключается в том, что десталинизация — это первым делом выражение отношения к тому, что сегодня делают коммунисты, национал-большевики. Есть такой прием. Вы его слышали много раз. Называется «умное голосование». Так предлагают голосовать за коммунистов, если у них хорошие шансы. Вот и всё. А коммунисты буквально преклоняются перед Сталиным.

Виталий Дымарский — К этому мы еще вернемся. Давайте так. Григорий Алексеевич, я вам хочу вот еще какой вопрос задать. Я понимаю: вы политик и вы не можете это говорить, потому что вы работаете, что называется, с избирателями.

Григорий Явлинский — Тогда не спрашивайте.

Виталий Дымарский — Тем не менее, я вас спрошу, а вы откажетесь тогда отвечать. Кто больше виноват во всем этом? Опять же, мы (общество) или власть? Да, власть такая, но это же общество ее поддерживает в конечном итоге.

Григорий Явлинский — Вы знаете, с точки зрения… я затрудняюсь что-либо формулировать.

Виталий Дымарский — Ну понятно.

Григорий Явлинский — Я часть своего народа. Я вместе с ним. Я полностью разделяю все, что происходит, независимо от того, насколько со мной соглашались или не соглашались. Если не соглашались, значит я плохо убедил или еще что-то. Но власть ведь тоже продукт нашего общества. Оно ведь не с неба упало. Нам же эту власть не американцы сюда притащили, правда? Мы же сами ее терпели, выбирали. Помните? Кириенко в Думу, Путина в президенты. Помните, нет? «Эхо Москвы» кричало так. Как мне еще объяснить?

Виталий Дымарский — Не «Эхо Москвы», а люди, приходившие на «Эхо Москвы».

Григорий Явлинский — Люди, приходившие на «Эхо Москвы», кричали: «Кириенко в Думу, Путина в президенты. СПС в Думу, Путина в Кремль». Было такое? Значит надо извлекать уроки. Это не вопрос упрека. Это вопрос о том, что надо извлечь уроки из этого. Это же действительно факт жизни, правильно? Ну вот трагический, драматический, как он оказался. Просто нужно, чтобы мы как серьезные взрослые люди, если мы ответственны за свою страну, мы должны взглянуть.

Поэтому, отвечая на ваш вопрос, я несу тоже ответственность вместе со всеми. Может быть, даже моя больше, потому что я занимался последние 30 лет публичной политикой. Все, что умел, все, что мог, пытался сделать.

И, конечно, ответственность всей нашей страны за все, что происходит. Правда, должен заметить, что это оказался такой последний тренд, очень крупный, можно сказать, глобальный. И он затрагивает многие страны.

Виталий Дымарский — Трудно не согласиться.

Григорий Явлинский — Я должен вам сказать, что фигуры такого рода… Посмотрите, что происходит в Соединенных Штатах. Посмотрите, вроде бы даже как удалось американцам избавиться на данном этапе от Трампа. Но недавние события снова показали, что его влияние огромно. У него 74 млн избирателей. А что такое Трамп? Трамп — это национализм, это изоляция Америки. Это серьезный такой националистический вектор.

Виталий Дымарский — И в Европе они набирают силу, и в Германии, мы знаем, во Франции Национальный фронт.

Григорий Явлинский — И в Бразилии. В Германии вообще отдельная история. И в Польше, и в Венгрии. А то, что случилось в Британии — это разве что-то другое с этим Brexit? Все гораздо более серьезно. И это примыкает к теме новых технологий.

Потому что вот эти силы (националистические, всякие другие), вооруженные новыми технологиями, приобретают колоссальное влияние. Просто колоссальное влияние. Поэтому сегодня говорить о возможности национализма, нацизма, фашизма очень важно. И об этом говорят многие ученые и публичные политические деятели. Очень многие люди об этом говорят.

Виталий Дымарский — Григорий Алексеевич, тогда такой вопрос. Вот вы уже упомянули «умное голосование». Скажите тогда честно и откровенно. Скажите, Навальный для вас в большей степени ваш политический соперник, противник или все-таки узник совести? Как вы его воспринимаете в большей мере? Потому что, с одной стороны, вы имеете безусловное право. Я возвращаюсь к этой уже нашумевшей истории вашей статьи. С одной стороны, вы имеете право, безусловно, иметь собственное мнение и собственный взгляд на него. Но ведь вам многие, конечно, показывали и говорили о том, что и не очень удачный момент, мягко говоря, выбран для атаки на эту фигуру.

Григорий Явлинский — Когда будет удачный момент?

Виталий Дымарский — Когда человек не в тюрьме хотя бы.

Григорий Явлинский — То есть я должен два года сидеть и ждать, да? Так вы себе политику представляете? Сейчас я вам расскажу. Касаясь последней темы, ни моя статья, ни то, что я говорю, ни то, что я делаю, никаким образом к заключению не имеет. Безусловно, никакого отношения не имеет. Я не касаюсь дела «Ив Роше», посещения ФСИН и вот этих отмечаний и неотмечаний. Ко мне не имеет никакого отношения. Я ничего про это сказать вообще не могу.

Я могу сказать только другое. Что он, безусловно, политический заключенный. Все события, происходящие с Навальным с 2013 года, политически мотивированы. Суд по «Кировлесу» политически мотивированный, его освобождение на следующий день политически

мотивированное. Когда ему Путин дал подписи для участия в выборах Москвы — политически мотивированное событие. И все остальное, что вокруг него происходит…

Виталий Дымарский — У нас все, что происходит, все политически мотивированное, все с разрешения.

Григорий Явлинский — И я хочу сказать, что он, конечно, политический заключенный. Но все же хочу подчеркнуть, что есть такие политические заключенные, как Юрий Дмитриев, который получил 13 лет за то, что он открыл захоронения, связанные с убийствами, произведенными сталинизмом. И если Иван Сафронов, предательство которого по отношению к Родине совершенно не убедительно и не доказано. И у нас сотни политических заключенных в стране. И важнейшим элементом и моего убеждения, и работы моей партии, и нашей общей работы — это последовательно добиваться освобождения политических заключенных. Всех. Там на религиозной почве куча политических заключенных. Все эти люди — политические заключенные. Еще раз подчеркиваю. Юрий Дмитриев, прямо примыкающий к сегодняшней нашей теме. Иван Сафронов, примыкающий к вашей журналистикой профессии напрямую. Вот как дело обстоит. Среди них есть и Навальный. Потому что и все события вокруг него, конечно, политически мотивированы.

Далее. Он для меня является другим политическим направлением, которое я считаю очень опасным для нашей страны. Я считаю, что он представляет политический национализм. А политический национализм имеет тенденцию перерастать в национал-социализм, фашизм и является угрозой для нашей страны. Вот и всё. Об этом моя статья.

Виталий Дымарский — Слушайте, а вы не предполагаете, что вы, скажем, ошибаетесь? Очень многие люди, которые его хорошо знают, говорят, что он… Я понимаю, что можно вспоминать его высказывания о Крыме и так далее, его участие в «Русских маршах». Но говорят, что он прошел некую эволюцию, в том числе в своих взглядах. И, скажем так, стал политиком другого плана все-таки. И ту поддержку, которую он получает, в том числе, кстати говоря, финансовую, как мы знаем в этой истории, он получил от людей совершенно либеральных взглядов.

Григорий Явлинский — Я про поддержку ничего не знаю. И не собираюсь об этом даже рассуждать. Во-первых, большевиков и Ленина тоже поддерживали люди либеральных взглядов, как вы знаете, и оказывали им финансовую поддержку. Что из этого получилось, совсем недавно говорили. И успели забыть об этом. Но что я хочу сказать?

Я так не думаю. Кроме того, я хочу сказать. Прошу обратить ваше внимание. 1 октября 2020 года на вопрос журнала «Шпигель», изменились ли его политические взгляды в контексте того, что он был исключен из «Яблока» за национализм, он сказал: «Нет, не изменились. Мои все взгляды остались прежними». Что вы еще хотите, чтоб я вам сказал?

Виталий Дымарский — Вот сейчас я не хочу, чтоб вы ничего говорили. Потому что мы сейчас прерываемся на выпуск новостей.

НОВОСТИ.

Виталий Дымарский — Еще раз добрый день. Мы продолжаем нашу программу. У микрофона Виталий Дымарский. Напоминаю, что в гостях у меня сегодня мой собеседник сегодняшний — это Григорий Явлинский, лидер партии «Яблоко». Григорий Алексеевич, продолжим говорить о приятном или не о приятном.

Григорий Явлинский — Я вот что хочу сказать вам. Что совсем недавно в интервью «Шпигель» Алексей Анатольевич подтвердил, что взгляды его не меняются.

Виталий Дымарский — Да, это вы сказали.

Григорий Явлинский — Перед этим газете Guardian в 2017 году он развернуто сказал, что ни на йоту ничего не меняется, он ни о чем не сожалеет и так далее. Я хочу сказать вам. Смотрите, «умное голосование», о котором мы с вами говорили — это лучшее доказательство, что взгляды его не изменились. Он с помощью «умного голосования» предлагает голосовать за кого угодно, кроме «Единой России». Хотя всем прекрасно известно, что все остальные партии точно так же выполняют все задания Владимира Путина и точно так же участвуют во всем, как и «Единая Россия». Практически на 90%. А по политическим вопросам, включая Конституцию — на 100%.

Виталий Дымарский — Слушайте, это же политика, Григорий Алексеевич.

Григорий Явлинский — Значит это все туда, да? То есть это поддержка сталинизма, вот этого большевизма, голосование за это все. То, что вы спрашиваете, я же вам рассказываю кухню этого вопроса. Или, например, они поддерживали в Новосибирске человека…

Виталий Дымарский — Но они поддерживали и ваших кандидатов. И яблочников.

Григорий Явлинский — Это не меняет дела. Потому что когда они поддерживают человека, который считает своей главной задачей поставить памятник Мотороле, и он становится депутатом, уж извините меня, это не меняет дело. Но речь шире и серьезней. Я сожалею, что все время обсуждается какая-то такая, честно говоря, не очень важная и серьезная тематика. По той причине вы мне задаете вопрос, является ли он моим конкурентом. Он, к сожалению, не участвует в выборах. Если б он участвовал в выборах, тогда мы бы с ним поговорили, как с конкурентом. Он в них не участвует. Поэтому я говорю о политическом направлении, очень серьезном и очень опасном. Понимаете? Не говоря уже о том, что происходят с людьми, которые выходят на улицу, как с ними сейчас обращаются, какие сейчас 90 уголовных дел по стране и так далее. Я уж это оставляю в стороне.

Но есть одна тема, на которой я хотел особо остановиться. Благодаря вашей радиостанции я имел возможность (и я очень благодарен за это) в самом начале всех событий сказать, что главным является всеобъемлющее международное расследование отравления Алексея Навального. Вот это действительно ключевой вопрос нашей политики. Потому что это вопрос о существовании «эскадронов смерти», это вопрос о существовании химического оружия (боевого, кстати).

Виталий Дымарский — Это вопрос шире, чем Навальный, безусловно.

Григорий Явлинский — Это вопрос, связанный с ним, но это вопрос гигантской серьезности. Все новости ваши сейчас будут идти там — такие объявили санкции, другие объявили санкции. Это вопрос, вытекающий отсюда. Далее. Это вопрос о Юрии Петровиче Щекочихине, о его отравлении. Это вопрос о нашем члене партии Куашеве, который только что… Опять выяснили, что его убили. Это вопрос о Владимире Кара-Мурзе и что его убили. Это вопрос о многих людях.

Это вопрос, в конце концов, убийства Немцова в 100 м от Кремля. Об этом дискуссии в обществе нету. Что нет расследования. А дискуссия идет о чем-то… Кто какую статью написал. Кто позволил себе высказать свою точку зрения не через 2 года 8 месяцев, а вот прям сейчас. Так если бы я ее прям сейчас не написал, вы бы ее никогда и не прочли, уважаемый. А я хотел предупредить общество о наступающем фашизме и предупреждаю сейчас в вашей передаче еще раз. Это все не шутки. Потом будет поздно.

Потом все вот эти, которые финансируют, то да се, потом будут говорить: «Ну кто же мог подумать?!». Вот не надо потом говорить «Кто же мог подумать?!».

Виталий Дымарский — Ну хорошо. Но, смотрите, Навального посадили, а в Госдуму сейчас идет какая-то новая партия, как она там называется, которая явно с этим тоже с национал вот этим патриотическим душком.

Григорий Явлинский — Они соединились сейчас с Мироновым. Про это я и говорю. Статья-то была не прям про него, а про явление, про событие это, про тренд, про направление. Ладно. Что еще я вам скажу? Да, Миронов соединился с ними. И вот получается такая партия, да.

Виталий Дымарский — Григорий Алексеевич, чтобы успеть, я хочу вас все-таки… Поскольку сентябрь уже не за горами, если хотите, тактика «Яблока» в связи с предстоящими выборами, на что вы рассчитываете. И я все-таки не могу пройти мимо этого. В смысле не спросить вас, а не считаете ли вы, что вот эти последние события могут повредить просто электоральным перспективам «Яблока».

Григорий Явлинский — Ситуация такова, что самое главное для «Яблока» — оставаться самим собой. Не надо сейчас вилять всеми частями тела. Слишком все серьезно. И «Яблоко» должно оставаться самим собой. Вот как правозащитники в 1960–1980-е годы, диссиденты, такие великие люди, как Сергей Адамович Ковалев, например, они считали независимо от перспектив, что самое главное — говорить правду, оставаться самими собой и не менять позицию. Вот это самое главное для «Яблока». Самое главное — не превращаться ни в какие популисты, не пытаться всех соблазнить, всех затащить,

а защищать главные, стратегические, принципиальные интересы нашей страны и нашего будущего. Вот в чем смысл нашей партии и в чем ее главная задача. Вот это мы должны выдержать. В остальном мы постараемся разъяснить свою позицию максимальному большинству людей, мы постараемся всех убедить. Мы постараемся сотрудничать со всеми, с кем не стыдно сотрудничать, с кем можно сотрудничать. Мы никому не отказываем…

Виталий Дымарский — А с кем не стыдно сотрудничать?

Григорий Явлинский — К счастью, легче сказать, с кем стыдно сотрудничать. Стыдно сотрудничать с националистами, с большевиками, с национал-социалистами, стыдно сотрудничать с коммунистами. А со всеми остальными людьми…

Виталий Дымарский — А «Единую Россию» вы к чему припишите, к какому направлению политическому?

Григорий Явлинский — Это современное националистическое направление.

Виталий Дымарский — «Единая Россия»?

Григорий Явлинский — Да, «Единая Россия» в целом, вообще вся политика, которая оттуда идет. А ведь в чем эта политика, в чем смысл? Смысл этой политики в следующем. У нас есть вождь один и несменяемый, у нас вокруг вождя есть единый народ, а все остальные — враги. Вот и всё. Это и есть «Единая Россия». Есть несменяемая власть, вокруг него должно быть единство народа, а вокруг все враги. Вот, собственно, вся модель, которая ими проповедуется. И мы являемся их принципиальными оппонентами. Принципиальными оппонентами.

И будем доказывать гражданам, что голосовать за них не надо. Вот проголосовали в 2018 году — ну вот получили результаты с пенсиями и со всем остальным. Это же очень просто все. Мы предложили 10 раз за 30 лет поворот России в другую сторону, в правильном направлении, в направлении, в котором уважают человека, в направлении, в котором имеет смысл, какая у тебя программа, в направлении, которое ведет к тому, что человек жил бы без страха, чтобы он был свободен, чтобы было творчество. 10 раз за 30 лет. Народ не согласился, не выбрал это направление. Ну что ж, это его право. Я признаю, что это его право. Все мы признаем, что это его право.

Мы остаемся убежденными людьми. И мы считаем, что в этом будущее России. Ради этого стоит работать. И будем убеждать людей снова и снова. Вот в этом наше место и наша роль. А люди, между прочим, в 1960-е годы за свои убеждения уходили в тюрьму на десятки лет. За убеждения. Не за какие-нибудь там мошенничества и взятки. А за убеждения.

Виталий Дымарский — Григорий Алексеевич, последний вопрос. У нас еще пара минут. Я вам все-таки очень хочу его задать. Смотрите, молодежь идет за Навальным. Не вся, конечно. Так не бывает 100% у нас. Потому что Навальный, помимо всего прочего, националист, не националист, либерализм, не либерализм, Навальный — это какая-то динамика. Согласитесь. Это какая-то, говоря современным молодежным языком, движуха, это то, чего не хватает традиционным партиям — от провластных до, извините, оппозиционных.

Григорий Явлинский — И что?

Виталий Дымарский — Ответьте.

Григорий Явлинский — А вот я отвечаю, что никакого изменения политической системы России с улицы не произойдет. Можете оспорить. Жизнь покажет. Этого не будет. Это движуха, которая, к моему великому сожалению… В которой участвуют многие очень близкие и дорогие мне люди. Но, к великому моему сожалению, эта движуха никуда, кроме полиции, кроме участков, кроме тюрьмы, кроме сидения в колониях, не ведет.

Виталий Дымарский — Григорий Алексеевич, извините. Просто время наше закончилось. Я думаю, что это не последняя наша беседа. Спасибо за то, что вы приняли в ней участие. Это была программа «Редколлегия». До встречи.

Путин и Байден. Кто как называется?

24 марта 2021 г., сайт Григория Явлинского

2 октября 2018 года на территории консульства Саудовской Аравии в Стамбуле был убит и расчленен известный журналист газеты «Вашингтон пост» Джамаль Хашогги. Недавно Национальная разведка США обвинила наследного принца Саудовской Аравии Мухаммеда бен Салмана в организации этого убийства.

В интервью телеканалу ABC, которое в России не перестают обсуждать, президент США Джо Байден говорил не только о Владимире Путине, речь зашла и о принце Салмане. Однако последнему повезло больше. Во-первых, журналист почему-то не спросил Байдена, считает ли тот наследного принца убийцей. А во-вторых, сам американский президент недвусмысленно пояснил, что да, Мухаммед бен Салман — заказчик убийства, но он «свой заказчик убийства». То есть «он, конечно, сукин сын, но он наш сукин сын». А своих (глав государств-союзников) США никогда не преследовали, добавил американский президент. Далее Байден говорит как бы об условиях возможного прощения, то есть о цене, которую, с точки зрения США, должны заплатить за убийство союзники-саудиты.

Говоря о Путине, американский президент тоже обещал, что «тот заплатит». Но не за Крым и Донбасс, не за убийство у стен Кремля политика Бориса Немцова. Заплатить Путин должен за предполагаемую помощь Трампу в борьбе с Байденом на последних выборах, то есть как бы за вмешательство в американские дела. Понятно, что Россия

не Саудовская Аравия, а Путин не принц и Байдену, конечно, не союзник. Но у него есть ядерный арсенал и еще много всякого неприятного. Так что логика «сделки» будет применена и к России. Это такой байденовский прагматизм, «реалполитик».

Правда, угроза предстоящей «расплаты» (Байден не конкретизирует какой, только намекает: «вы скоро увидите») для Кремля несущественна. Путин знает, что платить будет не он сам, расплачиваться дальнейшим падением уровня жизни будут граждане России, которых путинская система относит к собственным ресурсам.

«Реалполитик» Байдена вполне совпадает с путинским пониманием мира. В том же интервью президент США так и говорит, что, несмотря ни на что, у нас с российским президентом есть общие интересы, нужно уметь «одновременно ходить и жевать жвачку». Путин именно так к демократии и относится: это такая жвачка, которую можно жевать сколько угодно, но это не должно мешать «ходить» — то есть строить мафиозно-корпоративное государство, устраивать авантюры, тиранить и уничтожать оппонентов. В то же время отношения с американцами можно поддерживать, исходя из общих интересов, действительно чувствительных для США. И таких интересов немало. Здесь и продление американцами Договора о стратегических наступательных вооружениях, и энергетическая и климатическая политика Байдена, напрямую связанная с уровнем мировых цен на нефть, и обустройство власти в Афганистане, которое 18 марта обсуждалось в Москве с участием высокопоставленного представителя США и запрещенного в России «Талибана». И все сказанное американским президентом, собственно, такому пониманию вещей не противоречит.

Есть, конечно, и огромные различия. Но они в другом. Президент Байден 11 марта утвердил пакет мер поддержки экономики в условиях пандемии объемом $1,9 трлн, начав реализацию предложенного им самим «Американского плана спасения». Предполагается, что средства пойдут на наращивание национальной программы вакцинации, безопасное открытие школ, поддержку малого бизнеса, еженедельную федеральную надбавку по безработице в $300 и пособия на ребенка до $3,6 тыс. Также запланированы масштабные выплаты нуждающимся в поддержке американцам. По подсчетам CNN, ту или

иную помощь получат примерно 90% американских семей. Так в Америке понимают экономику.

В России все иначе. С начала пандемии на поддержку экономики и населения российское правительство выделило в 86 раз меньше средств, чем власти США. Да, все понятно, население США почти в два раза больше, объем ВВП у американцев в 14 раз выше. Но не в 86 раз!

Владимир Путин неоднократно давал понять, что главный приоритет его политики — создание в России «отдельной цивилизации» и противостояние с Западом. Для него это означает в той или иной форме восстановление территорий и самой «супердержавы» по типу СССР со своими зонами влияния в мире. Отсюда — Крым, Донбасс, Сирия и другие внешнеполитические авантюры. А чтоб изнутри не мешали — слом Конституции, постепенное уничтожение всех прав и свобод, репрессии, физическое устранение оппонентов власти. Вот вехи на пути к заветным целям. И в центре такого целеполагания вовсе не человек. Путин в принципе решает другие задачи.

Экономика в системе Путина не более чем средство мобилизации ресурсов для построения державы и затяжного противостояния с противниками — как теперь выясняется, чуть ли не со всем миром. Резервы, накопленные за тучные нефтегазовые годы, предназначены именно для этого: для критического импорта, экстренного импортозамещения, снабжения армии, диверсий и борьбы с вражескими диверсантами, разведки и пропаганды, то есть всего того, что нужно для борьбы с внешним и внутренним врагом, а не с экономическим спадом или падением доходов населения (см. «После карантина», май 2020). А люди — лишь ресурс для реализации этих великодержавных амбиций. Поэтому и в 86 раз. И в этих обстоятельствах легко догадаться, кто как называется.

Более того, и американцы, и европейцы видят эту подготовку к конфронтации и, возможно, даже понимают, к чему она может привести. Нельзя сказать, что их это устраивает. Тем не менее предпринимать реальные шаги по предотвращению этих угроз они не готовы — не знают, что именно надо делать, да и пока не очень хотят знать.

Байден так откровенно высказывается о Путине (несмотря на российский ядерный арсенал), потому что в современном мире Россия занимает периферийное положение в силу слабости своей экономики, которую нынешний политический курс Кремля делает еще слабее. Это не показатель приоритетности российского направления в американской внешней политике, а совсем наоборот. Байден ведь сказал, что поговорит с Путиным когда-нибудь потом — когда дойдет очередь.

Какие мы можем сделать выводы в России? Как полагают некоторые, из сказанного Байденом следует, что нынешняя политика Кремля напугает Запад, приведет к его позитивному обновлению и консолидации, давление на Москву усилится и в итоге путинский корпоративно-мафиозный режим рухнет.

Не вижу оснований для надежд на такое развитие событий. Интервью Байдена очень ярко продемонстрировало «реалполитик» обобщенного Запада. Нынешний Запад будет «жевать и ходить одновременно» — говорить о демократии, ругать коррупцию, грозить, вводить санкции (но кроме космоса, конечно), употреблять крепкие выражения («Убийца? — «Угу, да») и «делать бизнес как обычно», не посягая на действительно чувствительные сферы, такие как торговля сырьевыми товарами (нефтью, газом, алюминием и др.). Запад нуждается в экономической стабильности и не будет осложнять себе жизнь, особенно на выходе из пандемии. Прагматический интерес, стремление к прибыли, росту доходов будут доминировать над соображениями морали и политической нравственности, «реалполитик» и «реалэкономик» останутся мейнстримом.

Поэтому ни Байден, ни в целом Запад никак не помогут России в нормализации жизни, в построении правового государства, в восстановлении законности, правосудия, свободы и политической конкуренции со сменяемой властью и неприкосновенной частной собственностью. Это раньше у России были друг Гельмут и друг Билл. Теперь в друзьях товарищ Лукашенко и Реджеп-паша. Так что, кто бы как «ни обзывался и ни назывался», рассчитывать надо только на себя — нам предстоит исключительно самостоятельно переучреждать государство и строить свою страну.

«Свободу всем политическим заключенным!»

3 апреля 2021 г., сайт партии «Яблоко»

Я, вообще говоря, всех хочу поприветствовать. Мне очень приятно всех видеть, особенно среди всего, что сейчас происходит. Это мне очень важно — с вами разговаривать. Я, честно говоря, серьезно готовился к сегодняшнему дню, потому что это штука-то серьезная.

Первое, что я хотел сказать — это то, что я не могу не отметить. Мы с вами встречаемся год и четыре месяца спустя, потому что в стране разбушевалась пандемия. Это очень серьезное общенациональное, можно сказать, крайне болезненное явление. В России, по официальным данным, умерло исключительно из-за ковида 100 000 человек. У меня есть, к сожалению, немало знакомых и близких, которые в той или иной форме испытали ковид, у которых близкие ушли. Это болезнь на самом деле страшная и очень серьезная.

3 000 000 человек в мире погибло. Но мало того — в нашей стране смертность в минувшем году стала рекордной за последние 15 лет. Учитывая прямые и косвенные потери в связи с ковидом, это огромная цифра.

Согласно тоже официальным данным, естественная убыль населения в 2020 году удвоилась и достигла почти 700 000 человек. При этом она выросла на 18% и стала рекордной. Умерло 2 000 134 человека против 1 800 000 в прошлом году. Это косвенные потери, связанные, как вы понимаете, с тем, что врачи не в состоянии были оказывать помощь из-за ковида. Именно поэтому объявляются локдауны — потому что не выдерживают системы здравоохранения, они просто не могут принять столько людей. А люди болеют самыми

разными болезнями, как вам прекрасно известно: кардиологическими, да бог знает какими. А в этих условиях они не могут лечиться. Система здравоохранения стала закрытой.

Но мало этого — больше 1000 врачей отдали свою жизнь в борьбе с пандемией, по данным врачей. Больше 1000 погибших медиков в период пандемии стали героями. Я считал бы, что было бы правильно, если бы наш съезд уделил бы минуту молчания всем тем, кто героически боролся и борется и еще будет бороться за жизнь наших сограждан и за память тех, кто от нас ушел в связи с этой всемирной катастрофой. Прошу вас. Это выражение нашего уважения к врачам и нашего сочувствия к тем, кто потерял близких. Спасибо большое.

А еще я хотел бы отметить, что правильно подчеркнуть (это такой случай, когда это важно сделать) подчеркнуть нашу благодарность российским ученым, которые создали вакцину от ковида. Было много сложностей, но по факту (мы теперь все это знаем) Россия одна из первых создала такую вакцину. И на сегодняшний день она приобретает все большее признание в мире. И я хотел бы поблагодарить, поздравить и выразить гордость за российских ученых.

Теперь я хотел бы сказать вам, что еще совсем не конец этой истории. По мнению специалистов, в середине апреля будет опять подъем, который хорошо, если закончится к концу мая. А вообще сейчас будет опять следующая волна. В нашей стране никаких локдаунов нет. Поэтому если волна будет, то она будет солидная. Это тоже надо всё иметь в виду. Есть надежда, что к концу года это всё кончится.

Но, друзья, на то и съезд. Мы приняли все возможные меры, для того чтобы обезопасить вас от возможных неприятностей. И у меня просто большая просьба к вам ко всем по возможности соблюдать эти меры. Ну да. Потому что это серьезное дело. Вот такое вступление.

Теперь я хотел с вами немного посоветоваться. Я подготовил большой и сложный доклад. Он правда сложный. Потому что ситуация сложная. И тема сложная. И ответственность наша очень большая. Во многом выступление уважаемого Льва Марковича мне помогло, потому что он в некоторой степени трансформировал мой доклад в дискус-

сию. Поэтому я по ходу своего выступления буду в какой-то степени, с вашего разрешения, апеллировать к тому, что было сказано. Как вы догадываетесь, иначе это просто невозможно.

О чем я самое главное хочу вам сказать? Я сейчас даже план скажу, потому что сложный вопрос. Я хотел поделиться с вами оценками и итогами анализа того, что произошло за последние 1.5 года, какая сложилась в России принципиально новая система, совсем другая, нежели она была раньше. Я хочу пояснить, как мы к этому пришли, объяснить причины, почему мы к этому пришли. Потому что, не поняв причины, мы не сможем никогда принять правильные решения о том, как этому противостоять.

Я хотел обсудить с вами о том, каковы особенности этой системы и что же с ней делать, с этой системой, в чем смысл и в чем наши задачи. И что, на мой взгляд и на взгляд моих товарищей, и наш общий вопрос — какова должна быть партия в принципиально новых условиях? Это суть дела. Понимаете? Вот для того чтобы сложный, длинный доклад выразить по сути, я вам скажу: смотрите, какая перед нами стоит сложная задача.

Такая партия, как наша, ничего общего с этой системой не имеет. Она совсем в принципе устроена по-другому. Изменения, которые были внесены в Конституцию, в принципе изменили все устройство. Если говорить еще точнее, надо же отдавать себе отчет, что на самом деле Госдума так, как она работает и существует — это же не парламент, правда? И вот это голосование в багажниках и на пеньках, и эти три дня, и тот авторитет, который имеет вся эта система, и тот авторитет, который сложился у ЦИК и у гражданки Панфиловой — это мало имеет общего с какими-то парламентскими процедурами, выборами и так далее. Это же все видят. Понимаете?

И мы с вами не должны обманывать нашего избирателя. Вот я какую ответственность вижу перед собой. У нас миллионы избирателей. Если суммировать, сколько за нас голосовало людей за 27 лет… Кто-то перестал, кто-то присоединился, общее число уменьшилось. Вообще теперь никто ничего не знает, кто, когда, за кого голосовал. Меня поздравил с победой президент, позвонил мне в 3 часа ночи и поздравил меня с победой. А через два часа оказалось, что он ошибся.

Вот никогда не ошибался, а тут взял — ошибся. Это же особая система, правда? И мы должны с вами об этом говорить прямо.

Но, друзья, мало того, что у нас в стране много изменилось. Еще и мир меняется. Ну кто-нибудь из вас мог полтора года назад представить, что какие-то толпы будут штурмовать Капитолий? Я даже не знаю, что еще сказать. Ну а вообще, если б мы с вами 5 лет назад разговаривали, вы бы могли себе представить, что такая страна, как Соединенные Штаты, даже выдвинуть президента моложе лет 80 не может? Не потому что он плохой. Я не знаю. Я его лично не знаю, но так давно, что я не знаю, какой он теперь. Мир меняется. И это тоже вопрос к нашей партии. Это ж неслучайно. Это тоже часть темы.

Теперь мне очень бы хотелось сказать вам, какие новые возникли препятствия. А препятствия очень серьезные. Смотрите, деполитизация, которая длится уже 20 с лишним лет, она привела людей к такому состоянию… Она очень эффективна. Что теперь что-то рассказать и объяснить людям крайне затруднительно, вообще особая задача. Понимаете? И это тоже новые обстоятельства. Это новое препятствие. Раньше можно было собрать людей, выступить на митинге — многие люди тебя поняли. Теперь люди просто зачастую не понимают, что ты хочешь. И от отчаяния случаются такие истории, как в Хабаровске. Ну просто от отчаяния. А что, у людей выбора никакого нет. И вообще никакого просвета нет. И это тоже обстоятельства, которые мы с вами должны понимать.

И в заключение я хочу сказать еще о двух пунктах. Один из них о том, как нам достигать практических результатов, как нам реализовать нашу ответственность перед нашим народом и перед нашей страной. И вот исходя из всего того, что я рассказал вам, и вытекают соображения, какая должна быть партия. Понимаете? То есть, пожалуйста, не надо думать, что кто-то придумал вот эту всю реформу, о которой мы с Эмилией Эдгардовной говорили и уже много лет говорим. Просто придумал, ну чтоб кого-то там исключить или кого-то куда-то не пустить. Да ну что вы! Это совсем не так. Это слишком дорогая история, слишком дорогое удовольствие. Понимаете?

Теперь есть несколько просто пояснений. И я тогда перейду… Я слежу за временем. Перейду к сути дела. А пояснение здесь вот

какое. Насколько я понимаю, все решения, которые… Мы же ответственные люди. Все решения, которые сегодня будут приняты, пока еще Минюст будет это всё рассматривать, пока еще он это все примет, пока эти поправки пройдут, уже все выборы кончатся. Не тревожьтесь. Это же не то, что сегодня приняли — завтра это действует. Так не будет. И мы это знаем.

Все это войдет в жизнь, будет реально работать осенью. Ну вот. А теперь я хочу сказать вам те же вещи, но только по существу и в развернутой форме.

Со времени первой части нашего съезда прошло немногим больше года. Однако мы, как я вам уже сказал, собираемся в качественно новых условиях и вовсе… Это связано не с коронавирусом. Это только часть событий. Для нас как для политической партии большее значение имеет то, что завершилась… Вот это я хотел сказать как важнейший тезис для нашего с вами понимания и обсуждения… То, что завершилась эпоха постсоветской модернизации. Вы только вдумайтесь. Это как бы немного людей слышат, но, к сожалению, понимают пока еще очень мало. Вот то, что началось в конце 1980-х, в 1990-м, 1991-м (30 лет), и вот этот период весь завершился.

Больше страна не строит демократию, больше она не идет по европейскому пути, больше она не ищет общего со всем миром. Больше она не считает (слушайте) жизнь, человеческое достоинство и уважение к человеку самым главным. Больше страна не считает нужным, чтоб была независимая судебная система, чтобы были независимые средства массовой информации. Я могу дальше продолжать. Даже можете просто посмотреть, какие принимаются поправки. Это серьезное дело.

Да, многого из этого не было все эти 30 лет. Этого не было, правда. Но это по крайней мере была цель или к этому можно было апеллировать и можно было стремиться к этому. Теперь это вообще просто всё, снят вопрос с повестки дня.

Вот эта перекройка Конституции путем (хочу подчеркнуть) незаконного по процедуре внесения неправовых поправок — вот она подвела формальную черту. Конечно, это случилось раньше, но это просто формальная линия.

Вот… цену всегда когда-то называют. Ну как… Мало ли что происходит. День бракосочетания — все-таки формальное решение принимается. Так и здесь. Это как бы формальное подведение черты под всем этим периодом.

Кстати, это просто уморительно смешно и тоже касается того, что происходит в мире. Буквально на днях великая Венецианская комиссия сообщила, что там почти все неправильно. Или половина всего неправильно. Ну и что теперь с этим делать? Ее просили это сделать весной. Она сделала весной, только следующей. И что? Вот так устроен мир. Вот что нам с вами обязательно надо учитывать.

Итак, создана в стране система, произошла такая смена уже формальная, в которой несменяемость персональной власти Владимира Путина теперь закреплена в Конституции страны. И там же прописаны основы. Сейчас каждое слово имеет значение. Основы корпоративного мафиозного (или полумафиозного) суперавторитарного государства с шовинистической идеологией. Реальность, с которой мы с вами столкнулись.

Да, если говорить о прошедших 30 годах, некоторые вопросы в эти прошедшие 30 лет решили. Они наполнили магазины. Они показали, как можно нефть менять на продовольствие, на всякие товары. Они обеспечили рост уровня жизни для значительного числа наших граждан. 15, я думаю, 20 процентов наших граждан существенно изменили уровень жизни, если сравнивать их с тем, что было 30 лет назад. Особенно это жители больших городов, столицы. Правда, 80–85% наших граждан остались вне этого процесса. Они остались в положении на сегодняшний день беднеющего населения. И при этом их уровень жизни последнее время падает.

Вот это вместе с тем, что я сказал, является, пожалуй, главным итогом постсоветской модернизации. Вместе с чем? Вместе с тем, что есть общее настроение. А вы меня поправите, если я не прав. Утрата ощущения перспективы и утрата ощущения будущего у огромной части населения нашей страны. И у богатых. Потому что они сегодня богатые — завтра в тюрьме или еще где-нибудь. И у бедных, потому что они не знают, что с этим делать, со своей бедностью. И у молодежи, когда она начинает об этом думать.

И вот это обстоятельство является на самом деле, друзья, чрезвычайно важным. Потому что утрата вот этой перспективы — это то, что имеет огромное значение.

Вот когда в 1990-е годы начиналось движение к переменам, основным мотивом этого процесса было развитие человека, реализация интеллектуального и творческого потенциала нации. Вот за это всё вы, ваши родители, наши с вами родственники, друзья, мы сами именно за это хотели тогда бороться и терпеть все изменения.

Но к 2021 году нам не удалось достичь самого главного — свободы, жизни без страха, уважения к человеку, уверенности в перспективе, будущем детей, защиты от произвола, суда, вызывающего доверие, влияния гражданина на власть, социального движения вверх. Не за взятки, а на основе талантов и достижения (благо, не по наследству) за счет личных качеств.

Причины (я буду стараться быть кратким) я вижу две самые главные. Одна причина — это то, что за все эти годы (и особенно вначале) российское общество и российское государство так и не отказало себе, не позволило, не дало оценки советскому периоду. Не дало оценки сталинскому периоду, не дало оценки большевизму, не дало оценки преступления советского периода, не дало оценки почти столетней истории своей. Для чего эта оценка? Не для того чтобы кого-то наказывать, а для того чтоб извлечь из этого уроки.

Ну и мы получили необольшевизм в чистом виде. «Цель оправдывает средства», несменяемая власть, репрессии. Всё. Это та же самая система, но в современной обертке. И вторая причина, почему это все произошло — потому что так провели реформы. Очень грубо ошиблись, а потом ошибки были связаны с преступлениями. Я могу назвать их. Это конфискация, которая произошла в 1992 году. Вы ее все прекрасно помните. Многие по крайней мере из вас. Она была совершенно очевидным событием, которое не вызывало никаких сомнений, что так будет. Потому что в сверхмонополизированной экономике, в которой нет ни одного частного предприятия, а все предприятия государственные, если вы говорите, что цены вы устанавливаете свободно, вы получите инфляцию, причем какую? Бесконечную. Вот и получили. 2600%. Это была полная конфискация, которая уничтожила

предпосылки появления среднего класса и стала предтечей залоговых аукционов. Всё.

А залоговые аукционы — это просто полукриминальная раздача собственности в руки «дружкам». А «дружкам» — это значит олигархи, это значит связь бизнеса и власти, это значит отсутствие независимого суда, независимых СМИ, независимого парламента, потому что это все преступно. И если все эти инструменты будут разоблачать, ну всё. Всё это сложилось в фундамент той самой корпоративной системы, которую в прошлом году летом здесь закрепили даже уже теперь и в Конституции.

Отказались от экономического договора, который был подписан. А он знаете о чем говорил, этот экономический договор? Его подписало 13 бывших советских республик, кроме Грузии и Азербайджана. У Грузии был Гамсахурдия, такой особый человек, а Азербайджан был обижен, как обычно, за Карабах. А все остальные, даже балтийские государства, подписали. А что подписали? Банковский союз, общая валюта, единое таможенное пространство, общее законодательство. Ну потом Беловежская пуща — и все это было разрушено. Я могу это долго говорить. Это правда надо знать. Нам, политикам, обязательно мы должны с вами это знать и понимать. Это нам просто всё необходимо. Ну вот. Это всё легло в основу. Это слияние власти и бизнеса.

И так мы получили с вами вот эту систему, которую можно характеризовать именно такими чертами, о которых я сейчас вам довольно подробно сказал.

К тому положению, в котором мы сейчас находимся, эта система шла долго. Вот посмотрите. И я очень бы просил вас обратить на это внимание и запомнить, как мы пропускаем события, а потом они выстраиваются в очень серьезную линию.

Вот расстрел Белого дома помните? 1993 год. Это отказ от всяких компромиссов и разговоров, да? И доведение дела до братоубийства. Вот мы тогда вошли в Думу. И мы… Сергей Митрохин, если здесь присутствует, мы внесли первым делом постановление о расследовании доведения до братоубийства. Что сделали власти? Они предложили амнистию и обменяли с коммунистами тему расследования. Рассле-

дование убрали, тех, кого в Белом доме арестовали, выпустили, и как бы всё шито-крыто.

Потом война в Чечне вместо переговоров, потом фальсификация выборов всех уровней. Потом выбор Борисом Николаевичем сотрудника комитета государственной безопасности в качестве собственного преемника. Ну как могли по-другому развиваться события? Каждое это событие — это шаг как раз в этом направлении. Потом кадровая политика, построенная исключительно на лояльности. Потом начало (это уже после 2000-х) подавления политических оппонентов всеми доступными средствами вплоть до физического уничтожения. А член партии Лариса Юдина была уничтожена в буквальном, в прямом смысле слова жесточайшим образом во второй половине 1990-х. То есть это не обязательно после. Это уже так система работала.

Потом монополизация контроля за СМИ. Потом политика продиктована имперскими позывами. Следование принципу ограниченного суверенитета в отношении всех бывших советских республик. Потом попытки прямого грубого вмешательства в дела соседних государств, аннексия Крыма и война в Донбассе, которая и сейчас прямо в эти минуты и в эти дни становится все более и более горячим сюжетом.

Понятно, что такая конструкция меняет в жизни всё. Но сейчас хотел два слова просто сказать вам как экономист. Вам это пригодится. Такая конструкция требует очень много ресурсов. Наше государство сегодня не имеет таких ресурсов. Притом, какую она ведет политику. Следовательно, будьте готовы: скоро эта политика будет проводиться за счет граждан в еще большем масштабе, чем то, что мы видим сегодня. Будет сопротивление снизу. Ну, могу вам сказать, что раньше или позже, конечно, эта система будет меняться. Вопрос заключается в том, как это будет происходить. Это и есть наш с вами главный серьезный вопрос.

Итак, чтобы подвести итог под тем, что я сказал в этой части, я хотел сказать вам следующее. Внесение путинских поправок в Конституцию ознаменовало поражение демократических реформ, начатых в конце 1980-х — начале 1990-х. Основные причины провала — отказ от государственно-правовой оценки сталинизма и преступлений советского периода, грубые просчеты в логике и содержании реформ

1990-х годов, гиперинфляция, залоговые аукционы, слияние власти, собственности и бизнеса, порождение олигархии.

На этой основе в стране создан автократический неправовой полукриминальный антисоциальный политический режим с хронически стагнирующей экономикой и беднеющим населением.

Результатом стала политика, продиктованная имперским мышлением, следованием принципу ограниченного суверенитета в отношении республик бывшего СССР, попытка грубого вмешательства в дела соседних государств, аннексия Крыма и война в Донбассе, заказные убийства политических оппонентов и журналистов, бессмысленное, кровавое участие в гражданской войне в Сирии, принятие множества, особенно в последние полгода, репрессивных законов.

Что можно сказать о такой системе? Какой наш самый главный лозунг должен быть по отношению к этой системе? Ну, что мы участвуем в выборах? Это мы отдельно обсудим. А я то думаю, что наш главный лозунг теперь должен быть к этой системе… Может быть, не единственный, но очень главный. Вот этот: «Свобода всем политическим заключенным». В стране сотни людей арестованы, сидят в заключении, лишены всех прав не за то, что они совершили, а по каким-то другим мотивам, которые формально не объявляются, но которые являются причиной того, что они находятся в заключении.

Это не только вопрос политических убеждений. Это вопрос неправовой, внесудебной расправы, когда человека сажают как бы за налоги, а на самом деле — за политические убеждения. Когда ему приписывается формально одна вина и его арестовывают и сажают, а реально он сидит за что-то совсем другое. И это неважно, каких он взглядов. Это неважно, согласны мы с ним или нет. А важно то, что это абсолютное бесправие. Вот это система абсолютного бесправия — это то, что сегодня сложилось в нашей стране.

Я хотел более подробно об этом говорить и специально подготовил это, но я просто слежу за временем. Боюсь, чтобы я успел вовремя всё сделать.

С экономической точки зрения, должен сказать вам, я хотел гораздо более подробно с вами поговорить, трудности экономические я уже отчасти вам сказал. Думаю, что в ближайшее время все их

почувствуют. Каковы же приоритеты власти в таких условиях. С одной стороны — репрессии. С другой стороны — экономические сложности. В этих условиях приоритеты власти — это самосохранение. Самосохранение независимо ни от чего. Это попытка недопущения каких бы то ни было протестов в стране, создание зоны влияния вокруг, обеспечение таким образом статуса как бы региональной державы.

Весьма возможным результатом такой политики может быть война. И это всё время надо чувствовать. Власть очень старается в этом направлении и работает соответствующим образом. Например, все (тоже не буду сейчас специально останавливаться), кто захочет, могут поговорить, например, с Еленой Павловной Дубровиной на эту тему, но хочу сказать вам, что так называемые федеральные территории — это вот принципиально новая жизнь. Федеральная территория — это территория без представительных органов власти. Только совещательные там. То есть они делают целые субъекты, в которых не распространяется ничего: ни местное самоуправление, ни законодательная власть — вообще ничего. Население становится совершенно бесправным. И там можно на этих федеральных территориях делать что угодно. Это что такое? Это модель на будущее.

Это так хотят сделать всю страну. Ведь сказал же Владимир Путин, что «мы отдельная цивилизация». Вот. Зачем нам, как в Европе? Зачем соблюдать все договоренности и конвенции по местному самоуправлению? Вот, что происходит. Из таких приоритетов, вот, как я перечислил, вытекает и отношение к гражданам. А смысл в отношении к гражданам в чем? Что граждане, вообще говоря, являются ресурсом, который используют. И, собственно, всё.

Просто используют. Расширение возможностей силовиков, минимизация их ответственности. Могу заверить вас, что от выборов 2021 года будут отстранять всех неконтролируемых персон. Я так думаю. Тем или другим способом. Либо не регистрировать, либо фальсифицировать, либо еще что-то.

Итог. Я много бы мог еще про это говорить, но мне надо уложиться. Мы в новой ситуации. Вся прежняя система коммуникаций власти с народом разрушена. Режим ведет себя теперь по-другому. Он не разговаривает с людьми. Он ни со страной, ни с людьми не

разговаривает. Его политика не предусматривает обратную связь. Позиция власти — это ложь, пропаганда и подавление. Надо избавиться от иллюзий, что власть чего-то боится. Вот это я тоже очень хотел до вас донести. Давайте избавимся от таких иллюзий, что власть чего-то боится, что она слабая, что она чуть ли не завтра разбежится. Ничего этого нет. Ничего этого нету. Это не соответствует действительности.

А вот что соответствует действительности — это то, что я вам говорил. Одна из сложностей. То, что события, связанные с конституционным переворотом, до сих пор остаются как бы за пределами, за скобками актуальной дискуссии. Ее нету. То есть люди просто не понимают смысл происходящего. И в этом одна из наших очень серьезных проблем.

Реальность очень серьезная. 11 000 человек находятся под арестом после зимних протестов. Думаю, что большинство из этих людей — это очень хорошие люди. Думаю, что это большая проблема. Больше 100 уголовных дел. Представляете, сколько будет сейчас… Вот умножьте на два или на три. Юристы меня, может быть, поправят. Это будет столько заключенных. Они будут сидеть в тюрьмах. Это не игрушки.

Не игрушки в том смысле, что это Левиафан. Он очень сильный, очень серьезный и очень опасный, и агрессивный. И обладает огромными силовыми ресурсами. Утешаться, что зверь ошибается, не стоит. Потому что его глупость может обернуться человеческими страданиями и кровью. Мы с вами реально находимся в новой действительности. Это все очень серьезно.

Есть целый пакет опасностей, которые из этого вытекают. Федеральный политический комитет специально принял решение о том, какие опасности в этой ситуации нам угрожают. При этом (и это последнее замечание из этого ряда) я думаю, что в этом зале нету таких, но, как сейчас любят говорить, в сетях этого полно… ждут, что придет какой-то дядя и для нас что-то сделает. Не будет этого. Забудьте это всё. Нам всё нужно делать самим. Никто нам ничем не поможет. Это прямая ответственность наша. Нам никто ничего не будет делать. Хоть бы не вредили, так и всё.

Потому что есть много объяснений. Но для нас это большая проблема. Потому что политическая энтропия, то есть политический распад — это сейчас мировое явление. Будет минутка — посмотрите, есть такая работа, называется «Политическая энтропия. Цифровые технологии и глобализация беспорядка». Посмотрите её. Она любопытная. Она о чем говорит? Она говорит о том, что в мире происходят такие события, которые вообще ничего для нас хорошего не обещают.

Не потому что они плохие, а потому что у них у самих разрушаются политические и государственные форматы. Об этом очень много пишут сейчас философы, например такие, как Зигмунд Бауман, которые очень много сейчас об этом пишут и говорят. Он, к сожалению, умер, но совсем недавно он писал работы о текущей современности, о том, что эта жидкость — это уже не институты. Ну вот. Итак, отправная точка. Теперь поговорим о наших делах.

Вот примерно такие исходные обстоятельства. Отправная точка в чем? Вот для меня (и я хотел бы до вас это донести) отправной точкой является моя личная вера в наших людей, в нашу страну и в нашего человека. Вот если такого убеждения внутреннего нет, то тогда наступает совсем другой момент. Я верю и я вижу это, и я знаю, что если нашему человеку создать нормальные условия жизни, мы будем жить как надо, совсем не хуже других.

Что же для этого нужно сделать? А для этого мы должны быть последовательными. В каком смысле? Мы как «Яблоко» видели и не поддерживали Конституцию 1993 года, мы как «Яблоко» видели и не поддерживали реформы, которые тогда осуществлялись. Сейчас это важно понимать. Мы просто боролись против этих вредоносных реформ и предлагали свои решения. Мы предлагали новые решения. Так вот я рад доложить вам, что и сейчас у нас есть целый пакет предложений и в части государственного строительства, и в части экономической реформы, который находится в непрерывной разработке и дополнении.

Я, например, посчитал, что сразу после того, как состоялись события прошлого лета, посчитал совершенно необходимым приступить к разработке всей этой концепции немедленно. У нас с вами есть что предложить обществу.

Я хочу отметить всех тех, кто работал по альтернативной конституции. Очень много было сделано, особенно наши руководители законодательных собраний вносили эти вещи. А в партии это все разрабатывалось. И вот я хочу сказать вам, что сейчас идет подготовка проекта демократической социально-либеральной конституции, отражающей реалии современного мира, идет масштабная работа по анализу того, как должно быть выстроено принятие такое конституции, в том числе и работа в области Учредительного собрания. Идет непрерывная работа по тому, чтобы создать механизм по разъяснению этих всех направлений.

Ну а на экономической программе я хотел бы остановиться особо, хотел бы сказать, что разработка программы экономических реформ включает в себя безусловное закрепление права частной собственности, существенное снижение роли и объема присутствия государства в экономике, повышение конкуренции и демонополизацию, оптимизацию налоговой и денежной политики, отказ от консервации ресурсов для чрезвычайных обстоятельств, вооруженных конфликтов и конфронтаций, комплекс мер, опирающийся на активные классы общества, промышленную элиту, финансовые круги, предпринимателей, целая система мер по отделению власти от бизнеса и собственности, то есть устранение главной причины краха постсоветской модернизации — слияние власти и собственности.

Разработка судебной реформы и реформы ФСИН, о которой сейчас много говорят, подготовка изменений в уголовный кодекс, освобождение СМИ от тотального государственного контроля, подготовка и целый пакет реформы избирательного законодательства, всей избирательной системы. Она уже в значительной мере готова, эта работа. Создание национальной экологической программы. Формирование обучения и подготовка корпуса политических кадров новой эпохи — людей, чьи ценностные ориентиры будут принципиально отличаться от образа мыслей и действий тех, кого сейчас вырастила эта система в качестве своих функционеров. Нормализация внешнеполитических отношений России.

Ну вы только на это посмотрите. Министр иностранных дел чуть не каждый день, бедняжка, все время обиженно говорит, что «мы со

всеми… ни с кем больше не играю». Он все время говорит. Буквально человек говорит так: «Поскольку заткнуть рот европейцам, американцам и прочим завистникам (которые завидуют нам) не удается, Россия готова к разрыву отношений с Европой, Россия готова к отключению от мирового интернета, Россия готова к отказу от международных платежных систем». Ну, слушайте, разве вы не видите, что это просто абсурд? Просто абсурд, и всё. И в этом же контексте танки едут куда-то туда к Украине и так далее.

Друзья, о некоторых серьезных сложностях я вам говорил. О том, как теперь людям все это объяснять. Это очень сложно. Но суть нашего подхода с вами в том, что у нас всегда (и это главное) должно быть альтернативное предложение. Для этого надо создавать структуру, способную формировать альтернативу в новых условиях.

Задача, которую мы решаем реформой партии — это сохранение политического ядра (вот выслушайте) демократической оппозиции в крайне агрессивной среде — в условиях, когда у нас нет ни специального финансирования, ни своих средств массовой информации, которые бы нам оказывали поддержку.

Поменять (это мое глубокое убеждение) власть в России с улицы невозможно и не получится. И все, кто сейчас размышляет над этим, я бы им рекомендовал проанализировать вот это мое убеждение. Строить альтернативу на том, что надо разжигать социальную рознь, месть, ненависть, реванш, национализм — это поляна проигрышная, ею воспользуется Владимир Путин сам. Как только дадите сигнал, он и воспользуется ей. И это будет каждый раз. Так уже было. Так и будет.

Как и популизм в любом виде также не приведет к успеху. Опять же, напротив, власти с радостью воспользуются популистскими инструментами. Всякое насилие, партизанщина, революционная борьба для нас с вами (лично для меня и для нас) неприемлемы. Как говорил великий диссидент Петр Григоренко, в подполье можно встретить только крыс. И я так думаю.

Мы с вами обречены работать открыто, публично и легально. Сейчас будет много развилок. Сейчас будут приходить с разными идеями. Но просто не забывайте об этом. Самая важная задача — это

выстраивание альтернативы тому режиму, который сейчас укоренился в России. Это и есть самая главная задача.

Как достигнуть практических результатов? Особого разговора заслуживает вопрос о практической реализации тех мер, о которых я вам говорил. Я считаю, что в такой системе, которая сейчас сложилась, оппозиция не может выступать в роли советника, консультанта. Это деятельность очень малоэффективная. Сейчас главная формула — необходимо принуждение власти к диалогу с оппозицией. Вот путь. Принуждение власти к диалогу с оппозицией. Опасное это дело? Очень опасное. Тяжелое? Бесконечно тяжелое.

Но оно будет иметь результат. Оппоненты авторитарной власти должны вести с ней жесткий и очень конкретный диалог с позиций проработанной демократической альтернативы — идейной, программной и политической. Поддержка такого процесса в нынешних условиях будет для мыслящих и ответственных граждан серьезным политическим шагом, осмысленным гражданским действием, выраженной протестной позицией. Именно последовательное и содержательное давление на власть со стороны политически организованного гражданского общества, а не просто стихийные уличные выступления, какими бы массовыми они ни были, откроет путь сначала к серьезному обсуждению актуальной повестки в широких кругах общества, а затем, через формат такой или другой — с властью.

Три ключевых элемента необходимы для практической и успешной реализации новой политики: идеология и профессиональная программа действий по выводу страны из кризиса и программа эффективных реформ. Должен быть предмет, по которому с вами будут разговаривать. Если такого предмета нет, то ничего не будет.

Второе. Должны быть лидеры, способные вести на равных профессиональный диалог с властями по политическим и социально-экономическим требованиям, располагающие высококвалифицированными кадрами, которые могут опираться на эффективную политическую партию. Вот это второе. Идеология и программа, лидеры, с которыми будут разговаривать, и опора на политические структуры. И, безусловно, миллионы сторонников в стране. Вот три части.

Это и есть самое главное. Чтобы вынудить власть к диалогу, за спиной действительно должны стоять миллионы. Я прошу 7 минут. Если позволите. Будем считать, что это из-за пандемии. Я же говорил про пандемию. Пандемия виновата.

Время сейчас наступает такое, что идеи будут цениться, в том числе потому, что наступает их дефицит. Демократическая оппозиция в России имеет шанс победить только всерьез, неформально, убедительно для страны, если она встанет на позиции профессионализма и ценностей, то есть того, к чему стремится «Яблоко».

Теперь в новых условиях надо понимать. Я уже об этом сказал. Нет места для выборов. Поэтому прежде чем говорить (и об этом уже было сказано) дальше, нет никакой уверенности, что может произойти с нашей партией. Но когда произойдет, тогда об этом и поговорим. Претензии к нам в Минюсте существуют. Они спровоцированы, мы это знаем. Но мы пока существуем. И мы должны двигаться. А для того чтобы мы двигались, вот что мы должны сделать.

Наша партия — единственная законная либеральная и социально-демократическая партия России с профессионально проработанной политической программой и тремя десятилетиями последовательного продвижения этой программы в органах власти и общества. Сложившаяся в стране политическая ситуация и предсказуемые перспективы, ее усугубление ставит партию в совершенно особые условия, когда либерализм, демократия, свобода стали уже почти запрещенными понятиями.

Такое состояние дел — не время открытых дверей. Это не время неспешных дискуссий по каждому вопросу. Это не время наращивания членства и суетливого поиска союзников, и расширение электората любой ценой. Потеряем партию. Просто потеряем, и всё. С нами будут разбираться совершенно нешуточным образом.

Если хотите, наша главнейшая задача — не позволить разрушить партию изнутри и извне, сохранить ее в качестве дееспособной политической организации. Во всяком случае до тех времен, когда общество дозреет до понимания пагубности нынешнего курса и окажется восприимчивым к выстраданным нами ценностям. Задача, которую мы решаем реформой партии — это сохранение политического ядра демократической оппозиции в крайне агрессивной среде.

Что же мы делаем? Первое. Мы создаем систему защищенного членства. То есть это означает, что при условии максимально возможной открытости при продолжении привлечения новых людей партия должна быть защищена от внешнего рейдерства. Я не думаю, что кто-то, здесь защищающий другую позицию, делает это умышленно, для того чтобы рейдеры ее захватили. Но я сейчас подыму в зале людей, которые вам расскажут, как сотни людей приходили в «Яблоко» и под копирку писали заявления о том, что они хотят быть членами партии, не зная ни одного ответа, просто делали это за деньги, а потом им раздавали деньги. Вот сидит Валерий Сергеевич Горячев, они к нему приходили. Тысячи людей таких. Сотни или даже тысячи. Ну вы что? Вы так и хотите быть совершенно такими беспомощными. Вы этого хотите?

Этим занимается мэрия, этим занимается администрация президента, этим занимаются шустрые политтехнологи, этим занимаются просто всякие разные жулики. Ну, в общем-то, в какой-то форме это было всегда. Ничего нового. Но мы теперь просто кость в горле. Ведь у них задача-то какая? Чтоб оставить картинку и изменить сущность. Ну что ж непонятного? А у других задача какая? Убер, политический убер. Трамвайчик. «Мы сейчас сюда посадим своих и довезем до нужного места». К сожалению, не могу продемонстрировать на трибуне жест, который мне хочется этим товарищам продемонстрировать. Не будет так. Не будет. Не будет. Приходите, находите общий язык, ищите с нами взаимопонимание. Мы к этому готовы. А когда вы приходите и говорите «У нас главная задача — прогнать Митрохина», не будет так. Он оказался прав. Мы три года возились, возились. А Митрохин оказался прав. И все это запомните. Я признаю, что он оказался прав. Хотя я был на другой стороне. Вот и всё. Не надо так поступать. Не будет такого. И не надо нам это дело сейчас впаривать. Партия должна быть реальной… Слушайте, партия должна быть реальной идеологической, политической организацией. А рейдерство, как правило, направлено на то, чтобы подорвать наши ценности, нормы, доверие к нашим институтам и правилам, которые десятилетиями удерживают нас вместе.

Поэтому процесс регистрации нового члена партии, получение им статуса зарегистрированного члена партии должен занимать некоторое время, понимаете? Мы долго-долго жили совершенно открытыми.

Ну вот пришло время другое. Вот это всё, что я рассказывал, я вынужден торопиться. И мог бы рассказать более подробно. Наступают времена, когда мы должны принимать решения, защищающие нашу партию, понимаете? Вот в чем смысл. Вот в чем смысл.

Должны быть обозначены идеологические рамки, которые можно условно называть социально-либеральными. Поэтому, извините, я здесь коснусь еще вот такой темы. Это невозможно — быть в «Яблоке» и еще возглавлять какой-то левацкий фронт. Не надо этого делать. Выбирай, друг мой, выбирай: или туда, иди сюда. Ну что тут? Что ж это такое? Мы, конечно, либералы, но не до такой степени, понимаете? Ну нельзя быть одновременно у фашистов и в «Яблоке». И мы не можем бесконечно заниматься анализом, как их программы противоречат или не противоречат. Ну для чего это делать? Зачем нас делать какими-то странными людьми.

А другой человек входит в союз, который устанавливает памятник Дзержинскому. Ну что? Устанавливает памятник Дзержинскому. Но «Яблоко» не хочет устанавливать памятник Дзержинскому. Ну так туда или сюда. Ну чего? Зачем? Будьте взрослыми, серьезными людьми. Теперь я хочу сказать, что необходимо в обязанность вменить федеральными региональным органам партии разработку политических, экономических проектов, региональных. Я бы считал это абсолютно необходимым. Давайте возвращаться туда, чтоб с вами разговаривали местные власти не только о том, какой разрешить или не разрешить пикет, а по существу. И уж тем более неприемлемо, когда вся работа по региональным выборам сосредоточена на устройстве личной жизни.

Не надо так делать. Выборы — это все-таки немножко другая штука, нежели просто благоустройство. Нет, я никого конкретно не имею в виду.

Я хотел бы подчеркнуть. Я хочу сказать вам. Дорогому Льву Марковичу хочу сказать. При формировании новых подходов к партийному строительству мы никогда не согласимся с подходом, когда «цель оправдывает средства». На этом строилось «Яблоко». И мы от этого никогда не отступим. В этом смысл нашего существования.

Для нас мораль в политике — это императив. Гуманистические ценности, свобода, уважение к человеку, жизнь без страха,

творчество. Подчеркиваю, взаимопонимание и солидарность — это то, без чего не может быть политической партии. Партия не может быть просто трамваем, который довозит желающих до места в каком-нибудь законодательном собрании или Госдуме.

Без сути, просто на голом активизме, без политических целей, без идеалов. Партия не может быть такой. Нравственность в политике — это не только философский вопрос в конкретной, имеющей прямое отношение к работе институтов и методов борьбы. Рационализм без этики, услышьте меня, пожалуйста, рационализм без этики — это очень опасное направление. Это направление, которое конечным пунктом своим имеет фашизм. Он туда идет.

И это важно, всегда важно. Не только что ты делаешь, но с какой целью делаешь. Наша мораль партии — это партия ценностей, имеющая собственное видение настоящего и будущего, а не просто группировка, которая недовольна чиновниками. Наша партия, как я уже сказал, осуществляет реформы для большинства. И численность партии — не критерий.

Когда у большевиков было 50 000 человек, они захватили власть в России, а потом, когда их стало 20 000 000, они развалились. Мне иногда приходит мысль в голову, что партия — это как печень: чем она больше, тем хуже работает. Ну эта шутка, может быть, не очень, но она честная, понимаете?

Это наша ответственность перед нашими избирателями. Мы не можем быть. Мы можем окружать себя большим количеством сторонников, привлекать их, но мы не можем создавать неуправляемую структуру, за которую просто невозможно нести всю ответственность.

Или это группа людей, в которых вы абсолютно уверены, или это всё имитация и просто вы создаете численность неизвестно зачем. А самые популистские группировки очень любят выкрикивать и кричать, что «им нужно, чтобы было много людей». Главный вопрос внутри партии — это доверие. Вот я смотрю в зал. Я уже, к счастью, не всех знаю лично. Но тех, кого знаю, я им доверяю. И у меня есть все основания. Мы спорили, ссорились и вообще были вместе и были не вместе — всё было. Но я доверяю, понимаете? Вот это и есть то самое главное. Главное — доверие.

Думайте сами, когда будете думать про реформу, что для нас важнее: 10 000 реально людей, которые будут работать в партии, или 100 000 просто людей? Мы несем ответственность перед страной, перед людьми. Ну, про двойное членство я уже вам говорил.

И вот сейчас скажу самое важное. Надо идти в ногу со временем. И, в общем, об этом мой доклад. Мы обязаны сохранять и укреплять ценности и принципы, но постоянно думать о том, как модернизировать организационную структуру и искать новые формы работы. Нужно быть готовым к будущему, нужно учиться у жизни и пробовать. И вы думаете — я уверен в этом талмуде, во всех этих поправках, что это все правильно? Нет. Я не знаю. Но надо делать шаги. Надо пробовать. Это никакой связи не имеет с выборами. Мы сегодня выборы обсудить не можем. Мы не можем обсудить эти выборы, потому что ни мы, ни страна — никто не готов. Это такая новая вообще история. Вы сегодня можете вообще все лозунги утвердить, можете все придумать, а будет всё иначе.

Поэтому нужно заниматься тем, без чего мы просто с вами не выживем. Вот у нас есть такая возможность — мы сейчас этим занимаемся. Если мы будем меняться, сохраняя наши цели и ценности, то политическая энтропия (то есть распад) нас не разрушит. Поймите, это действительно серьезная вещь. Мы же живем по модели партии (вот, Виктор Леонидович знает) XIX века. Мы живем по модели партии XIX века. И все партии в мире так живут. По модели XIX века. Большинство.

А то, что мы говорим, что есть какие-то ограничения на вступление. Ну смотрите, как это работает. Это же очень просто. Люди сегодня приходят 500 человек, вступают сегодня в партию. Как им откажешь? Никак. На следующий день они читают СМС и голосуют. И всё. И они могут делать всё, что им хочется, внутри партии. Так дело не пойдет. Ну не пойдет так. Это и есть то, что нужно не допустить. Повторю еще раз. Наша цель — построение в России современного государства на основе европейских ценностей, встроенных в институты. Это вообще очень сильно особая тема.

У нас для этого с вами всё есть. Только мы должны быть людьми, которые отдают себе отчет. Наша жизнь пришла в новую эпоху. Еще

пока неизвестно, что это за эпоха. Еще пока никто не знает, какой будет смысл у этой эпохи. Еще пока она выглядит как безвременье. Но это точно уже другая эпоха и другая жизнь. И нам с вами в ней работать. И то, что мы делаем — это и есть наша работа.

Нельзя действовать, как будто ничего не произошло. Мы не отказываемся и никогда не откажемся от политики. Но мы с обществом должны быть честными и говорить обществу честно, что на самом деле происходит. Мы открытая партия, но мы несем ответственность перед миллионами избирателей. Но открытая партия — это не проходной двор. Это всё-таки… Мы же любим своих соседей, правда? Мы же к ним хорошо относимся… Но мы дверь-то запираем на ночь, ну? Ну вот и всё. Простая вещь. Ну, простая. Мы убедились сейчас, что надо дверь все-таки на ночь запирать. Ну что ж, ничего тут такого нету.

Я бы мог много еще что сказать и оппонировать очень интересному и серьезному, красивому докладу Льва Марковича. Я только хочу заметить, что когда я писал про 20 млн, это не большинство, это умеренная цифра. Но ее, правда, достичь довольно трудно. Но я хочу всем сказать: это же люди за себя голосуют, не за нас. Как до них это донести? Как это людям в этих условиях объяснить? Как до них добраться, что это для них? Вот в чем самая главная задача.

И последнее. Это будет такая Государственная Дума, которая будет голосовать за все, что угодно. Более того, у нее впереди 2024 год. Ее будут формировать так, чтобы там комар не пролетел, звука чтобы не было другого, понимаете? И мы должны понимать это. И мы должны с открытыми глазами на это идти. Это же серьезное дело, не шутки.

И последнее. Если в тех Думах, в которых «Яблоко» работало 10 лет… Вот Сергей Викторович, вон Сергей Сергеевич, там, с той стороны, здесь еще есть. Мы в той Думе голосовали против. Это было действительно голосование против. Боюсь, что в этой Думе это просто легитимация, потому что мы заранее знаем, что они будут голосовать. Мы видим те векторы политики, которые будут реализовываться через эту Госдуму. Нет, это не отменяет нашего отношения к выборам, но это обязывает нас быть честными со своими избирателями, быть честными и открытыми. Вот такая большая на нас ответственность лежит. Спасибо большое.

Угроза войны как стержень политики Путина

5 апреля 2021 г., радио «Свобода»

Михаил Соколов — 3–4 апреля в Москве прошел 21-й съезд Российской объединенной демократической партии «Яблоко». Сегодня наш гость — председатель политкомитета партии «Яблоко» Григорий Явлинский. Вы в своем докладе на съезде произнесли одно слово, которое мне показалось страшным и важным, — это слово «война». Есть ли сейчас реальная угроза новой войны, в которой будет участвовать Россия, например войны против Украины.

Григорий Явлинский — Да, есть такая угроза. Кстати, если уж о съезде говорить, съезд принял развернутое, подробное заявление, прямо посвященное именно этому вопросу об угрозе войны со стороны России в адрес Украины. Она вытекает в целом из политики Путина, она вытекает из тех отношений, которые сейчас сложились у России с Украиной и с Европой, она вытекает из пикировки, если можно так сказать, Байдена с Путиным. В общем весь букет всяких этих настроений, всяких обстоятельств, которые легко могут привести к ней.

Михаил Соколов — Какие резоны для Владимира Путина провоцировать военный конфликт с риском получить серьезные санкции?

Григорий Явлинский — Санкции его мало интересуют, его интересует в этом случае, чтобы, во-первых, настоять на своем и доказать, что Украина — это территория с ограниченным суверенитетом. Еще доказать, что он будет диктовать Киеву свои правила через

оккупацию Донбасса. В-третьих, отвлечь настроения населения страны, переключить настроения с ухудшения уровня жизни на настроения, связанные с войной. Тема Крыма угасла, аннексия Крыма угасла как тема, сейчас можно сделать новую тему патриотической войны, защищать русских в Донбассе. И на этом, он надеется, если это случится, что это приведет к повышению рейтинга, к увеличению интереса. Это такой популизм вместе с национализмом, такая имперская политика. Это стержень вообще всей политики Путина.

Михаил Соколов — Есть такое мнение, что есть даже потенциал эскалации в какую-то общеевропейскую войну, если не напрямую, то Украине будут активно помогать в таком случае. Неужели эти риски не просчитывает российская власть, когда она подтягивает войска к украинским границам, почти бряцает оружием?

Григорий Явлинский — Вам бы хорошо взять интервью у Лаврова, он бы вам все подробно объяснил. Он чуть ли не каждый день теперь говорит о том, что со всеми все надо разорвать, что наша подводная лодка больше не всплывает, мы отдельно. Путин говорит: мы другая цивилизация. Тут один мой собеседник сказал: да что там другая цивилизация — это отдельная ветвь эволюции. Поэтому я вряд ли могу за них говорить. Но думаю, что они не верят в это, они полагают, что там все испугаются. Им сильно комфортно, им хорошо, они не будут рисковать своим положением. И так есть проблемы с ковидом, и так есть проблемы с экономикой, какая-то там Украина.

Михаил Соколов — Вы имеете в виду в мире, США, Европа занялись своими делами?

Григорий Явлинский — Вы спросили, есть ли риск, что они вступятся реально, не на уровне, что приедет пожилой человек в очках и скажет «что же вы так поступаете?», а как-то по-другому. Сейчас бряцанье оружием идет. Я думаю, что это те самые люди, о которых вы спрашиваете, то есть российское руководство, они в это не верят. Они уверены, что там никто ничего реально делать не будет, поэтому они себе позволяют так.

Михаил Соколов — То есть внешняя политика Кремля в каком-то смысле заложник внутренней политики, то есть ситуации, которая в России начала ухудшаться в последние годы?

Григорий Явлинский — Во-первых, нужно сказать, что понятия «внешняя политика» не существует больше. Какая политика, когда каждый день говорите, что со всеми разорваны отношения? Из Америки отозвали посла почти что, с Европой говорят, что разорваны все отношения. Это очень смешная вся история. Нет ни одного партнера, союзника.

Михаил Соколов — А вакцину предлагают всем подряд на экспорт, во-первых. Союзники — Венесуэла есть, Лукашенко в Беларуси есть. Как без союзников? Что-то такое есть за деньги и за вакцину.

Григорий Явлинский — Что касается вакцины, то так, как это выглядит на сегодняшний день, то без всяких шуток можно поздравить русских ученых, они действительно молодцы. Я, пользуясь случаем, хочу высказать величайшее уважение, благодарность. Потому что это реальное достижение, несмотря на все политиканство вокруг этого вопроса, несмотря на все спекуляции вокруг этого вопроса. Я смотрю все, что пишут, что рассказывают про «АстраЗенеку», про другие все вакцины, везде есть какие-то проблемы. Но российские ученые реально создали вакцину, за которую я могу выразить только очень высокую благодарность. Что же касается перечисленных вами союзников — это печально. Это просто те, которые без России не могут существовать, их Россия спонсирует, просто содержит, вот в этом проблема. Содержит Беларусь, содержит Венесуэлу. Так было с Советским Союзом.

Михаил Соколов — Раз уж вы похвалили вакцину, у вас есть объяснение, почему где-нибудь в Израиле вакцинировалась уже половина населения, в США — где-то 30%, а в России, где вакцину объявили вроде сделанной давненько, 5–6%? Как-то не получается с тем, чтобы людей застраховать от тяжелой болезни.

Григорий Явлинский — Замечательный вопрос, я хочу выразить вам личную благодарность. Потому что люди у нас на самом деле не верят государству. Когда это касается лично тебя, нужно в самом прямом смысле подставить плечо, люди не верят, потому что им все время лгут по всем вопросам с утра до вечера, их все время обманывают. Это прекрасный пример, почему вся Москва уставлена рекламными щитами, что идите, вакцинируйтесь, и я вакцинировался, и он

вакцинировался, и она вакцинировалась, вообще все, а люди не хотят. Как сказала моя жена: сосиски есть не боятся, а вакцину боятся.

Михаил Соколов — Сосиски можно на собаках и кошечках проверять.

Григорий Явлинский — Вот и ответ. На самом деле это действительно серьезная вещь — это недоверие власти настоящее. Вот вам и весь процент, вот вам и выборы все тут, когда это действительно касается здоровья людей.

Михаил Соколов — Хорошо, пусть будет не 5%, а даже 25%. За Конституцию проголосовало много, нарисовалось на пеньках, больше 70%. Вам скажут: люди, может быть, вакцине не доверяют; когда их зовут на пеньки, они доверяют, за поправки в Конституцию проголосовали. Теперь режим каким-то стал другим, это же от народа все идет, он это все заказал.

Григорий Явлинский — Люди проголосовали, потому что им все равно, им совершенно безразлично. Они не верят ни в какую Конституцию, она им неинтересна, они не видят никакой связи между этой Конституцией и собственной жизнью. Она есть, эта связь. Действительно, это уже другая реальность, нежели постсоветская модернизация, если говорить профессионально-политическим языком, а людям это безразлично. Им сказали голосовать, они и проголосовали: если мы не проголосуем, там что-то напишут, а если даже не напишут, то тоже какая разница. На мой взгляд, это очень интересный факт, когда дело касается вакцины, такое отношение ко всем рекомендациям государства, а когда дело касается политики, неважно.

Михаил Соколов — То есть они живут там с этой политикой, а мы отдельно, как-нибудь спасемся?

Григорий Явлинский — Они даже не знают, кто с какой политикой живет. Надо пойти проголосовать — пожалуйста, я пойду, чтобы ко мне не приставали, а если я не пойду, все равно напишут. Это большая, серьезная проблема, люди не понимают связи между тем, как они голосуют и как они живут.

Михаил Соколов — А вот вы объясните. Вот они проголосовали за Конституцию, кстати говоря, ваша партия не призывала идти и голосовать против, что-то такое промежуточное было, они сходили, прого-

лосовали: кто-то за, кто-то против, тех, кто за, больше. Что теперь, что они на самом деле получили с российской политикой, чего они лишились, а может быть, чего-то приобрели?

Григорий Явлинский — Во-первых, что касается партии, у нас была категорическая позиция, что в этом нельзя участвовать. У нас были отдельные члены партии, мы сказали, что это право каждого, нельзя только голосовать за. Но мы считали, что в этой незаконной от начала до конца процедуре нельзя участвовать, даже ходить на эти участки нельзя. Наша такая позиция — это впервые мы заняли такую позицию официально, и мы на этой позиции остались. Это было действительно, на мой взгляд, очень важно.

Михаил Соколов — То есть ошибкой вы это не считаете теперь?

Григорий Явлинский — Наоборот, я считаю, что это было очень важно. Потому что когда вы ходили и голосовали против, то вы были частью этой процедуры, там нельзя было быть частью процедуры, там сама процедура была незаконна, сама интенция была незаконна, как все это было устроено, организовано, реализовано, все эти заявления Конституционного суда, все это голосование Думы одной кнопкой 227 поправок — вот это все было незаконно.

Михаил Соколов — Хорошо, незаконно, что получили-то?

Григорий Явлинский — А получили новую реальность. Полгода принимали репрессивные законы, жестокие, очень широкие. Получили новую реальность, которая выразилась, когда были зимой протесты, 11 тысяч человек сейчас арестованы, находятся под следствием в разных формах, сотни уголовных дел — это значит, будут сотни заключенных. Довольно жесткое разбирательство, отказ от диалога, твердая установка на практически создание Думы из четырех партий, которые там сейчас присутствуют, разрыв отношений внешних по всему периметру. Довольно бесцеремонный отказ от всяких экономических серьезных шагов для того, чтобы поддержать средний бизнес, мелкий, предпринимателей и просто граждан. Весь акцент на госкорпорациях, на военно-промышленном комплексе. То есть получили, на самом деле, жестко авторитарную корпоративную, полумафиозную, асоциальную систему государственную, которую Владимир Путин считает своим приоритетом. Если говорить простым языком, то

я бы сказал так: получили систему, в которой человек ничто, а держава, государство, в котором самосохранение президента является главным, — всё. Вот это то, что получили.

Михаил Соколов — Если сказать об экономике, что получили в экономике? С одной стороны, кризис, связанный с ковидом, а с другой стороны — кризис, связанный, видимо, с тем, о чем вы регулярно говорите: с отсутствием экономического роста, каких-то реформ и так далее.

Григорий Явлинский — Я с некоторым сожалением должен сказать, что рассуждать о нашей экономике становится, во-первых, неинтересно, а во-вторых, эти все рассуждения очень условны, потому что в эти цифры невозможно верить. Эти цифры в самом лучшем смысле условные.

Михаил Соколов — Это как с цифрами жертв коронавируса, от 100 до 500 тысяч, где-то там.

Григорий Явлинский — От чего кто-то умер конкретно, что стало причиной — это все политизированная тема. Независимого Росстата давным-давно нет, его подчинили Министерству экономики, потом несколько раз поменяли руководство, потом поменяли руководство самого Министерства экономики. Какие цифры оттуда выходят, можно ли верить цифрам, что у нас падение ВВП 3,5%, самое низкое в мире, мне трудно сказать.

Михаил Соколов — Человек идет в магазин, видит цены на продукты как меняются.

Григорий Явлинский — Это очень трудно сказать. Сейчас цифры меняются в течение года, они корректируются в нужном направлении. Например, среднее падение в первые три месяца 2,5% ВВП — это на самом деле большое. А что касается инфляции, уже около 6%. Это же попытки госрегулирования, отказ от рыночной экономики.

Михаил Соколов — Они схватились за сахар и масло, дефицит скоро будет.

Григорий Явлинский — На самом деле все должны понимать, что эта система основана на том, что жители России — это ресурс, их будут использовать, они будут за все платить. Цену я вам скажу: у нас по сравнению с прошлым годом смертность, колоссальный скачок

смертности, избыточная смертность оставила 358 тысяч человек, а это значит, что не сработала система здравоохранения. Вакцину сделали ученые, а организация, то, что связано с государством, то, что связано с организацией работы, то, что связано с доверием людей, это все не сработало.

Михаил Соколов — Оптимизировали ее, дооптимизировали, видимо.

Григорий Явлинский — Кроме того, так все сделали, что люди со многими болезнями лишились доступа, избыточная смертность 358 тысяч — это очень серьезно. А еще, по официальным данным, падение доходов с 2013 года 10,3% — это огромное падение. Это значит, что число бедных людей — около 20 миллионов, по официальной оценке. А когда задают вопрос, как вы себя чувствуете, то в этом случае количество людей, которые объясняют свою жизнь в очень жестких пределах от и до, составляет до 40 миллионов человек.

Михаил Соколов — С другой стороны, кто-то же в выигрыше. Кто бенефициар этой замечательной системы Владимира Путина? Где эти люди, которые поддерживают режим, потому что он связан с их, раньше говорили, классовыми, видимо, лучше сказать — групповыми интересами?

Григорий Явлинский — Рискну сказать, что в долгосрочной, а может быть, среднесрочной перспективе бенефициаров нет.

Михаил Соколов — Друзья Путина есть.

Григорий Явлинский — Это же не навечно. Вы встретитесь с ними, они придут к вам на интервью, передайте им, друзьям и чиновникам, что это не навечно, никто не знает на сколько, но это сильно не навечно.

Цена несвободы

20 апреля 2021 г., сайт Григория Явлинского

Послание президента Федеральному Собранию в этом году многие ждут с чувством беспокойства и даже с опаской. Уж слишком много крайне неприятных событий произошло за прошедший год:

в условиях пандемии коронавируса государство практически не поддержало людей — ни в экономических и социальных аспектах, ни в вопросах здоровья;

правительство не смогло и даже не попыталось предложить эффективные меры по преодолению экономического кризиса, вызванного падением цен на энергоносители и пандемией;

был организован позорный и противоречащий всем правовым нормам плебисцит по поправкам в Конституцию;

резко усилились репрессии против инакомыслящих и оппозиционно настроенных граждан и организаций: уголовные преследования журналистов и общественных деятелей, атака на независимые СМИ, узаконивание ярлыка «иностранный агент», новые дела о «госизменах», попытка отравления Навального и отказ от расследования этого преступления;

продемонстрирована открытая поддержка преступлений Лукашенко против собственного народа; ситуация в Донбассе доведена до реальной угрозы войны между Россией и Украиной; состоялся фактический разрыв отношений с Европой и США — об этом свидетельствуют обвинения в государственном терроризме в адрес России, скандалы с высылками дипломатов и окончательное превращение России в страну-изгоя.

После такого года ничего хорошего от предстоящего обращения Путина ожидать не приходится. Возможно, будут обещаны новые социальные блага — вроде маткапитала бездетным или горячих ужинов школьникам. И хорошо, если для отвлечения внимания от нарастающих проблем внутри страны не будет объявлена какая-нибудь новая преступная война в Донбассе или подлый аншлюс Беларуси, а заодно и разрыв отношений со всем миром во имя создания «отдельной цивилизации» в пределах РФ.

Но для самого главного, того, от чего зависит в самом прямом смысле слова существование России как государства, в президентском послании точно не будет места: Путин не скажет ничего серьезного и правдивого о критическом технологическом отставании России. А именно об этом следовало бы сегодня говорить главе государства.

Согласно недавно опубликованным данным, Россия пока еще является лидером в области ядерных технологий. Это отрадно. Но на этом наши современные технологические достижения в глобальном масштабе заканчиваются. Более того, Россия рискует отстать навсегда от стран с существенно большей долей участия на рынке современных передовых технологий. К такому выводу недавно пришли в своем докладе коллеги из Высшей школы экономики. Об этом же явлении шла речь еще в 2003 году в книге «Периферийный капитализм». Нужно ли говорить, что такое необратимое отставание станет катастрофой для нашей страны?

Ни для кого не секрет, что на протяжении последних двадцати лет Россию последовательно превращали в сырьевой придаток глобальной экономики. Сегодня сырьевая зависимость российской экономики очевидна. И хотя объемы экспорта и доходов от нефтегазового экспорта в России снизились с 39% в 2019 году до 28% в 2020-м (по данным Счетной палаты РФ), произошло это вследствие снижения цен на нефть в минувшем году.

Причины того, что диверсификация российской экономики так и не случилась, многообразны. В первую очередь это так называемый неблагоприятный деловой климат — когда крупные частные вложения в материальные активы с длительным сроком окупаемости сопряжены с огромными рисками, часто за гранью здравого смысла.

Другая причина — создание для сырьевого сектора и обслуживающих его предприятий в России наиболее благоприятных, исключительных условий получения особо крупных доходов (подробнее о диверсификации в российской экономике см. «Прозрачность как путь к диверсификации», 2013).

Однако сырьевая экономика не главная помеха для технологического прогресса.

Одно из ключевых препятствий для технологического развития России — антиевропейский курс российской власти. Отдельные российские ученые и целые компании могли бы эффективно сотрудничать в области развития новых технологий с европейцами. Но о каком сотрудничестве может идти речь, когда контакты с западными партнерами для наших ученых оборачиваются обвинениями в «госизмене» (см. «Репрессии в тишине», 2018)? И заменить такое сотрудничество гипотетической «китайской моделью развития» или просто сотрудничеством с китайцами не получится. «Китайская модель» — это превращение Поднебесной во всемирную мастерскую на основе западных технологий за счет безграничной по численности и крайне дешевой рабочей силы. Однако, судя по ситуации с Huawey, для самого Китая эта модель уже осталась в прошлом. На повестке дня теперь технополитический разлом мира на американский и китайский сегменты. При этом Россия и Европа потенциально могли бы не выбирать между внешними предложениями, а опираться на собственные возможности, но только при условии взаимовыгодного сотрудничества. Однако вместо этого отношения России и ЕС стремительно деградируют.

Следующий уровень помех — институциональный. По большому счету, это тормозит экономическое развитие во всех направлениях. Однако отсутствие неприкосновенности частной собственности (в частности, легитимности крупной частной собственности), независимого суда, механизмов обеспечения честной конкуренции — непреодолимые препятствия, блокирующие создание и распространение новых технологий. Высокие технологии, как правило, привязаны к долгосрочным инвестициям, а отсутствие перечисленных базовых институтов резко сужает горизонт планирования, лишает экономическое развитие перспективы.

Но основная причина отставания еще глубже. Дело в том, что в современном мире для достижения реального технологического и экономического прогресса необходима свобода. В современной России нет свободы, нет жизни без страха, нет государства, уважающего человека, а потому нет и настоящего творчества. Инициативы подавляются и уничтожаются коррупцией, преступностью, авторитарной мафиозной системой (см. «Разлом 5G», 2019).

Несколько лет назад в Краснодаре ученый Дмитрий Лопатин изобрел способ печати на 3D-принтере солнечных батарей. Его обвинили в изготовлении наркотиков. Молодой изобретатель был вынужден уехать из России. А в Новосибирске ученый Дмитрий Трубицын создал систему очистки воздуха в больницах. Ему предъявили обвинение в незаконном производстве медоборудования. И таких историй в России очень много.

Государство не может, да и не пытается защитить инноваторов от давления и издевательств со стороны силовиков, от «отжимания» у них всего, что они создают и изобретают. Таким образом, российская государственная система лишает человека права на достоинство и творчество, а страну — плодов четвертой промышленной революции.

Русские ученые и специалисты могут многое: первыми запустить спутник Земли, а затем и человека в космос, создать первые в мире лазерные установки, изобрести лампу накаливания и радио, спроектировать первый в Европе цифровой компьютер, первыми применить технологию разрыва нефтяного пласта, делать другие гениальные открытия… Но в современной России нет государства, которое защищало бы достоинство, права и свободу человека. Отсутствует такая социально-экономическая и правовая среда, такая общественно-политическая система, в которой возможны не только гениальные открытия, но и их практическая реализация, внедрение и массовое эффективное распространение, прибыльное коммерческое использование.

В условиях произвола и страха невозможно создавать ни передовые технологии, ни современную экономику. Цена несвободы в XXI веке — необратимое отставание. И именно в этом должен быть главный смысл послания президента. Но этого не будет.

Доведение до войны

17 апреля 2021 г., сайт Григория Явлинского

До чего нужно было довести страну, чтобы в 2021 году буквально из каждого российского утюга говорили о возможной войне с Украиной? Что нужно было сделать с людьми, чтобы они всерьез обсуждали, чем может угрожать украинская армия Ростову-на-Дону, Таганрогу, Белгороду? Во что нужно было превратить СМИ, чтобы те с утра до вечера нагнетали атмосферу ненависти — не только к украинцам, не только к Западу, но и к собственным гражданам, которые осмеливаются выступать против режима и против войны?

Помимо международных преступлений, таких как аннексия Крыма, развязывание и спонсирование войны в Донбассе, Владимир Путин несет персональную ответственность за пропаганду войны. Никак иначе, кроме как тяжелейшим преступлением без срока давности, нельзя назвать доведение страны и людей до войны с ближайшим соседом. И можно сколько угодно показывать пальцем на украинское руководство, можно сколько угодно кричать, что русофобы в США и Европе пытаются нам насолить и провоцируют обострение конфликта в Донбассе. Путин — президент страны с огромным ядерным потенциалом и амбициями влияния на политику по всему миру — от Южной Америки до Центральной Африки. И что, такая большая и влиятельная Россия не может погасить войну у своих рубежей? Не может способствовать завершению семилетнего кровопролития, унесшего жизни уже свыше 13 тысяч человек?

Ответ: нет, не может. Потому что не хочет, не желает. Именно Россия, путинская Россия, развязала эту войну в 2014 году, чтобы

сохранить политический контроль над Киевом и любыми средствами помешать европейской интеграции Украины. Все эти годы именно Москва спонсировала и поддерживала боевые действия на востоке Украины. Потому что тлеющие и разгорающиеся время от времени конфликты вдоль российских границ — это тот самый «пояс нестабильности», который сохраняет за Россией рычаги влияния на соседних территориях (в Приднестровье, Абхазии, Южной Осетии, Донбассе). У такой политики есть свое название — имперский национал-шовинизм с концепцией «ограниченного суверенитета». Эту доктрину послевоенного СССР Россия уже много лет пытается применить в отношении своих ближайших соседей.

Сегодня, чтобы отвлечь внимание от внутренних политических проблем и вернуть утраченную популярность Путину, как и в «крымском» 2014-м, в Кремле судорожно ищут популистские решения. Там полагают, что даже просто громкое бряцание оружием произведет большое впечатление на россиян, а «маленькая победоносная война» принесет режиму огромные политические дивиденды.

Но важно помнить, что война только сквозь кремлевскую амбразуру видится инструментом укрепления путинского режима. На самом деле для России война с Украиной — это в первую очередь страшное преступление, это массовое убийство людей, это гробы, в которых будут возвращаться солдаты по обе стороны границы к своим матерям, женам и детям. Война — это полная изоляция от всего мира. Война — это тяжелые экономические последствия для всей страны и для каждого гражданина. Война — это тяжелейшая травма для целого поколения: достаточно вспомнить Афганистан и Чечню. Спекулировать на теме войны могут только политики-банкроты, хорошо оплачиваемые «политологи», бесконечно и безгранично лгущие СМИ.

Будто не было миллионов погибших, будто не было ни обрушившегося мира 22 июня, ни 9 мая со слезами на глазах. И сегодня госпропаганда, изо всех сил подталкивая к войне «малой кровью на чужой территории», снова бодро распевает: «Если завтра война, если завтра в поход…».

Массированная целенаправленная пропаганда ненависти, которая захлестнула практически все российские СМИ, и разжигание

в людях смертельной розни сегодня направлены против Украины. Но эта ненависть обязательно вернется бумерангом в Россию. Подталкивание миллионов людей к войне необратимо калечит умы и души. По сути, это доведение до самоубийства, преступление без срока давности, за которое придется отвечать всем тем, кто толкал к этому страну и людей.

Нет таких целей, задач, аргументов, которые могли бы оправдать войну с Украиной. Даже с позиций так называемого романтического национализма такая война не защита, а полный разгром русского мира и русской цивилизации. За возможной войной стоят исключительно личные амбиции, ложные представления об устройстве современного мира и о будущем России.

Сегодня говорить нужно только об одном — как остановить войну, которая продолжается уже семь лет и в эти дни может разгореться с новой силой и в новых масштабах. Чтобы реально, а не на словах добиваться прекращения кровопролития в Донбассе, необходимо реализовать план урегулирования, который был опубликован еще в начале 2018 года. Потому что главная и в конечном счете единственная задача настоящей политики — сохранение человеческой жизни и достоинства.

За чертой. О послании Путина

21 апреля 2021 г., радио «Комсомольская правда»

Владимир Ворсобин — Все слышали выступление президента, многие его предвосхищали, все ждали что-то страшное, объявление войны как максимум, признание ДНР и ЛНР как минимум. Кто-то надеялся на изменение пенсионной реформы. Но что есть, то есть, мы услышали президента. И его речь мы сегодня обсудим с Григорием Алексеевичем Явлинским, создателем партии «Яблоко». Григорий Алексеевич, ну как вам речь президента? Я лично ждал чего-то такого эпохального, не двинет ли он войска. Я читал вашу статью по этому поводу, вы тоже были переполнены мрачными ожиданиями.

Григорий Явлинский — Те ожидания, которые я высказал в своей статье, они сбылись. Потому что в моей статье сказано, что, наверное, не будет ничего такого, что вы перечислили, но там не будет и решения самых главных проблем. Например, таких проблем, как очень плохо и слабо работающая экономика, там не будет ответа на вопрос о том, почему мы так бесконечно отстаем в технологиях. Моя статья чему была посвящена? Тому, что Россия меньше 1% занимает в мировом экспорте современных технологий, и то этот экспорт только в постсоветском пространстве. А еще у меня там речь идет о том, что Россия даже импортирует всего в районе 1% новейших технологий. Это же совершенно невозможная ситуация для будущего. Мы входим в число стран, кардинально отстающих от стран, которые можно назвать передовыми в части технологий, таких как Китай, США, Европейский союз.

Владимир Ворсобин — Григорий Алексеевич, на самом деле Владимир Путин сказал много хорошего, выгодного для наших слушателей. Я перечислю. Врачам — новые машины скорой помощи, 5 тысяч машин пришлют в города и поселки России. Учителям — надбавки, по 5 тысяч кураторам курсов в колледжах и техникумах. Построят 1300 новых школ для миллиона детей, учебным заведениям закупят 16 тысяч современных школьных автобусов, россиянам — льготным поездки по России. А вот семьям он уйму денег пообещал — по 5600 рублей с 1 июля назначат растущим в неполных семьях детям, 6 тысяч ежегодно — россиянкам, вставшим на учет в ранние сроки беременности. Я слушал президента и думал, что это уйма денег, обещания на пару триллионов рублей. С одной стороны, это круто (у меня тоже много детей), а с другой стороны, откуда такое богатство у нас вдруг возникло?

Григорий Явлинский — Тут сразу надо про несколько вещей сказать. Одна такая. Если будут продолжать расти цены, то все это будет погашено ростом цен.

Владимир Ворсобин — То есть инфляция сожрет эти самые деньги?

Григорий Явлинский — Конечно. Если будут продолжать расти цены. А люди знают, что одно дело официальные показатели, а совсем другое — то, что происходит в магазинах.

Второе. Знаете, я так скажу. Это Послание, все, что вы перечислили, это такая концепция о молоке без коровы. Послание президента должно было ровно о том, о чем вы сказали — откуда взять эти деньги, как совершенствовать нашу экономическую систему, как изменить нашу правовую систему, как изменить отношение к малому и среднему бизнесу, как решить проблему госкапитализма.

Владимир Ворсобин — Так деньги уже есть.

Григорий Явлинский — Ну, печатать можно сколько хочешь. Но все-таки я верну вас к тому, что строить политику на молоке без коровы — это путь недалеко, мы далеко с этим не зайдем, мы много чего с этим не сделаем. Давайте возьмем, что у нас происходит, например, с бюджетом. Вот президент все это рассказывает, а что у нас происходит с бюджетом? Давайте обсудим.

Например, затраты на национальную экономику в бюджете на 2021–2023 годы уменьшаются номинально на 2%, а реально на 12% по сравнению с сегодняшним днем. Вы можете понять, откуда тогда все это можно взять? Или, например, на здравоохранение затраты в бюджете уменьшаются номинально на 7%, а реально на 17%. При таких бюджетных ограничениях и при такой динамике в экономике ничего этого сделать на самом деле невозможно. Эти цифры о чем говорят? Ни рост ВВП нельзя будет обеспечить, ни возможности решить эти проблемы бедности, которые у нас становятся просто критическими. Вот этими единоразовыми пособиями на детей, которые очень хорошие, ими же не решаются эти проблемы.

То есть, с моей точки зрения, о чем должна была идти речь? О том, как создать механизмы появления этих денег, что нужно сделать, для того чтобы решить вопросы конкуренции, защиты частной собственности, разгосударствления, преодолеть госкапитализм, коррупцию, прозрачность ввести во многих отраслях, куда деньги уходят. Например, Росфинмониторинг говорит, что 23 с лишним процента денег, выделяемых на национальные проекты, уходит в руки недобросовестных исполнителей. А как вы будете дальше двигаться?

Владимир Ворсобин — Григорий Алексеевич, мы же с вами об этом говорили и в прошлом году. Вы говорите, собственно, всё то же самое. А сейчас я Владимира Путина очень даже понимаю. У него в сентябре выборы, и он решает нормальную политическую задачу. Он раздает пряники и конфеты населению, для того чтобы выборы… Кстати говоря, самые большие выплаты будут именно в августе — детям на школу и т.д. То есть как политика его понять можно.

Григорий Явлинский — Я могу сказать, что выборы у нас очень давно превратились в какую-то такую процедуру, в которой точно определить, кто сколько получил процентов, кто в них участвует, как разговаривать с людьми, стало крайне затруднительно в этих условиях.

Во-вторых, он свои выборы провел год назад, когда, по существу, поменял Конституцию и обеспечил себе бесконечное правление, еще на 16 лет. Я думаю, что когда он выделяет все эти деньги, то от него все-таки ждут другого. Вот он про эти деньги говорит, а от него ждут

другого. От него ждут решения принципиальных проблем. Вот я бы назвал вам несколько абсолютно принципиальных проблем, которые нужно было бы сформулировать в этом Послании. Например, нужно было бы сказать, как будет решаться проблема с Украиной. Ни слова.

Владимир Ворсобин — Как ни слова? Он сказал в конце речи…

Григорий Явлинский — Что бедный Янукович?

Владимир Ворсобин — Он сказал, что есть красная линия…

Григорий Явлинский — Это не про это. Это он про весь мир сказал. Это из области мультфильма про ракеты, что мы всех, если что, мы красную линию определяем сами, у нас есть такие ракеты, которые, наверное, полетят, если что. То есть он сказал: да пошли вы все… А это еще один вопрос: а так жить в мире можно?

Владимир Ворсобин — То есть противник не будет знать, где находится красная черта, и мы ему не скажем.

Григорий Алексеевич, по поводу истории с Украиной. Там стянуты войска, и все ждут, кто первый поднесет спичку в этот пороховой погреб. И тут Владимир Путин сказал эту фразу про красную линию, о которой мы не скажем, где она будет, но в каждом конкретном случае мы будем смотреть, перешли эту красную линию или нет. Это угроза?

Григорий Явлинский — Это очень опасный способ мышления. Потому что если каждый будет проводить красную линию и не говорить другому, где эта красная линия, то будет война. Об этом и сказали. Потому что проведение красных линий — это и есть международное право. Это когда все вместе проводят, долго спорят, иногда сталкиваются, иногда долго не могут решить, но тогда, когда вместе страны определяют красные линии. А красная линия, о которой мы никому не скажем, если все начнут проводить красные линии, о которых они не скажут, будет война.

Владимир Ворсобин — Но нам не нужна война.

Григорий Явлинский — Абсолютно.

Владимир Ворсобин — Стране не нужна война. Владимиру Путину, мне кажется, тоже не нужна война. Зачем это все?

Григорий Явлинский — Нашей стране точно не нужна война. Народу нашему точно не нужна война. А что касается политических игрищ, там ведь как происходит? Начинаем скрывать, где проходит красная

линия, и потом получается война. Потому что доведение до войны является преступной политикой. Вот когда вы получаете страну в руки как руководитель в одном состоянии, а потом через некоторое время эта страна начинает воевать с соседями, допустим, или еще с кем-то, это является преступлением против собственного народа. Если это, конечно, не освободительная война и не такая война, как Великая Отечественная, патриотическая война, когда вы защищаете свой народ на территории собственной страны. Это отдельный вопрос, когда на вас напал враг. А когда вы ведете войну где-то там, например, в Сирии, зачем, никто не знает, там гражданская война, у них свои проблемы, вы туда приходите, и там гибнут сотни наших офицеров и сотни наших военных. И туда вкладываются огромные деньги, нам говорят, что уничтожили каких-то террористов. Правда это или нет, ничего понять нельзя. Там мы воспитываем ненависть против себя на сотню лет, потому что мы бомбим, и нам никто ничего ответить там не может.

Владимир Ворсобин — Ну, Донецк — это не Сирия, это ближе.

Григорий Явлинский — А вы сейчас сами попали в ловушку — то, что вы сравнили Сирию и Донецк. Нам же все время рассказывают, что мы там ничего не делаем, мы там не воюем. А все знают, и вы знаете, что это не так. И вы сейчас об этом именно меня и спросили. Так вот, обязательно должно было быть в Послании не про таинственные угрозы в красных линиях, а должно было быть, как и что мы собираемся делать, чтобы был мир.

Владимир Ворсобин — Григорий Алексеевич, как вы прокомментируете такое мнение, что мы предупреждаем Украину, чтобы она не лезла…

Григорий Явлинский — Не надо никого предупреждать. Уже сто раз предупреждали. Все и сами всё понимают. Надо совсем другое делать, то, чего в этом Послании в принципе нет. Там нет решения ни одной проблемы, которая стоит перед нашей страной.

Владимир Ворсобин — Мы сейчас говорим про Украину.

Григорий Явлинский — А проблема Украины стоит перед нашей страной. Потому что мы сталкиваемся с очень острыми противостояниями, и постоянно эта тема присутствует буквально во всех отношениях с любыми странами — Евросоюзом, США, с Турцией совсем

недавно. Вот запретили полеты в Турцию почему? Потому что Эрдоган сказал, что он никогда не признает Крым российским, он всегда будет считать, что это…

Владимир Ворсобин — Ну, формально по поводу ковида мы запретили туда летать.

Григорий Явлинский — Да, мы сначала разрешили по поводу ковида, потом запретили по поводу ковида. Но сейчас я про другое. Про то, что сказал Эрдоган. То есть эта проблема существует постоянно, все время, и с этой проблемой надо постоянно отвечать на вопрос: как сделать так, чтобы там был мир?

Владимир Ворсобин — Как этого достигнуть?

Григорий Явлинский — У меня есть моя собственная точка зрения. Россия вошла туда. Я считаю, что Россия напрямую участвует в этом конфликте (как и вы только что сказали). Россия вошла туда, для того чтобы оказывать политическое давление на Киев, чтобы Киев не принимал решений, которые не нравятся Москве. Чтобы он не принимал решения о сближении с Евросоюзом. Я не говорю про НАТО и про вхождение в Евросоюз, потому что это очень отдаленное будущее для Украины, но чтобы он не сближался, чтобы он туда не двигался. То есть это доктрина ограниченного суверенитета, что мы из Москвы будем говорить, что Украине можно делать, чего Украине делать нельзя. Ради этого взяли и создали ситуацию вот этих территорий, которые якобы возмущены чем-то и воюют за свою какую-то независимость. Если бы Россия в этом не участвовала, ничего бы этого не было. Там примерно 13, а может быть, и больше тысяч погибших людей уже. Там жили два с лишним миллиона человек, теперь там жизнь разрушена. И там постоянно находятся люди в таком положении, когда может начаться эскалация. Там время от времени усиливается эскалация и гибнут люди. Вот эту всю историю нужно прекратить. Нужно закрыть границу между Россией и Украиной…

Владимир Ворсобин — И отдать Донбасс на растерзание Украине?

Григорий Явлинский — Я не понял вашего вопроса.

Владимир Ворсобин — Получается, если мы закроем…

Григорий Явлинский — Во-первых, дайте договорить. А во-вторых, никто Донбасс не терзал. Оттуда был президент Украины, избран

был Донбассом. Президент Украины не был избран во Львове или где-нибудь на Западной Украине, он был из Восточной Украины.

Владимир Ворсобин — Григорий Алексеевич, говорим о Донбассе.

Григорий Явлинский — Я должен этот ответ обязательно завершить. Существует план урегулирования в Донбассе. Он уже существует четыре года. Там десять пунктов. Я вам сейчас специально оглашу три важнейших пункта. Что должна сделать Россия? Предложить странам нормандской четверки и Соединенным Штатам форму международной опеки над территориями Донецкой и Луганской областей, с особым порядком местного самоуправления. На основе института международной опеки, предусмотренного 12-й главой Устава ООН, с применением опыта Дейтонских соглашений 1995 года и соглашений по статусу Саара 1954 года.

Второе. Заключить специальное многостороннее — Украина, Германия, Россия, Франция, США и ЕС — соглашение о временном статусе территорий Донецкой и Луганской областей, с особым порядком местного самоуправления, под эгидой Совета Безопасности ООН, в соответствии с которым все властные полномочия на этих территориях передаются международным органам управления: судопроизводство, правоохранительная деятельность. Контроль за границей осуществляется представителями стран — участников соглашения.

И, наконец, осуществление демилитаризации всего донбасского региона и прилегающих территорий.

Это три пункта. А их десять. Вот что нужно делать для того, чтобы там не погибали люди, чтобы там наконец восстановить мир. А там уже семь лет нет нормальной жизни. Там все время идет какая-то война — такая, гибридная, другая.

Владимир Ворсобин — А вы уверены, что на Донбассе на этот вариант согласятся? Чтобы пришли международные войска, по сути, российские инструкторы, «Северный ветер» уйдет. Наша слушательница Ольга пишет: «Русские несколько раз в своей истории бросали русских, оказавшихся вдруг на чужой территории — в Западной Украине, в Западной Белоруссии, на Аляске, в странах СНГ. Русские составляют большинство в России. Мы больше не позволим нерусской российской элите бросать наших на чужбине».

Григорий Явлинский — Правильно. Так вот, я хотел бы сказать следующее. Вот то, что Донбасс находится в таком положении, и там еще раздали паспорта, незаконно раздали паспорта 600 тысячам граждан, это дискредитация России как защитника русских.

Владимир Ворсобин — Почему?

Григорий Явлинский — А потому что она все это затеяла, потому что люди страдают. И потому что ничего хорошего впереди нету, кроме сохранения этой территории. И все остальные, кто симпатизировал России во всей Украине, таких было всегда очень много людей, они теперь видят, что кроме войны там ничего не происходит. Кроме постоянного убийства тамошних начальников, кроме разборок, кроме взрывов, кроме столкновений и кроме огромной эскалации армии, которая сейчас стоит в Крыму. Вчера запретили полеты над Черным морем в районе Крыма, запретили входы судов в акваторию Крыма. Вот эта напряженность не ведет ни к каким положительным результатам. Только к отрицательным.

Владимир Ворсобин — Если что, у нас есть переоснащенная современная армия. И мы утрем нос не только Украине, но и всем восточноевропейским государствам, если придется. И ничего с нами они не сделают.

Григорий Явлинский — Это посыл, который очень опасный. Кроме того, на такой посыл можно сказать: не дай бог, чтобы это случилось. Мы не знаем, в каком состоянии у нас армия. Мы этого не знаем. Показуху мы знаем. То, что нам показывают на параде, мы знаем. Так было и накануне Великой Отечественной войны. Мы часто так говорим. Так они и говорят о себе. А что будет на самом деле, не дай бог это узнать. Потому что это совсем другая история.

Вот, например, сегодня очень много говорили про коронавирус. Хвалились. А у нас избыточная смертность какая? У нас колоссальная избыточная смертность. Мы по показателю избыточной смертности находимся на самом передовом уровне по сравнению со всеми другими странами. Мы входим в первые две-три-четыре страны. У нас 28 % избыточная смертность. То есть у нас на сто тысяч человек примерно 330 смертей. Вот какая избыточная смертность у нас.

Сергей из Челябинска — Григорий Алексеевич, вы сколько лет занимаетесь, грубо говоря, мягко выражаясь, совместно со всеми товарищами в правительстве? И что вы сделали конкретно для того, чтобы в России по-нормальному люди стали жить?

Владимир Ворсобин — Григорий Алексеевич давно не в правительстве, лет 25.

Григорий Явлинский — Спасибо. Это очень хороший вопрос. Этот вопрос, суть его такая. Спрашивающий говорит: Владимир Владимирович, вы двадцать лет президент. И дальше идет текст, который сейчас мы слышали. Что вы сделали для народа? Значит, для народа нужно что-то сделать такое, чтобы таких вопросов не задавали. Вот вам ответ на сегодняшнее послание. Можно выдавать пять тысяч рублей, десять тысяч рублей детям, развивать туристический бизнес в России. Это полезно, правильно. Но я еще раз говорю: ни одного ответа на вопрос, как решать проблемы, стоящие перед страной, а они очень серьезные; ни одного ответа на вопрос, как наладить международные отношения; ни одного ответа на вопрос, как решать проблемы с ближайшими соседями, с такими как Украина, Беларусь, — нет ответов в этом послании.

Владимир Ворсобин — Наши слушатели пишут, что мы не задели тему Навального. Тем более сегодня вечерний променад собираются устроить навальнисты.

А вот Владимир Владимирович Путин озаботился судьбой Лукашенко и историей с покушением на него, в которую бывший чекист Путин искренне верит. Верите ли вы в это покушение?

Григорий Явлинский — Нет, конечно. Не верю. Поэтому и международной реакции никакой нет. Потому что никто в это не верит. Я видел, несколько раз смотрел видео, там невозможно в это поверить. Это искусственно спровоцированная история. Это работа спецслужб. Вот, собственно, все. А вот то, что является фактом, это то, что Лукашенко подавляет политически собственный народ. О том, что, скорее всего, в значительной степени выборы были фальсифицированы. То, что там огромные политические репрессии в Белоруссии. Я лично выражаю солидарность с белорусским народом, которые борется за свое право избирать такого президента, которого он желает. Я внимательно смотрел, какое число людей вышло на улицы, сколько людей

протестовало. Это абсолютно очевидно, что это действительно желание людей поменять руководство Белоруссии.

Владимир Ворсобин — Вот ваши слова, если бы вы сейчас были в Минске, вы были бы арестованы за экстремизм.

Григорий Явлинский — Тем более. Вот это что значит? Это значит, что режим, который там существует, он против народа, против его прав, против власти народа в собственной стране.

Владимир Ворсобин — Алексей Навальный уже арестован. Я наблюдаю за Белоруссией очень давно. И вижу, что мы идем вслед за ней. То, что было в августе прошлого года, я обнаружил в январе уже этого года. Все было почти то же самое, только народа на улице было меньше. Вязали, били примерно так же. Как вы относитесь к продолжению этого протеста? Вроде бы сегодня во многих городах кто-то чего-то собирается на свой страх и риск куда-то выйти. Все ждут. Как вы относитесь вообще к судьбе Навального? Активисты «Яблока» выйдут сегодня на улицы?

Григорий Явлинский — Сразу отвечаю в последней редакции, в итоге: каждый решает сам. Все всё видели, все всё понимают. Все знают, какие последствия. Все знают, что происходит, какие заводятся уголовные дела. Я могу сказать, что реальные сроки уже по тем событиям получили семь человек. Часть из них получили сроки большие, чем даже у Алексея Навального. Все это должны знать, понимать. И лично принимать решение, на что они готовы идти. Это решение каждого человека.

Что касается меня, я возвращаюсь в начало. Я написал за несколько месяцев большую статью на эту тему. Она называется «Без путинизма и популизма». Она в некоторой степени посвящена Навальному. Я подтверждаю свою точку зрения, считаю, что это необходимо было. И я в этой статье все сказал. Но есть один вопрос, я тоже о нем говорил. Вопрос чрезвычайной важности. До сих пор никак не расследовано отравление Навального. До сих пор нет никакой ясности, как это произошло, кто это осуществил, какими способами это осуществлялось. А это вопрос чрезвычайной важности. Нужно понять, что на самом деле случилось. Вокруг этого напущено огромное количество тумана. Россия до сих пор не провела полноценного расследования, чтобы ответить на все эти вопросы.

Владимир Ворсобин — Да все уже об этом забыли. Сейчас более актуальный вопрос — выживет он или не выживет в тюрьме.

Григорий Явлинский — А я именно поэтому говорю, что этот вопрос самый важный. Потому что это касается не только Алексея Навального, это касается и других людей. Это касается, например, этот вопрос стоит в отношении Владимира Кара-Мурзы, Юрия Щекочихина — вашего коллеги, который умер по неизвестным причинам.

Владимир Ворсобин — Да, подозревают отравление.

Григорий Явлинский — Понять никто ничего не мог. Это вопрос о существовании какой-то такой системы, которую иногда называют «эскадронами смерти». Которые уничтожают политических оппонентов. Этот вопрос касается многих людей. Он касается многих, кстати говоря, тех, кто был в партии «Яблоко», таких как Лариса Юдина, например, Фарид Бабаев. Это серьезнейшая тема. А ее куда-то спускают на тормозах. Кстати говоря, это тот случай, когда эти западные партнеры тоже напустили туда кучу тумана. И не отвечают на вопрос, что же по сути на самом деле произошло? Есть публикации, но они требуют огромной работы по верификации.

Владимир Ворсобин — То, что сейчас Байден и прочие лидеры западных государств просто грозят России, если Навальный умрет, то они обещают страшные санкции. Это что? Как бы ни относиться к Навальному, но это же открытые угрозы и давление на Россию.

Григорий Явлинский — Я хочу пожелать Навальному здоровья. И хочу пожелать, чтобы он оставался жив. Хочу пожелать ему, чтобы к нему допустили врачей, которых он сам себе выбрал. Я ему желаю выздоровления, здоровья. То, что у нас разные политические взгляды, это другой вопрос. Я желаю ему здоровья. Я считаю, что решение по его заключению принято странно, по политическим мотивам. Но тот факт, кстати говоря, здесь бы надо было еще сказать и о ФСИН, и о медобслуживании заключенных, но отвечу на ваш вопрос: не будет ничего этого. Надеюсь, он будет жив и здоров.

Владимир Ворсобин — Григорий Алексеевич Явлинский, спасибо вам за разговор.

Григорий Явлинский — Спасибо за откровенный разговор.

Несовместимость

Почему в системе Путина нет места свободе слова

29 апреля 2021 г., сайт Григория Явлинского

Двадцать лет назад произошел разгром НТВ, первого общероссийского независимого от государства телеканала. По общему признанию, созданное в 1993 году НТВ за несколько лет стало телеканалом мирового уровня. Но в 2001-м, уже через год после прихода Путина к власти, телеканал был, по сути, уничтожен, причем на глазах у всей страны: его лишили самостоятельности и передали в собственность «Газпрому». Причиной уничтожения НТВ стала независимая информационная политика, реально не подчинявшаяся администрации президента. Сегодня в это трудно поверить, но именно такой репутацией обладало прежнее НТВ с многомиллионной аудиторией. Поэтому тогда, в апреле 2001-го, в защиту уничтожаемого властью телеканала на улицы вышли тысячи людей. Позади были взрывы жилых домов и начало Второй чеченской войны, впереди — «Норд-Ост» и Беслан, убийства Щекочихина и Политковской, захват Крыма и война в Донбассе, и все это — на фоне полного огосударствления и подчинения Кремлю почти всех политически значимых СМИ.

Сегодня, в апреле 2021-го, после двух десятилетий путинского правления, можно констатировать, что свободная пресса в России уничтожена практически полностью. А на те единичные издания, что еще осмеливаются говорить правду и критиковать власть, оказывается беспрецедентное давление. Только за последние недели:

— совершено нападение с применением химвеществ на редакцию «Новой газеты» (при этом в адрес сотрудников газеты непрерывно звучат серьезные угрозы);

— прошли обыски в редакции «Важных историй», вызван на допрос в СК главный редактор интернет-издания;

— «Радио Свобода» из-за многомиллионных штрафов за несоблюдение правил работы «иностранного агента» на территории РФ вынуждена свести к минимуму свою деятельность в России;

— возбуждено уголовное дело против сотрудников студенческого журнала DOXA;

— издание «Медуза» признано «иностранным агентом»;

— в полицию вызваны журналисты, освещавшие последние уличные акции в Москве.

Очевидно, что режим на этом не остановится. Давление на журналистов, пытающихся профессионально доносить до граждан правду о происходящем и о сущности российского авторитаризма, будет только нарастать. Власти продолжат всеми силами выдавливать из российского информационного поля любую повестку, которая может заставить людей задуматься о реальной жизни в стране. В системе Путина не предусмотрена не то что свободная пресса, в этой системе вообще нет места настоящей журналистике. Средства массовой информации в таком авторитарном государстве, как современная Россия, выполняют исключительно пропагандистскую функцию, служат инструментом для манипуляций общественным мнением, механизмом для промывки мозгов. А честная и профессиональная журналистика в нашей стране сегодня возможна только с реальным риском для жизни.

И если двадцать лет назад атака государства на НТВ возмутила миллионы граждан страны, а многих вывела на улицы (хоть и безрезультатно), то сегодня наблюдается практически полное безразличие людей к уничтожению свободной прессы. И это тоже один из итогов работы пропагандистов: выжженное информационное поле, отсутствие понимания роли СМИ в обеспечении безопасности, в сохранении здоровья граждан, в достижении эффективности экономики и предотвращении обнищания.

Чтобы понять, какими последствиями чревато отсутствие свободных СМИ, достаточно вспомнить, что случилось 35 лет назад после взрыва на Чернобыльской АЭС. Тогда отсутствие свободы слова и независимых СМИ привело к тому, что 1 мая 1986 года в советских городах, оказавшихся в зоне чернобыльской радиации, тысячи людей вышли на демонстрации, подвергнув страшной опасности себя и своих детей. В насквозь лживом советском государстве было попросту некому донести до людей правду о смертельной опасности.

И сейчас в отсутствие свободных СМИ государственная ложь о подлинных масштабах пандемии коронавируса в России (или умышленное искажение официальной статистики) ведет к дезориентации в борьбе с вирусом, не позволяет профессионалам принимать необходимые меры как против самой болезни, так и против экономических последствий эпидемии. Все это в итоге приводит к новым жертвам. Уровень избыточной смертности в России в минувшем году составил 313 человек на 100 тысяч жителей, что намного выше, чем почти в любой другой стране мира. Получается, что человеческие потери у нас огромны, только мы ничего об этом не знаем.

Фундаментом авторитарных и тоталитарных режимов всегда была и остается ложь, тогда как главным условием для демонтажа этих режимов является свобода слова, эту ложь разоблачающая. Именно возможность людей открыто выражать свою точку зрения, публично говорить то, что они думают, рано или поздно приведет к смене режима. Потому что система Путина в принципе несовместима ни со свободой слова, ни с независимыми СМИ, ни с честными профессиональными журналистами, ни со свободными людьми. И как только появится свобода слова, эта система развалится.

Что значит отказ от расследования отравления Навального

19 мая 2021 г., сайт Григория Явлинского

Почти девять месяцев прошло с тех пор, как Алексей Навальный был доставлен на лечение из Омска в Германию. Немецкие врачи вместе с другими европейскими специалистами сообщили, что обнаружили в его организме следы боевого отравляющего вещества, запрещенного не только к использованию и производству, но даже к хранению.

За девять месяцев произошло многое: Навальный поправился, вернулся в Россию, где его посадили на два года и восемь месяцев в тюрьму, против его сторонников возбудили десятки уголовных дел, власти приняли несчетное число крайне репрессивных и подлых законов.

Но за эти девять месяцев не случилось чрезвычайно важного (того, о чем неоднократно говорилось все это время). В России даже не была предпринята попытка расследования отравления Алексея Навального. Вот и сейчас очередной суд признал законным отказ Следственного комитета РФ в возбуждении дела о покушении на жизнь Навального.

Такое демонстративное, тупое и категорическое игнорирование российской властью произошедшего с Навальным может свидетельствовать только об одном — о причастности власти.

Еще в начале сентября прошлого года мы призывали к созданию международной следственной группы по выяснению обстоятельств отравления Алексея Навального. Но ничего не произошло — ни российская сторона, ни европейцы не сделали ни шага в эту сторону. Были опубликованы расследования, в которых подробно излагалась журналистская версия случившегося. Никакой реакции властей, кроме пропагандистской и все отрицающей, не последовало.

На самом деле, этот вопрос критически важный. За последние 20 лет были совершены убийства и покушения на жизнь целого ряда российских политиков и общественных деятелей. Был смертельно отравлен Юрий Щекочихин, убиты Борис Немцов, Анна Политковская, Наталья Эстемирова. Эти люди были критиками власти и лично Владимира Путина. Но эти политические убийства так и не были убедительно раскрыты.

Поэтому очередной отказ суда в расследовании отравления Навального, очевидно, свидетельствует о том, что власти понимают: любое, даже самое поверхностное расследование покажет, что в России преступно производятся, хранятся и даже могут применяться опаснейшие химические боевые отравляющие вещества. Возможно, также окажется, что частные лица в нашей стране могут коррумпировать сотрудников спецслужб и «заказывать» отравления, кого пожелают. Вот чего боятся власти.

Отказ от расследования является еще одним подтверждением полной несамостоятельности судебной системы России и дает основания полагать, что в стране существуют «эскадроны смерти», которые реализуют на практике государственный политический террор.

Защитник

К 100-летию Андрея Дмитриевича Сахарова

21 мая 2021 г., сайт Григория Явлинского

Процветание России возможно, только если наша страна будет развиваться как свободное и демократическое государство. Это условие когда-то очень точно сформулировал академик Сахаров. Андрея Дмитриевича нет уже более трех десятилетий, но этот тезис с каждым годом становится все более актуальным. И сегодня уже очевидно, что это главное условие — императив развития нашей страны.

Сахаров был крупным ученым и мыслителем. Он не считал себя политиком, но при этом ему удалось сформулировать основополагающие ценности и правила для тех, кто занимается политикой. И важнейшим был завет о нравственности политики. Сахаров убеждал, что нравственные позиции в политике самые практичные, самые целесообразные. Если, конечно, целью является не только личное обогащение, но хотя бы в какой-то степени развитие страны ради будущего детей и внуков.

Такое практическое понимание нравственности в политике исключительно важно, потому что общество, которое вырастает во лжи, как об этом писала жена академика Елена Георгиевна Боннэр, никогда не станет взрослым. Такое общество навсегда остается подростковым, с ужасными комплексами, обидами на всех, агрессией.

На мой взгляд, академик Сахаров был и политиком, и правозащитником. В России эти понятия будут близки еще очень долго. Настоящий демократический политик сегодня является, по сути, правозащитником. Защищать политические свободы, экономические

и гражданские права — это и значит быть политиком. Правозащитник не может разделять, а тем более противопоставлять политические и социальные свободы. Нельзя построить процветающее общество и современную страну без политических свобод. И не может быть подлинных политических свобод у обездоленного, находящегося на грани экономического выживания населения. И это другой важнейший завет, оставленный нам Сахаровым.

Все это особенно актуально сегодня — когда российское общество лишено не только политических, но и базовых гражданских прав. Но оболваненные, манипулируемые, запуганные, не получающие объективной информации люди не могут создавать современную экономику, а их страна не может стоять в одном ряду с ведущими промышленными державами мира. Попытка поставить Россию в положение несвободной страны в XXI веке ведет нас к очень тяжелым и бесперспективным временам. Кстати говоря, умышленное и постыдное умаление сегодняшними российскими властями столетнего юбилея Андрея Сахарова — позорное явление, красноречиво говорящее о положении дел в нашей стране.

Чтобы исправить это положение, мы должны каждый день, а не только в юбилейные даты помнить и бороться за те принципы свободного общества, которые отстаивал Андрей Дмитриевич Сахаров.

Я навсегда запомнил 1989 год. На телеэкране — трибуна Съезда народных депутатов СССР. Выступает академик Сахаров. Весь зал кричит на него, топает ногами, председательствующий требует, чтобы академик покинул трибуну. Андрей Дмитриевич поворачивается к председательствующему и говорит: «У меня не от вас мандат, у меня более высокий мандат — от народа».

Вот таким остался в памяти Андрей Сахаров: человек, идущий против агрессивного большинства, которое пытается его подавить, но не может, потому что он прав. Этому большинству, как ни странно, не на что опереться. А у этого человека есть сильная опора — правда и люди, которые ему доверяют, верят в него и надеются…

Многие люди продолжают хранить память об Андрее Дмитриевиче Сахарове, опираются на его наследие, благодаря которому в России можно построить современное государство, где в центре всего будет стоять человек и уважение к его уникальной ценности.

Цена объятий

1 июня 2021 г., сайт Григория Явлинского

В минувшие выходные в Сочи обнимались Путин и Лукашенко. Между объятьями и застольями договорились среди прочего оказать поддержку белорусскому диктаторскому режиму за счет российских граждан еще на 500 млн долларов. Но это не самая большая цена сочинских объятий.

В июле 2014 года над Донбассом был сбит малазийский «Боинг». Погибло 298 человек. В мае 2021-го над Беларусью в нарушение международного права, с использованием истребителя МиГ-29 был принужден к посадке самолет ирландской авиакомпании Ryanair. В минском аэропорту 170 пассажиров рейса насильно обыскали и удерживали несколько часов, двое пассажиров — белорусский оппозиционер Роман Протасевич и его спутница гражданка России Софья Сапега — были арестованы. И хотя эти события разделяют почти семь лет и более тысячи километров, есть у них один ярко выраженный общий знаменатель, и это — Россия.

Ключевая причина трагедии 2014 года в небе над Донбассом — война на востоке Украины, ответственность за которую несет Кремль. Ключевые причины инцидента у белорусско-литовской границы — фальсификация итогов президентских выборов в Беларуси и, как следствие, жестокое подавление режимом Лукашенко гражданского протеста, установление диктатуры государственного террора. Все это происходило и происходит при прямой и всесторонней поддержке Москвы.

В связи с этим происходящее в Беларуси следует рассматривать в более широком контексте агрессивной российской политики «ограниченного суверенитета», то есть принудительного подчинения Кремлю и навязывания своей воли соседним странам. И дело уже давно не в теоретическом «признании» или «непризнании» за Россией права на региональные зоны влияния. Главная проблема — в категорической неприемлемости такой политики в отношении Беларуси, Украины, Приднестровья, Абхазии, Южной Осетии…

При этом различные санкции и постоянные разговоры о давлении и цене, которую должны заплатить за свое поведение репрессивные режимы, лишь ширма, призванная скрыть зияющую политическую пустоту.

Тем временем и российский, и белорусский режимы сделали парадигму «осажденной крепости» и противостояния с ЕС и США ядром своей идеологии и пропаганды. Поскольку жертвовать интересами граждан и будущим своих стран для Путина и Лукашенко давно не проблема, режимы делают вид, что санкции и давление на Москву и Минск являются просто закономерными враждебными акциями, и используют эту ситуацию для распространения лжи и тотальной пропаганды ненависти.

Сообщают, что западные санкции в отношении белорусских предприятий обойдутся России в 5 млрд долларов. Очевидно, что такая санкционная политика окончательно замкнет Беларусь на Россию и приведет к ее поглощению — последние действия Запада безальтернативно толкают Лукашенко в объятия России.

Вот так и получается, что шума много: санкции, давление, бойкот, — а ситуация со свободой человека в странах с авторитарными режимами ухудшается. Причем это глобальная тенденция — от Гонконга до Минска (см. «Массовые протесты и современный мир», январь 2021).

Байден заявил, что на июньском саммите в Женеве будет говорить с Путиным о правах человека, вероятно, затронет и ситуацию в Беларуси. Но последние события в России (обыски у Дмитрия и Геннадия Гудковых, арест Андрея Пивоварова, запугивание и давление на других политических активистов, матпомощь минскому диктатору)

указывают на то, что предстоящая встреча президентов США и России будет напоминать скорее переговоры Трампа с северокорейским Ким Чен Ыном летом 2019 года — громко поданные, но по сути совершенно пустые и бессмысленные. Стороны как-то договорятся о следующих переговорах по торможению распада системы ядерного сдерживания и извлекут для себя какие-то пиар-выгоды, но в политике, в реальной жизни все останется как есть.

Об осознанном выборе российской власти — противопоставлении экономически слабой и зависимой от ядра мирового капитализма страны большей части мира — разговор шел еще шесть–семь лет назад (см. «Осознанный выбор?», февраль 2015). Тем временем разрыв между политикой Путина и реальностью критически увеличивается.

Надо понимать, что, не найдя выход из тупика, в котором оказалась демократия на постсоветском пространстве, нельзя даже надеяться на создание надежной системы европейской безопасности, более того — невозможно вообще говорить о полноценном развитии Европы в XXI веке. Это один из ключевых вопросов мирового порядка.

Нарастание авторитаризма, его бесперспективность, с одной стороны, и шаблонные подходы к демократии вместе с глубоким и системным непониманием происходящего мировыми политическими элитами — с другой, не сулят ничего хорошего в обозримом будущем и остро ставят вопрос об ответственности не только политиков, но и всего российского общества перед будущим, новыми поколениями и страной.

Женева-2021: с чем осталась Россия?

«С чем приехал, с тем и уехал»

18 июня 2021 г., сайт Григория Явлинского

Женевский саммит завершился, как и ожидалось, без значимых прорывов. Послы смогут вернуться к местам работы в Москве и Вашингтоне, консультации продолжатся, СМИ будут выяснять, кто «победил» на переговорах, обе стороны займутся ядерной безопасностью и договором о СНВ, возможно, даже создадут рабочие группы для обсуждения вопросов кибербезопасности.

Действительно, прорывов никто не ждал. Да и сами президенты России и США встречались прежде всего для того, чтобы встретиться. И Владимиру Путину, и Джо Байдену такой пиар полезен. Ну и почему бы заодно не поговорить в формате «реалполитик» об общих и разных позициях по таким важным темам, как ядерная безопасность, контроль над вооружениями, киберпреступность, Иран и Афганистан? Многие после саммита отметили, что Путин получил от встречи то, что хотел, — подчеркнул свое значение, ничем не поступившись. Так и есть.

Очевидно, что переговоры по ядерной безопасности не требовали встречи президентов — в обеих странах накоплен огромный опыт, есть достаточно специалистов высочайшего уровня. Да и по кибербезопасности можно создать рабочие группы, договорившись по телефону. Было бы желание не обманывать и делать что-то реально полезное. Но если отложить в сторону персональные достижения

российского президента в области мирового гламура и пиара, то вот с чем осталась Россия в результате сохранения существующего положения вещей:

санкции — старые, которые никто отменять не собирается, и новые, которые уже на подходе;

конфронтация как главное содержание двусторонних отношений с миром;

отсутствие союзников, на которых можно положиться во все более усложняющейся ситуации в регионе и в условиях нарастания террористической угрозы после ухода американцев из Афганистана;

сирийский капкан, который может сработать в любой момент.

И ни о какой «новой Ялте» не может быть и речи. У Путина вместо Черчилля с Рузвельтом — Лукашенко и Асад. Это осознанный выбор российской власти, смысл и содержание политики Кремля даже не с 2014 года, а еще с 2007-го. Но этот выбор — тупиковый.

Изображать из себя СССР и пытаться проводить сегодня политику 60-летней давности — грубая историческая ошибка. Это опасное заблуждение, что можно куда-то вернуться. Разрушить все можно, а вернуться назад в прошлое — нет. С СССР Запад вел диалог как с союзником во Второй мировой войне — с уважением и благодарностью. К нынешней России совсем иное отношение, особенно после Украины и Крыма. И, кстати говоря, все попытки Путина наладить хоть какой-то диалог с миром бессмысленны до тех пор, пока не будет налажен диалог с обществом и оппозицией в самой России.

В далеком 1985 году в той же Женеве встречались лидеры СССР и США. За переговорами Михаила Горбачева и Рональда Рейгана весь мир следил как за ключевым глобальным процессом. Тот саммит уж точно был ориентирован на будущее и потому соответствовал времени. Угроза ядерной войны представляла главную опасность для всего мира, а личная встреча лидеров двух несовместимых идеологий давала реальную надежду на безопасное будущее.

Женевская встреча в июне 2021 года в соответствии со своим статусом стремительно облетела мировые СМИ, но уже через пару дней ушла из информационной повестки практически бесследно.

Как же так получилось, что на переговорах глав двух крупнейших ядерных держав, кроме как о ракетах, разговаривать оказалось не о чем?

Россия уже не первый год движется в прошлое. Западный же мир топчется на месте. Все чаще глобальная повестка на Западе определяется новыми задачами, решений и даже понимания которых пока нет. Принципиально новые смыслы, кризис национальных политических институтов и механизмов — все это характеризует наступление новой эпохи в глобальном развитии. Отличительными чертами нового времени являются также усиление национализма и авторитаризма, растущее социальное неравенство, усугубленное пандемией.

Встреча Путина и Байдена в Женеве стала вишенкой на торте из саммитов: на прошлой неделе в Лондоне встречалась «большая семерка», а в Брюсселе проходил саммит НАТО. Но ни в Лондоне, ни в Брюсселе адекватные реалиям XXI века вопросы не были поставлены во всей полноте. Так что проблема заниженных ожиданий и едва ли более высокой оценки результатов касается не только достигших дна российско-американских отношений.

Сегодня невозможно обсуждать только «красные линии», столь любимые Путиным и Байденом. В современном мире обсуждение «красных линий» — это уверенный шаг в сторону реальной войны. Принципиальная задача, которая действительно соответствует времени, в другом — в сохранении общей перспективы для мира, в нахождении вектора движения к этой перспективе, в возвращении людям смысла, надежды, будущего.

Ключевая проблема западной демократии не столько во внешней угрозе со стороны России или Китая, сколько в ярких проявлениях дисфункции общественно-государственной системы, во вторжении в политику популизма и национализма (неспособность государственных институтов эффективно противостоять пандемии также является следствием институционального кризиса). Именно неработоспособность политических институтов и отставание человеческого сознания от технологий являются главными угрозами современному международному сообществу.

Сегодня, в условиях политической энтропии, посреди гламура, пиара и тик-тока, говорить о необходимых мерах и шагах в направлении отдаленной, но объективно реальной перспективы кажется по меньшей мере странным. Но если все же на это решиться, то речь пойдет о:

принятии ряда неотложных мер, направленных на защиту национальных демократических государственных институтов от популистской и националистической коррозии;

осознании необходимости перспективного стратегического политического мышления;

включении в долговременную повестку вопроса о российско-европейской интеграции — как обозначение направления к будущему;

формировании стратегии реконструкции и перезапуска государственных и общественных институтов на основе общих ценностей.

В этом открытие перспективы, указание пути в будущее для всего мира. И только на этом пути проявится настоящая роль России. Та роль, которую Россия может и даже призвана сыграть в современном мире — не наследницы советского ядерного арсенала, не нефтяного придатка развитых стран, не центра мировой клептократии и коррупции, не страны с отрицательной репутацией, сплошь окутанной государственной ложью, политическими репрессиями и зарождающимся террором, а страны с огромным историческим, культурным, интеллектуальным, творческим и человеческим потенциалом.

Только тогда встречи на высшем уровне будут иметь смысл. А до тех пор не стоит ждать значимых прорывов. Все остается как прежде. Перспективного стратегического видения будущего нет — энтропия продолжается.

«Вы не за нас голосуете, вы за себя голосуете!»

3 июля 2021 г., стенограмма выступления на предвыборном съезде партии «Яблоко» (день первый)

Сегодня исполняется ровно 18 лет со дня, когда погиб Юрий Петрович Щекочихин. До сих пор непонятно, что с ним случилось. Но есть все основания думать, что он был отравлен. Отравлен по политическим мотивам.

Он вел расследование столкновения между таможней и ФСБ по делам «Гранда» и «Трех китов». И, видимо, как человек непререкаемой честности и искренности, человек известный, депутат Государственной Думы фракции «Яблоко», был уничтожен, отравлен. Расследование до сих пор оставило этот вопрос открытым.

После этого было немало политических убийств. Все вы их хорошо знаете. Сегодня 116 фигурантов уголовных дел, в основном по политическим соображениям, находятся за решеткой в 30 городах России. 22 человека продолжают оставаться в СИЗО.

Так вот, наша с вами ответственность и смысл того, что мы сейчас будем делать… мы ради этого идем на выборы, чтобы этого не было. Ради того, чтобы этого не было в нашей стране, чтобы в нашей стране не было политических заключенных, чтобы в нашей стране не было людей, попадающих под пытки, чтобы в нашей стране люди жили без страха. Да, мы не сможем это сделать быстро. Да, система, которая сегодня есть, она становится не просто все более полицейской — она становится системой, в которой спецслужбы, слежки, репрессии,

преследования начинают играть решающую роль в политике, просто решающую.

Там решают, кого допускать к выборам, кого не допускать, кому можно было в Государственной Думе, кому нельзя быть в Государственной Думе. Там определяют, о чем можно писать в собственном вашем фейсбуке, чего нельзя. Там определяют даже, что если вы переслали понравившееся вам небольшое сообщение, вас могут преследовать в судебном порядке.

Вот о чем на самом деле-то идет речь. Вот для чего мы с вами собрались. Вот если, как говорят, в сухом остатке, вот наша сегодня главная цель — чтобы этого не было в нашей стране, чтобы жизнь в нашей стране была устроена иначе. И едва ли не главной целью… в числе самых главных наших задач будут всегда (сколько будет существовать наша партия) свобода, жизнь без страха, верховенство права. Настоящего права. Не просто написанных на коленке в угоду кому-то «законов». А права, выражающего интересы граждан нашей России, нашей с вами страны.

Освобождение всех политических заключенных. Их больше 400. Находящихся в заключении по самым разным мотивам. А я напомню, что такое политический заключенный. Это человек, который формально осужден за одни якобы проступки, а реально находящийся в заключении по совсем другим причинам и мотивам. Это заключенные, которые находятся в связи с невероятным ограничением (политическим) выражения мнения, свободы совести, свободы слова. Вот на чем сегодня основаны политические репрессии.

Отмена всего этого безумного пакета репрессивных законов, принятых в последние годы. Мы как никто знаем смысл и природу этих законов. Именно «Яблоко» сделало самый крупный перечень, самый подробный перечень всех этих законов и представило его на общественном конституционном совете, и сделала это Елена Дубровина.

Отмена странных решений типа обнуления президентских сроков и восстановление конституционного порядка, конституционной основы в России, возвращение к свободе собраний, митингов, честная оценка прожитой нами жизни без прихлопывания и пританцовывания. Вот наши задачи.

И в числе наших задач в том числе и то, с чего я начал: мы будем добиваться внятного и убедительного расследования отравления Алексея Навального. Мы хотим понять причину того, что произошло в нашей стране. Это, возможно, продолжение того, что случилось со Щекочихиным. Это, возможно, продолжение того, что случилось с Немцовым.

И еще приходите к нам в офис. У нас вся стена уже занята членами «Яблока», которые отдали свою жизнь за то, чтобы жить в свободной стране и быть свободными людьми.

Расследование всех политических убийств — это тоже одна из наших задач. И это невозможно сделать без решения остальных, таких как судебная реформа, как сменяемость власти и честные выборы, как достижение наконец свободы слова. У нас с вами стоят колоссальные задачи. Просто колоссальные.

Вы, наверное, привыкли к тому, что я чуть больше, чем про все остальное, говорю про экономику. Но я и сейчас скажу пару слов. У нас в стране создана экономика бункера. Это такая экономика, в которой как бы все есть и ничего не развивается. У нас сейчас совсем неплохие, говоря теоретически, показатели… Ну сейчас чуть выросла инфляция, что, конечно, очень неприятно, но она все равно в пределах (по крайней мере формально) разумного. Все основные макроэкономические показатели, которыми обычно хвалятся перед, скажем, международными экономическими институтами, Международным валютным фондом, сейчас в России в весьма приличном состоянии. А доходы падают и роста нет.

Это как в погребе банки консервные стоят. Это наши золотовалютные резервы. Это наш Фонд национального благосостояния. Это у нас еще какие-то резервы Центрального Банка. Они очень такие толстые, банки здоровые. Только экономика их не получает, люди их не получают.

И когда это имеет решающее значение, как во время эпидемии, как во время пандемии, когда нужно поддержать граждан, поддержать частных предпринимателей… нет, к ним отношение такое: «Никуда не денутся. Вырастут как трава. Плевать на это на всё». Вот и всё. Вот такая экономика.

Поэтому перед нами будет стоять задача: много и честно говорить об уходе от экономики государственного монополизма, об уходе от экономики, построенной на коррупции, от государственного капитализма и государственного корпоративного стиля управления экономикой.

До сих пор за 30 лет так и не достигнута неприкосновенность частной собственности. То, с чего мы все начинали, ради чего проводились все экономические реформы — так и не решен этот вопрос. Так и не решен вопрос, чтобы миллионы людей были акционерами крупнейших российских предприятий. Они так и остаются в руках узкой группы лиц. Как и добыча и реализация природных ресурсов.

Я не могу с уверенностью сказать, но у меня есть серьезное предположение, что вот замена ректора Высшей школы экономики — это неслучайное явление. Это один из шагов именно в это время. Там очень много людей, студентов, интеллектуалов. Многие из нас в ней работают. Наведение там, так сказать, порядка: «Хватить вольнодумства». Кузьминов создал хороший университет. Мы все ему должны быть благодарны за это. Но то, что там будет теперь, у меня пока на сегодняшний день вызывает большое беспокойство. А я почему сейчас об этом говорю? Потому что тема экономики знаний, новой современной экономики — это ключевая тема. Просто ключевая.

Инвестиции в образование, в научные исследования, в зеленую энергетику — вот о чем сейчас должна идти речь. Вот нам чем следует заниматься. Вот какие перед нами стоят задачи. Фундаментальная перестройка всей системы права и экономического фундамента для ухода от системной коррупции. Вот в чем задача. Не только и даже не столько расследование отдельных эпизодов, сколько создание системы, в которой эти эпизоды были бы случайностью, а не системой, как сегодня.

Сегодня сама система из этого состоит. А это совсем другое дело. От нас с вами, от нашей с вами работы будет зависеть и благосостояние людей, и доступность медицины, и уровень качества и доступности образования, и обеспечение роста доходов семей. Вот какие перед нами стоят задачи. А знаете почему? Потому что никто, кроме нас, по-настоящему и даже не предполагает этим заниматься.

Обязательно скажу вам, что и внешняя политика — теперь тоже наша с вами забота. Виданое ли дело — составлять списки недружественных стран? И в эти недружественные страны входят как такие гигантские страны, как Соединенные Штаты, так и маленькие страны. Многие из вас были в Праге. И вы знаете, что там почти все можно делать с русским языком. Там абсолютно открытое отношение. И теперь Чехия относится к недружественным странам. Это что такое? Это полный провал всей внешней политики. Внешняя политика должна существовать для того, чтобы создавать друзей, а не врагов. Зачем нужна внешняя политика, чтоб создавать врагов? Враги сами появляются. Это ж простая вещь. А вы прочтите последнюю статью Лаврова, лидера списка «Единой России». Вам станет понятно, что эти люди очень далеки от действительности. Живут в мифах, в которые, я думаю, сами не верят. Но им же надо что-то писать.

Но то, что я говорю вам — это имеет к нам прямое отношение. Потому что сегодня мы должны задуматься и ответить на вопрос не только о том, что мы должны делать, но и, скажем, ради чего мы участвуем в выборах в Государственную Думу. Вы сегодня будете принимать программу нашей партии.

Но и как это сделать? Вот в чем не менее сложная задача. Как это сделать в нынешних условиях? А мы находимся с вами в новых условиях. Наступила новая эпоха. Сейчас известный нам мир трансформируется буквально на глазах: рушатся структуры, иерархии. Огромные страны выбирают президентов, мягко говоря, очень серьезного возраста, не могут подыскать других кандидатов. Происходят совершенно неожиданные вещи. Очень плохо работают политические партийные структуры. Многие институты становятся неэффективными, на которые полагались десятки лет и даже веками. Опиралось на них и общество, и государство. Закачался центр глобального лидерства. Появляются конкуренты в сфере глобального лидерства.

В России закончилась эпоха постсоветской модернизации. Закончилась она тем, что цели постсоветского развития за 30 лет достигнуты не были. Россия не стала правовым государством. В России нет института частной собственности и конкуренции. Россия не стала страной свободы и человеческого достоинства. Уважение

к человеку в России очень далеко от того, что жизненно важно и необходимо людям.

Вот в этой новой ситуации власти пытаются как-то действовать. Они пытаются разобраться, как действовать в такой ситуации. Но скажу вам откровенно: на мой взгляд, почти все, что делается — это как поиск выхода в совершенно темной комнате. Они тыкаются в разные стороны.

Посмотрите, что у нас получилось с пандемией. Это очень показательный пример. В нашей стране есть люди, которые создали, на мой взгляд, качественную вакцину. И весь мир это пусть сквозь зубы по политическим причинам, но признал. В России есть качественная вакцина. Но противник в данном случае у государства оказался такой, которого нельзя купить, напугать, договориться, обмануть. Настоящий противник, с которым ничего нельзя сделать. И это тест для государственной системы, это тест для государственного управления, насколько оно может справиться с реальной (непридуманной и неподкупной) угрозой. И то, что мы сейчас наблюдаем, говорит о том, что достижений в этом нету. А почему?

И это один из вопросов, имеющих прямое отношение к нашей с вами партии. А потому, что люди не верят в нашей стране государству. Вот момент, когда это совершенно очевидно. Понимаете? Когда есть страны, в которых 75% людей вакцинировалось, половина населения, больше половины. Там идет этот процесс, потому что там есть контакт между людьми и государством, там есть определенное доверие. А здесь его нет. Здесь люди не верят в голосование, здесь люди не верят ни во что. И ко всему этому они относятся безразлично.

А вот когда касается лично человека, вот здесь уже вопрос доверия становится ключевым. И здесь становится ясно: нет этого доверия, ну вот его нет.

И что Россия придумала в этих условиях? То, что сказал Путин — что мы теперь отдельная цивилизация. Мы хотим теперь закрыться, сформировать такой суверенный кокон и в нем сидеть. А для этого что нужно? А вот для этого нужна жесткая зачистка не только политики, но и всей общественной жизни, всей общественной деятельности, всего правозащитного направления. Мы создаем такой суверенный авторитаризм.

Я хочу подчеркнуть, что суверенный авторитаризм — это угроза национальной безопасности. Сейчас внутри России нет диалога ни между различными группами. Но самое главное — нет диалога между обществом и теми, кто считает себя вечным государством. Нет никакого обмена мнениями. Есть только всепроникающая логика противостояния и стремления уничтожить противника. Вообще говоря, то, что мы сейчас наблюдаем — это такое строительство державы или империи в стиле XVIII или XIX века. И происходит это вместо того, что диктует время — вместо освобождения человека для жизни без страха и творчества. Это очень серьезная и грубая ошибка.

Самодержавная централизация вместо самоуправления и земства. Это на самом деле дезинтегрирующая централизация. Потому что все сжимается до точки центра. А потенциал всего живого и настоящего единства в стране исчезает.

Управление страной с помощью страха. Причем, для каждого находится свой страх. Включая транслируемый ему страх, что если будет выражать недовольство, протестовать, требовать что-то менять — все это неприемлемо. Здесь же и страх войны, здесь же и страх, исходящий от врагов, здесь защита государства («пусть уж будет такое, хоть какое-нибудь»).

Архитектура безопасности и суверенитета, основанная на страхе, силе и принуждении, будет нежизнеспособной. Время другое. Она даже не будет долгосрочной. И ее разрушителями, этой архитектуры, будут не мифические враги, а объективные обстоятельства и процессы, к которым государственная система, выпавшая из времени, окажется неготовой.

Мы сейчас находимся в моменте политическом, когда мы выпали из политического времени. Политика, которую осуществляет Владимир Путин, выпала из политического времени. Хотите — приведу вам пример из нашей с вами жизни.

1991 год. В мире начинается глобализация. Европа идет к построению Евросоюза. В мире быстро расширяется так называемая мягкая сила. Что происходит в России? В России происходит ГКЧП и Беловежская пуща. Все прям наоборот. Вот за это мы расплачиваемся до сих пор. Вот за это мы расплачиваемся Донбассом. Вот

за это мы расплачиваемся Белоруссией. За это мы будем расплачиваться еще долго. И это притом, что была концепция экономического договора, что этот экономический договор предполагал единую валюту, единое таможенное пространство, то есть использование всех тех преимуществ, которые были на этапе трансформации из советской экономики.

От всего отказались. Поставили на пьедестал национализм, личные амбиции — и все пошло по другому направлению. Вот что такое выпасть из времени. Вот и сейчас происходит и с внутриполитическим, и с внешнеполитическим курсом, что мы оказываемся где-то в стороне.

Это ключевая наша задача. Потому что перспектива, к которой идет выпадение из времени — это разрушение страны, депопуляция вследствие демографических факторов и эмиграции. То есть сжимание, уход населения, уменьшение наших возможностей. При этом и интеллектуальный уровень, и возможности, и уровень творчества — все будет снижаться.

Вот наша задача. Не занять место в этой системе, а создавать альтернативу для страны, показать траекторию движения в реальное, а не мифическое будущее. Должен сказать вам, что наше дело — нести ответственность за будущее нашей России, нашей страны. Даже в ситуации, когда государство на это неспособно. Не скатываться в популизм и теории заговора. Не допустить окончательного исчезновения публичной политики, предотвратить распад государства и общества, требовать диалога с властью. Без нас никто это не сделает. Держава XVIII–XIX века в нашем веке не равна сильному государству.

Настоящая борьба в современном мире (вот на это обратите внимание) идет уже давно вовсе не за территории, а за мозги и за души. Не то время, чтобы делить границы. То время, чтобы понять смысл будущего. А смысл этот в свободе, творчества человека. Вот какое время. Отказ от этого ведет в тупик. Современная политика Путина введет в тупик. Это уже ясно. И будет ясно еще более с каждым годом.

Так будет еще долго. И это смысл времени, которое нам открывается. То есть смысл его заключается в том, что все главное (повторю в третий раз) заключается в человеке, в уважении к человеку,

в создании для него возможностей. И это будет долго. И это не заменит никакие танки, никакие ракеты.

Смотрите. Мы такая страна, в которой люди могут все. Мы могли создать первую лампочку, мы могли создать радио, мы могли создать первый цифровой компьютер в Европе. Мы могли первыми полететь в космос. Но мы ничего из этого не смогли сделать системно. То есть светлые люди, прекрасные умы в России были и есть всегда. Но система всегда была устроена так, всегда, что она не давала из этого сделать политику и всемирное явление.

Поэтому лампочку придумывают в России, а атрибутируется она к Эдисону. Радио придумывают в России, а атрибутируется оно к Маркони. И так далее. Наша с вами задача — построить в России такую общественную систему, которая сможет реализовать это. А для этого мы должны понимать, что будущее за свободой, будущее за интеграцией, а не за разделениями. И для России эта интеграция — европейский вектор.

Вместе с Европой формирование третьего центра экономического могущества в мире. Один такой центр — Юго-Восточная Азия, другой — Северная Америка. А Европа только вместе с Россией имеет шанс стать третьим центром мирового экономического могущества и конкурентом. Если этого объединения не будет, интеграции в той или иной форме… Это вовсе не означает, что надо вступать в Евросоюз. Вовсе. Это совсем другая модель. Ее еще надо создать. Но это цель, к которой нужно стремиться. Именно об этом мое сегодняшнее выступление. О том, к чему стремиться.

Так вот для Европы это важнейший фактор будущего. А для России это вообще вопрос жизни. Если этого не будет, Россия развалится. Это будет страшная, ужасная вещь.

Вот теперь в контексте этой новой жизни, которую определяет четвертая промышленная революция, суть которой на сегодняшний день заключается в том, что этот прогресс развития цифровых технологий идет настолько быстро, что возможности людей отстали во всем мире от того, как быстро развиваются технологии, созданные самими же людьми. Отстали от того, как развиваются эти цифровые технологии.

Можно говорить о глобализации беспорядка. Потому что люди растерялись: как управиться с тем собственно техническим прогрессом, который они создали? Вот в этих условиях нам с вами придется работать.

И, в частности, участвовать в выборах. Вот на фоне всего, что я вам рассказал, вот перед нами стоит такая задача — участвовать в выборах. Я хочу напомнить вам то, что вы уже, наверное, забыли. Но я с этого должен начать. Уже довольно давно Сергей Викторович Иваненко, который перед вами, сформулировал очень важный тезис: «Есть вещи поважнее Государственной Думы». Это правильно. И это так было и так есть. Тем не менее, мы будем в них участвовать. Это не значит, что в них не надо участвовать. Надо. И бороться за голоса избирателей надо. И мы будем бороться всерьез, в полную силу. Будем делать это по полной программе. Это я говорю к тому, что ваш скепсис и сомнения по отношению к тому, как работает сегодняшняя Государственная Дума, оправдан. Это не та Государственная Дума, которая должна быть в России. Это совсем не тот парламент и даже не тот парламент, в котором 10 лет работало «Яблоко», а Володя Рыжков работал 14 или 15 лет. Это совсем другой парламент.

Мы должны понимать, что после изменений и плебисцита по Конституции уже нельзя, как прежде, относиться ко всему этому. Если мы уважаем наших избирателей и считаем их умными, самостоятельно мыслящими людьми, мы должны придумывать новые подходы, отражающие новое понимание, наше понимание изменившейся ситуации. И адекватную реакцию на нее. Нельзя просто делать как раньше. Понимаете, нельзя. Даже разговаривать с людьми, как раньше, нельзя. Теперь не получится.

Обратите внимание. Все наши так называемые конкуренты все делают… Никакой разницы нет, что 1995 год, что 1990 год. Министр обороны, министр иностранных дел, тот же самый лидер здесь, тот же самый лидер там. Все то же самое. Разговоры все те же самые.

Мы должны по-другому решать эту задачу. Так вот. Помните, на предыдущем заседании нашего съезда я вам говорил, что нам надо придумать что-то такое, что будет соответствовать времени и будет отличать нас от всех остальных, чтобы людям было интересно, чтобы

люди этому поверили, чтобы это было сделано так, чтобы вызвало у людей понимание, доверие и надежду.

Я обещал, выступая, что я попробую предложить вам такое решение. Вот сегодня мы будем вам такое решение предлагать. Совершенно иначе, нежели раньше, построить наш избирательный список. Совершенно иначе построить нашу избирательную стратегию и тактику.

Мы будем сегодня об этом говорить целый день, но смысл для того, чтобы открыть это обсуждение… скажу не просто от своего имени, а скажу от имени политического комитета партии, который вчера до 3 часов ночи обсуждал. 12 часов обсуждал эту тему. Это была очень острая дискуссия. И были внесены самые противоречивые предложения.

То есть предложения разные, составившие реальную альтернативу. Предложения очень серьезные. Одно из них было внесено Эмилией Эдгардовной Слабуновой. Ну, и пожалуй, главная альтернатива тому, что рассматривалось на политкомитете. 12 часов с участием временами 15, а временами 12 членов политкомитета обсуждался этот вопрос.

В результате обсуждения и альтернативного голосования политический комитет партии предлагает вам следующую предвыборную конструкцию. Построить федеральный список таким образом, чтоб его центральная часть (так она, по-моему, называется). Центральная часть федерального списка. На этот раз впервые в истории нашей партии (а может быть, даже… не помню, бывало ли так у других, по-моему, нет) предлагается из одного человека — председателя партии. А дальше весь федеральный список строится на равноценной, равноправной основе между всеми регионами. И большинство регионов имеет равные возможности за счет своей работы попасть в Государственную Думу в случае нашей победы.

Уйти от темы президиума. Вот великий президиум — и вы все давайте на нас пашите. А мы потом кого-нибудь 2–3 из вас еще прицепим. Все. Так не надо делать. Это первый принцип. Там десятки теперь регионов находятся в равном положении. Мы к вам обращаемся: «Давайте, все, теперь нет привилегированного класса в партии. Есть лидер, который символизирует. И этот лидер — председатель партии».

А все остальные регионы мы постараемся сделать равными, чтобы они конкурировали друг с другом.

Второе обстоятельство. Вы сегодня будете внимательно рассматривать списки и вы увидите. Мы сделали все возможное, чтобы федеральный список, особенно первые номера, которые имеют реальный шанс прохождения, были молодые люди. По состоянию на вчерашний день у нас средний возраст чуть меньше 40 лет. Мы считаем это очень важным. Я считаю это ролью и задачей партии — открывать будущее. И открывать это для следующего поколения. Вот это такая важнейшая задача. С этим подходом мы подходили и к округам. Да, мы хотим сформировать принципиально новую фракцию в Государственной Думе. Не из спортсменов, певиц, уважаемых… я даже не знаю кого, а из молодых людей с хорошим образованием, которые профессионально хотят заниматься политикой.

И здесь я хочу, обращаясь уже к нашим избирателям, сказать. Поймите наконец, вы не за нас голосуете. Вы не за меня голосуете. Вы за себя голосуете. За себя. Это ваши дети. Вы не можете им предъявлять претензии, что они что-то не то делали в 1990 году. Хватит. Это будущее. Да, у них нет огромной политической биографии. Так это и хорошо, что ее нет. Вот все открыто, все перед вами. Не надо больше ни упреков, ни претензий. Мы вам предлагаем голосовать за ваше будущее, за ваших детей, за себя голосуйте. Не за нас. Вы уже поняли, что происходит в стране, когда вы голосуете не за себя: не за свою свободу, не за уважение к самим себе. Вы лишаетесь, если вы не голосуете за это. Вы лишаетесь политического представительства. И тогда с вами можно делать все что угодно: отбирать бизнес, устраивать бесконечные обыски, хватать вас за шиворот, закрывать СМИ. Наивные СМИ подумали, что они уже над схваткой, они уже живут в стране с настоящей демократией. В Америке еще так не живут. Там еще нет настоящей демократии. Там одни газеты поддерживают одного кандидата в президенты, другие — другого. Так же и партии. У нас — другое дело. У нас газеты подумали, что они уже всё.

Птичка запела. Она думала, что ее выпустили на свободу. Это просто с клетки сняли тряпку. Это еще совсем всё другое. Это же касается и общественных деятелей, и правозащитников. Нам еще

бороться надо за свободу. Вот у вас у всех, наши дорогие избиратели, есть шанс. Мы будем его предоставлять, чтоб вы проголосовали.

Но на сегодняшний день ситуация такова, что в силу объективных обстоятельств и в силу нашей работы, и в силу нашей общей работы у нас действительно есть шансы преодолеть 5%. Причем надежно. Да, конечно, трехдневное голосование. Да, конечно, еще и электронное. Да, конечно, результаты, скорее всего, будут выписываться. Особенно по одномандатникам. С наслаждением. Да, мы это знаем и понимаем.

Но от вас, обращаюсь к нашим избирателям, от вас зависит, сколько нас придет. Если вы думаете, что сейчас самое главное — отказаться от всего…

Если вы не почувствовали, что до сих пор… всех соседей, всех друзей, всех одноклассников — всем вместе прийти на эти выборы, чтобы из нашего миллиона, который у нас признан даже официальными властями, сделать 3 миллиона, 5 миллионов. А уж если вы 10 человек приведете на участок — 10 миллионов. И в стране многое изменится. Конечно, будут фальсификации. Что-то там… Но если 10 млн человек голосует, с нами будут считаться. Не с нами, а с вами. Тема свободы, достоинства, свободы политическим заключенным, расследование политических преступлений, частная экономика, конкуренция, демонополизация, реформа госкорпораций, прекращение систематической коррупции — вот что начнется. От вас зависит. Как однажды очень точно сформулировала карельская организация, как голосуем — так и живем. Вот и всё.

Я думаю, что наш съезд важный, потому что перед нами стоит задача — организовать выборы в принципиально новых условиях. Я желаю всем удачи. Спасибо большое.

«Нести ответственность за будущее нашей страны»

4 июля 2021 г., стенограмма выступления на предвыборном съезде партии «Яблоко» (день второй)

Спасибо, дорогие друзья. Мне очень приятно здесь быть, присутствовать, видеть вас. Я, правда, не ожидал, что мое, как и следующее выступление, будет объявлено как развлекательное. Но, в общем, я не сильно против. Я готов вас развлекать, как смогу. Развлекать политиков — дело, вообще говоря, непростое. Большие деньги обычно нужны, чтоб развлекать политиков. Но вы, я надеюсь, другая аудитория.

Но я прежде всего хотел поздравить всех, кто будет участвовать в выборах. Я хочу поздравить от души всю партию «Яблоко», всех членов. Это десятки тысяч людей по всей стране. Я хочу поздравить делегатов съезда. Работа была непростая. И те, кто участвовал в этом, знают, что было немало споров и противоречий, и сомнений. Я хочу поблагодарить членов политического комитета за острую, иногда весьма нелицеприятную дискуссию. Я благодарю членов бюро за многодневную трудную работу. Вы представляете — выбрать такое количество кандидатов огромной страны? С каждым поговорить. Но хотя бы получить какое-то ощущение уверенности, что с этим человеком можно иметь дело, что он по крайней мере не подлец, что этот человек наших представлений о будущем. Это очень непростая работа.

Я хочу поблагодарить моих близких товарищей, с которыми мы последний год думали о том, как же нам ответить на вызовы, как сейчас любят говорить — вызовы времени. Время сейчас новое, совсем другое. К сожалению, это мало кто еще понял. Но, как мне представляется, в этом заключается большая опасность.

Если не понимать, какие изменения произошли в глобальном мире и в обществе (не только в России), можно очень серьезно ошибиться. Выпадение из времени — вещь очень опасная, особенно когда это происходит с политиками, имеющими реальную большую власть. А как в нашем случае — так еще и ничем не ограниченную.

Мир меняется прямо на глазах: разрушаются традиционные политические структуры, теряют эффективность политические партии. Даже в тех странах, которые еще 30 лет назад казались просто моделью, образцом. Перестают работать политические иерархии. Появляются, я бы так сказал, весьма великовозрастные политики. Мир меняется. В мире меняются мировые лидеры. Соотношение между ведущими странами в мире тоже меняется.

Одним из факторов этих серьезных изменений, с которыми всем вам обязательно придется столкнуться (и мы сталкиваемся), является Четвертая промышленная революция, являются цифровые технологии. Если хотите — является глобализация политической энтропии, беспорядка.

Как же на это реагирует наша страна, как реагирует Россия? Россия реагирует тем, что закрывается, окукливается, создает такой суверенный кокон. И что Россия делает? Она строит державу образца XVIII–XIX века, продвигает суверенный авторитаризм, лишает людей свободы. В России отсутствует полностью политический диалог.

А что же в России есть? Есть сотни политических заключенных, есть люди, которым силой и репрессиями затыкают рот, есть отравления, которые не расследуются, есть убийства по политическим мотивам, очевидные, прям рядом с Кремлем, расследования которых абсолютно не убедительны. Мы в политике для того, чтобы никогда не отказаться от принципиального требования расследовать, существуют ли в России «эскадроны смерти», существуют ли в России заказные политические убийства, какова роль официальных лиц в такой политике. Вот одна из наших целей. И эта цель связана с защитой будущего нашей страны.

А что еще есть в России? Еще в России есть экономика бункера. Я бы так ее назвал. Это такая экономика, в которой все стандартные макроэкономические пропорции в принципе выдерживаются: не

очень высокая инфляция, отсутствие больших долгов, разумное в целом соотношение долга и ВВП (имею в виду валовый внутренний продукт), крупные золотовалютные резервы, умеренный госдолг. Жить можно. Развиваться нельзя.

Экономика выстроена так, что она опирается на концепцию государственного капитализма или государственного монополизма в экономике. Это как такой блиндаж, в котором есть много консервов, но там приходится только сидеть и делать ничего невозможно. И вот поедать эти консервы. Да, еще от всех обороняться и защищаться. Это вот такая модель, которую у нас здесь создали.

С голоду, конечно, не помрешь. Однако и вперед двигаться не сможешь. А что еще есть? А еще есть управление страной с помощью страха. Управление страной с помощью страха. Причем, для каждого находится свой страх. Страх идет сверху, страх идет сбоку. И все время предупреждают: «Если вы не будете нас слушаться — все, у вас нет будущего, у вас нет личных перспектив». Но, больше того, это и страх войны, это бесконечный разговор о врагах, о недружественных странах.

Но я хочу сказать вам коротко. Мы вчера обсуждали нашу программу очень подробно. Я очень рад, что съезд принял решение одобрить нашу программу абсолютным не просто большинством, а одним из самых положительных голосований, с самым большим количеством голосов.

А наша программа связана в том числе и с тем, что она объясняет очень подробно, что архитектура безопасности и суверенитета, основанная на страхе, силе и принуждении, является нежизнеспособной. Я хочу об этом сказать всем, у кого есть хотя бы какие-то мысли и переживания о будущем нашей страны.

То, что сейчас политически создается и строится в России, не имеет перспективы. И для того чтобы все в этом убедились, нужно только немного времени. Я не знаю, сколько. Но перспективы у этого нет. И дело тут совсем не в мифических и реальных врагах, а в объективных обстоятельствах и процессах, к которым такая выпавшая из времени государственная система заведомо не готова и не может с этим справиться.

Каково же наше место в этой ситуации? Друзья, наше с вами дело… Я очень хотел бы, чтобы вы меня услышали… Нести ответственность за будущее нашей страны. Даже в той ситуации, в которой, похоже, современное неспособно взять на себя эту ответственность.

И мы видим это на примере столкновения с пандемией, с настоящим неподкупным противником, которого нельзя запугать, которого нельзя обмануть, которого нельзя подкупить. Вот так проверяется качество государства. Наша с вами ответственность — войти в новое время и не скатиться в популизм и в теории заговора. Наша с вами ответственность — не допустить окончательного исчезновения публичной политики, предотвратить распад государства и общества. Наша с вами ответственность — добиться диалога с сегодняшней властью.

Это то, что, кроме нас, сегодня в политическом поле, в политической сфере никто не сделает. Это должны сделать мы. А в чем наша главная ключевая проблема? А вот наша главная и ключевая проблема заключается в том, что люди в России могут сделать все. У них практически нет никаких пределов, никаких ограничений. Мы первыми можем сделать все, что угодно. Как и сейчас, сделали неплохую вакцину. Не хуже других, я думаю. Мы можем сделать в России первую лампочку. Можем сделать радио. Можем даже сделать первый в Европе цифровой компьютер. Мы все это можем создать. У нас есть такие люди. Мы можем первыми полететь в космос.

Но мы не построили пока такую систему, при которой люди могут быть свободными, жить без страха, а потому быть по-настоящему творческими. Сделать мы можем, а развивать не можем, строить не можем, потому что мы до сих пор не создали систему, в которой такие люди могут иметь будущее. Вот это и есть наша главная ответственность. А новое время состоит в том… Вот вы, наверное, думаете, что нужны современные технологии, нужны новые изобретения. Да, конечно нужны. Но, вообще говоря, не в этом дело. А дело теперь уже в том, что нужны прорывные идеи.

Многие экономисты до сих пор полагают, что самое главное — инвестиции. А я хочу сказать, что это теперь не проблема, а проблема — во что вкладывать. Нужны прорывные идеи. Нужны повороты сознания. Нужно совершенно по-другому смотреть на мир и на сегодняшний

день. Вот что на самом деле сейчас нужно. И вот в чем ключ. И мы ищем ответы. И мы ищем ответы. Мы ищем ответы не только в теориях, а в практической политике. И вот все, что мы сегодня с вами делаем — это одна из попыток. Мы пытаемся ответить на эти и похожие вызовы. Как? Ну, во-первых, я должен напомнить вам, что за 30 лет наша с вами партия 10 раз (7 раз на парламентских и 3 раза на президентских) предлагала нашей стране поворот в ту сторону, которую подтвердило время, в необходимости движения в ту сторону, которую подтвердило время. 10 раз за 30 лет. Пока нам это сделать не удалось. Не удалось. Но мы пробуем еще раз. Пробуем в 11 раз. И как мы хотим теперь это сделать?

Мы вам предлагаем (Вам — теперь я говорю с нашими избирателями) молодых, совсем молодых людей, чтобы они прокладывали путь в будущее. Конечно, вместе с нами. Но они пойдут вперед. А мы будем их поддерживать, мы будем работать вместе с ними. Мы составили на этот раз список. Мы пытались сделать так, чтобы средний возраст был меньше 40 лет. Я думаю, что где-то близко к этому у нас получилось. А еще вы, наверное, все не спрашиваете вот так напрямую. Так вот я вам скажу, почему у нас один лидер, который называется лидер. У нас лидер совсем не один, но федеральную часть возглавляет один человек. Ответ простой и, думаю, вам будет вполне понятный: потому что мы хотим создать конкуренцию внутри партии. Мы хотим, чтоб не было такой модели, что вот есть президиум из великих людей и вся партия, все регионы, вот все вот эти люди, о которых вы сейчас слышали, на них работали, ради того чтобы они стали депутатами Государственной Думы. А мы хотим на этих выборах сделать так, чтоб была настоящая конкуренция между нашими молодыми людьми, ну и не очень молодыми тоже.

Мы хотим, чтобы почти все (ну как уж мы смогли в условиях нашей огромной страны) имели шансы. А это вот один из вызовов времени. В чем, вообще говоря, основа либерализма? В одном, помимо свободы: в равных возможностях. Не в том, чтобы потом забирать у богатых и отдавать бедным, а в том, чтобы на старте все были примерно в одинаковом положении и могли соревноваться. И тогда общество и страна двигается вперед. Вот, что мы хотим сделать. Вот поэтому

председатель нашей партии, избранный нашим съездом, возглавляет список, Николай Рыбаков и все остальные наши товарищи, многолетние товарищи и новые товарищи участвуют в этом списке.

Мы пригласили в эти списки кого смогли. Кого-то не смогли. Я понимаю, что это может быть больно. Понимаю. Но кого-то не смогли. Мы очень старались. Сейчас очень особые условия. Скажем, в 2016 году мы вообще просто всех пригласили к себе. А вот за 4 или 5 лет все изменилось. Наступила новая эпоха. Когда в Конституцию внесли поправки, которые, на наш взгляд, ее просто уничтожили, наступила новая эпоха. Вот мы теперь живем в эту новую эпоху. И это первые большие выборы федеральные в новую эпоху. Она совсем другая и будет совсем другая. И работа в Думе будет совсем другая. Все будет теперь совсем другое. Вы увидите. Все будет меняться.

Ну и последнее, но самое главное, как всегда. Обращаюсь к нашим избирателям. Дорогие друзья, вы в этот раз не за нас голосуете. Вы голосуете за себя. Помните это, когда будете думать, как голосовать. «Яблоко» — у вас единственный шанс (так складывается политическая картина) проголосовать за вас, за себя, не за кого-то, за ваше будущее, за вашу свободу, за ваше право на свободу, за ваше право быть гражданами России, а не батраками. Вот, собственно, и всё. Сами выбирайте и решайте. Спасибо.

«С улицей вы власть никогда не поменяете»

Григорий Явлинский — о выборах, «опасной и вредной» политике Навального и о том, почему «после Путина будет Путин»

7 июля 2021 г., телеканал «Дождь»

Антон Желнов — Hard Day's Night на «Дожде». Добрый вечер. Я приветствую вас, наших зрителей. Меня зовут Антон Желнов, а сегодняшнего гостя зовут Григорий Явлинский, основатель партии «Яблоко», всем вам известный. Григорий Алексеевич, добрый вечер.

Григорий Явлинский — Добрый вечер. Спасибо за приглашение.

Антон Желнов — Вам спасибо, что пришли, в этот московский зной. Григорий Алексеевич, на недавнем съезде, вот как раз Вася Полонский его освещал в нашем эфире…

Григорий Явлинский — Благодарю вас. Очень удачно получилось.

Василий Полонский — Спасибо.

Григорий Явлинский — Особенно последняя реприза, которая была сделана на «Дожде», очень удачная.

Антон Желнов — Вот, вы следите, значит, за ситуацией. Скажите, вот вы на этом съезде предвыборном, в сентябре у нас, напомню, если кто забыл, думские выборы, вы сказали о том, что не идете на эти выборы, не выдвигаете, точнее, свою кандидатуру, партия идет, но не вы, потому что нужно открыть дорогу молодым. Вопрос сразу напрашивается — а раньше что, было не нужно открывать дорогу молодым? Как бы что изменилось к 2021 году?

Григорий Явлинский — Ой, очень многое изменилось. Очень многое. После 1 июля прошлого года, вот год назад, на мой взгляд, и на наш взгляд, фактически подвели черту под советской модернизацией, просто закончилась целая эпоха. Формальность, конечно, но внесли…

Антон Желнов — А что вы имеете в виду под датой 1 июля?

Григорий Явлинский — Внесли 287 поправок или там 290 поправок, одной кнопкой, одним нажатием кнопки внесли в Конституцию, и всё. Теперь это уже совсем всё по-другому.

Антон Желнов — То есть у вас точка невозврата произошла в российской политике 1 июля прошлого года?

Григорий Явлинский — Да, это точка невозврата в смысле того, что эпоха, которая началась в 1991 году или в 1992-м, она завершилась. Завершилась она поражением, и теперь…

Антон Желнов — Это и ваша эпоха частично? Это и ваша эпоха тоже, которая завершилась поражением?

Григорий Явлинский — И моя, и ваша, и наша. Она завершилась. И она завершилась нашим поражением, моим, в частности, потому что мы не смогли создать новую Россию, такую, которую хотели. И это надо знать и признавать, это касается, для меня это в первую очередь меня касается и моих товарищей, но не только.

Антон Желнов — Хорошо, а молодые что могут в этой ситуации сделать? Я не очень понимаю.

Григорий Явлинский — А молодые — это другое поколение. Это все равно жизнь-то продолжается, жить им. Вот надо им открывать дорогу, помогать им, поддерживать, и дать им возможность теперь бороться самим. И чем быстрее мы начнем это делать, тем это более правильно, тем лучше.

Василий Полонский — Григорий Алексеевич, вот такой вопрос. Вы все равно являетесь самым большим политиком в своей партии. И это молодые лица могут в общем не попасть в Государственную Думу и в общем провалиться на этих выборах. Почему вы все равно не идете? Вот у меня есть идеальный вариант для вас — вы выдвигаетесь, идете в ЦАО, в Москве, избираетесь по одномандатному округу и попадаете спокойно в Госдуму. И от «Яблока» есть один депутат.

Почему вы не хотите идти в Думу? Вы боитесь проиграть или какая-то есть другая причина?

Григорий Явлинский — У меня есть очень серьезные причины.

Антон Желнов — Скажите уже их, по-честному назовите их.

Григорий Явлинский — По-честному я их не буду называть.

Антон Желнов — Почему?

Григорий Явлинский — Потому что сейчас идет избирательная кампания, поэтому я не буду их называть. А я предлагаю вам встретиться со мной после 19 сентября, и я вам по-честному расскажу мои причины.

Антон Желнов — Но это личные причины?

Григорий Явлинский — Нет, это не личные причины. Это политические причины. Я их подробно обсуждал в партии, на закрытых заседаниях политического комитета, мои товарищи и коллеги знают эти причины, понимают эти причины. Они, на мой взгляд, очень серьезные. Но это все мелочи и детали, в российской…

Василий Полонский — Но вы остаетесь в политике?

Григорий Явлинский — Вот, совершенно правильный вопрос. В российской политике совершенно не обязательно быть в Государственной Думе, совершенно не обязательно. Этот значок ничего не меняет. Если политика потребует участия в ней, мы никуда не деваемся, я буду продолжать работать.

Антон Желнов — А где обязательно надо быть? В российской политике не обязательно быть в Государственной Думе.

Григорий Явлинский — В стране надо быть. В стране, вот здесь, в Москве, в Петербурге, в Свердловске, еще где-нибудь, в стране надо быть. Надо быть рядом со своим народом. Вот там надо точно быть. А в Думе совсем не обязательно.

А молодым людям надо, надо учиться, надо тренироваться, надо пытать счастья, надо работать. Все равно они смогут в Государственной Думе только начинать что-то делать, а мы будем им помогать. Я, например, буду помощником любого из них. Мы перенесем все решения в партию, мы будем принимать решения не только во фракции, но и в партии.

Василий Полонский — То есть, Григорий Алексеевич, вы будете помощником кого-то из молодых депутатов?

Григорий Явлинский — Легко. Это для меня не является проблемой.

Фарида Рустамова — Вот некоторые СМИ писали, что неофициально источники в партии говорили, что вы после 1 июля прошлого года, после вот этого голосования по поправкам в Конституцию, что вы разочаровались в выборах теперь вообще, вы считаете, что выборы умерли. Это правда?

Григорий Явлинский — Да, в том смысле, в котором являют настоящие выборы… Но это все знают. Все же знают.

Фарида Рустамова — Это та причина, по которой вы не пошли?

Григорий Явлинский — Одна из них, вы правы. Вы правильно угадали. Но все же знают, как устроены у нас выборы: теперь они три дня, потом еще электронные, потом они выписываются где положено. Все же это знают.

Фарида Рустамова — То есть у вас мотивации стать депутатом Госдумы нет, идти на эти выборы нет, а другие люди должны идти? А как вы их мотивируете?

Григорий Явлинский — Это учеба.

Сергей Горяшко — А как вы вообще с таким пораженческим настроением, что вы проиграли…

Григорий Явлинский — Нет, наоборот, я с другим настроением. Я же поэтому вам и говорю, не мы, я не говорю, что мы проиграли. Проиграли-то не мы, страна проиграла. Мы-то сохранились, мы даже позицию свою удержали, в отличие от многих других. Мы все сделали, а страна проиграла.

Ольга Бычкова — Вы сказали, что вы будете помогать молодым туда вот идти, но перед этим вы сказали, что все потерпели поражение. А чему могут люди, потерпевшие поражение, научить молодых?

Григорий Явлинский — Могут что?

Ольга Бычкова —Чему могут люди, потерпевшие поражение, могут научить молодых?

Григорий Явлинский — Как не получить второе поражение. Вот я, например, всю свою молодость занимался боксом. Так вот, чтобы выигрывать следующую встречу на ринге, нужно делать выводы из той, которую ты проиграл.

Ольга Бычкова —В смысле это было единственное ваше поражение, но длиною в двадцать лет?

Григорий Явлинский — Это политическое, не моя, ваша, наша, нашей страны. Разве дело во мне?

Антон Желнов — Я хотел у вас спросить про вашего коллегу по партии, Льва Шлосберга, который работает в Пскове, в заксобрании Псковской области. У вас был с ним публичный конфликт из-за письма вашего, в котором вы обвинили Алексея Навального в популизме, национализме, Шлосберг тогда ответил, что, мол, лежачего не бьют. Какие отношения у вас со Львом Шлосбергом сегодня?

Григорий Явлинский — У нас конфликта не было, но у нас разные точки зрения. В партии так и должно быть.

Ольга Бычкова — Так, а чем полемика закончилась, вы остались при своем мнении? Можно пинать лежачего, нельзя пинать лежачего?

Григорий Явлинский — Нет, здесь же никто не пинал лежачего. Здесь речь шла о политических разногласиях принципиального характера. Они все сохранились. Я считаю, что я правильно сделал, что написал эту статью.

Кстати, статья оказалась довольно популярной, ее просмотрело, насколько мне известно, 75 миллионов, прикоснулось к ней так или иначе, человек. Статья обсуждалась в партии много раз, и на политкомитете, и на бюро, ее поддержали. Лев Маркович остался при своем мнении, но в нашей партии так обычно и бывает, бывают разные точки зрения по любым вопросам.

Сергей Горяшко — А то, что Льву Шлосбергу в итоге не дали выдвинуться от родной Псковской области? Он не идет на выборы от родной Псковской области, а идет по Москве не в самом очевидном округе, это и есть итог вашей с ним публичной полемики, ваших разногласий?

Григорий Явлинский — Он очень долго этого добивался. И добился.

Сергей Горяшко — Он прямо хотел?

Григорий Явлинский — Не просто хотел, он настаивал, полгода настаивал на этом. И получил такую возможность.

Фарида Рустамова — Настаивал на Москве?

Григорий Явлинский — Да, выдвигаться в Москве. Настаивал на том, что он будет выдвигаться в Москве.

Фарида Рустамова — А он в этом округе хотел идти?

Григорий Явлинский — Он не знал, в каком. Какой получится, он же не москвич. Но в этом округе на выборах в Мосгордуму победил Бунимович, и это было одной из причин. Ему было предложено три округа на московском региональном совете, он мог выбрать. Он выбрал.

Ольга Бычкова — А где ему надо было выдвигаться, у себя или в Москве, на самом деле?

Григорий Явлинский — С моей точки зрения?

Ольга Бычкова — Да.

Григорий Явлинский — Это его решение.

Ольга Бычкова — А вам как кажется?

Василий Полонский — А с вашей точки зрения?

Григорий Явлинский — С моей точки зрения, так и должно быть — его решение. Он очень опытный, влиятельный и известный человек в партии, поэтому он такие решения должен принимать сам. Он советовался, мы обсуждали, я сказал, что я поддержу его решение.

Василий Полонский — Григорий Алексеевич, хотел уточнить по поводу вашей статьи. Как бы вы себя ощущали, если бы вы находились в этот момент в СИЗО или в заточении, и о вас написали что-то подобное, что вы популист?

Григорий Явлинский — А вы статью-то читали?

Василий Полонский — Да, я читал ее довольно внимательно.

Григорий Явлинский — Точно?

Василий Полонский — Вот прямо сейчас прочитал ее специально.

Григорий Явлинский — Я бы считал, что это политическая дискуссия со мной.

Василий Полонский — Несмотря на то, что вы находитесь в заточении?

Григорий Явлинский — Да где бы я ни находился.

Сергей Горяшко — Вот только ваш оппонент в этой политической дискуссии ответить вам не может.

Григорий Явлинский — Да неправда. Он каждый день публикует свои посты.

Сергей Горяшко — Ну так ответить…

Григорий Явлинский — Ну каждый день человек публикует свои посты.

Сергей Горяшко — Но вы после того, как вы эту статью написали, потом еще на «Эхо Москвы» сходили, интервью дали.

Григорий Явлинский — Я ходил на «Эхо Москвы», разговаривал там.

Сергей Горяшко — Интервью было, в том числе, по поводу статьи.

Григорий Явлинский — Эти вещи надо делать. Послушайте, это не игрушки и не детский сад. Эта статья касалась принципиального вопроса. Она до сих пор имеет абсолютно принципиальное значение, и для страны, и для партии.

Антон Желнов — Какого, Григорий Алексеевич, вопроса?

Григорий Явлинский — В частности, она была связана с тем, что теперь 116 уголовных дел. Вот теперь 116 уголовных дел, и очень мало кто ими занимается. 116 уголовных дел в отношении тех людей, которых ближайший соратник сказал, что он «бросает их в топку», и теперь 116 человек имеют уголовные дела. А потом тысячи людей сдали свои личные данные спецслужбам России, потому что они выразили готовность выйти на протесты. Вот о чем шла речь в статье, она была написана ровно через день после того, как Волков сказал, что надо бросать людей в топку.

А я считаю, что не надо бросать людей в топку, и я считаю, что это бессмысленное было мероприятие, и что оно было подлое по отношению к этим людям. И пиариться на этом, сидя за границей, не надо. Это серьезные вещи, понимаете. И спор с Навальным в этом отношении принципиальный, и он продолжается до сих пор. Это другая политика, мы ее не приемлем. А писать статьи нужно тогда, когда их читают. Эта статья никакого влияния на его срок, на то, что его посадили, не имеет, она связана с другими вещами. Вот и всё.

Сергей Горяшко — Но тем не менее, в общественном сознании ваша статья запомнилась тем, что вы человека, который сидит в СИЗО, обвинили в популизме. Вы думаете, что эти 75 миллионов, которые ее прочитали, они за вас потом проголосуют?

Григорий Явлинский — Да, я думаю, что очень многие люди… Что, сказать вам цифры, чтобы вы не переживали, я вам скажу. Рейтинг «Яблока» до этой статьи был меньше единицы, сейчас он около пяти, вот вам разница.

Антон Желнов — Хайпанули, это называется.

Григорий Явлинский — Я не знаю, может, у вас это так называется, а с моей точки зрения, это называется, что мы прикоснулись к принципиально важному вопросу в жизни страны и нашли возможность высказаться по этому вопросу в тот момент, когда это было актуально и необходимо. Вот и всё.

Ольга Бычкова — Григорий Алексеевич, немножко к другой теме. Вот сейчас председатель партии «Яблоко» Николай Рыбаков.

Григорий Явлинский — Да.

Ольга Бычкова — Кстати, скажите, у него какой рейтинг, если вы знаете? У вас какая-то внутренняя социология, вы сейчас, наверное, на нее сослались.

Григорий Явлинский — Я не знаю. Я знаю, что у него узнаваемость больше 30%, благодаря постоянной работе на больших каналах. Это работа очень тяжелая, очень неприятная, не каждый туда может ходить.

Антон Желнов — Действительно, не каждый.

Григорий Явлинский — У меня это, например, вызывает дикое напряжение, когда даже любой бы человек туда пошел. Но он набрался сил, ходит туда, и теперь у него 30% узнавание.

Фарида Рустамова — А как он попал на госканалы?

Григорий Явлинский — Никак. Его приглашают, он ходит.

Сергей Горяшко — Несистемных оппозиционеров, которых…

Григорий Явлинский — Да приглашают всех, только их там «мочат». А он ходит и не боится.

Сергей Горяшко — Тех, в ком видят угрозу, не приглашают.

Григорий Явлинский — Он же председатель партии.

Сергей Горяшко — Алексей Навальный тоже был председателем партии, незарегистрированной, его почему-то не приглашали на федеральные каналы.

Григорий Явлинский — Он не зарегистрированный, а этот зарегистрированный. Ну чего задавать странные вопросы?

Сергей Горяшко — Политиком он был тоже узнаваемым, известным.

Григорий Явлинский — Хорошо. Позвоните Эрнсту, спросите у него. Пусть ВВС спросит у Эрнста.

Фарида Рустамова — Вы хотите сказать, что при вот этом каком-то приглашении Николая Рыбакова здесь нет какого-то договорняка, не знаю?

Григорий Явлинский — Нет, ничего тут нет. Им выгодно это.

Сергей Горяшко — Им выгодно?

Григорий Явлинский — Да, конечно.

Сергей Горяшко — А зачем играть ….

Григорий Явлинский — Ну что же вы не понимаете простые вещи, когда вся толпа, выходит Рыбаков, что-то там говорит, и вся вот эта толпа начинает на него кричать, и все видят, какой он там один и ничего даже толком не может сказать, и все, что бы он ни сказал, все кричат, что это все неправильно, это же сюжет.

Фарида Рустамова — Тогда зачем ходить?

Григорий Явлинский — Чтобы была узнаваемость.

Сергей Горяшко — Это хорошая узнаваемость? Когда человек…

Григорий Явлинский — Это узнаваемость.

Ольга Бычкова — Так они же тоже не дураки, они же тоже понимают, что узнаваемость растет.

Григорий Явлинский — Конечно. Они тоже не дураки. Конечно.

Ольга Бычкова — Зачем?

Григорий Явлинский — Конечно. Затем, что им так нужно делать передачу, потому что если придут только такие, как вы, все будут поддакивать. Вот и всё. Вот вы сейчас все одно и тоже у меня спрашиваете, это же не интересно, а там появляется какая-то разница.

Василий Полонский — То есть на федеральных каналах интереснее?

Григорий Явлинский — Мне — нет. А им хочется сделать интересно.

Фарида Рустамова — То есть вас устраивает, что председатель партии, как вы сказали, там все нападают на него, но такая у него узнаваемость, как человека, на которого все…

Григорий Явлинский — Это работа. Нас не устраивает, никого это не устраивает. Но у нас СМИ такие. Ну одни продаются «Новым людям», другие работают по заказу и являются пропагандой, за которую вообще нужно судить. Судить их надо за то, что они делают там.

Ольга Бычкова — За что надо судить?

Григорий Явлинский — За то, что они делают там. За то, что они развивают ненависть в обществе, за то, что они сталкивают людей, народы. За то, что из-за того, что они там вытворяют, проливается кровь время от времени. Вот за что.

Фарида Рустамова — И все равно Николай Рыбаков туда ходит?

Григорий Явлинский — Он ходит, чтобы сказать им, что так нельзя делать. А вы боитесь туда ходить, поэтому вы туда не ходите.

Сергей Горяшко — Нет, нас туда не зовут.

Василий Полонский — Если они зовут, то журналистов «Другой России».

Григорий Явлинский — Хорошо. Я посмотрю, куда вы пойдете, когда вас позовут.

Василий Полонский — Посмотрим.

Григорий Явлинский — Не бойтесь.

Антон Желнов — Григорий Алексеевич, если вернуться к теме, которую мы затронули, про Алексея Навального, «Яблоко» не включило в списки его сторонников, в свои списки, я имею в виду предвыборные, Миняйло, Степанова, Фатьянову. Как принималось это решение, вот по невключению в списки?

Григорий Явлинский — Как все. Как все решения. Как все. У нас было 1600 заявлений, а в списки вошло около 400 человек. 1200 человек расстроились, вот и все. А принималось это решение на региональном уровне, потом двумя структурами на федеральном уровне, потом съездом. Это по каждому человеку так было.

Антон Желнов — Чем все-таки политсовет, региональный или федеральный, руководствовался? Потому что это все-таки резонансные люди, известные.

Григорий Явлинский — Он руководствовался ровно тем, что я вам только что сказал. Повторяю еще раз, у нас принципиально другая политика. Я хочу сказать всем — мы не будем проводить политику

Навального, мы не приглашаем его сторонников в наши списки. Те, кто хочет голосовать за Навального, за нас голосовать не надо. Не надо. Потому что мы не хотим вас обманывать, мы никогда не будем проводить его политику.

Антон Желнов — Григорий Алексеевич, подождите…

Григорий Явлинский — Нет, не подожду. Теперь дослушайте. Вы спрашиваете, дослушайте теперь. Что же вы, слушать не можете?

Антон Желнов — Хорошо.

Григорий Явлинский — Значит, мы не будем проводить эту политику и людей, представляющих это направление, мы в свои списки не включаем.

Антон Желнов — Я понял, да.

Григорий Явлинский — Это же естественно, правда?

Антон Желнов — Я не знаю, естественно ли, это ваша позиция.

Григорий Явлинский — Мы же не трамвай по доставке, мы же не такси, Uber или Yandex, подъезжайте, довезите нас, куда нужно. Нет, потому что мы считаем, что это политика вредная для страны и опасная. Если я понимаю, что я пришел на канал имени Навального, я специально пришел, чтобы сказать эти вещи, я готов на это отвечать.

Антон Желнов — Он не имени Навального, это заблуждение.

Григорий Явлинский — Я же смотрел ваши заголовки за последнее время. Я даже видел заголовки, какие были заголовки, скажем, по нашему съезду, о чем шла речь, я же все видел. Ну мы же серьезные люди, вот я знаю, что это такой канал.

Антон Желнов — Нет, мы обсуждаем ньюсмейкеров, а не Навального.

Григорий Явлинский — Вот, например, в Соединенных Штатах есть канал Fox, он канал Трампа, а «Дождь» — канал Навального, ну такая вот…

Василий Полонский — Подождите, Григорий Алексеевич. Есть Миняйло, конкретный персонаж.

Григорий Явлинский — Конкретный.

Василий Полонский — Который никакого не имеет отношения к Навальному. Человек вообще фигурант «московского дела» и активист, который действовал самостоятельно, без там Алексея Навального и его команды. Почему, например, Миняйло…

Григорий Явлинский — Вы что, не расслышали? Обращайтесь к съезду, ну, что вы меня спрашиваете.

Сергей Горяшко — Хорошо. Вы сказали, что вы не берете в списки людей, которые сторонники Алексея Навального. У вас Андрей Пивоваров идет, от вашей партии выдвигается.

Григорий Явлинский — А это другое дело.

Сергей Горяшко — Что значит — другое дело? Он тоже был сторонником Навального.

Григорий Явлинский — Вы дослушайте, и узнаете, что значит. Андрей Пивоваров находится в одном шаге от того, чтобы стать политическим заключенным, просто в одном шаге. А принципиальная позиция «Яблока» — это борьба за то, чтобы политических заключенных в России не было. Это важный наш символический шаг. Он символический, потому что мы не можем его освободить, но он говорит о том, что мы всегда будем бороться против того, чтобы в России были политические заключенные. Не важно, какой они политической ориентации, не важно, какого они политического направления, но мы считаем, что у нас не должно быть политических заключенных.

Антон Желнов — А Навальный — политический заключенный?

Григорий Явлинский — Говорят, да.

Антон Желнов — А вы как считаете?

Григорий Явлинский — Я точно не знаю. Но говорят — да.

Антон Желнов — В смысле? Как не знаете?

Григорий Явлинский — Ну, вы знаете. Я не знаю.

Василий Полонский — Олег Степанов, он тоже человек, который находится прямо в шаге…

Фарида Рустамова — Он под домашним арестом.

Григорий Явлинский — Еще раз говорю, что касается Пивоварова, он представляет Ходорковского, и в этом смысле он является политзаключенным. Мы не можем сделать весь список из политических заключенных, да и не хотим, это будет комедия какая-то. Или тогда надо было никуда не идти, а просто взять, мы обсуждали такую историю, просто взять и вместо всех написать там политических заключенных, и на этом закончить. Вот, это касается Пивоварова.

У нас есть и другие прецеденты. Но мы все-таки выстраиваем список политической партии, а не просто какую-то символическую

пиаровскую конструкцию. Вот и всё. И в этом смысле мы сознательно пошли на то. Кстати, возникла идея по Пивоварову уже прямо на съезде. Он, правда, написал обращение, но съезд начал рассматривать, и это решение было принято. Вот вам и объяснение. Это серьезная вещь.

Сергей Горяшко — Одного политического заключенного, вы решили, что можно выдвинуть, а двух политических заключенных решили, что будет уже многовато.

Григорий Явлинский — Да, мы так решили. Так решили.

Ольга Бычкова — Вы сказали, что считаете Алексея Навального и то, что он предлагает в политике, вредным и опасным.

Григорий Явлинский — Да.

Ольга Бычкова — Я думаю, мне так кажется, что в администрации президента тоже считают его вредным и опасным.

Григорий Явлинский — Мы еще считаем администрацию президента, вместе с Путиным и с его политикой, вредной и опасной.

Ольга Бычкова — А в чем еще вы солидаризируетесь с администрацией президента?

Григорий Явлинский — Вы не расслышали? Мы считаем и администрацию президента тоже вредной и опасной. Тоже, поэтому мы с ней не солидаризируемся. У нас свой взгляд.

Фарида Рустамова — Скажите, а партия «Яблоко» свои списки с администрацией как-то согласовывает?

Григорий Явлинский — Нет.

Фарида Рустамова — Вообще никак?

Григорий Явлинский — Никак. Сейчас вы увидите при регистрации. Вы думаете, они согласовали Пивоварова или они согласовали Литвинович? Вы так думаете?

Фарида Рустамова — Я спрашиваю.

Григорий Явлинский — А я вам отвечаю — нет.

Сергей Горяшко — То есть они не согласовали их?

Григорий Явлинский — Они не согласовали.

Сергей Горяшко — Вы поговорили с ними, и они сказали «нет».

Григорий Явлинский — Нет, они не согласовывали.

Фарида Рустамова — А вообще какие-то контакты перед съездом были у вас?

Григорий Явлинский — Нет. Мы этим не занимаемся, нам это не нужно.

Ольга Бычкова — А какие у вас сейчас отношения с Сергеем Кириенко?

Григорий Явлинский — Нормальные, рабочие. Я его очень давно знаю.

Ольга Бычкова — То есть вы поддерживаете, общаетесь?

Антон Желнов — Вы часто встречаетесь?

Григорий Явлинский — Мы не часто встречаемся, но я его знаю, если мне надо…

Фарида Рустамова — А когда встречались последний раз?

Григорий Явлинский — Я не помню.

Фарида Рустамова — В этом году?

Григорий Явлинский — В этом году, но я не помню, когда.

Ольга Бычкова — Если вам надо — что? Вы начали говорить.

Григорий Явлинский — Если мне надо что-нибудь у него спросить, я всегда могу это сделать, и не только у него.

Ольга Бычкова — Например?

Григорий Явлинский — Что например?

Ольга Бычкова — Например, что?

Григорий Явлинский — Что угодно могу спросить?

Ольга Бычкова — Ну, типа?

Григорий Явлинский — Например, почему радиостанция, принадлежащая «Газпрому», ведет ту или иную передачу. Я всегда могу спросить об этом.

Ольга Бычкова — Это у Кириенко надо спрашивать?

Григорий Явлинский — У кого угодно.

Сергей Горяшко — А что в последний раз спрашивали?

Григорий Явлинский — Как он себя чувствует.

Василий Полонский — Про списки вопросов не было?

Григорий Явлинский — Про списки вопросов не было.

Фарида Рустамова — А выборы не обсуждали с ним, да?

Григорий Явлинский — А чего обсуждать, и так все ясно. Это только вам не ясно, а мне ясно.

Сергей Горяшко — Вы вначале так просто туманно сказали по поводу политических причин, по которым вы лично не идете, и как-то сейчас возник разговор с Сергеем Кириенко… Допустим, не обсуждали ли вы с ним то, что вы не пойдете?

Григорий Явлинский — Не обсуждал, нет.

Сергей Горяшко — Нет?

Григорий Явлинский — Нет. Это не его дело. Если бы мне надо было, я бы ему сообщил, но мне не надо.

Сергей Горяшко — Григорий Алексеевич, вы сами сказали, что с 1 июля наступила новая политическая эпоха. И по ситуации с российской оппозицией мы это прекрасно видим: Навальный в тюрьме, ФБК (деятельность запрещена на территории России) разгромлен, партию ПАРНАС лишили регистрации. И партия «Яблоко» осталась по сути единственной оппозиционной политической партией. Вы готовы оставаться последней оппозиционной политической силой в России?

Григорий Явлинский — Не знаю, что такое слово «готовы» в данном смысле, мы и есть, вот сколько мы сможем, столько мы будем держаться.

Сергей Горяшко — Но вы чувствуете ответственность за то, что вам нести?

Григорий Явлинский — Конечно. Это довольно сложно, держаться в таких условиях: без специальной поддержки, без СМИ, без денег, без ничего. Это довольно трудное дело, должен вам сказать. Ведь проблема-то еще в чем, люди, которые если будут за нас голосовать, если нас допустят до голосования, они будут голосовать-то не за нас, а за себя, понимаете, как вот вы все, вы будете, если вы будете голосовать, вы будете голосовать за себя, а не за нас, мы остались одни и все. Это выражение вашего отношения ко всему, что происходит. Вашего, не нашего, вашего.

Поэтому мы сделали список из новых людей, чтобы у них не было биографии, чтобы вы не привязывались к ним — а что ты делал в 1992 году, а что ты сказал в 1990. Все, кончено, эпоха закончена, пришли новые люди, которые выросли, которые выросли в нашей партии.

Рыбаков в нашей партии с 1996 года, Рыбаков был членом массы НКО российских, он возглавлял «Беллону», Рыбаков работал в Transparency International. Просто времена изменились, СМИ перестали работать таким образом, как они работали хотя бы как в девяностые годы, поэтому сейчас двигаться вперед, расти очень-очень трудно. Он старается это реализовать, он старается это сделать, несмотря на…

Сергей Горяшко — Но вы лично готовы рисковать, тащить оппозиционную партию?

Григорий Явлинский — Мы всю жизнь рискуем, мы только этим и занимаемся.

Сергей Горяшко — Но вы на выборы не идете сами?

Григорий Явлинский — Да причем здесь выборы?

Сергей Горяшко — Тоже риск.

Григорий Явлинский — Выборы защищают, а не создают проблемы. Человек если имеет мандат, что он идет на выборы или становится депутатом Государственной Думы, он защищен, в отличие от вас или от меня.

Фарида Рустамова — Григорий Алексеевич, а вот вы как считаете, есть вероятность, что на этих выборах, будущих выборах в Госдуму, будет какое-то протестное голосование?

Григорий Явлинский — Думаю, да.

Фарида Рустамова — А вы готовы, вот я чуть-чуть переформулирую вопрос Сергея, вы хотите стать какой-то объединяющей силой для большого количества недовольных людей?

Григорий Явлинский — Значит, если вы посмотрите нашу программу, там достаточно всего сказано для всех недовольных людей. Для всех недовольных людей, с нашей точки зрения, там всего достаточно сказано. Кроме того, наша партия существует уже скоро 30 лет, и по ее политической биографии совершенно понятно, что это за партия и какую она занимает точку зрения.

Поэтому, что касается объединения вот этих людей, мы в 2016 году сделали самый коалиционный список, ни на один процент это нас не подняло. Поэтому вопрос не в том, кто сидит в Думе, а вопрос в том, что если нам удастся пробиться в этот раз, то всем им, даже тем,

с кем мы не согласны, даже тем, с кем мы не дружим, даже тем, кого мы считаем своими оппонентами, будет лучше жить, потому что будут считаться, потому что будет политическое представительство.

Вот я всем вам хочу сказать — не важно, какого вы политического направления, если вы оппозиция, такая, другая, пятая, десятая, появление «Яблока» в Думе является фактом того, что вы получаете свое представительство. Нас там все равно будет человек 20–25, не больше, мы там изменить все это не сможем, но представительство появится. И это чрезвычайно важно и гарантирует общество от некоторых уж чересчур страшных последствий. А если нас там не будет, будет очень трудно.

Фарида Рустамова — А что вы думаете про «умное голосование»?

Григорий Явлинский — Думаю, что это отвратительная вещь.

Фарида Рустамова — Почему?

Григорий Явлинский — Потому что она помогает Путину.

Сергей Горяшко — Потому что оно угрожает вашим кандидатам?

Григорий Явлинский — Да не нашим, она ничего не угрожает.

Фарида Рустамова — Чем оно помогает?

Григорий Явлинский — Ну послушайте, прочитайте научные статьи о том, все проанализировано по «умному голосованию». У нас от «умного голосования» минимальный, мизерный результат 3%, больше никакого. Я вам могу все цифры привести.

Фарида Рустамова — У нас, это у кого? У «Яблока»?

Григорий Явлинский — Да. Я хочу сказать вам, это мероприятие по продвижению в Государственную Думу коммунистов, сталинистов, националистов, ЛДПРовцев и теперь еще фашистов из этой самой «Справедливой России». Это все партия Путина, и все это «умное голосование», а на самом деле глупое голосование, направлено на то, чтобы поддерживать разные фракции той же самой «Единой России». Неужели вы это не понимаете? Цифры посмотрите.

Ольга Бычкова — А почему это средство по продвижению вот этих всех изумительных людей, о которых вы говорите?

Григорий Явлинский — Объясняю. Потому что если вы проанализируете, кого поддерживает «умное голосование», оно поддерживает, 60%, кого оно поддерживает, это коммунисты, среди них сталинисты,

как в Мосгордуме, дальше ЛДПР, дальше «Справедливая Россия». Вот почему.

Ольга Бычкова — А почему так происходит?

Григорий Явлинский — А потому что они дают такие советы, потому что никого больше нет, потому что они выбирают самых сильных из большевиков, из сталинистов, из расистов, из фашистов и говорят — голосуйте за них. Больше других-то они не поддерживают. И даже если бы они поддерживали других, нашему электорату «умное голосование» ничего не приносит, оно не является для нас умным.

Мы категорически против «умного голосования». И вам объясняем — это поддержка, это точно так же, как голосуйте за любую партию, кроме «Единой России». Но это уже старое, теперь это «умное голосование».

Фарида Рустамова — Но суть та же самая, по сути это тоже самое.

Григорий Явлинский — Ну, это близко. Это еще хуже.

Фарида Рустамова — Ну, подождите, Григорий Алексеевич, тут противоречие я вижу. Вы только что, когда мы говорили про то, готовы ли вы быть объединяющей силой, вы сказали, что вам не важно, у кого какие политические взгляды, если они проголосуют за «Яблоко» все вместе, главное, чтобы было представительство.

Григорий Явлинский — Да.

Фарида Рустамова — А это не то же самое?

Григорий Явлинский — Нет, не то же самое. Потому что ни коммунисты, ни ЛДПР, ни «Справедливая Россия» не являются никакими оппозиционными партиями, потому что политика Владимира Путина состоит именно из этих партий. Это действительно так и есть. Политика национализма, политика державности, политика империализма — это все их политика.

Антон Желнов — Подождите, вы хотите сказать, что политика Владимира Путина, уж какие только ему ярлыки ни вешали, но вот национализм Путину не вешали, или вы хотите сказать, что у Путина националистическая политика?

Григорий Явлинский — Шовинистическая, да. Если точнее, то шовинистическая.

Фарида Рустамова — Можете пояснить немного?

Григорий Явлинский — Что такое шовинизм?

Фарида Рустамова — Нет, но в чем эта политика заключается?

Григорий Явлинский — Вы что, не знаете историю с Украиной? Что вам рассказывать? У меня такое впечатление, что я попал вообще на другую планету, и вы ничего не знаете, что с Украиной. Да он только что сказал, что нет украинского народа.

Василий Полонский — Григорий Алексеевич, такой вопрос. Вот «умное голосование», такое ощущение, когда, знаете, вот если бы на меня бежал медведь, у меня было бы ружье, и я им не воспользовался, а просто бы лег бы, и он меня съел.

«Умное голосование» — это инструмент. Мне кажется, вам, как для политической партии, получить возможность для того, чтобы… Хорошо, вы говорите, что много не получите, но 1–2%, 3% для каких-то кандидатов, мне кажется, это возможность для того, чтобы набрать. Почему вы не хотите так принципиально пользоваться этим?

Григорий Явлинский — Нет, вы меня спрашиваете про «умное голосование». Я вам объясняю — это инструмент поддержки политики сегодняшней власти.

Василий Полонский — Вы же тоже можете воспользоваться этим.

Григорий Явлинский — Он нас не устраивает. Нас эта власть не устраивает. Это вопрос серьезный, это вопрос укрепления рядов людей в Государственной Думе, которые поддерживают политику Владимира Путина и которым он крайне благодарен, о чем он постоянно говорит, их хотят еще раз поддержать, чтобы они там были.

Мы считаем, что это для нас неприемлемо, и для страны тоже неприемлемо. Это какая-то спецоперация по хитрой поддержке нынешней власти. Это же очевидно, ну вы посмотрите, кого они поддерживают! Они поддерживают тех, кто поддерживает буквально все, что делает Путин. Ну что вы, это не видите?

Василий Полонский — Григорий Алексеевич, хотел перейти к вашему выступлению, которое было на последнем вашем заседании. Я думаю, я единственный человек, который послушал его так много раз, потому что несколько раз готовился к эфиру.

Ольга Бычкова — На съезде, да?

Василий Полонский — Да, на съезде. И вот у вас была там такая фраза, что мы должны научиться и научить ваших избирателей разговаривать с этой властью. Тогда вопрос, 21 год эта власть уже, вы не научились за это время общаться и вообще выстраивать какой-то диалог с этой властью?

Григорий Явлинский — Нет. Нет, диалога никакого нет, потому что нет никакого диалога, просто она ни с кем не разговаривает, она не общается. Диалог — это встреча противоречий, буквально противоречий. Вот, например, такой самый красивый диалог, это диалог Сахарова и Горбачева, к примеру. Это был действительно диалог. Они не любили друг друга, были совершенно из разных, но они двигали страну вперед, потому что между ними получился диалог, потому что между ними был обмен мнениями. Эти говорили это, а навстречу им говорили то. А наша власть сегодняшняя вообще ни с кем не общается.

Василий Полонский — А как вы собираетесь научиться этому диалогу, если 21 год не получалось?

Григорий Явлинский — Объясняю. Хороший вопрос. А вот когда будут миллионы избирателей за спиной, и реально будут миллионы избирателей, будут разговаривать. Вынуждены будут разговаривать, вынуждены, если у вас миллионы избирателей.

Василий Полонский — А они будут на этих выборах, с вашей точки зрения?

Григорий Явлинский — Очень надеюсь.

Ольга Бычкова — А зачем вообще с ней тогда разговаривать, с властью?

Григорий Явлинский — Зачем разговаривать? Потому что нам, в отличие от вас, не нравится, как устроена жизнь.

Ольга Бычкова — А нам нравится?

Григорий Явлинский — Наверное, раз вы такие вопросы мне задаете, зачем. Вот затем, потому что кровью вы ничего не измените. В России кровью ничего изменить нельзя, вы можете сделать только хуже. Поэтому с улицы власть вы не поменяете, никогда, запомните это.

Сергей Горяшко — Простите, а в чем должен заключаться разговор с властью? То есть как это, что?

Григорий Явлинский — А вот, может, вы видели когда-нибудь, была такая партия «Солидарность»…

Сергей Горяшко — Видел.

Григорий Явлинский — Вот она победила в ходе диалога. Вот и мы хотим победить.

Фарида Рустамова — А как ее заставить?

Григорий Явлинский — Не знаю, как вы будете работать.

Антон Желнов — А сколько ждать, 21 год уже учитесь разговаривать.

Григорий Явлинский — Если вы будете работать только на «новых людей», то нам ждать придется долго.

Фарида Рустамова — То есть это в нас все дело?

Ольга Бычкова — Каких новых людей, вы о чем?

Григорий Явлинский — Ладно.

Василий Полонский — Партию «Новые люди» вы имеете в виду?

Антон Желнов — Канал имени Нечаева?

Фарида Рустамова — Только что мы работали на Навального, теперь на Нечаева.

Григорий Явлинский — А Нечаев в «Новых людях»?

Василий Полонский — Да, Нечаев это «Новые люди».

Фарида Рустамова — Не путайте двух Нечаевых.

Григорий Явлинский — Нет, это другие «новые люди».

Василий Полонский — Да, это другие.

Григорий Явлинский — Это другие «новые люди», вы даже не знаете. Вот это мне нравится, что вы даже не знаете, кто такие «новые люди».

Сергей Горяшко — Мы поговорили про новых людей у вас в партии, вот этих новых людей мы уже изучили.

Григорий Явлинский — Нет, не про наших новых людей, они не новые. Про партию «Новых людей» не слышали?

Василий Полонский — Мы про нее и говорили.

Григорий Явлинский — Это не наша партия, это другое.

Антон Желнов — Мы понимаем, да.

Григорий Явлинский — Вы молодцы, браво, вы знаете разницу.

Василий Полонский — Спасибо.

Ольга Бычкова — Так, а как ее все-таки заставить, власть, разговаривать, если вы сами сказали, что 20 лет она с вами не разговаривает?

Григорий Явлинский — А потому, что нет миллионов за спиной, нет. Нет этой силы, от имени которой… Оно проблеснуло чуть-чуть, если вы помните, там в 2011 году, в начале 2012 года, там они поняли, когда еще Медведев был, но это было очень краткосрочно и дальше кончилось ничем.

Ольга Бычкова — Так тогда тоже никто не разговаривал, тогда было «Болотное дело» в результате.

Григорий Явлинский — Нет, до него. Там зимой после 2011 года, в конце декабря, в начале января там был немножко разговор.

Сергей Горяшко — А почему, Григорий Алексеевич, за 30 лет, вот вы говорите, «Яблоко» существует 30 лет, так и не появилось миллионов за спиной?

Григорий Явлинский — Я же вам сказал, что реформы, которые осуществили в девяностые годы, проиграли, вот и все. Вот потому.

Сергей Горяшко — А свою личную ответственность за то, что миллионы за спиной не появились, вы как-то ощущаете?

Григорий Явлинский — Так я же с этого начал, вы что, не слышали, что ли?

Сергей Горяшко — Я помню.

Григорий Явлинский — Я же сказал, что это моя ответственность, в том числе.

Сергей Горяшко — Просто вы сказали, что мы проиграли. Мы проиграли.

Григорий Явлинский — Да не я один. А вы проиграли будущее. А я проиграл все, что делал, но только не я один. Потому что я говорил, что нужно делать другие реформы, но я не смог этого добиться. Я говорил, что нельзя так вести политику, я ушел от этого, говорил о другом, но не смог добиться.

Антон Желнов — Не проще тогда партию, как-то прекратить с ней? Прекратить с партией тогда, если вот за 30 лет ну не получилось.

Григорий Явлинский — Можно было прекратить, но есть миллион людей, которые все-таки голосуют за нее. Это не моя ответственность, я же не собственник партии. Я могу себе только что-нибудь прекратить, а партию я не могу прекратить, у нее миллион избирателей, а может, даже больше. В самые страшные времена для нас у нас миллион избирателей, в самое трудное время, и мы не располагаем возможностью прекращать ее работу.

Ольга Бычкова — Какой политический урок или какие политические выводы вы сделали из ситуации с протестами и их подавлением в Беларуси?

Григорий Явлинский — В Беларуси? Я очень переживаю за Беларусь. Пользуясь случаем, я вас благодарю за вопрос. Хочу выразить свою абсолютную солидарность с людьми, которые протестуют в Беларуси, я хочу поклониться им, они попали в ужасное положение.

А вывод, что если Россия намерена продолжать такую политику, которую она проводит, то это большая трагедия и для Беларуси, и для Украины, и для всех соседей. Вот такой вывод. Все это должны понимать.

Ольга Бычкова — Но это вывод, который вы хотите продиктовать Путину, например?

Григорий Явлинский — Это я хочу сказать людям в Беларуси, что проблема заключается в том, что до тех пор, пока политика и режим в России не изменятся, им будет очень-очень тяжело и плохо. Вот и всё. Это самое главное, что нужно сказать. Самое главное, потому что это год назад вообще никому там было непонятно.

Ольга Бычкова — Получается, что для оппозиционного политика Беларусь закрывает все возможные сценарии: протесты бесполезны, голосование бесполезно, мирные протесты не работают, не мирные протесты не работают. Ничего не работает.

Григорий Явлинский — Долгая работа. Долгая трудная работа, с этим мы с вами сейчас и сталкиваемся. Надо растить молодежь, может, она найдет ответы на эти вопросы. Мы, извините, что я вас в это поколение приглашаю, но вы политические журналисты, поэтому вы тоже часть этого всего, мы не нашли ответов на эти вопросы. Пусть ищут следующие.

Василий Полонский — А как можно найти выход из ситуации, когда глава государства запрещает, по сути, все?

Григорий Явлинский — Правильно, вот именно, в этом все и дело. Ну а как, тоталитарный режим. Но мы вышли из тоталитарного режима один раз? Вышли. Там тоже было запрещено все, еще круче.

Василий Полонский — Мы тоже вышли через улицу, а вы против улицы выступаете.

Григорий Явлинский — Нет, ни через какую улицу. Вы посмотрите, какая улица? Там ничего не было. Вообще никаких драк на улице не было, ничего этого не было. Улица появилась уже в самом-самом конце, когда уже все было сделано. Когда уже всё сделали, тогда появилась улица.

Ольга Бычкова — Что сделали?

Григорий Явлинский — Всё.

Ольга Бычкова — Что?

Григорий Явлинский — Ну Горбачев что сделал? Не слышали такую фамилию, Горбачев? Вот он все сделал. Может, он и сам не понимал, что он делал, но он все сделал, поэтому все должны быть ему крайне благодарны. Он действительно сделал.

Ольга Бычкова — То есть только сверху?

Григорий Явлинский — В данном случае — да. Вот для этого и нужен диалог, о котором я вам сказал. Это сложные вещи, понимаю, что их трудно понять. Вот этот диалог тогда, когда вдруг Горбачев открыл возможность разговора о противоречиях, о несовместимостях, все начало двигаться, и оно быстро, в течение трех–четырех лет, привело к фундаментальным изменениям, просто к фундаментальным.

Ольга Бычкова — Но вы тогда, вы раньше говорили, что принцип против голосовать, за любую партию, кроме «Единой России», как бы тоже неправильный, как «умное голосование».

Григорий Явлинский — Неправильный, конечно.

Ольга Бычкова — Но тогда это ведь сработало.

Григорий Явлинский — Когда?

Ольга Бычкова — Голосовать, вот тогда, когда был Горбачев.

Григорий Явлинский — А какая там была другая партия? Никакой не было.

Ольга Бычкова — Там были другие политики.

Григорий Явлинский — Не было, милая, не было. Был только Жириновский, и то уже в 1990 году. Ни одной партии, кроме КПСС, в СССР не было. Ни одной.

Ольга Бычкова — «ДемРоссия» там…

Григорий Явлинский — Какая «ДемРоссия»! «ДемРоссия» появилась в 1991 году. И это была не партия, это просто было объединение, общественная организация.

Ольга Бычкова — Но в конечном счете тот факт, что КПСС рухнула и перестала существовать, разве не в том числе и потому, что люди выбирали все, что угодно, но не КПСС?

Григорий Явлинский — Куда выбирали? Никуда они ничего не выбирали.

Сергей Горяшко — Попозже, ровно на 20 лет позже, смотрите, вы сами сказали, что последняя попытка…

Григорий Явлинский — Там некого было, там выбрали съезд народных депутатов. Какие там, кого выбирать?

Ольга Бычкова — Ну так по этому принципу и выбирали.

Сергей Горяшко — Вы сказали, что последняя попытка диалога с властью, которая была более-менее успешной, в 2011 году она тогда была, это были зимние протесты. Вы сами сказали, что тогда был диалог, она пришла как раз вот именно после политики «Голосуй против партии жуликов и воров, голосуй против «Единой России», за кого угодно».

Григорий Явлинский — Нет.

Сергей Горяшко — Как это нет?

Григорий Явлинский — Так, нет. Объясняю, как. Объясняю. В 2011 году случилась серьезная и неожиданная вещь. Кстати, «Яблоко» тогда тоже было одно на выборах, партию Прохорова сняли, и мы были одни, одной демократической партией.

Дальше ситуация развивалась так. Любимая вами администрация, правда, еще не Кириенко, прислала указание всем партиям, кроме «Яблока», чтобы они не пускали наблюдателей с улицы, чтобы у них были там наблюдатели, но не с улицы.

У «Яблока» никаких запретов не было, или, по крайней мере, мы их не услышали. И мы всем открыли двери, и у нас было невероятное количество наблюдателей, внезапно. И вот эти наблюдатели впервые увидели фальсификации, они впервые увидели фальсификации. Вот это легло в основу того, что произошло на Болотной и того, что потом случилось.

Конечно, другие товарищи выскочили там на сцену, сказали, что мы кричали… Одни говорили «Нах-нах», помните? «Нах-нах», это была такая идея, что не надо голосовать. Не будем говорить, кто это говорил. А потом эти же люди выскочили на сцену и кричали: «Отдайте наш голос! Отдайте!». Какой голос, вы же сказали, не надо идти голосовать, теперь отдайте наш голос.

А другое, что выбрали всех, вот этих всех выбрали, ну и сделали ту Думу, при которой вот мы жили тогда, а потом еще круче, те же самые теперь. Ну вот, поэтому это было совсем другое дело. Но удержать вот этот результат мы не смогли. Отдельно могу рассказать вам почему, но не смогли.

Антон Желнов — Григорий Алексеевич, вы сказали, что депутатом вы Госдумы быть не хотите, при этом хотите и видите свою сейчас роль и задачу быть со своим народом, в своей стране. Но все-таки в качестве кого?

Григорий Явлинский — В качестве Явлинского.

Антон Желнов — То есть вы Явлинский без, что называется, должностей, Явлинский как бренд. Но вы себя при этом как политика сейчас определяете?

Григорий Явлинский — Посмотрим. Политик, это не то, что я себе напишу на майке. Политик — это человек, который выражает чьи-то интересы и может их реализовать.

Антон Желнов — Я понимаю. Но ваша какая цель все-таки?

Григорий Явлинский — Моя цель?

Антон Желнов — Да, ближайшая.

Григорий Явлинский — Моя цель — свобода и закон. Моя цель, чтобы Россия была свободной, чтобы люди в России жили без страха, чтобы люди могли заниматься творчеством, чтобы в России было разделение властей…

Антон Желнов — Вы же понимаете…

Григорий Явлинский — Дайте договорю. Вы спросили про цель, я вам расскажу про цель.

Антон Желнов — Да, извините.

Григорий Явлинский — Чтобы в России была частная собственность, наконец, неприкосновенная. Чтобы была конкуренция, чтобы не было госкапитализма, чтобы не было госмонополий. Чтобы не было чиновничьей мафии, чтобы не было коррупции в таких масштабах.

Моя цель в том, чтобы Россия не была в изоляции от всего мира и не вела постоянную «холодную войну» со всеми подряд. Чтобы не было списков «недружественных государств», смешных и печальных, когда там записаны такие страны, как Соединенные Штаты, и такие прекрасные страны, как Чехия маленькая.

Вот чтобы все это кануло в прошлое, потому что такая политика — это выпадение из времени, это раньше или позже приведет к очень большим отрицательным результатам. В этом и есть моя цель.

Антон Желнов — Но для того, чтобы этого добиться, надо же обладать властью, ресурсами.

Григорий Явлинский — Надо. Вот посмотрим, если удастся…

Антон Желнов — Григорий Алексеевич, но вы вот такой властью хотите обладать все-таки?

Григорий Явлинский — Если удастся пройти в Государственную Думу, это будет на чуть-чуть, но все-таки легче делать.

Антон Желнов — А вы сам? Вот президентские амбиции уже в прошлом или нет?

Григорий Явлинский — Вот я сам, вот я сам это буду делать. От того, что лично я сам буду сидеть в Государственной Думе, ничего от этого не меняется.

Антон Желнов — Хорошо, а президентские амбиции уже в прошлом? Или все-таки, если выборы будут в 2024…

Григорий Явлинский — Я трижды участвовал в президентских выборах… Вообще говоря, я должен сказать, хороший вопрос. За 30 лет десять раз, семь раз на думских выборах и трижды на президентских мы предлагали нашей стране поворот в правильную сторону. Страна

не пошла туда. А повернуть однажды надо в правильную сторону. Мы делали это десять раз, и это очень трудная работа.

Антон Желнов — Еще будете делать? Я имею в виду президентские выборы.

Григорий Явлинский — Партия будет делать.

Антон Желнов — А вы?

Григорий Явлинский — А персонально я буду в этом участвовать, буду всем помогать.

Антон Желнов — То есть вы будете скорее такую роль кардинала консультативную.

Григорий Явлинский — Жизнь покажет, ну куда вы торопитесь. Надо еще в тюрьму не попасть. Жизнь покажет.

Василий Полонский — Григорий Алексеевич, вопрос вот по поводу вас, мне интересно, вы сказали цели определенные, которые вы хотите продвигать. Мне не очень понятно, как вы собираетесь их продвигать. В Думу вы не хотите, вы в нее не идете, на телевидение вы не хотите, на улицу выходить вы не хотите. Каким образом вы собираетесь продвигать?

Подождите, я просто быстро закончу свой вопрос. Потому что даже если ваши некоторые депутаты попадут в Государственную Думу, мы знаем из прошлого, какими иногда становятся эти депутаты и какие пакеты они потом принимают.

Григорий Явлинский — Значит, вот вы хороший вопрос задаете, потому что, я так понимаю, что это вы вопрос задаете не для того, чтобы понять ответ, а для того, чтобы зритель понял.

Василий Полонский — Конечно.

Григорий Явлинский — Потому что вы бы не задали такой вопрос мне, если бы мы с вами просто разговаривали, поэтому я зрителю буду отвечать. Дорогие друзья, это не имеет принципиального значения, лично я буду сидеть в Государственной Думе или лично я не буду сидеть в Государственной Думе. Наша партия объединена ценностями, принципами, программой, задачами, целями, поэтому она сохранилась 30 лет, поймите это. Там будут люди, с которыми я легко могу работать, мы будем вместе работать, вместе.

Это абсолютно точно, мы это точно знаем, у нас не было таких историй, о которых вы говорите. Правда, может быть, у нас не было таких еще и возможностей, вот это то, что я вам сказал. Это же касается и всех остальных частей вашего вопроса.

Меняют политику не те, кто сидят в Государственной Думе, а меняет политику жизнь. Вот у людей изменится настроение, ветер в паруса подует, начнется другая жизнь. Это ни от кого не зависит, это никто не знает, это время. Это очень сложные политические процессы.

Сейчас авторитаризм, и вот такие системы авторитарные, они сейчас во всем мире распространяются. Посмотрите на Европу, посмотрите на Соединенные Штаты, посмотрите на Индию. Это сейчас тренд такой, он тоже связан с четвертой промышленной революцией. Это совершенно новые обстоятельства. Вы вот не задеваете этот вопрос, а этот вопрос чрезвычайно важный.

Сейчас технологии обогнали человеческое сознание, и в этом есть колоссальная проблема. Поэтому очень важно, чтобы молодые люди как можно быстрее начинали работать в политике, а старцы им помогали.

Ольга Бычкова — А что будет после Путина?

Григорий Явлинский — Думаю, что после Путина будет Путин.

Ольга Бычкова — Тот же самый или другой?

Григорий Явлинский — Другой. Ну, если после.

Ольга Бычкова — Такой же?

Григорий Явлинский — Хуже.

Василий Полонский — Григорий Алексеевич, то есть получается, нам как долго ждать вообще? Точнее, не нам, а людям, которые негативно относятся к этому…

Григорий Явлинский — Ждать не надо, надо работать. Надо делать, надо пойти на эти выборы и понять, что голосуешь за себя, а не за дядю. Не за Григория Алексеевича, а за себя, во-первых. А во-вторых, если каждый приведет пять человек на эти выборы и объяснит им, как это важно, все изменится в стране. Все изменится в стране, это я вам гарантирую. А если десять человек приведет, вот вы приведете десять своих одноклассников, знакомых, друзей, товарищей и объясните им, что вот это выяснение, а вот Рыбаков, он не так смотрит,

вот у Рыбакова не такой левый ботинок, ну прекратите это все. Сейчас не до шуток на самом деле.

Фарида Рустамова — Григорий Алексеевич, а вы знаете, что такое выгорание?

Григорий Явлинский — Нет, не знаю.

Фарида Рустамова — Не знаете? Не чувствуете его?

Григорий Явлинский — Нет, не знаю и не чувствую.

Антон Желнов — Но если не чувствуете, значит, знаете.

Григорий Явлинский — Не знаю и не чувствую. Наоборот. А вы знаете?

Антон Желнов — Я знаю.

Григорий Явлинский — Вы выгорели?

Антон Желнов — Нет.

Григорий Явлинский — Ну тогда что, откуда вы знаете тогда?

Антон Желнов — Надеюсь.

Григорий Явлинский — Вот. А я не знаю даже, что это такое в принципе.

Антон Желнов — Григорий Явлинский, основатель партии «Яблоко», был в эфире Hard Day's Night. Григорий Алексеевич, в конце от вас небольшой постскриптум. Ну и желаем удачи вам на сентябрьских выборах.

Григорий Явлинский — Себе пожелайте удачи.

Антон Желнов — Это всегда.

Григорий Явлинский — Вот вам и постскриптум. Себе.

Антон Желнов — Оставайтесь на «Дожде». Счастливо.

«Ликвидировать „Яблоко“ — не проблема»

Явлинский — о вождизме Навального, отношениях с Путиным и новогодних открытках Кириенко

9 июля 2021 г., Znak.com

«Кремлевских депутатов должно быть 75%»

Анастасия Мельникова — До выборов в Госдуму осталось всего два месяца. Какого результата, по вашим оценкам, добьется «Яблоко»?

Григорий Явлинский — Сейчас даже невозможно сказать, в какой мере голосование будет связано с результатом. Если за нас проголосует относительно много людей, то даже в условиях фальсификаций можно ожидать преодоления барьера в 5%.

Анастасия Мельникова — Какой результат будет для «Яблока» удовлетворительным?

Григорий Явлинский — Если мы сможем довести кампанию до конца и сказать людям все, что мы считаем важным. Премиальный политический результат — это если список «Яблока» преодолеет барьер в 5%.

Анастасия Мельникова — А сколько хотели бы провести одномандатников?

Григорий Явлинский — Мы выдвинули 161 одномандатника, а сколько из них победит — не знаю.

Анастасия Мельникова — Ну у вас же есть KPI какой-то?

Григорий Явлинский — Есть. Только он не так строится, не на одномандатниках. KPI строится на том, чтобы получить фракцию «Яблока» в Думе порядка 20–25 человек.

Анастасия Мельникова — Чем вы можете объяснить такие провальные выступления «Яблока» на федеральных выборах последние 20 лет?

Григорий Явлинский — «Яблоко» участвовало в федеральных выборах семь раз, из них три раза мы выиграли выборы, в четвертый раз Путин нас поздравил с победой, а потом изменил результат. Думаю, что мы проиграли выборы в 2007 году, думаю, что мы выиграли в 2011 году, и еще мы проиграли выборы в 2016 году. Можно сказать, что из семи раз мы победили пять раз.

Анастасия Мельникова — Вы называете победой сам факт прохождения в Думу?

Григорий Явлинский — Да.

Анастасия Мельникова — Но количество взятых вами мандатов совсем маленькое…

Григорий Явлинский — В 1995 году мы получили почти 50 мандатов. Но вообще, ответ на этот вопрос уходит далеко за пределы мыслимых возможностей. Количество [мандатов в Думе, которое достается оппозиции] определяет Кремль, ему нужно квалифицированное большинство, то есть кремлевских депутатов должно быть 75%. А сейчас [для обеспечения этого результата] сделали трехдневное, электронное голосование.

Я вас приглашаю поговорить со мной [о политике, связанной с выборами] сразу после 19 сентября. Тогда я объясню, почему не готов об этом говорить сейчас, но смогу во второй половине сентября.

Анастасия Мельникова — Вы готовите политическое заявление?

Григорий Явлинский — Нет.

Анастасия Мельникова — Почему нельзя сказать это сейчас? Вы боитесь, что помешаете «Яблоку»?

Григорий Явлинский — Я уже давно ничего не боюсь, я делаю так, как надо делать.

Анастасия Мельникова — Вы говорили, с выборами в России вам «все ясно». Зачем тогда «Яблоко» в них участвует?

Григорий Явлинский — Потому что жизнь продолжается, страна живет и жить надо дальше. Иначе вы все будете бегать по улицам, против вас будут возбуждать дела, и на этом всё закончится. Это работа такая, работа — продолжать, даже когда решительно изменились условия.

Анастасия Мельникова — А зачем вам в цирке работать?

Григорий Явлинский — В выборах мы участвуем ради вас, ради ваших близких, друзей, чтобы вас не били по голове, чтобы вас не сажали, чтобы [в России] можно было жить свободно. Мы участвуем в таких выборах, какие есть, других-то нет. Мы делаем то, что надо делать.

Мы точно знаем, что если власти увидят, что у «Яблока» больше 5%, то есть за нами миллионы людей, то с такими как вы, не с нами, а именно с вами — надо считаться.

Анастасия Мельникова — Гипотетическая ситуация. В сентябре этого года «Яблоко» набирает эти 5%. Я сижу в Кремле, смотрю на это, и у меня вопрос: а считаться-то с вами даже после 5% зачем? Митингов не будет. Даже если вам не 5%, а 2% нарисуют, не произойдет ничего.

Григорий Явлинский — Вот представьте себя на месте президента, я к вам прихожу, вы мне вот это говорите, а я отвечаю, что 5% — это примерно 3 млн человек, это очень много людей, это сигнал о том, что в обществе (причем не только среди молодежи, которая готова бегать и кричать) возникло напряжение, это протестное голосование. Завтра, может, ничего не произойдет, послезавтра — тоже. Но учитывая, что в стране наверняка будут нешуточные экономические трудности, деньгами от нефти всех не залить, напряжение будет накапливаться, будут большие проблемы. Как в чайнике, в котором кипит вода, надо пару дать возможность выйти. Поэтому вы, Анастасия Дмитриевна, как президент подумайте, что надо клапан на чайнике открывать, нужно входить в дискуссию с обществом, иначе протест будет радикализироваться.

Более того, Анастасия Дмитриевна, есть такое понятие, как «бунт». Это слово я бы вам в Кремле вряд ли сказал, но если бы мы дружили, сказал бы.

Бунт — это когда все переворачивается, громится, а потом возвращается к тому, что было, только становится еще хуже.

Ясно же, что нужен диалог с оппозицией. Оппозиция нужна, нужен противовес, чтобы был спор, диалог. Это нормальное состояние общества. И я бы вам как президенту не рекомендовал душить оппозицию, потому что протест вылезет, просто через другие вещи.

Ликвидировать «Яблоко» — не проблема, дай команду Минюсту, и все кончено. Но просто вы как президент подумайте, что надо делать в интересах страны.

Анастасия Мельникова — Я вот как президент вас послушала и хочу спросить, а вы, Григорий Алексеевич, не видите, какую политику я 20 лет провожу, какое у меня отношение к оппозиции, что считаться с вами в планы Кремля не входит вообще.

Григорий Явлинский — Да, это в планы не входит, но вы как президент-то посмотрите: экономика не растет, вокруг враги, страна полностью потеряла репутацию, Россия стала изгоем, Европа с вами не встречается, если бы с вами не встретился [президент США Джо] Байден, с вами бы вообще никто не разговаривал. Вы на что, Анастасия Дмитриевна, как президент рассчитываете? Что вам симпатизируют китайцы? Вы ошибаетесь. Китайцы себе на уме, они будут жить по-своему. Ваши помощники морочат вам голову, у нас не все так хорошо.

Да, у нас все экономические показатели с точки зрения Международного валютного фонда выглядят прилично, но наша экономика не может развиваться. У нас назревает безработица, из-за санкций мы отстаем по новым технологиям. Вы всем, Анастасия Дмитриевна, как президент, рассказываете, что у вас есть такие ракеты, которых ни у кого нет. Никому не говорите, но примерно так же было накануне Великой Отечественной войны, когда с началом войны выяснилось, что мало что работает и в 1941 году против немецких танков выезжала конница, Буденный. Боюсь, что с нынешними ракетами может быть такая же ситуация. У вас в Минобороны пиарщик, конечно, хороший,

он (Сергей Шойгу — прим. Znak.com) даже сейчас список [«Единой России» на выборах в ГД] возглавляет.

Анастасия Мельникова — То есть вы пришли ко мне в Кремль, чтобы сказать, что я 20 лет не так страной управляла, и хотите, чтобы я с вами считалась?

Григорий Явлинский — Да, конечно. Что может делать политик? Тот политик, который в Кремле, он принимает решения, а тот, который не в Кремле, что он должен делать? Он должен предлагать! Предлагать вам, всем людям! Мы предлагали десять раз: семь на думских выборах, три на президентских, поворот, чтобы народ и страна жили иначе. В широком смысле народ этого не понял, не согласился, и мы оказались там, где сейчас находимся. И вот я снова предлагаю.

Хотите я в два счета покажу, что вы как президент за 20 лет не добились ничего? Если вы за 20 лет так и не создали систему нормальных выборов президента и смены власти и вам, Анастасия Дмитриевна, понадобилось обнуление, значит, что вы не справились с политикой в стране вообще. Потому что ничего умного в том, чтобы засесть в президентское кресло и защищать его 36 лет от всяких посягательств, нет. Это чисто африканская история. Вы это слышите, Анастасия Дмитриевна? Ваша задача — вылезать из этой истории. Вы строите державу образца XVII–XIX века, и вы еще хотите нас задушить, чтобы мы не могли этого сказать? Права такого у вас нет.

Анастасия Мельникова — Возможность есть.

Григорий Явлинский — Возможность есть. Вот я стою перед вами, мы сидим у вас под носом (от офиса «Яблока» в Москве до Кремля около двух с половиной километров — прим. Znak.com), мы же ничего не скрываем. Есть миллионы людей, которые все понимают и нас поддерживают. Моя личная ответственность — предложить [перемены]. Это очень трудно. Вы, Анастасия Дмитриевна, как президент подумайте: 10 раз в России, 10 раз за 30 лет создать эти списки, в промежутках растить партию, собрать, а не украсть, деньги на 10 выборов федеральных, убеждать людей, иметь 30 тыс. человек в партии, разрабатывать и обновлять профессиональные программы по ключевым направлениям развития страны — это огромная работа, и мы ее

сделали. А для чего? Чтобы было что предложить! И я буду предлагать до последнего и обществу, и власти.

Анастасия Мельникова — До конца жизни?

Григорий Явлинский — Да.

Анастасия Мельникова — Вот вы меня как президента концом света в России пугаете, а когда он? Когда все рухнет?

Григорий Явлинский — Я не знаю. Странный вопрос. Я же не Бог. Время люди не контролируют, никто не знает, когда и что произойдет. Политик должен учиться понимать время и слушать шаги Господа. Скромнее и умнее надо быть.

Анастасия Мельникова — Если я хотя бы примерно понимаю, из какой логики исходит нынешняя власть, то как президент в конце такого диалога я сказала бы вам: «Спасибо, мы вам перезвоним».

Григорий Явлинский — Да, правильно, примерно так и бывает.

Анастасия Мельникова — Но я бы вам не перезвонила, конечно.

Григорий Явлинский — А это я не знаю, не торопитесь. Время может быть разным.

Анастасия Мельникова — Ну, если вам 30 лет не звонили, то сейчас-то почему позвонят?

Григорий Явлинский — Психиатрией я не занимаюсь, а в политике все сложнее.

Анастасия Мельникова — В 2016 году партия лишилась государственного финансирования — «Яблоко» не преодолело барьер в 3% на выборах. За счет чего партия живет сейчас?

Григорий Явлинский — За счет денег. Спонсоры нам дают.

Анастасия Мельникова — Во сколько ежемесячно обходится содержание «Яблока»?

Григорий Явлинский — Я не помню, мы вам эту цифру дадим. Ну, это существенная цифра. Побольше, чем мы с вами зарабатываем даже вместе взятые.

С учетом различных федеральных и ежегодных региональных и муниципальных выборов и съездов и того, что в партии действует 78 региональных отделений в субъектах федерации, месячный бюджет в среднем составляет примерно 16 млн рублей, сообщили в пресс-службе партии.

Анастасия Мельникова — Есть ли политики, о потере которых «Яблоко» сожалеет?

Григорий Явлинский — Да, конечно. Например, [Владимир] Лукин. Я жалею, что он проголосовал за принятие поправок к Конституции, потому что он человек мудрый и хороший, но проголосовал, а мы с этим согласиться не можем.

Анастасия Мельникова — Наблюдая за тем, как Владимир Путин руководит страной, как он руководил кабмином, вы никогда не жалели, что в 1999 году, будучи депутатом ГД, поддержали его кандидатуру на пост премьер-министра?

Григорий Явлинский — Я получил на это разрешение фракции «Яблока», когда сама фракция его кандидатуру не поддержала. Когда в 1998 году премьер-министр России Евгений Примаков поручил Путину как руководителю ФСБ тайно следить за мной и моей семьей, Путин отказался это делать, причем официально. Глава администрации президента того времени доложил об этом [Борису] Ельцину, и Ельцин сказал, что Путин сделал правильно. К моменту голосования — августу 1999 года — по кандидатуре премьер-министра, я уже это знал. И это был ответный шаг.

Анастасия Мельникова — Вы таким образом отблагодарили Путина?

Григорий Явлинский — Это не благодарность, а знак того, что это было правильно. Тем не менее при обсуждении на заседании Думы я в выступлении особо сказал, что нельзя работников КГБ назначать премьер-министрами. Если посмотрите мое выступление, то там именно так и было сказано. Но несмотря на то, что сказал, проголосовал «за». Фракция «Яблоко» проголосовала против. А после этого, когда я первый раз в жизни лично встретился с Путиным, я ему сказал, что проголосовал за него, потому что он отказался приказать организовать незаконную слежку.

Анастасия Мельникова — А он что сказал в ответ?

Григорий Явлинский — Он сказал: «Жизнь — сложная штука».

Анастасия Мельникова — Вы о своем голосовании никогда не жалели?

Григорий Явлинский — Никогда не жалел. Я понимал, почему я это сделал, и искупил это тем, как вел против Путина очень активную кампанию в 2000 году, когда рассказывал всем, кто идет во власть, и занял третье место, получив более 20% в Москве. Я тогда категорически отказался от сотрудничества, Путин лишил нас всех возможностей в Госдуме, все отдал коммунистам. Я провел всю кампанию под флагом, что Путин — необольшевик. Я предупреждал, что [лидер КПРФ Геннадий] Зюганов еще покажется вам детским лепетом на лужайке по сравнению с Путиным. Вы это все увидите, говорил. Среди записных демократов никто не верил.

Анастасия Мельникова — Если для «Яблока» «принципиальной позицией» является то, чтобы в России «не было политических заключенных», то почему Андрей Пивоваров, который, по вашим же словам, является политзеком, занимает 3-ю строчку в заведомо непроходном списке по Краснодарскому краю, а не стоит плечом к плечу с Николаем Рыбаковым, который весь список «Яблока» возглавляет, или хотя бы на более-менее проходном месте?

Григорий Явлинский — Это знаковый шаг. Мы его поддерживаем демонстративно.

Анастасия Мельникова — Чтобы что?

Григорий Явлинский — Чтобы показать, что мы выступаем за освобождение политических заключенных, чтобы Пивоваров несколько месяцев имел удостоверение кандидата в депутаты, чтобы за это время ему было легче.

Анастасия Мельникова — Легче в чем?

Григорий Явлинский — Это для него возможность иметь трибуну, открыто и публично высказываться, а также добиваться изменения меры пресечения. При этом он единственный политзаключенный, имеющий такие возможности. Посмотрите его последнее заявление. Остальное можете узнать у его адвокатов, они вам подробно скажут, почему они считают важным, чтобы Пивоваров получил удостоверение кандидата в депутаты.

Анастасия Мельникова — А вы эту причину знаете?

Григорий Явлинский — Нетрудно же догадаться. Когда человек сидит в СИЗО и является кандидатом в депутаты, его меньше прессуют.

Что тут непонятного? Если бы вы сидели в СИЗО, я бы вас тоже поставил хоть на 125-е место, чтобы у вас было удостоверение.

Анастасия Мельникова — А после 19 сентября «Яблоко» будет поддерживать Пивоварова как политика?

Григорий Явлинский — Да, конечно. Эта помощь будет продолжаться так же, как она продолжается в отношении тех, кто, например, сидит по «московскому делу». Вот в понедельник, кстати, я иду на суд, буду вносить залог 1 млн рублей.

Анастасия Мельникова — За кого?

Григорий Явлинский — Кетеван Хараидзе.

Анастасия Мельникова — Вы говорили, что у вас «нормальные, рабочие» отношения с Сергеем Кириенко. Что это значит? При условии, что вы основатель зарегистрированной оппозиционной партии в стране, а он замглавы президентской администрации.

Григорий Явлинский — Сколько примеров привести?

Анастасия Мельникова — Сколько хотите.

Григорий Явлинский — Один можно?

Анастасия Мельникова — Поярче желательно.

Григорий Явлинский — Ярчайший пример. Например, он поздравляет меня с 9 Мая, я ему отвечаю, тоже поздравляю.

Анастасия Мельникова — Вы сказали, что у вас «рабочие» отношения. Поздравлять друг друга с 9 Мая — это не работа.

Григорий Явлинский — Это рабочие отношения. Потом, допустим, наступает Новый год, тогда уже я первый ему пишу: «Поздравляю с Новым годом». Это и есть рабочие отношения.

Анастасия Мельникова — По политике когда последний раз общались? Когда вы выборы обсуждали, а не открытки друг другу присылали?

Григорий Явлинский — В апреле 1998 года.

Анастасия Мельникова — Вы хотите сказать, что с 1998 года политику с Кириенко не обсуждали?

Григорий Явлинский — Я ведь не занимаюсь атомными реакторами.

Анастасия Мельникова — Ну и Кириенко не в Росатоме уже.

Григорий Явлинский — Я же говорю, он меня поздравляет, я отвечаю. Я его знаю очень давно, в частности, в 1998 году, мы (фракция «Яблока» в Госдуме) единогласно голосовали против назначения его премьер-министром. В те годы, в тот момент мы разговаривали.

Анастасия Мельникова — Хорошо, с кем-то из внутриполитического блока Кремля вы перед этими выборами общались?

Григорий Явлинский — Нет, мы же не Znak.com, нам не нужно, чтобы нас не закрыли, мы готовы к тому, что нас закроют. Этим мы и отличаемся. Вас же не закрывают? «Медузу» закрывают, а вас нет. Почему? Потому что вы имеете дело с политическим блоком Кремля, иначе бы вас закрыли.

Анастасия Мельникова — «Медузу» признали иноагентами.

Григорий Явлинский — Ну вас же не признали? Потому что вы имеете дело с Кремлем?

Анастасия Мельникова — Григорий Алексеевич, а вашу партию почему не разнесли еще за 30 лет, если вы с Кремлем общих дел не имеете?

Григорий Явлинский — Нашу не разнесли.

Анастасия Мельникова — Как так все более-менее демократическое разнесли за это время, а «Яблоко» нет? Как вы исключением остались?

Григорий Явлинский — Вам в любую минуту могут прислать американские деньги, и вы тут же станете иноагентами.

Анастасия Мельникова — Могут, конечно.

Григорий Явлинский — В том-то и дело.

Анастасия Мельникова — Вы не ответили на мой вопрос. Почему все демократическое уничтожили, а «Яблоко» нет?

Григорий Явлинский — Спросите у Кириенко. Потому же, почему не закрыли Znak.com.

Анастасия Мельникова — Я задаю прямой вопрос.

Григорий Явлинский — Я вам отвечаю.

Анастасия Мельникова — Потому что у вас отношения с Кремлем?

Григорий Явлинский — Такие же, как у вас.

Анастасия Мельникова — Но у меня нет отношений.

Григорий Явлинский — И у нас нет.

Анастасия Мельникова — Вот вы и ответили. Для этого не обязательно было переводить стрелки.

Григорий Явлинский — Я объясню: считаю эти вопросы глупыми. Потому что лично вы поддерживаете режим Путина.

Анастасия Мельникова — Я?!

Григорий Явлинский — Вы платите налоги?

Анастасия Мельникова — Конечно. А вы не платите?

Григорий Явлинский — Плачу, конечно. Но я сейчас про вас говорю, я преподаю вам урок.

Вы законопослушный гражданин, вы эту систему поддерживаете своими налогами, и ее поддерживают все, кто бегает на улицах, орет, кто не бегает, ведь они все платят налоги, чтобы поддерживать эту власть. Это значит, что мы все не партизаны.

Это значит, что мы все граждане этой страны, и мы все имеем отношения с властями. Поэтому не надо изображать из себя, что тут есть честные героические протестанты — партизаны, а есть подлецы, которые все время общаются там с кем-то. Не надо так делать.

Анастасия Мельникова — Я задавала этот вопрос, не стоя в «белом пальто» перед вами.

Григорий Явлинский — Есть вещи, которые понятны и не стоит их обсуждать.

Анастасия Мельникова — Я не считаю эти вопросы зазорными.

Григорий Явлинский — Я же сказал: поздравляем друг друга с праздниками.

Анастасия Мельникова — Когда последний раз вы общались с Владимиром Путиным?

Григорий Явлинский — Он меня не поздравляет с Новым годом.

Анастасия Мельникова — А вы его?

Григорий Явлинский — И я его не поздравляю.

Анастасия Мельникова — Вы говорили, что если «Яблоку» «удастся пробиться Думу», то всем «жить станет лучше», потому что с оппозицией наконец «будут считаться». А как появление 1–25 депутатов в Думе повлияет на качество жизни россиян?

Григорий Явлинский — Это часть того, что я расскажу вам после 19 сентября.

Анастасия Мельникова — А сейчас бы вы как ответили?

Григорий Явлинский — В Думе 450 человек, 25 человек не могут изменить политику. Появление фракции «Яблока» не будет влиять на что-то технически, например, нельзя будет остановить какой-нибудь закон. Но надо с чего-то начинать. Это начало дороги. Это первый шаг.

Анастасия Мельникова — Когда вы написали статью об Алексее Навальном, на мой взгляд, в основном справедливую, то на вас обрушилась шквал гнева его сторонников. Как вы думаете, почему команда Навального так нетерпима к критике? В чем причина?

Григорий Явлинский — Это их особенность. Потому что они тоталитаристы. У них есть вождь (Алексей Навальный — прим. Znak.com), которого либо ты любишь, либо ты негодяй.

Анастасия Мельникова — Григорий Алексеевич, а вы не устали? Вот вы уже 30 лет этим всем занимаетесь, а какого-то оглушительного результата нет.

Григорий Явлинский — Какая же вы смешная.

Анастасия Мельникова — Ответьте на вопрос, пожалуйста.

Григорий Явлинский — Нет, не устал.

Анастасия Мельникова — Знаете, с возрастом люди становятся конформистами, устают от вечной борьбы, соглашаются на что-то спокойное, но стабильное. Не хотели бы занять сейчас какую-то должность, например, быть советником премьера, президента?

Григорий Явлинский — Нет. Не хотел бы.

«Путин вас не боится»

9 июля 2021 г., радио «Эхо Москвы»

Григорий Явлинский — Здравствуйте, друзья. Спасибо за приглашение.

Ирина Воробьева — Давайте разберемся, Григорий Алексеевич.

Григорий Явлинский — Только этим и занимаемся.

Ирина Воробьева — Отлично.

Григорий Явлинский — Уже все тогда рухнет, уже неизвестно, что в стране будет — мы все будем разбираться.

Ирина Воробьева — Отлично. Но мне правда очень важно сейчас разобраться. Все сейчас цитируют ваше выступление на телеканале «Дождь», где вы призвали сторонников Алексея Навального не голосовать за «Яблоко». Можете поподробнее рассказать, кто такие сторонники Навального. Потому что, если честно — я услышала это как то, что вы призвали меня не голосовать за «Яблоко». И тут я немножко задалась вопросом.

Григорий Явлинский — Я же сказал, если бы вы послушали всю передачу целиком, то вы бы услышали, что я сказал, что да, я прошу сторонников Навального за нас не голосовать. Потому что мы не будем выполнять программу Навального. И мы не будем реализовывать политику Алексея Навального. Поэтому мы не хотим обманывать и говорим вам сразу: если вы сознательные сторонники, если вы реально считаете, что нужно делать в политике то, что делает он — то мы не будем этого делать. Вот и всё.

Виталий Дымарский — Григорий Алексеевич, сразу возникает вопрос. Вы не первый раз это говорите.

Григорий Явлинский — Второй.

Виталий Дымарский — Ну хорошо, второй. Хотя в этой студии тоже много раз об этом говорили. Дело не в этом. Дело в том, что вы ни разу не объяснили, а в чем, собственно говоря, ваше принципиальное различие с Алексеем Навальным.

Григорий Явлинский — Предполагалось, что вы прочитали статью, о которой вы все время говорите.

Виталий Дымарский — Я прочитал статью.

Григорий Явлинский — Вы уже забыли, что там написано. Я, тем не менее, сейчас вам все расскажу.

Ирина Воробьева — Даже если мы с Виталием Наумовичем не забыли, слушатели точно забыли.

Григорий Явлинский — Точно забыли. Поэтому я сейчас расскажу. Начнем с чего. Начнем с того, что 1 октября 2020 года Навального спросили, это был журнал «Шпигель», спросили: скажите, у вас изменились взгляды, вы вот были в «Яблоке», вас исключили из «Яблока» за национализм, у вас изменились взгляды. Он сказал, цитирую: «У меня те же взгляды, что и тогда, когда я пришел в политику». Вот. Что касается национализма — это первая тема. Мы не будем это направление реализовывать. Он создавал движение «Народ», он осуществлял «Русские марши». Я должен напомнить вам, раз уж меня расспрашиваете. Я вообще-то не считаю правильным все время его обсуждать. Вам зачем-то это нужно все время обсуждать. У нас есть телеканал имени Навального и есть радиостанция имени Навального. Все нужно обсуждать только его. Человек сидит в заключении, здесь все время передирают ему кости. Но хочу признаться, вы же меня все время тащите в эту тему. Вот я вам, хотя в стране сейчас очень большие серьезные события и проблемы происходят. Мы продолжаем топтаться на этой теме. Ну хотите — прошу вас. Хочу напомнить, что в связи с темой национализма в 2009 году, русскими националистами были застрелены Бабурова и Маркелов. Это весь круг событий, за что он был исключен из «Яблока» — из-за национализма. За то, что он называл мигрантов «тараканами», и все вот это. Это одна из причин. Мы эту политику реализовывать не будем.

Ирина Воробьева — Это было 10 лет назад, 11–12.

Григорий Явлинский — Он сказал… Вы что, ну вы слышали?

Ирина Воробьева — Да, я слышала.

Григорий Явлинский — Повторяю.

Ирина Воробьева — Но он имеет в виду совершенно другое.

Григорий Явлинский — Да ничего он не имеет, у него спросите…

Ирина Воробьева — Ну причем здесь сейчас ситуация…

Григорий Явлинский — В октябре 2020 года сказал, что его политика не изменилась.

Ирина Воробьева — Он в тюрьме сидит.

Григорий Явлинский — Так зачем вы его трогаете?

Ирина Воробьева — Нет, нет, секундочку.

Григорий Явлинский — Чего вы пристаете? Вы же провоцируете все время говорить на эти темы.

Ирина Воробьева — Нет, нет.

Григорий Явлинский — Что «нет, нет».

Ирина Воробьева — Можно…

Григорий Явлинский — Объясняю дальше. Погодите, я скажу все до конца, а потом будете говорить, чего хотите. Второе. В этом же интервью в октябре 2020 года он сказал: «Мы будем поддерживать коммунистов». Меня не смущает, что у человека значок с изображением Ленина. Это его право. Но мы не будем это поддерживать.

Ирина Воробьева — Сталина, наверное.

Григорий Явлинский — Мы не будем этого поддерживать. Ни Сталина, ни Ленина. Мы не будем этим заниматься. Третье. Это я все рассказываю Виталию Наумовичу, а то он до сих пор не знает, в чем дело. Я вам рассказываю, в чем дело. Третье, очень существенный вопрос. Кстати, прошу всех послушать внимательно. Он в этом же интервью, повторю третий раз, 1 октября 2020 года, к счастью после быстрого выздоровления, слава богу, он быстро оправился, за один месяц за сентябрь. 1 октября 2020 года он говорит: «Я хотел соединить либералов и националистов». Это глупость, ничего из этого не получится. И эту политику мы тоже не будем проводить. Четвертый пункт. «Умное голосование». В этом интервью он ничего не говорит. Но это повторяется без конца, это его сегодняшняя политика. Правда, сегодняшняя.

Ирина Воробьева — «Умное голосование»?

Григорий Явлинский — Да. Сегодняшнее. Так это политика голосования за партии Владимира Путина. За коммунистов, за Жириновского, за уже теперь национал-популистическую партию «Справедливая Россия». Мы объясняем, это прямая помощь нынешней системе, потому что эти партии по всем крупным серьезным политическим вопросам являются филиалами «Единой России». Просто ее фракциями. Поэтому голосование за них — все равно голосование за то же самое. То есть это какая-то крупная провокация. Ну и наконец, мы не будем голосовать за политику социальной розни, когда у всех роются в карманах и ищут у кого какой дом, какого размера. И мы не будем заниматься популизмом. Речь когда идет о популизме, то речь идет об очень опасном популизме. Когда вы вдруг начинаете рассказывать, что Путин вас боится, это только вы можете думать, что Путин его боится. «Эхо Москвы» думает, что Путин его боится. Что мы сейчас его свергнем, что еще сто человек на улицу выйдет — и все, режим рухнет. Это все белиберда. Это популизм, который ведет к тому, что в стране появляются новые и новые уголовные дела, люди садятся в тюрьму. Вот из-за того, что их дурачат. Так вот, я говорю: дорогие, уважаемые сторонники Алексея Навального, это ваше право, но мы вот эту всю политику проводить не будем. Поэтому если вы считаете, что нужно проводить вот эту политику — вы за нас не голосуйте. Как еще объяснить?

Ирина Воробьева — Можно… Нет, Виталий Наумович, секундочку, поскольку это был лично про меня вопрос, я можно лично про себя и скажу. Если позволите. Григорий Алексеевич, с моей колокольни выглядит это таким образом. Алексей Навальный сидит в тюрьме за свои убеждения. И как мне кажется, сейчас единственное, что могут делать окружающие люди, политики, журналисты — это поддерживать Алексея Навального, потому что он сидит в тюрьме за свои убеждения. И протестный электорат во многом состоит как раз из людей, которые поддерживают Алексея Навального, сидящего в тюрьме. И как раз они слышат сейчас вас. А вы им говорите про заявления Навального, которые к нему нынешнему сейчас не имеют никакого отношения.

Григорий Явлинский — Я ничего не понимаю, что вы говорите. Я говорю про политику. Теперь я буду говорить то, что касается

к нему, как вы выразились «нынешнему». Вы, конечно, не видели ничего, но я вам хочу сообщить, у нас есть официальная программа, утвержденная съездом, которая регистрируется вместе с партией на выборах. Одним из первых, что там записано, является то, что мы считаем особенно важным расследование отравления Алексея Навального. Процитировал вам. Мы считаем именно это ключевым вопросом борьбы за политическую свободу и политическую реформу. Потому что без ответа на этот вопрос: как его отравили, кто его отравил, почему его отравили, чем его отравили, какие были последствия, какие будут последствия. Существует ли в стране политический террор. Существуют ли в стране «эскадроны смерти». Они ли провели операцию по убийству Немцова, по отравлению Кара-Мурзы, по отравлению члена «Яблока» Куйвашева, о котором сейчас пишут. По отравлению Щекочихина. Мы все это считаем политическим террором. Мы хотим выяснить, и первым вопросом там стоит расследование отравления Алексея Навального. Вот что касается его, там находящегося. Тоже вопрос политический, но это уже шире политический вопрос, чем он сам в какой бы то ни было степени. Поэтому речь идет именно об этом. Речь идет о том, что политика эта невозможная и неприемлемая. А то, что с ним произошло — это другая история. Мы не будем сейчас обсуждать, почему он сидит и так далее. Это еще одна не маленькая тема.

Виталий Дымарский — Григорий Алексеевич, такой вопрос. В этой студии во время наших разговоров многочисленных вы очень часто повторяли одну вещь, как мантру, я бы даже сказал. Вот не надо, что вы все время меня спрашиваете о сотрудничестве, о взаимодействии и так далее. Вот приходите все в нашу партию и мы вперед пойдем. Так победим. Вот к вам люди пришли. А вы их не приняли.

Григорий Явлинский — Это кого?

Виталий Дымарский — Многих людей, которые называются сторонниками Навального.

Григорий Явлинский — Куда они пришли?

Виталий Дымарский — Они пришли к вам, они хотели, чтобы вы их выдвинули в кандидаты.

Григорий Явлинский — Да нет, они не к нам пришли, они пришли, потому что они не хотят подписи собирать. Это к партии какое имеет отношение. Да никакого.

Ирина Воробьева — Можно я вас прерву обоих. Простите меня, пожалуйста.

Виталий Дымарский — Они пришли…

Григорий Явлинский — Они пришли и говорят, что мы не хотим собирать подписи.

Виталий Дымарский — Они пришли в вашу партию.

Григорий Явлинский — Да не в партию они пришли. Если бы они пришли в партию — был бы другой разговор. Вообще другой. Они пришли не в партию. А они пришли и говорят: знаете, нам неохота собирать подписи. Это очень трудно и, скорее всего, нас не зарегистрируют. Будьте, пожалуйста, как такси, подвезите нас, пожалуйста, на выборы. Мы сказали: кого сможем — подвезем. Вот всё. Кого смогли… У нас знаете, сколько было заявлений? 1600.

Ирина Воробьева — Мы знаем.

Виталий Дымарский — У нас реклама.

Григорий Явлинский — У вас реклама, а у нас 1600 заявлений.

Ирина Воробьева — Две минуты, сейчас прервемся, потом вернемся.

Ирина Воробьева — Продолжается программа «2021». Председатель федерального политкомитета партии «Яблоко», один из основателей этой партии Григорий Явлинский у нас в эфире. Здесь Ирина Воробьева и Виталий Дымарский.

Виталий Дымарский — Григорий Алексеевич, я все-таки продолжу…

Григорий Явлинский — Пожалуйста.

Виталий Дымарский — Вопрос, связанный с тем, что вы не приняли людей в свои списки.

Григорий Явлинский — Почему, ну погодите.

Виталий Дымарский — Я понимаю…

Григорий Явлинский — Исходную ситуацию опишем. Было 1600 заявлений. Мы смогли выдвинуть список в соответствии с законом, который состоит примерно из 450 человек. Больше мы включить

не могли. Физически. Это невозможно. Кроме того, мы все же включили людей 98–99%, в убеждениях которых, что они совпадают с нашими. Мы уверены. Это для начала. А теперь я вас слушаю.

Ирина Воробьева — А можно меня…

Виталий Дымарский — Но вы понимаете, Григорий Алексеевич, в связи с этим, что помимо того, что вы не приняли этих людей по каким-то своим соображениям, вы вместе с ними отвергли тех людей, которые готовы за них голосовать. То есть и за вас значит голосовать.

Григорий Явлинский — Послушайте…

Виталий Дымарский — Вы понимаете, что вы… У вас есть какой-то примерный подсчет, сколько вы потеряли на этом…

Григорий Явлинский — Послушайте. Ничего мы не потеряли. Никогда их избиратели за нас не будут голосовать. Кроме того, вы опять, друзья, я обращаю ваше внимание, вы затрагиваете конкретных людей, мне приходится отвечать по существу. Им это может быть будет не очень приятно. Вообще никто не знает, есть ли у них хоть один избиратель. Неизвестно даже, мама за них будет голосовать или нет. Это же люди, совершенно никогда не участвовавшие ни в каких выборах. Они просто ситуативно захотели выдвигаться. Вот поиграть в эту игру — выборы. Вы так говорите, как будто это какие-то электоральные гиганты. Ничего этого нет.

Ирина Воробьева — А Максим Резник?

Григорий Явлинский — Максим Резник изгнан из «Яблока» за развал партии, за предательство и передачу мандатов «Единой России». Вот за что.

Ирина Воробьева — Изгнан из партии за предательство? Вот же у вас питерское «Эхо», он с Вишневским же буквально за неделю…

Григорий Явлинский — Начинается…

Ирина Воробьева — От него требовали покаяться — он покаялся. Почему? Причем что вы поддерживаете политзаключенного…

Григорий Явлинский — Человек… Послушайте.

Ирина Воробьева — …будущего Пивоварова, но не поддерживаете Резника.

Григорий Явлинский — Послушайте…

Ирина Воробьева — Который тоже под уголовным преследованием.

Григорий Явлинский — Смотрите, вы делаете неприятно Максиму Львовичу. Но это делаете вы. И я буду отвечать. Максим Львович в 2011 году подменил мандаты, он передал мандаты людей, которые выиграли, по просьбе «Единой России» передал другим людям. Одного из которых потом посадили за взятки. И развалил фракцию. Притом, что у «Яблока» был очень хороший результат в Петербурге. Он сыграл эту игру с «Единой Россией», получил за это комитет, и все эти годы работал с «Единой Россией», в частности с Макаровым. Прошел несколько партий. Теперь он решил, что его никто не хочет выдвигать, он будет выдвигаться от нас. Но попал в какую-то там историю. Почему мы должны его выдвигать. Было собрание, обсуждали. Мы знаем его обращение, он ни с кем из нас не разговаривал. Он пришел на «Эхо Москвы» в Петербурге, что-то там сказал, причем не о том, что он сделал. А так вообще… Почему мы должны такого человека выдвигать и почему мы должны быть уверены, что если он выиграет эти выборы, он не сделает это еще раз. Это Виталий Наумович так думает. А больше никто так не думает.

Ирина Воробьева — Это очень серьезное обвинение просто.

Виталий Дымарский — …питерское «Яблоко» его просило.

Григорий Явлинский — Что просило? Ничего оно его не просило. Никто его не может об этом просить.

Виталий Дымарский — Борис Вишневский был вместе с ним в эфире.

Григорий Явлинский — Ну и что?

Виталий Дымарский — С Резником.

Григорий Явлинский — Ну и что?? Что, от этого подмена мандатов не состоялась? Что, обман, что двух людей, которые выиграли выборы, выкинули оттуда в прошлый раз. Во имя чего? Чтобы «Единой России» было удобно голосовать в Законодательном собрании. Чтобы развалить оппозицию, чтобы развалить фракцию. И мы теперь что должны делать.

Ирина Воробьева — Я понимаю, конечно, что моя реплика… вопрос веры, но просто я Максима знаю много лет.

Григорий Явлинский — Ну, молодец.

Ирина Воробьева — И вот в то, что вы говорите про развал оппозиции в Санкт-Петербурге — я не поверю никогда. Особенно сейчас…

Григорий Явлинский — А ты просто не знаешь…

Ирина Воробьева — …когда Максим сидит под домашним арестом по уголовному преследованию. Которое явно выдумано.

Григорий Явлинский — Послушай, ты не знаешь никаких фактов. Ну это…

Ирина Воробьева — Поэтому я и говорю, это очень серьезное обвинение.

Григорий Явлинский — Товарищи журналисты, вы уж, пожалуйста, будьте компетентными. Хотите вести такие эфиры — разбирайтесь в вопросе. Нельзя так. Я с ним знакома. Он мне улыбнулся, мне это понравилось…

Ирина Воробьева — Не надо, Григорий Алексеевич.

Григорий Явлинский — Я в это не поверю.

Ирина Воробьева — Не улыбнулся. Вы же прекрасно понимаете, о чем я говорю.

Григорий Явлинский — Это несерьезно. Я еще раз говорю…

Ирина Воробьева — А у меня к вам вопрос.

Григорий Явлинский — Это принципиальное решение. Человек, который занимается фальсификациями, — это человек, которого мы, к сожалению, не можем выставлять как нашего кандидата. Точка.

Ирина Воробьева — И он, к сожалению, не может сейчас вам ответить.

Григорий Явлинский — А нам не надо отвечать. Мы его уже исключили из партии.

Ирина Воробьева — Почему последнюю неделю или может быть чуть больше вы так резко общаетесь с журналистами, я посмотрела ваше интервью на «Дожде», читала на Znak.com. Сейчас вы сюда пришли в эту студию, говорите, что «Эхо Москвы» это радио Навального. И так далее.

Григорий Явлинский — А вы о чем спрашивали…

Ирина Воробьева — Что вам сделали журналисты, Григорий Алексеевич?

Григорий Явлинский — Объясняю. Журналисты — люди очень важные. Ситуация в стране очень серьезная. С моей точки зрения, объем обсуждения, почему мы выдвинули вместо товарища Пупкина другого человека занимает столько времени, сколько совершенно не позволяет ситуация происходящего в стране. Вот и всё. Потому что сейчас Виталий Наумович или вы меня спросите, почему мы не выдвинули уважаемого товарища Меняйло.

Ирина Воробьева — Нет, я не спрошу.

Григорий Явлинский — Ну хорошо, а то я бы вам сказал почему.

Ирина Воробьева — Я хочу другое сказать. Но вы же понимаете, что обсуждают список партии «Яблоко» только потому, что обсуждать списки других партий нет никакого смысла. Чего же вы расстроились-то из-за этого.

Григорий Явлинский — Спасибо. Я не расстроился, а я внятно подробно, честно и ответственно стараюсь объяснить. Вот и всё.

Ирина Воробьева — Тем не менее, тон вашего общения с журналистами очень сильно изменился. Это абсолютно точно могу сказать.

Григорий Явлинский — Хорошо, я буду гораздо мягче.

Ирина Воробьева — Это я сомневаюсь.

Григорий Явлинский — Суть того, что я буду говорить — будет та же самая. Потому что когда бывает такой случай, я не знаю, видели вы его или нет, когда садишься и пять человек один за другим тебя спрашивают одно и то же…

Ирина Воробьева — На «Дожде» вы имеете в виду. Я смотрела, конечно.

Григорий Явлинский — Ну хорошо. Друзья, извините, просто такое время и такие обстоятельства.

Ирина Воробьева — Виталий Наумович, простите меня, пожалуйста, но просто у нас перерыв на новости. Я понимаю, что я забрала на себя кучу времени. Но я вам обещаю, что после того как пройдет перерыв на новости и рекламу, я сразу же передам вам право задавать вопросы.

Виталий Дымарский — Мы вдвоем на пару…

Ирина Воробьева — У меня тут еще, правда, много припасено.

Виталий Дымарский — Один человек Григория Алексеевича не выдержит. Минимум должно быть двое.

Ирина Воробьева — Можно еще ведущих, пожалуйста, чтобы пять здесь было. А то Григорию Алексеевичу нравится такой формат. Когда пять журналистов сидят и спрашивают про одно и то же. Это программа «2021». Председатель федерального политкомитета партии «Яблоко» Григорий Явлинский у нас в эфире. Виталий Дымарский, Ирина Воробьева. Мы вернемся через несколько минут. Никуда не уходите.

Ирина Воробьева — 20 часов 33 минуты в Москве. Продолжается программа «2021». У нас сегодня в гостях председатель федерального политкомитета партии «Яблоко» Григорий Явлинский. Меня зовут Ирина Воробьева. Вместе со мной или я вместе с Виталием Дымарским веду этот эфир. Вы можете смотреть нас в Ютюбе на канале «Эхо Москвы» и там присылать вопросы.

Виталий Дымарский — Еще раз добрый вечер.

Григорий Явлинский — Добрый вечер.

Виталий Дымарский — Ну что, продолжаем тогда мучать Григория Алексеевича. Григорий Алексеевич, такой вопрос.

Григорий Явлинский — Пожалуйста.

Виталий Дымарский — Всем понятно абсолютно, что мы живем в таких условиях, когда, в общем, видимо, приходится идти на какие-то компромиссы. И это политика. И, в конце концов, ничего в этом зазорного, на мой взгляд, нет. Многие считают, и вот вы скажите, так это или нет и в какой мере, вот эти ваши решения — одних не принять, других не принять, выступить против политики Алексея Навального — в какой мере это компромисс с той же администрацией президента?

Григорий Явлинский — Я не знаю. Это надо у нее спросить, в какой мере она считает это компромиссом. С моей точки зрения, вы выдвинули всех тех, кого считали нужным. Ну, например, у нас есть люди… Я сейчас буду очень по-доброму все говорить, чтоб вы так про меня не говорили.

Ирина Воробьева — Григорий Алексеевич, говорите как хотите.

Григорий Явлинский — У нас есть люди, которые очень серьезными являются оппонентами, мягко скажем, администрации президента. Такие, как Лев Шлосберг, например. Это серьезный, это всероссийской

известности человек, резкий, жесткий. И никакой компромисс невозможен в этом вопросе в принципе. Это наш человек. Мы его поддерживаем. У нас внутренние бывают дискуссии любого масштаба, но совершенно никакого компромисса здесь быть не может.

Другой могу вам привести пример. Есть еще такой человек в Москве, как вы знаете, вы его хорошо знаете — Сергей Митрохин, человек очень твердый, очень жесткий, который идет по одномандатному округу в Центральном районе Москвы. Это тоже очень яркая личность. У нас есть такой человек как Максим Круглов, руководитель фракции в Московской городской думе. И тоже к нему может быть бесконечное количество замечаний в связи с тем, что он занимает категорическую позицию по политическим заключенным, по их освобождению, по необходимости амнистии и так далее. Я могу это продолжать.

Кроме того, как вы знаете, съезд счел необходимым пригласить Марину Литвинович. Это не потому, что она нас уговаривала. Это мы ее пригласили к себе — вы ее знаете прекрасно, — потому что она провела огромную работу и в связи с Бесланом, и в связи с заключенными. Ее изгнали из ОНК, из Наблюдательной комиссии. Я могу это продолжать.

Ирина Воробьева — Нет-нет, можно я дополню вопрос тогда?

Григорий Явлинский — Сейчас, Ирочка. Мне надо сказать, чтоб доставить удовольствие Виталию Наумовичу. Вот тот же самый Борис Вишневский. Вы почитайте, что Борис Лазаревич пишет. Он пишет жестко, бескомпромиссно, по самым ключевым вопросам всегда занимает самую твердую позицию. И, кстати, он, разделяя общую линию — он заместитель председателя партии — по тому, что мы обсуждали по Навальному, по политике, по всему, он был человеком, который больше всех помогал тем, кого посадили в тюрьму и тащили в СИЗО и так далее.

Виталий Дымарский — Это правда.

Григорий Явлинский — Ну так вот весь Петербург это прекрасно знает. Он в этом смысле человек просто выдающийся. Ну вот. Так о чем вы меня спрашиваете, я не понимаю?

Ирина Воробьева — Я, если можно, продолжу вопрос Виталия Наумовича.

Григорий Явлинский — Пожалуйста.

Ирина Воробьева — Просто в нынешней реальности, в которой мы с вами, Григорий Алексеевич, живем, многие считают — и это какая-то такая штука, которая на поверхности лежит, — что политик, который дистанцируется от Навального — это политик, который хочет чувствовать себя в безопасности. Это так?

Григорий Явлинский — Нет, это совсем не так, потому что мы дистанцировались от Навального в 2007 году, как вы знаете.

Ирина Воробьева — Он был на свободе, Григорий Алексеевич.

Григорий Явлинский — Да при чем здесь свобода?

Ирина Воробьева — Все вот так.

Григорий Явлинский — Вы так на это смотрите. Я на это смотрю по-другому. Потому что я тогда хочу сказать вам, что мы будем обсуждать либо как правозащитники, либо как политики. Если как правозащитники, то тогда давайте обсуждать, как вы говорите. Еще раз, я тоже сожалею относительно почти всех людей, которые находятся в тюрьме. Я никому этого не желаю. Я ему от души сочувствую. Я, кстати говоря, лично плачу деньги каждый месяц людям, которые сидят по делу 2019 года. Я каждый месяц это делаю.

Ирина Воробьева — В смысле жертвуете деньги.

Григорий Явлинский — Ну, хотите — жертвуете. Я даже не считаю, что это жертва. Я считаю, это мой долг.

Ирина Воробьева — В смысле не платите, а в смысле даете.

Григорий Явлинский — Да. Слово неудачное. Я, например, в понедельник пойду в суд и буду предлагать залог не больше не меньше миллион рублей. Еще надо его собрать.

Ирина Воробьева — За Кети, да?

Григорий Явлинский — Да. Мы как «Яблоко» все это стараемся делать. Что касается списков на выборы — это другая история. Вот мы выдвинули, например, Николая Кавказского. Почему Николая Кавказского нужно убрать, а какого-то человека, который пришел месяц назад, поставить? Почему мы так должны делать? Кто мне может это объяснить?

Что касается Пивоварова. Он в тюрьме находится. Это другая история. Он реально шаг от того, чтобы стать полным политическим

заключенным. Это, кстати, не значит, что мы разделяем какие-то политические взгляды, а это значит, что мы категорически против того, чтобы в России были политические заключенные.

Ирина Воробьева — Ну вот спрашивают про Навального, потому что признание Алексея Навального политзаключенным — это такой водораздел, который раньше заключался в других вещах: в Крыме, еще в чем-то. Но вы, Григорий Алексеевич, отвечая на вопрос, политзаключенный ли Алексей Навальный, очень странный ответ даете на этот вопрос. Почему?

Григорий Явлинский — Объясняю. Еще раз, дорогие друзья, я бы не считал нужным сейчас об этом говорить, но раз вы ко мне так пристаете, я не буду уходить от ответа на вопрос. Потому что когда было дело «Кировлеса», на следующее утро его выпустили, потому что Путин сказал его выпустить.

Ирина Воробьева — Но он в чем виноват?

Григорий Явлинский — Секундочку. Потому что на следующий день его не только выпустили, но еще Кремль сказать дать ему подписи на выборы. У него свои отношения с властью, понимаете или нет? Я не представляю себе никого в России, кого выпускают на следующий день после того, как ему дают 5-летний приговор. А на следующее утро его выпускают. А потом ваши коллеги пишут об этом целые книги, как было совещание, там выступал Путин, сказал разрешить ему выйти, и все это решили. Но это тоже еще не все. Это какая-то особая история. Я в нее не вмешиваюсь, потому что я ее не знаю. Я не знаю, какие там отношения, зачем это было сделано.

Но еще я вам скажу. У него было два условных срока. Вот за это время он 150 дней находился под арестом. Ну, по митингам.

Ирина Воробьева — Административным, да.

Григорий Явлинский — Да. И ни одно из этих условных дел не было трансформировано в реальное. Я вам скажу, если, не дай бог, у вас будет условный срок, и вы не так перейдете улицу, вы тут же сядете. Так дайте договорить. Раз уж вы хотите портить жизнь Навальному — портите. Потому что не надо приставать об этом, не надо его обсасывать, не надо это говорить. Но вы просите. Вы не деликатные люди, между прочим.

Ирина Воробьева — Да, я не деликатный человек. Давайте.

Григорий Явлинский — Все. Хорошо. Поэтому это какие-то свои отношения. Он находится в Берлине. Ему говорят: «Не надо приезжать сюда. Мы тебя посадим». Нет, он приезжает. Это свои отношения. Я их не понимаю. Я их не знаю. Свои догадки излагать не хочу. Поэтому я осторожно отношусь к этой теме. Наверное, он политический заключенный. Вот и все, что я могу сказать.

Ирина Воробьева — Это не ответ, Григорий Алексеевич. Вы привели нам какие-то вещи, которые были когда-то. А сейчас он сидит, и вы не хотите его называть политзаключенным. А какой же он, просто заключенный?

Григорий Явлинский — Я не знаю.

Ирина Воробьева — Вы же понимаете, что это политическая позиция, это не вопрос знания?

Григорий Явлинский — Да, это политическая позиция, которая должна быть основана на каких-то фактах. Вот у меня есть такое ощущение, что я не понимаю, какие у него отношения с властями, как это все складывается, почему этот человек попал в такую историю. Мне это до конца непонятно. Я правда в ней не специалист, не углублялся. Но в том объеме, который мне известен, я вот вам говорю.

В то же время, еще раз говорю, вы все обсуждаете… Вы должны каждое утро начинать с того: «Требуем расследования отравления Навального». Вот с чего должно начинаться каждое «Эхо» каждый день, каждое утро.

Виталий Дымарский — Вы будете начинать с этого каждое утро?

Григорий Явлинский — Так у нас программа с этого начинается. Я на этой передаче третий раз говорю, а вы меня спрашиваете, честно говоря, почему Явлинский…

Виталий Дымарский — В Госдуме вы будете этим же заниматься?

Григорий Явлинский — Это наша программа. Это цель. Для этого мы в Думу идем. Как еще вам объяснить? Что с вами вообще случилось? Вы что, не знаете, для чего пишут программу? Вообще… Я поражен.

Виталий Дымарский — Кошмар. Я страшно виноват, Григорий Алексеевич.

Ирина Воробьева — Не деликатные, программу плохо читали.

Григорий Явлинский — Товарищи, вам нужны курсы повышения квалификации.

Виталий Дымарский — Да, да, да. Я еще раз перечитаю.

Григорий Явлинский — Я хочу твердо сформулировать. Я не знаю, какие у него отношения, почему так получилось, как это случилось. Что касается политического заключенного. Amnesty International его считает политическим заключенным. Наверное, так оно и есть. Но я этого не знаю. А по другим некоторым людям я это сам знаю, помимо того, что их признали или не признали на уровне Amnesty International. Я понятно объяснил? Вот вы знаете. А я не знаю.

Ирина Воробьева — Григорий Алексеевич, еще раз повторю, что это вопрос не знания, а политической позиции. Ваша политическая позиция такая. Мы поняли.

Григорий Явлинский — Удивительные люди. Вам нужно не знание, а вера.

Ирина Воробьева — Да.

Григорий Явлинский — Прям коммунисты.

Ирина Воробьева — Не то чтобы вера — позиция.

Григорий Явлинский — Вера, вера.

Ирина Воробьева — Виталий Наумович, прошу вас. Или могу я продолжить, если хотите.

Виталий Дымарский — Я уже не знаю даже, что еще спросить у Григория Алексеевича.

Григорий Явлинский — О чем еще вообще можно спрашивать, да…

Ирина Воробьева — Виталий Наумович, можно я тогда? Очень хочется успеть. Григорий Алексеевич, у меня вопрос. Как вы относитесь к тому, что за последние полгода уже второй раз после лично ваших заявлений — не то, что партия сделала, а то, что вы лично сказали — партии «Яблоко» устраивают шумные похороны в соцсетях, причем в этом участвуют не только активисты, но и политологи, например, эксперты и так далее?

Григорий Явлинский — Я очень прекрасно отношусь. Вы знаете, когда первый раз сказали, что партии «Яблоко» пришел конец?

Ирина Воробьева — В каком-нибудь 2003-м?

Григорий Явлинский — Точно. Правильно. Вот умница. Вот что значит наши люди. Да, в 2003 году в первый же день заседания Госдумы было сказано, что все, партии «Яблоко» конец. Вот с тех пор мы и переживаем конец. Ну что делать…

Ирина Воробьева — То есть вы философски относитесь.

Григорий Явлинский — Я не философски отношусь. Почему я так активно веду себя? Потому что я пытаюсь что-то объяснить, я пытаюсь сказать: мое личное отношение к тому, что, например, сидит Навальный, очень чувствительное, мне его жаль. Если б я ему мог хоть как-то помочь, я бы ему во всем помог. Я же его лично знаю. Но политически это другой разговор, потому что с этим связаны судьбы людей и судьбы страны. И с той политикой, которую проводит Навальный, сейчас 116 уголовных дел. Ими никто не занимается. «Эхо Москвы» их не обсуждает.

Ирина Воробьева — Это неправда, Григорий Алексеевич.

Григорий Явлинский — Значит, «Эхо Москвы» их обсуждает, тем не менее 116 уголовных дел продолжаются.

Ирина Воробьева — Мы, как и вы, не можем ничего с этим сделать.

Григорий Явлинский — Нет, вы не можете с этим ничего сделать, но когда все кричали, что надо бежать на улицу, так вы несете теперь за них ответственность.

Ирина Воробьева — Почему? Мы не кричали, что надо бежать на улицу.

Григорий Явлинский — Значит, вы не несете. А те, кто кричали, несут. Вот и все. И это надо понимать. Потому что все понимали, что ничего из этого хорошего не получится. Я этих людей уважаю, мне за этих людей больно, потому что это одни из самых лучших людей, потому что это пассионарии, это люди, которые хотят что-то реально изменить, готовы рисковать. Но посмотрите, в какую они попали историю.

Ирина Воробьева — То есть вы отказываете уличной политике вообще в существовании, получается.

Григорий Явлинский — Когда ближайшие соратники Навального пишут, что надо бросать людей в топку — да, я отказываюсь это

принимать. Я поэтому написал эту статью. Потому что нам Волков сказал, что он бросал специально людей в топку. Зачем? Чтобы привлечь общественное внимание. Я категорически против такой политики. Я не знаю, Виталий Наумович понимает меня или нет.

Виталий Дымарский — Ну куда уж мне…

Григорий Явлинский — Это серьезнейшее дело. Вот и всё. Это факт. И вы его прекрасно знаете.

Ирина Воробьева — Ладно, если мы не про сторонников Навального, а просто уличная политика сейчас вообще возможна?

Григорий Явлинский — Сейчас коронавирус. Сейчас в России самая высокая смертность в мире. Сейчас мы обсуждаем с вами вот это все, а на самом деле страна стоит у очень опасной черты. И в условиях коронавируса обсуждать уличную активность по меньшей мере странно. Это первое.

Второе. Как вы знаете, с уличной активностью случились проблемы в 2012 году после майской демонстрации на Болотной площади. Там тоже было все сильно непросто. Поэтому активность уличная все равно всегда нужна. Это обязательное условие, но недостаточное. В стране должна быть настоящая политика. В стране должен быть настоящий диалог общества с властью жесткий.

Ирина Воробьева — Но его нет.

Григорий Явлинский — Его нет. Власть отказывается от этого диалога. Она считает, что она все может решить силой. А мы ей покажем, что нет.

Виталий Дымарский — А как вы ей покажете, Григорий Алексеевич?

Григорий Явлинский — А вот если вы, Виталий Наумович, лично приведете 20 избирателей, и они проголосуют, вот тогда мы докажем.

Ирина Воробьева — Вот это пирамида, Григорий Алексеевич!

Виталий Дымарский — Но если я приведу 20, то их будет 21 вместе со мной.

Григорий Явлинский — Вот. А я сейчас вам цифру назову. Это просто. У нас точно есть 1,5 млн избирателей. Это точно. Даже по официальным данным, 1–1,5 млн. Если каждый приведет 20, мы получим

такой результат, при котором политика в стране сразу изменится. Сразу причем.

Ирина Воробьева — А когда вы говорите людям, что они, голосуя за «Яблоко», голосуют за себя, вы, получается, как-то ответственность на них перекладываете всю с себя на них. Как так?

Григорий Явлинский — Абсолютно.

Виталий Дымарский — Григорий Алексеевич, есть серьезный вопрос.

Ирина Воробьева — Сейчас, Виталий Наумович. Можно ответит на вопрос Григорий Алексеевич? Я успела задать. Простите.

Григорий Явлинский — Очень важный вопрос. Что может сделать политик, который не находится во власти? Он может предложить. Он больше ничего не может. Он может только предложить. Он может организовать, предложить, структурировать, донести. И то уже не сильно может. Вот вы меня позвали — я вам очень благодарен. Не так просто донести. А решение принимает человек.

Если у вас 5 демократических партий, вы выбираете, какая лучше. Это нормальный процесс. Там совсем другая логика. Но если ситуация та, в которой мы оказались, здесь вы голосуете за себя, за свободу, за свое будущее, за то, что будет происходить в стране. Потому что если увидят, что 10 млн, 15 млн голосуют за программу, которая начинается с такой строчки: «Политика Путина ведет в тупик», — это будет иметь огромное значение, решающее. Вот для этого мы участвуем в выборах.

Ирина Воробьева — Виталий Наумович.

Виталий Дымарский — Григорий Алексеевич, вопрос в связи с этим. Все это очень хорошо, конечно. И дай бог, чтобы у вас все это получилось.

Григорий Явлинский — У вас чтоб получилось. Если вы уезжать не собираетесь, то у вас.

Виталий Дымарский — Вы мне скажите, пожалуйста, как вы собираетесь обеспечить те голоса, которые за вас отдадут? Обеспечить в том смысле, чтобы они были реально учтены, чтобы 3-дневное голосование непонятно как и непонятно что… Вам нужно такую армию собирать наблюдателей и так далее и так далее. Это, может

быть, самая серьезная и самая тяжелая работа вообще, которая предстоит.

Григорий Явлинский — Да. Спасибо. Это действительно один из ключевых вопросов, если не самый ключевой. Нам жизненно нужны наблюдатели. И в этом вопросе мы готовы сотрудничать с наблюдателями любых партий, любых направлений. Всякий честный человек, неважно, какие у него взгляды, но если он честно приходит и может посчитать, проверить, как там будет подсчет бюллетеней или электронную вот эту базу голосований, он для нас исключительно важен. И я кланяюсь до земли и прошу.

Потому что недавно сообщение было — и «Эхо» его публиковало, — что якобы «Яблоко» отказывается от наблюдателей. Неправда. У нас есть штаб по наблюдателям. И мы всех приглашаем в наблюдатели. Проверяйте результаты всех партий и нашей в том числе. Мы знаем, как это важно и что это имеет просто решающее значение. Это первое и это самое главное, подчеркиваю. Большая просьба с наблюдателями. Пожалуйста. Это наша общая судьба от этого зависит.

Теперь еще один вопрос в этой связи. Понимаете, во-первых, власти всегда знают, какой был настоящий результат. Они его переписывают, но они результат-то знают. И второе. Это уже важно. Они понимают, что происходит. Можно из 6% сделать 4% и 3%. Можно что-то подобное. Но если у вас будет 10% хотя бы, уже 3% не сделаешь. Вот у меня в 2000 году на голосовании в Москве было 23%. Вы не представляете это ощущение. Это ощущение, когда каждый человек, кто идет тебе навстречу, улыбается тебе и здоровается. 23% у меня было в Москве. Это чувствуется немедленно. У меня украли проценты в других местах, а в Москве тронуть не решились, потому что Москва знала, как она проголосовала, и понимала это.

И еще в 2011 году почему случились события Болотной? Потому что всем партиям запретили брать наблюдателей, а «Яблоку» было это неважно, и мы взяли всех, кто хотел. И они увидели фальсификации. И поэтому появилась Болотная. Я, вообще-то, думаю, что мы в 2011 году преодолели 5%. Так что вот совместными усилиями.

Во-первых, нужно, чтобы очень много людей пришло. Но еще, может, даже перед этим нужно, чтобы было много наблюдателей.

Не верьте всяким сообщениям, что «Яблоко» отказывается от наблюдателей. «Яблоко» кланяется вам, просит, умоляет вас: приходите, будьте нашими наблюдателями. Мы будем платить, сколько сможем. Мы будем благодарить. Мы будем обучать. Мы будем все делать.

Ирина Воробьева — Григорий Алексеевич, можно личный вопрос?

Григорий Явлинский — Любой.

Ирина Воробьева — Ну вот я считаю вас очень упрямым человеком, который гнет свою линию. Но очевидно, что за последнее время от вас отвернулись не только неизвестные вам люди, но и ваши знакомые, которые вокруг вас, которые говорят, что вы неправы. Вот вы как к этому относитесь? Как вы на это реагируете?

Григорий Явлинский — Такое уже было. Они потом скажут: «Ну кто же мог подумать… Ты был прав. Кто же мог подумать…».

Ирина Воробьева — Вы сейчас к началу 2000-х?

Г. Явлинский: — К 90-м, к началу 2000-х.

Ирина Воробьева — То есть вы сравнили Навального с Путиным сейчас?

Григорий Явлинский — Конечно. А еще я хочу сказать, что уважаемый руководитель уважаемого средства массовой информации «Эхо» Алексей Алексеевич Венедиктов два дня назад объявил опрос среди ваших знакомых, кто вас слушает. У «Яблока» — 32%. Самый большой процент. Так что ошибаетесь, девушка.

Ирина Воробьева — Я не ошибаюсь, я спрашиваю, как вы реагируете на своих близких? Во-вторых, сравнение Навального с Путиным — это сильно, Григорий Алексеевич. Это очень сильно и очень рискованно.

Григорий Явлинский — Это вы сравниваете его. Я же его не сравниваю.

Ирина Воробьева — Нет, секундочку, я спросила: «Вы сравниваете?» Вы сказали: «Конечно».

Григорий Явлинский — Конечно сравниваю. Я и вас сравниваю. Я всех политиков сравниваю.

Ирина Воробьева — Меня-то за что?

Григорий Явлинский — Все, кто политикой занимается, я всех сравниваю друг с другом.

Ирина Воробьева — А себя вы с Путиным сравниваете?

Григорий Явлинский — А я вас сравниваю с Песковым. Себя сравниваю, всех сравниваю. Это так политик должен действовать. Он же должен сравнивать. Если он не будет сравнивать, он никогда не выиграет бой. Это так надо. Это правильно.

Ирина Воробьева — Виталий Наумович, у нас минутка до конца.

Григорий Явлинский — Вот именно. У меня до конца минута.

Виталий Дымарский — А почему вы сами не идете тогда? Объясните нам.

Ирина Воробьева — За минуту.

Григорий Явлинский — Потому что есть разная работа. Сейчас моя работа вот такая. Нужно, чтобы молодежь шла. Я не могу, как некоторые, управлять структурой до бесконечности. Вот, например, все говорили: «Вот вы такой лидер несменяемый». У нас 13 лет уже 4 разных председателя. А я знаю структуру, где один и тот же человек 30 лет сидит.

Ирина Воробьева — Да что вы… Намекаете, Григорий Алексеевич?

Григорий Явлинский — И критикует.

Виталий Дымарский — Но все равно же вы всем руководите.

Григорий Явлинский — Пожалуйста. Я неформально. Я не подписываю денежные распоряжения, не принимаю кадры. Ну вот. Так вот это я к чему говорю? Я хочу, чтоб шли молодые люди, чтоб между ними была конкуренция. У нас нет федерального списка, у нас полная конкуренция молодых людей. У нас средний возраст меньше 40 лет. И я хочу, чтобы молодые люди шли в политику. Да, в такую особенную. Да, в такое особенное время. И еще мы сделали такой список, когда регионы впервые имеют те же права, что и Москва, и Петербург.

Ирина Воробьева — На этом я вас всех вынуждена прервать.

Григорий Явлинский — Жаль.

Ирина Воробьева — Спасибо большое.

Григорий Явлинский — Спасибо большое.

Ирина Воробьева — У нас время закончилось. Григорий Явлинский в программе «2021».

Ответ Алексею Венедиктову: какую политику мы не будем проводить

12 июля 2021 г., сайт «Эха Москвы»

9 июля в интервью «Эху Москвы» я подробно объяснил, в чем состоит политика Навального и почему партия «Яблоко» эту политику осуществлять не будет.

На следующий день главный редактор радиостанции Алексей Венедиктов в своей авторской передаче признался: «Я не понимаю политику Навального. Как можно говорить «мы не согласны с его политикой», когда его политики нет на этих выборах? … Я хочу спросить: «Какую политику Навального вы не будете проводить?»

Отвечаю главному редактору, по пунктам, как говорится, лично.

В октябре 2020 года, т.е. всего девять месяцев назад, Алексей Навальный в интервью немецкому журналу Spiegel внятно разъяснил свои политические взгляды.

На вопрос журналистов, изменились ли его политические взгляды со времен «Русских маршей», Навальный ответил:

«У меня те же взгляды, что и тогда, когда я пришел в политику. Я не вижу проблем в сотрудничестве со всеми, кто разделяет антиавторитарные позиции. Поэтому я не возражаю, если мы сейчас на выборах поддержим коммунистов. Я не испытываю шока от того, что один из поддерживаемых нами кандидатов носит ленинский значок. У вас в Германии уже демократия. А мы должны сначала создать коалицию

из всех сил, выступающих за избирательность правителей и независимость судов. Поэтому я некоторое время пытался объединить либеральный и националистический лагерь».

1. Так вот, «Яблоко» повторяет, что категорически не приемлет национализм и считает, что в такой многонациональной стране, как Россия, это прямой путь к жестоким столкновениям и распаду. Для нас, как для либеральной партии, союз с националистами невозможен ни при каких обстоятельствах.

Именно «Русские марши», организатором и активным участником которых Навальный был в середине и конце 2000-х, во многом привели к подъему неонацистских настроений в обществе. Эти настроения вылились в погромы, нападения и убийства «инородцев» и антифашистских активистов, самое громкое из которых — убийство адвоката Станислава Маркелова и журналистки Анастасии Бабуровой в январе 2009 года.

Не лишним будет напомнить, что Навальный, называя себя «дипломированным националистом», создавал «Национальное русское освободительное движение «Народ» вместе с Захаром Прилепиным — будущим певцом «русской весны» на Донбассе и активным участником боевых действий. Националистическая карта Навального, занявшего второе место на выборах мэра Москвы в 2013 году, уже через год была разыграна Путиным в Крыму и на Донбассе.

Повторю: свою позицию по национализму Навальный заявил не только пятнадцать лет назад, но и вновь подтвердил в октябре 2020 года, а перед этим в апреле 2017 года.

2. Навальный намерен поддерживать коммунистов. Причислять коммунистов к тем, кто стоит на антиавторитарных позициях — это политическая и историческая малограмотность и наивность. Несменяемость власти, полная зависимость судов от власти, политические репрессии, как хорошо известно, лежат в основе коммунистической идеологии и практики. Система Путина — это коммунистический подход в условиях постмодерна или, иначе говоря, необольшевизм в современной обертке. Надо понимать, что поддержка коммунистов, о которой говорит Навальный, — это поддержка Путина и его политики. Для нас это неприемлемо — мы не будем ни поддерживать,

ни объединяться с коммунистами, ни проводить их совместную с Навальным политику. В сегодняшней России «объединение» националистического, либерального и лево-коммунистического лагерей, о чем говорит Навальный, нам представляется невозможным и ненужным.

3. Направляясь в Россию из Берлина в январе этого года, Навальный призвал своих сторонников — «Встречайте!», а его ближайший соратник Волков разъяснял, что для привлечения к Навальному общественного внимания призывает выходить на протестные акции и, понимая последствия, сознательно бросает людей, как он выразился, «в топку». Они прекрасно знали, что много людей сядет в тюрьму.

В результате, только по официальным данным, 17,6 тысяч человек были привлечены к административной ответственности, многие из них отбывали административный арест в нечеловеческих условиях спецприемников. По меньшей мере 116 человек из 37 городов уже стали фигурантами уголовных дел. На сегодняшний день, как минимум, 16 из них получили реальные сроки (зачастую большие, чем у самого Навального), 17 человек ждут приговора в СИЗО.

Такая политическая практика — «цель оправдывает средства» и люди — это «мусор для топки» — нас категорически не устраивает. И мы НЕ будем проводить такую политику.

4. Мы считаем политической провокацией (трудно представить, что кто-то в это реально верит) беспардонный популизм политических соратников Навального о том, что путинский режим боится протестов, и если «поднажать», то вот-вот неминуемо рухнет. Это глупость и шапкозакидательство, опасный обман людей. В результате люди недооценивают риски, а режим все туже закручивает гайки, ломая новые и новые судьбы, уничтожая целые организации и медиа. По нашему мнению, впереди длительная и тяжёлая политическая борьба за свободу и современную Россию. «Яблоко» не будет лгать людям и заниматься популизмом, а потому и в этом не поддерживает политику Навального, не будет ее осуществлять.

5. Мы не поддерживаем политическую подмену глубокой и всесторонней экономической реформы примитивным уходом влево и разжиганием социальной розни путем бесконечных избирательных разоблачений непонятно в чьих интересах. Это игра на низменных

чувствах людей, усиливающая социальное напряжение и вызывающая ненависть к богатым, среди которых немало честных и способных людей. Если довести эти чувства до высокого градуса, то жертвами передела станут отнюдь не коррумпированные высокопоставленные чиновники и олигархи — их будут защищать силовики, а средний класс. Как это уже бывало в российской истории. Иначе говоря, мы не поддерживаем политику социальной розни Навального.

6. Мы не поддерживаем «умное голосование» и считаем, что оно уже 10 лет (со времен известного лозунга «голосуй за кого угодно, кроме ЕР» 2011 года) наносит серьезный вред стране, активно поддерживая безоговорочных сателлитов ЕР. Как показывают независимые экспертные оценки, главными выгодоприобретателями УГ становятся парламентские партии, ничем не отличающиеся от ЕР. Например, на региональных выборах 2020 года 90% избранных при поддержке УГ депутатов были представителями думских партий (включая «Родину», которую тоже возглавляет член фракции ЕР в Госдуме). Позиция, высказанная одним из самых известных и авторитетных сторонников Навального, процитированная Вами, Алексей Алексеевич, в Вашем твиттере, выглядит так: «…голосование в соответствии с рекомендациями «умного голосования» — это самый эффективный удар по российской власти — будь то люди, которые поддерживают Сталина или даже являются открытыми гомофобами и расистами…» На наш взгляд, этот пассаж исчерпывающе отвечает на вопрос, почему мы такую политику не поддерживаем.

7. Мы не поддерживаем политический «суд Линча» — политику травли и злобы, которые сторонники Навального регулярно устраивают тем, кто позволяет себе с ними не согласиться. И это касается не только нас — уже не первый год наблюдаем позорную грубую травлю одного из наиболее квалифицированных и серьезных экономистов страны, позволившего себе высказать замечания к экономическим прожектам, написанным кем-то для Навального.

К счастью, Навальный публикует свои посты почти каждый день и регулярно высказывается по актуальным вопросам в социальных сетях. Так что ознакомиться с его точкой зрения на текущие события у Вас, Алексей Алексеевич, при желании нет проблем.

Почему же Вы, Алексей Алексеевич, растерялись? Однако да, для этого все же есть основания. Скоро 10 лет, как многие журналисты «Эха» и других уважаемых и не очень уважаемых изданий фанатично поддерживают Навального, а Вы так и не поняли, в чем его программа. Это трудно. Надо думать. В популизме вообще сложно разбираться. Например, когда он говорит про Донбасс, то в одних случаях заявляет, что воевать не надо, но только потому, что война России сейчас не по карману, в других — мотив участия Гиркина-Стрелкова в войне на Донбассе определяет как «романтический настрой» («как Вы сказали, взял свою трехлинеечку и пошел куда-то воевать. Это, может быть, и хорошо, может быть, в тот момент Вы сделали какую-то правильную вещь в соответствии со своими убеждениями»). Там, на Донбассе, 13 тысяч людей погибли (в Афганистане за 10 лет погибли 15 тысяч советских военнослужащих). Пассажирский Боинг сбили, полный людей. Навальный дважды заявил в ходе той беседы, что «русские — крупнейший разделенный народ Европы». Примерно так и Путин считает. Заодно определил российскую бизнес-элиту по-сталински — «безродными космополитами», назвал ее «компрадорской». Разве непонятно, куда ведет политика «разделенного народа» и «безродных космополитов»? Все это крайне опасный и в принципе неприемлемый популизм, и мы никогда его не поддержим.

Понимаю Вас, Алексей Алексеевич, для Вас такое уже слишком. Вот Вы и растерялись, все же вокруг Вас за Навального (как раньше все они же были за Чубайса, а теперь ему руку не подают), и Вы решили срочно перестать понимать политику Навального. Потому как соглашаться нельзя — Вы же приличный человек — и критиковать нельзя — как же против коллектива. Лучше не понимать.

Вот я и разъяснил уже в третий раз — в чем политика Навального и почему мы ее не поддерживаем. Когда я учился в школе № 4, в городе Львове, в 7 классе, наш учитель физики, Мирослав Иванович, после третьего объяснения двоечникам решения задачи говорил: «Опять не понял? Ладно, не огорчайся. Ты не виноват. Претензии к родителям».

В стране серьезнейшие проблемы: эпидемия, дикая смертность, Афганистан, рост цен, репрессии, «трехдневные выборы», искорежен-

ная Конституция, изоляция, неэффективная экономика — вместо всего этого журналисты обсуждают только сюжет с А. Навальным, а сам А. А. Венедиктов болезненно интересуется «в чем политика Навального» и предлагает обсуждать ее только тогда, когда сам ее поймет. Уверен, что теперь он понял. Только что тут обсуждать — и так всё ясно.

И, наконец, часто говорят, что Навального не следует критиковать, поскольку он сидит в колонии. Но ведь журналисты «Эха» или «Дождя» ни о чем больше говорить, спрашивать, обсуждать не хотят и сами при каждой встрече мусолят только эту тему. Я же писал статью в феврале и сейчас говорю вовсе НЕ О НЕМ, а О СИСТЕМЕ ВЗГЛЯДОВ, носителем которых он является, и отнюдь не только он.

Я и мы все желаем Алексею Навальному здоровья и сил, скорейшего освобождения. Это, безусловно, его право иметь свою политическую линию, принципы и подходы. Но мы их категорически не разделяем.

Мы считаем важнейшей нашей задачей и целью — полное и всестороннее расследование отравления Навального. Но его политика — это другой вопрос, и проводить ее в жизнь мы не будем — она вредна и опасна для нашей страны. И потому просим его сторонников за нас не голосовать, т.к. мы честно говорим, что политику Навального реализовывать не будем.

Уважаемый Алексей Алексеевич, если Вас вдруг заинтересует, какую политику мы будем проводить, посмотрите нашу предвыборную программу.

«Можете всю жизнь голосовать за Путина, он всегда пройдет»

14 июля 2021 г., «Новая газета»

Григорий Явлинский о том, как изменилась ситуация в стране за последний год. Интервью редактору отдела политики «Новой» Кириллу Мартынову.

Кирилл Мартынов — Григорий Алексеевич, вы в этом году впервые, кажется, не идете на выборы в Государственную Думу. Почему? И насколько это тяжелое решение для вас?

Григорий Явлинский —Не в этом году. Я вообще не иду на выборы впервые, начиная, если говорить о том, когда начались выборы после 1993 года. Это серьезное решение. Очень существенно изменилась политическая ситуация в стране, и я полагаю, что сейчас нужно изменить подходы к политике, и поэтому я принял такое решение в отношении самого себя. Кроме того, нужно, чтобы молодые люди шли в политику, потому что впереди трудные времена и нужно, чтобы как можно быстрее они набирались опыта. Мы специально создали такую систему, при которой люди, которые хотят участвовать в политике, могут конкурировать на равных основаниях во всей стране. И поэтому нет этого «президиума» в виде такого федерального списка, нет аксакалов, это означает приход нового поколения в политику. Я думаю, что это правильно. А я буду участвовать в ней. Сейчас необязательно, для того чтобы участвовать в политике, иметь значок депутата Государственной Думы.

Кирилл Мартынов — Вы сказали, что политическая ситуация изменилась. Как бы вы определили природу этого изменения, и, может быть, можно сформулировать три главные вещи, которые нужно знать про современное положение дел в российской политике?

Григорий Явлинский — Знаком является изменение Конституции, я даже не знаю, какое правильное слово подобрать — уничтожение Конституции, изуродование Конституции. Этот знак означает, что эпоха постсоветской модернизации завершена. Она завершена тем, что те, кто боролся и хотел построить современное, свободное, демократическое государство после краха Советского Союза, потерпели поражение.

В России создано корпоративное, полумафиозное, суперавторитарное государство с непрозрачной и крайне неэффективной политической системой, которая ничего общего с современным европейским миром не имеет и, самое главное, иметь не желает.

Эта система во главе с Владимиром Путиным окружила себя врагами, создала конфликты практически по всему периметру и ведет двусмысленную, опасную и контрпродуктивную для России внешнюю политику, ведет несколько войн — одну в Украине, одну в Сирии, отправляет наемников куда-то там в Африку и в другие части света, для того чтобы там осуществлять, на мой взгляд, незаконную деятельность.

В такой системе — нужно это подчеркнуть особо — следующие поколения имеют очень сомнительные перспективы. А суть произошедшего в том, что это такое политическое устройство, которое выпало из времени. То есть весь мир идет в одном направлении (да, там есть большие проблемы, недостатки), а Россия выпала из времени и движется прямо в другом направлении.

Кирилл Мартынов — Складывается ощущение, что многие россияне, и в первую очередь российские элиты, в целом удовлетворены сложившейся ситуацией и рассчитывают адаптироваться к ней.

Григорий Явлинский —Возможно. Но я бы тут так сказал: это наша с вами ответственность, чтобы как можно более внятно, ясно объяснять людям, что происходит. Ведь споры продолжаются по вопросам, которые уже практически не имеют никакого смысла: ну такой будет налог, ну другой будет налог, ну такие будут экономические условия

жизни, ну другие в регионах, региональные бюджеты будут так сформированы, иначе… Таких вопросов, конечно, просто миллион, еще и COVID-19. А в этой системе эти споры не имеют значения. Потому что это система госкапитализма, в ней монополизация государственная достигла уже, наверное, 80%, в ней теперь, по существу, ликвидирована антимонопольная деятельность хоть какая-то, и это система, которая не интересуется частным предпринимательством, она не интересуется частным бизнесом, она вообще считает, что частный бизнес, как трава, — вырастет, и всё. Это система, построенная на том, что судебная система не только не является независимой, а теперь уже по Конституции напрямую зависит от первого лица, от президента. И спор идет по отдельным деталям этой системы. Представляете, мы сидим с вами в вагоне поезда Москва–Петербург и все спорим, надо ли нам останавливаться в Твери, на сколько времени, что там надо бы купить или сделать в Твери, кто живет в Твери, кто выйдет нас поприветствовать. И споры очень ожесточенные. А поезд идет в Краснодар, понимаете, он просто идет в другую сторону. Поэтому все наши споры на эти темы уже лишены смысла.

Кирилл Мартынов — А какой спор сейчас имеет смысл?

Григорий Явлинский —Некоторый смысл могут иметь вот эти выборы, которые сейчас будут.

Кирилл Мартынов — Если бы вам сейчас пришлось делать новую политическую партию с нуля, вы бы вообще ввязались в эту историю так, как это произошло в начале 90-х?

Григорий Явлинский —Это нужно было бы делать, да. Это просто очень сложно. Кстати говоря, ваш вопрос не лишен смысла, потому что наша партия… я могу завтра узнать, что она закрыта, уже в Государственной Думе этот вопрос обсуждался, это может произойти в любой момент, и мы об этом думаем. И мы размышляем о том — а как нам быть, если такое случится. Ну а как быть иначе [если не создавать политических организаций]? Иначе невозможно двигать политику вперед.

Кирилл Мартынов — Есть очевидное, мне кажется, противоречие: если мы говорим о хорошо эшелонированном государственном

капитализме и фактической диктатуре, то вопрос о создании новых политических партий выглядит риторическим.

Григорий Явлинский —Послушайте, в той системе, о которой мы с вами говорим, все является проблемой. Вы можете опустить руки, спрятаться, заплакать и уйти. Я бы так не стал поступать, я бы снова стал строить другую политическую партию. «Яблоко», скажем, организовывалась как парламентская партия.

В условиях, когда нет парламента, или то, что есть, с трудом можно назвать парламентом, да и выборы тоже весьма условные, нужно строить другую политическую организацию, но не подпольную. Потому что, как говорил выдающийся диссидент генерал Григоренко, “в подполье можно встретить только крыс”.

Ну в крайнем смысле это диссидентство, которое было в том числе и в Советском Союзе. Люди, которые участвовали в диссидентском движении, были готовы к тем последствиям, которые они принимали на себя. Они были готовы к шельмованию, они были готовы к проклятиям, они были готовы к арестам, они просто жили в соответствии со своими убеждениями. И вот я, например, бесконечно горд тем, что Сергей Адамович Ковалев является членом федерального политического комитета моей партии или, например, Валерий Васильевич Борщев.

Кирилл Мартынов — Почему «Яблоку» разрешают участвовать в выборах?

Григорий Явлинский —Ну, наверное, по той же причине, почему «Новой газете» существовать.

Кирилл Мартынов — Да, хорошо. И почему?

Григорий Явлинский —Ну так, и почему?

Кирилл Мартынов — У меня на самом деле нет полного ответа на этот вопрос, есть набор гипотез.

Григорий Явлинский —Ну так расскажите гипотезы. Правда, вы здесь задаете вопросы, как мне бы сказали в другом месте.

Кирилл Мартынов — Нет, ну у нас с вами не такое место.

Григорий Явлинский —Не такое место, хорошо. Я, кстати, хотел это оговорить. Но я вам скажу — они думают, что мы декорация и что вы декорация. А мы думаем, что мы не декорация. Вот и всё.

Кирилл Мартынов — А кто прав?

Григорий Явлинский —А вот жизнь покажет, история покажет.

Кирилл Мартынов — Где проходит та грань, когда мы с вами перестанем быть декорацией?

Григорий Явлинский —Когда мы начинаем продуктивно и правильно влиять на людей, на процессы исторические и политические, происходящие в России.

Кирилл Мартынов — Я согласен с вами, что мы находимся в этом вопросе в одной лодке, но вы — политическая партия, и, следовательно, вы официально, на уровне устава занимаетесь тем, что боретесь за власть.

Григорий Явлинский —Правильно.

Кирилл Мартынов — Мы не боремся за власть.

Григорий Явлинский —Вы не боретесь.

Кирилл Мартынов — В этом смысле вы, ну вот с этой точки зрения, как только вы претендуете на власть, вы становитесь опасными.

Григорий Явлинский —Верно. Нет, мы делаем одну и ту же работу… В принципе, мы должны были бы делать одну и ту же работу. Но это другой разговор. Да, они думают, что мы не опасны, и они делают все для того, чтобы мы не были опасны. А мы думаем, что мы сделаем все от нас зависящее, чтобы реально заставить их понимать, что с обществом нужно вести диалог. Вот и всё, вот в этом наша цель.

Да, мы против партизанщины, мы против крови, мы против насилия принципиально. Мы хотим, как гражданская политическая сила, заставить власть с нами разговаривать.

Но мы можем это сделать, если за нами будут много миллионов человек. Их задача — разрушить мозги этих всех многих миллионов людей, погрузить их в какую-нибудь такую бессмыслицу и не дать им воспользоваться тем шансом, который на самом деле им предоставляет «Яблоко» и, скажу откровенно, «Новая газета», если не подведу вас только этим. Думаю, что не подведу.

Кирилл Мартынов — Нет, не подведете. Как мне кажется, наша позиция в газете сейчас заключается (я не знаю, правильная она или нет) в том, что мы хотим честно рассказывать обо всем, что происходит в стране, но мы не политическая организация.

Григорий Явлинский —Кирилл, это принципиальная ситуация. Если вы готовы к обсуждению этой ситуации, то я в вашем распоряжении, но это уже тогда разговор про газету, а не про меня.

Кирилл Мартынов — Да, согласен.

Григорий Явлинский —И здесь разговор очень серьезный. Потому что я думаю, что вы ошибаетесь. И если вы посмотрите на примеры в мире, то вы убедитесь в этом.

Кирилл Мартынов — Какой пример для нас наиболее…

Григорий Явлинский —Да любой, любой — «Нью-Йорк Таймс» или «Вашингтон Пост», «Гардиан» — да любую газету, какую вы назовете, я вам в один момент покажу, что она не занимается просто обществом, она занимается политикой.

Кирилл Мартынов — Хорошо, давайте здесь многоточие поставим.

Григорий Явлинский —Ну мы оставим. Я всегда в вашем распоряжении, хоть публично, хоть не публично.

Кирилл Мартынов — Спасибо. Последний раз фразу о том, что они думают, что они нас используют, а мы стараемся использовать их или играть в свою собственную игру…

Григорий Явлинский —Нет, не так. Они думают, что они нас используют, а мы делаем свою работу. Вот так.

Кирилл Мартынов — Хорошо, это более корректная формулировка. Я слышал похожие слова от Дмитрия Гудкова несколько лет назад, когда он пытался создавать «Партию перемен». В чем он ошибся, на ваш взгляд?

Григорий Явлинский —Я не знаю, он просто ее не смог создать. В чем он ошибся? В том, что он, например, поддержал Собчак, если уж об этом говорить.

Кирилл Мартынов — Получается, что его использовали?

Григорий Явлинский —Когда он поддержал Собчак?

Кирилл Мартынов — Да.

Григорий Явлинский —Ну разве здесь есть вопрос? Тут вопроса нет.

Кирилл Мартынов — Хорошо, я попробую вернуться к первому вопросу — про ваше участие в выборах — и связать его с тем, что мы сейчас обсуждали. Один, на мой взгляд, умный политический

аналитик в контексте отставки Кузьминова из Высшей школы экономики так описал структуру авторитаризма. В авторитаризме есть первое лицо государства, и есть какие-то начальники, сидящие на своих местах, которые с ним лично знакомы. А выживание институтов — будь то хороший университет, хорошая газета, хорошая радиостанция и, возможно, хорошая политическая партия — в этих условиях зависит от того, что эти два начальника знакомы лично друг с другом. Так что в картине мира самого главного, верховного начальника понятно примерно, чем они занимаются. В этих условиях, как только вот эта связь между национальным лидером, вождем и публичным лицом какого-то проекта распадается, проект умирает. Не считаете ли вы, что сейчас вы находитесь с «Яблоком» в подобной ловушке?

Григорий Явлинский —Возможно. Потому что вот эта схема, она имеет… Я о ней не читал, но она имеет право на существование. Правда, у меня есть один вопрос. Мне кажется, что Ярослав Кузьминов не разводился? А его супруга не просто в окружении, она просто первая скрипка в экономической политике, первая. Все это правительство — это все такое, вторичное.

Там другое дело. Ярослав Кузьминов из другой эпохи. Я лично его уважаю и благодарен ему за то, что он создал «Вышку», он ее создал с нуля, от начала до конца, и не всегда ему все шли навстречу. Я его лично знаю, мы не являемся близкими товарищами, но я его очень уважаю и хочу ему выразить, если это уместно, всяческую поддержку. Но он оказался, видимо, — вот мое объяснение, — он, видимо, оказался не слишком полицейским, а там студенты, а студенты — люди свободные, а там еще такие преподаватели, похожие на вас, которые тоже хотят быть свободными. Он их ограничивал (чтобы не говорить другие слова) насколько мог, ну а дальше, видимо, сказал, что — все, это вот грань, дальше я не буду. Не будешь? Отдохни. Вот и всё.

Кирилл Мартынов — <…> Мы не знакомы с Ярославом Ивановичем лично, но я целиком вас поддерживаю в оценке значимости созданного им института — «Вышки».

Григорий Явлинский —Сейчас «Вышка» — актуальный вопрос, и не только «Вышка». Потому что актуальным вопросом становится но-

вое поколение. И если вы не являетесь достаточным цербером, достаточной такой полицейской дубиной, то вас будут отодвигать.

Кирилл Мартынов — Да, это просто тоже отдельная тема, и она очень важная. Я просто хотел спросить, видите ли вы здесь некоторую аналогию с «Яблоком». Давайте я чуть более жестко сформулирую этот вопрос. Вот Володин прославился своей фразой про то, что не будет Путина — не будет России. Ну это смешная фраза и страшная одновременно…

Григорий Явлинский —Совсем не смешная, она серьезная.

Кирилл Мартынов — Нет ли в этом авторитаризме такого механизма, когда в этой фразе можно заменить фамилию и организацию или структуру и получится то же самое: нет Муратова — нет «Новой газеты», нет Венедиктова — нет «Эха Москвы», нет Явлинского в списке — нет «Яблока»?

Григорий Явлинский —Ну может такое быть. А мы попробуем. Правда, вы знаете, сколько лет я уже не председатель партии? 13 лет. Я 13 лет не имею права подписи финансовых документов, и я 13 лет не могу никого принять на работу и уволить.

Мы учимся, как работать в других условиях в нашей стране, в которой авторитаризм, диктаторство, к сожалению, как омерзительные традиции распространены. И вот теперь я делаю новый шаг.

Я хочу, чтобы фракция училась работать самостоятельно, и чтобы росли политические лидеры. Это очень трудная ситуация, но это надо делать. Вот вам такой ответ. Я постараюсь доказать, что новое поколение тоже может работать. Я же тоже не все понимаю. Вот молодые люди лет 30–40, они по-своему видят мир, и они по-своему знают, как его организовывать, или надеются. Я буду им помогать. Я уже однажды сказал, чем вызвал какое-то удивление: я готов быть помощником наших ребят, если они пройдут в Думу, что неизвестно. Но если пройдут, я готов быть помощником.

Кирилл Мартынов — Большую реакцию вызвала ваша рекомендация сторонникам Навального не голосовать за «Яблоко» на выборах. Читали ли вы то, что люди об этом пишут в интернете, и не жалеете ли вы об этой формулировке?

Григорий Явлинский —Нет, я готов ее повторить еще раз. Я не хочу их обманывать. Есть сторонники Навального, они, очевидно, хотят, чтобы в стране осуществлялись такие политические направления, которые представляет собой Алексей Навальный. Мы их не будем реализовывать, и я их не хочу обманывать. Я не хочу говорить накануне выборов, что вы, пожалуйста, за нас проголосуйте, а потом отказываться от проведения такой политики. Так не будет. Я им говорю сегодня: мы не будем проводить политику Алексея Навального, мы не будем, потому что мы с ней не согласны. Мы другую задачу будем решать, но это уже другой вопрос.

Кирилл Мартынов — У вас совсем нет общих ценностей с Навальным?

Григорий Явлинский —Я не знаю, наверное, есть, он же живой человек. Если уж вы, как и все, решили поговорить о Навальном, пожалуйста: для нас принципиально важно — это расследовать его отравление, чем уже никто не хочет больше заниматься. Для нас это имеет абсолютно ключевое значение, это записано в нашей программе, если вы ее видели, официальную программу, которую мы сейчас подали на регистрацию вместе со списками. Прямо в первых строках — что самым принципиальным вопросом является освобождение политических заключенных, но еще раньше — расследование отравления Навального. Потому что отравление Навального стоит в одном ряду с тем, что произошло с Немцовым, с тем, что произошло с Кара-Мурзой, с тем, что произошло с Куашевым, с тем, что произошло с Щекочихиным, который, как всем известно, был членом «Яблока» и умирал прямо на глазах от отравления. И я много знаю об этом, потому что со мной разговаривали врачи, которые потом куда-то исчезли. Короче, я очень точно сформулирую: мы хотим точно знать, существуют ли в России «эскадроны смерти», существует ли в России политический терроризм. Мы хотим это выяснять, и это один из принципиальных пунктов нашей политической программы.

Кирилл Мартынов — Ваша метафора про поезд, который идет в Краснодар, мне кажется, может подходить и к этому сюжету. Допустим, сторонники Навального хотят какой-то принципиально другой России как политической цели по сравнению с идеями «Яблока».

Однако не является ли это спором об остановке в Твери в нынешних условиях, когда действуют «эскадроны смерти», когда политический террор является нормой, когда в стране растет число политзэков самого разного толка, и каждый из нас, в общем, рискует повторить эту судьбу? Не является ли в этой ситуации долгом людей проголосовать за «Яблоко» с такой программой вне зависимости от того, являются они сторонники Навального или нет?

Григорий Явлинский —Да, но возможность-то у них такая остается. Если они понимают то, что вы сказали, что так сложились обстоятельства, что у них нет своей партии, а есть «Яблоко», то пускай выбирают, но только знают, что политическую программу Навального, в смысле политические программы Навального — национализм и все прочее — мы не будем выполнять.

Кирилл Мартынов — То есть все-таки тем сторонникам Навального, которые хотят расследования отравления, освобождения политзэков и прекращения политического террора, вы рекомендуете голосовать за «Яблоко»?

Григорий Явлинский —Нет, я говорю — у них есть такая возможность, пусть они принимают решение. Вот рекомендовать или не рекомендовать — это дело вашей газеты, а не мое. Я должен быть со своими избирателями честен, и я им честно говорю: программу коммунистов мы выполнять не будем, программу Жириновского мы выполнять не будем, программу так называемой «Справедливой России» мы выполнять не будем, против политики и программы Владимира Путина будем бороться всеми силами, не будем выполнять и программу Навального.

Кирилл Мартынов — Я все-таки не совсем понимаю здесь границы. Не является ли остановка и прекращение политического террора наиболее важной политической задачей на ближайшее время и почему в этих условиях сторонники Навального не являются вашим электоратом?

Григорий Явлинский —Это им решать. Ну вот что? Это им решать. Если являются, пусть голосуют.

Кирилл Мартынов — Григорий Алексеевич, я не понимаю, почему вы не сказали: хотите, чтобы в стране не было политического террора,

голосуйте за нас. Если бы вышли с этим тезисом, то общественная реакция же совсем другая была бы.

Григорий Явлинский —Нет, еще раз.

Во-первых, Кирилл, я должен вам сказать, я не могу пообещать, что если у «Яблока» будет 5%, мы прекратим этот террор.

Кирилл Мартынов — Это очевидно, да.

Григорий Явлинский —Хорошо. Ну хоть это очевидно. А во-вторых, это вещь настолько очевидная, что все это должны понимать сами. Я считаю моих избирателей умными. Я им говорю, что вот политическая программа, наша политическая программа вот такая, вот это мы не будем делать — мы вам говорим честно, — и еще много чего не будем делать, а вот это будем. Вы сами можете… Если вы за свободу, там же написано, программу возьмите нашу и прочтите, все, кто за это, пускай голосуют. Но мы не будем выполнять другие программы, будем вот эту выполнять. Поэтому я вас не обманываю. Просто немножко с улыбкой я вам должен сказать, что, может быть, вы впервые столкнулись с тем, что политик не обманывает. Ну вот я стараюсь, я учусь не обманывать.

Кирилл Мартынов — А что важнее — не обманывать или пройти в Думу?

Григорий Явлинский —Зачем проходить в Думу, если ты будешь обманывать, для чего, какая от тебя будет польза? Ты же дальше будешь обманывать. А потом ты сделаешь так, как сделали в 1993 году — обменяли амнистию на расследование убийства людей в Белом доме. Кто? Те, кого убивали. Я эти уроки получил. Мы пришли с тем, что первая же Дума должна заняться, прежде всего, парламентским расследованием расстрела Белого дома, кто до этого довел. Тогда еще я сформулировал заявление о “братоубийстве”. Знаете, есть доведение до самоубийства, а это было политическое доведение до братоубийства. И мы требовали. Но Кремль предложил коммунистам и ЛДПР, а давайте мы амнистию проведем, а вы закроете расследование. И они все согласились. Все, кроме «Яблока». Вот так это и делается, если обманываешь.

Кирилл Мартынов — Это важный пример для нашей истории, но он, кажется, не является единственным и у нас, и в целом в мире.

Скажем, если посмотреть на историю Польши и «Солидарности». Очевидно, что там были антикоммунистические настроения, которые объединили самых разных людей, — нужно остановить диктат Коммунистической партии, это нас объединяет, мы должны это сделать, после этого мы все перессоримся на следующем этапе. Почему сейчас у нас не такая ситуация?

Григорий Явлинский —У нас не такая ситуация. В «Яблоке» есть много разных людей — есть социал-демократы, есть правые либералы, есть социальные либералы, есть просто демократы. Если бы была многопартийная система нормальная, то такого разнообразия внутри одной партии бы не было. Мы из-за этого очень часто сталкиваемся с большими внутренними проблемами. Но есть определенная граница. Скажем, гомофобия, национализм, расизм, сталинизм — всё, есть граница.

Понимаете, есть расисты, но они тоже против авторитарного режима или не любят Путина. Почему мы должны с ними сотрудничать?

Кирилл Мартынов — Речь ведь не идет о том, чтобы вы приняли Навального в «Яблоко» или приняли в свои ряды активистов Навального. На мой взгляд, драма, которая разворачивается сейчас, — это вопрос о том, дает ли «Яблоко» людям какую-то надежду. Допустим, я человек, который, может, и не читал никакие программы, может, не такой уж и умный, но я понимаю, что в стране происходят какие-то чудовищные вещи, я не хочу, чтобы людей сажали, и я пойду и проголосую за какие-то базовые вещи — за свободу и против террора.

Григорий Явлинский —Ну мы будем очень признательны и будем благодарны. Но мы предупреждаем, что вот эти вещи для нас являются абсолютной ценностью, мы за них будем бороться. Но когда мы будем за них бороться, мы не будем реализовывать программы, ну еще раз повторю, Навального. И мы поэтому говорим честно вам как избирателю: вы выбирайте, что для вас важнее.

Да, это необычный разговор в ходе избирательной кампании. Но вы знаете, почему он получился? Потому что, к великому сожалению, мы остались одни. Потому что если бы было три-четыре партии, как было раньше, так вот тогда все конкурируют за избирателя, выбирают, просят… Это конкуренция, понимаете, когда фундаментально

они за одно и то же, но у них есть различия. У нас другое положение, понимаете.

А нам же (мы еще с вами это не задевали) проталкивают «умное голосование». Мы против «умного голосования», и нам оно представляется исключительно опасным для страны, и мы уже десять лет это наблюдаем — куда ведет «умное голосование». И мы считаем это абсолютно неприемлемым. Более того, считаем, что «умное голосование» — это прямая поддержка «Единой России» и поддержка политики Путина, — вот что такое «умное голосование».

Кирилл Мартынов — Некоторые сторонники Навального, в частности, Олег Степанов, утверждали в ходе последних событий, что в частных разговорах представители «Яблока» говорили, что выдвигать список с большим количеством активистов, участвовавших в последних протестах, занимающих известную такую непримиримую позицию по отношению к Владимиру Путину и рискующих стать политзэками или уже являющимися ими, просто слишком опасно для партии — ее могут снять с выборов. И поэтому, по их версии, «Яблоко» с ними не готово сотрудничать.

Григорий Явлинский —Нет, я этого не слышал. Но я хочу сказать, это же список. У нас было 1600 заявлений, мы смогли удовлетворить 400.

Ну конечно, на первом месте те, кто с нами работает десятки лет. Мы же не трамвай и не такси, почему мы должны брать прекрасного человека, который с нами не работал, не сотрудничал. Почему, с какой стати?

Ну, например, мы не взяли (я не хочу ничьи фамилии называть, но вы, если назовете, то и я буду называть) Сидорова, а на его место поставили нашего Иванова, с которым мы десять лет сотрудничаем, который работает в «Яблоке». Например, у нас есть такие люди, как Шлосберг, я что, Шлосберга должен снять, а вместо него поставить Степанова, что ли? С какой стати? Потому что товарищ Сидоров, он к нам идет зачем? Да не нужны мы ему, ему не хочется подписи собирать, вот и все, простой вопрос.

Кирилл Мартынов — Один наш общий знакомый сказал, что вот эта риторика, которую вы сейчас воспроизводите, ему хорошо понятна:

нельзя использовать «Яблоко» как трамвай, которым ты пользуешься раз в пять лет, когда тебе не нужно собирать подписи.

Григорий Явлинский —Так это всем понятно.

Кирилл Мартынов — Но ведь есть другие примеры. Вот, насколько я знаю, Марина Литвинович не активистка «Яблока».

Григорий Явлинский —Вот это другой вопрос.

Кирилл Мартынов — Но с Литвинович вы готовы сотрудничать.

Григорий Явлинский —Да.

Кирилл Мартынов — А с какими-то другими людьми, которые к вам приходят, потому что они не хотят собирать подписи, вы сотрудничать не готовы?

Григорий Явлинский —Да.

Григорий Явлинский —А в чем разница?

Григорий Явлинский —Она личность, у нее есть заслуги. Она написала такую брошюру про Беслан, которую не написал никто. Она обошла три тысячи заключенных, и ее выгнали из ОНК за это, за то, что она смелая. Я этого еще не проверял, но если это правда, что она вышла вчера против Лаврова [с призывом снять его с выборов]…

Кирилл Мартынов — Да, она сделала так.

Григорий Явлинский —Вот я ее поддерживаю, это правильно она сделала. Почему же ее не поддерживать-то?

Кирилл Мартынов — У меня есть серия вопросов, которые вам, ну вам или партии, задают люди в интернете, и они мне кажутся важными, но эти вопросы — не мои. Я буду их цитировать.

Григорий Явлинский —Хорошо, что вы предупредили.

Кирилл Мартынов — Да. Первый вопрос такой. «Яблоко» боится выдвигать кандидатов Навального, потому что если это случится, то «Яблоко» пойдет за Навальным, партия будет признана нежелательной экстремистской организацией, кто-то окажется в тюрьме, а еще, не дай бог, если вдруг будет высокий уровень поддержки «Яблока», то вы превратитесь для властей из декорации во что-то более угрожающее.

Григорий Явлинский —Хорошо.

«Яблоко» не хочет выдвигать сторонников Навального по принципиальным соображениям, потому что мы не разделяем их взгляды.

Кирилл Мартынов — Вы не боитесь?

Григорий Явлинский —Ну мы не хотим, чтобы нас уничтожили, но не в этом дело. Потому что нас могут уничтожить и за Пивоварова…

Кирилл Мартынов — Ну и за Шлосберга.

Григорий Явлинский —И за Шлосберга. Тогда о чем разговор-то? Вот я вам отвечаю. И за ту же Литвинович.

Кирилл Мартынов — Еще видел текст с таким содержанием в интернете: «Яблоко» участвует в операции администрации президента с кодовым названием «Забыть Навального», Навального как фактора российской политики. Не должно быть такого политика, следовательно, не должно быть тех людей, которые его поддерживают, в списках любых партий и вашей, в частности.

Григорий Явлинский —И поэтому мы требуем расследования отравления в нашей официальной программе? Почитайте нашу официальную программу, она с этого начинается, и там написаны слова, которые так дороги тем, кто написал этот пост, — расследовать отравление, по буквам — Алексея Навального. А что касается… дай ему бог здоровья, пусть он будет здоров, пусть он живет сто лет, пусть он работает, мы будем с ним конкурировать, мы будем с ним дискутировать, мы его очень хорошо знаем, он восемь лет был в «Яблоке» и будем очень рады, если у него изменятся политические взгляды. К сожалению, они не меняются.

Кирилл Мартынов — Ну да, сначала надо выйти на свободу, а потом уже объявить о том, что его политические взгляды либо изменились, либо не изменились.

Григорий Явлинский —Он пишет посты каждый день, так что у него большая возможность.

Кирилл Мартынов — Опять вопрос, который, как мне кажется, людей волнует. Один известный социолог написал: «Голосовать за «Яблоко» по спискам ни в коем случае не нужно, потому что это голоса за «Единую Россию». В округах можете проголосовать за кандидатов, если вы считаете, что они могут пройти».

Григорий Явлинский —Этого я не понимаю. Объясните, что такое голосовать за «Яблоко» — за «Единую Россию»? Это потому что мы…

Кирилл Мартынов — Не наберете 5%, да.

Григорий Явлинский — Ах, в этом смысле? Дорогие мои, это вы решайте, это вопрос вашей совести и принципиальности. Можете голосовать за «Единую Россию», она точно пройдет. Или голосуйте, я не знаю за кого, — за Жириновского, он, скорее всего, тоже пройдет. И вы сохраните свой драгоценный голос, пожалуйста, это у вас всегда есть такая возможность. Вообще, можете тогда всю жизнь голосовать за Путина, он всегда пройдет.

Кирилл Мартынов — Последний вопрос в этой серии цитат. Самое, наверное, такое трагикомичное, что я читал по поводу этой дискуссии — это своего рода повторение знаменитого лозунга: «Назло бабушке отморожу уши». Люди пишут так: «Если Явлинский не хочет, чтобы за «Яблоко» голосовали сторонники Навального, то нужно пойти и проголосовать».

Григорий Явлинский — Ну хорошо.

Кирилл Мартынов — Вы были бы рады, если бы так случилось? Протестное голосование, против вас направленное. Как вам такое?

Григорий Явлинский— Лично против меня?

Кирилл Мартынов — Да, но в поддержку «Яблока» при этом.

Григорий Явлинский— Это, наверное [люди пишут], потому что жара большая, потому что это ку-ку такое. Я еще раз хочу сказать, ситуация в стране очень серьезная, драматическая, и я хочу всем предложить, может быть, впервые такая драматическая, очень осмысленно голосовать, особенно аудитории вашей замечательной газеты. Это очень важно, сейчас очень нужно осмысленно, честно, глубоко продумать все и проголосовать. И я всегда открыт перед вами всеми, я имею в виду сейчас наших зрителей и слушателей. Друзья, я перед вами всеми открыт, вы можете меня спрашивать о чем угодно, в любое время, я буду отвечать часами, я готов к вам приходить, приезжать, встречаться

Кирилл Мартынов — Сейчас много говорят об осмыслении новейшей российской истории — наверное, потому, что тридцать лет событиям 1991 года. Я предлагаю такой мысленный эксперимент: учебник российской истории, написанный в 2100 году. Проходит сто лет, совершенно все меняется, какие-то другие силы действуют, будем надеяться, что страна сохранится все-таки, несмотря на все усилия

наших властей. Как вы думаете, что там про вас и про «Яблоко» напишут в этом учебнике? И что бы вы хотели, чтобы там написали?

Григорий Явлинский — Вот что напишут, я не знаю. А что бы я хотел, я скажу. Вот я хотел бы, чтобы появилась такая статья в Википедии, или как это будет тогда называться, которая была бы посвящена тому, что в России в 1917 году была революция, потом был советский режим, потом были реформы, потом они оказались неудачными, потом к власти пришел авторитарный режим, коррумпированный, а потом удалось изменить эту ситуацию в принципе, и в России появились возможности, появилась свобода, молодые люди перестали уезжать, ученые перестали уезжать, наоборот, со всего мира стали люди приезжать, Россия стала одной из самых интересных и прогрессивных стран мира, в которой есть свобода, уважение к человеку и, самое главное, жизнь без страха. Жизнь без страха. А дальше там сноска: «В этом приняли участие…». И вот мне бы очень хотелось, чтобы в огромной сноске, где будет много-много всяких людей, названий организаций, было написано — партия «Яблоко». Григорий Явлинский, «Новая газета», Дмитрий Муратов. Вот я хочу быть таким history footnote (примечанием к истории. — *Ред.*), таким правильным примечанием. Я люблю свою страну.

«Это будет война не с Украиной, а со всем западным миром»

14 июля 2021 г., радио «Комсомольская правда»

Владимир Ворсобин — Григорий Алексеевич, я понимаю, что этот вопрос вам задавали. Если бы в выборах участвовали вы и Навальный, я бы долго думал на самом деле, за кого из вас голосовать. И, может быть, я бы проголосовал для начала за Навального. А теперь, когда вы сказали, что не нуждаетесь в моем голосе, зачем вам нужно, чтобы я за вас не голосовал? Это ваша взвешенная позиция или вы это сказали сгоряча?

Григорий Явлинский — Я много раз уже отвечал на этот вопрос. Смысл такой. Я не буду и все наши товарищи и моя партия, мы не будем выполнять политику Навального. Мы просто вас не хотим обманывать, а вы к этому не привыкли. Вы привыкли, что вам любая партия скажет: вы за меня проголосуйте, я буду делать, что вы хотите, хоть на голове стоять, хоть плясать, хоть что. А потом они будут выполнять совсем другое. Я предлагаю другой подход. Я вам говорю: дорогие друзья, я буду выполнять политику другую. И говорю какую. Например, в области свободы, прав человека, закона, человеческого достоинства, экономическую программу, экологическую программу, программу поддержки бедных людей, программу свободы. Если вас эта программа интересует, я буду вам очень благодарен, голосуйте. Но я вам сразу говорю, я не буду выполнять программу Жириновско-

го, я не буду выполнять программу Навального, я не буду выполнять программу коммунистов.

Владимир Ворсобин — Григорий Алексеевич, а чем программа Навального (вы так говорите, хотя эта программа не особо известна)… Известно, что вы находитесь в одном спектре политических сил.

Григорий Явлинский — Это что такое — спектр политических сил, как вы его определяете? Вы мне теперь объясните, как мы находимся, в каком спектре? Вот мою программу можно прочитать. А вы мне расскажите, за какую программу вы собираетесь голосовать. Вы только что сказали: я не буду голосовать за вас, я буду голосовать за него. Прекрасно. Так скажите, за что вы будете голосовать.

Владимир Ворсобин — Григорий Алексеевич, знаете, за что я не буду голосовать? Я буду голосовать за тех людей, которые будут разоблачать коррупцию в России, а вы, кстати, в своем открытом письме написали следующее: «Мы не поддерживаем политическую подмену глубокой, всесторонней экономической реформы примитивным уходом влево и разжиганием социальной розни путем бесконечных разоблачений, и непонятно, в чьих интересах». И дальше вы говорите: «Мы не поддерживаем политику социальной розни Навального». То есть люди, которые разоблачают, по сути, грабеж нашего населения разными олигархами, вы это называете социальной рознью. Вас смущает то, что выносятся наверх эти темные делишки, кстати говоря, часто кремлевских лиц. И вы говорите своим избирателям: это будет плохо для среднего бизнеса, потому что это мы проходили уже, что народ сейчас окрысится на богатых, этого допускать никак нельзя. Я абсолютно с вами не согласен. Потому что чистить эти авгиевы конюшни нужно. Я скорее за это не буду голосовать.

Григорий Явлинский — Я понял вас. А вы теперь мне объясните. Вот он разоблачает уже десяток лет. И что? Вы мне результаты расскажите.

Владимир Ворсобин — Один могу рассказать. Я только что приехал из Мордовии. После того как Навальный на своем вертолетике показал виллу Гришина (это сын ректора одного из столичных вузов), а также детей бывшего губернатора Мордовии и Самары Меркушкиных, буквально через полгода–год заработала правоохранительная

машина. История кончилась тем, что и Гришин (сын) посажен, и Меркушкин (сын Меркушкина) посажен. И сейчас ведутся дальнейшие раскопки вот этой истории. И это не единичный эпизод, когда Навальный начинает антикоррупционные меры, которые в итоге приходится поддерживать государству.

Григорий Явлинский — Я слышу от вас первый раз. Я обязательно перепроверю, какая есть здесь связь. Я больше таких примеров не знаю, но если это так, хорошо, пусть будет. Я не могу вам сказать, но я не занимаюсь такой политикой. У меня политика другая, я хочу переделать систему, в которой есть эта коррупция. А я точно знаю, что во всем мире все всегда борются с коррупцией. А я хочу сделать такую у нас систему, чтобы ее было мало, этой коррупции, чтобы ее почти не было, чтобы люди жили свободно (это можно сделать), а не ловить Сидорова, Иванова, Петрова или, например, вас, или кого-то еще просто за то, что у вас большой дом. Потому что это приведет к тому, что ненависть в бедной стране станет профилирующим направлением.

У меня другая политика. Вам такая нравится? Пожалуйста, если вам разрешат за нее голосовать, будет такая возможность, голосуйте, я же вам не мешаю. Просто я говорю, что у меня другая. У меня политика не разоблачать, а поддерживать тех, кто беден. У меня политика, чтобы создавать такую экономику, в которой не надо было бы воровать. У меня политика, где люди свободные и живут без страха, а не оглядываются все время, прилетит вертолетик или не прилетит. Эта страна не имеет перспективы, если все там связано только с тем, чтобы один ловил другого. Вот это принципиальная позиция.

Владимир Ворсобин — Григорий Алексеевич, был шанс пройти «Яблоку» как выразителю солидарных, может быть, разношерстных мнений либеральной общественности, провести эту партию через 5- или 7-процентный барьер. Вы намечавшееся единство раскололи своим заявлением. И теперь получается, что у вас были в свое время 1–2%…

Григорий Явлинский — Я только должен сказать вам, чтобы вы не переживали. Потому что, после того как возникла эта дискуссия, рейтинг «Яблока» вырос в 4 раза. Так что не переживайте.

Владимир Ворсобин — Я запускаю опрос для наших слушателей, и мы посмотрим. Проголосуйте, вы за Явлинского или за Навального. Даже если взять нашу аудиторию, давайте посмотрим, каких примерно голосов вы («Яблоко») лишились на выборах. Вам нравится эта затея, Григорий Алексеевич?

Григорий Явлинский — Конечно. Я только знаю, что обычно слушатели и читатели «Комсомольской правды», как правило, это не электорат «Яблока», поскольку вы ведете другую линию, как известно, но я люблю к вам приходить. Поэтому мне эта затея, как вы выражаетесь, нравится.

Владимир Ворсобин — Сторонники Навального обиделись на Явлинского за то, что лидер «Яблока» заявил, что не нужно голосовать им за него.

Григорий Явлинский — Это очень смешная история. Один раз сказал людям правду — они обиделись. Вы же манипуляцией занимаетесь. Я сказал людям правду, что «Яблоко» это такая партия, которая проводит другую политику. Поэтому если вы хотите проводить политику Алексея Анатольевича, то мы ее проводить не будем, вы за нас не голосуйте. Так же должен каждый честный человек говорил. А вы хотите врать? Врите, скажите, что вы будете выполнять политику Путина, политику Зюганова, только чтобы за вас проголосовали. Ну, что же вы все такие лжецы, зачем же вам это надо? Один раз человек сказал: друзья, я вас всех люблю, ради вас я считаю, что нужно проводить другую политику. Смотрите, после протестов сейчас у 116 человек уголовные дела. О них кто-нибудь спрашивает? А они вышли его поддержать. А смысла в этом никакого не было, а 116 человек сидят. Я им деньги плачу (можете проверить), а ими никто не интересуется. Люди сидят, некоторые из них сроки получили больше, чем он. А вы всё хотите его обсуждать и обсуждать. Давайте мы его оставим в покое. Я ему желаю здоровья, сил, освобождения, но политика у меня другая. Например, моя политика, чтобы не сажать людей в тюрьму. Моя политика — не подсматривать к вам в карман. Я любого в России сейчас возьму и найду, что он где-то, что-то, как-то, не заплатил налог или еще что-то.

Владимир Ворсобин — Любого? То есть честных людей нет в России?

Григорий Явлинский — Они-то честные, но система такая. Честные, они знают, что если однажды человек сказал: «Послушайте, я прошу, голосуйте те, кто хочет выполнения нашей программы. Те, кто не хочет выполнения нашей программы, голосуйте за кого-то другого». Посмотрите, что с вами случилось. Вы не можете это выдержать.

Владимир Ворсобин — Я объясню. Потому что сейчас получается такая история. «Единая Россия» теряет голоса, у нее очень плохое положение. Но вместо того, чтобы забрать голоса, другие парламентские партии (я вас по старой памяти тоже туда включаю) делают всё, чтобы не получить голоса. И, таким образом, есть ощущение, что есть сговор на уровне администрации президента, чтобы, не дай бог, не забрать голоса и обеспечить победу, вы все сейчас делаете ровно то, чтобы не выиграть выборы. И эта ситуация с Навальным ложится как раз на эту версию.

Григорий Явлинский — Уважаемые слушатели, очень хорошо, что мой замечательный ведущий это сказал, потому что эта теория заговора свидетельствует о том, что очень жарко. От очень сильной жары такое происходит с людьми. Потому что вы просто безумие какое-то говорите. Это как люди боятся прививаться, другие придумывают заговор сионских мудрецов, третьи еще что-то. И я вам скажу почему. Потому что три дня голосование, они все равно посчитают, как хотят. Поэтому вы можете даже глаза на меня не открывать, они посчитают, как захотят. Поэтому правду надо говорить.

Владимир Ворсобин — Вы же хотите пройти в Думу. Вы скорее сдадите Навального, чтобы пройти в Госдуму.

Григорий Явлинский — Глупости. Я хочу говорить правду. А Дума — это совсем другая история. Как вы знаете, я в этот раз не баллотируюсь в Думу. Вот именно поэтому. Я правду хочу людям говорить, профессиональную правду. Я 30 лет работаю в этой политике и 45 лет работаю профессионально и предлагаю людям путь, который приведет их к благосостоянию. И точно знаю, как это надо сделать. Вот мне это важнее, чем все эти ваши выдумки.

Владимир Ворсобин — И это не игра в поддавки?

Григорий Явлинский — Вот именно. Как же вы это придумали? Это вся «Комсомольская правда» придумала?

Владимир Ворсобин — Я придумал?

Григорий Явлинский — Ну а кто?

Владимир Ворсобин — Об этом пишут все, кому не лень.

Григорий Явлинский — Так вы людям должны помогать думать, а не морочить им голову. Я вам объявляю. То, что сейчас было сказано, что это сговор всех партий, чтобы поднять «Единую Россию», это просто чепуха. Никогда это не слушайте.

Владимир Ворсобин — Другая версия тогда.

Григорий Явлинский — Такая же?

Владимир Ворсобин — Вы же знаете, как и нас считают голоса. Поэтому, для того чтобы договориться с администрацией президента, надо очень сильно дистанцироваться и от Навального, и (на всякий случай) от избирателей. А так как голоса будут расписаны до выборов, вы получаете себе в награду этот мандат. Не вы лично, а ваша партия.

Григорий Явлинский — А зачем? Они и без нас себя хорошо чувствуют. Вот смотрите, у вас процветающий вид, новое помещение. Смотрите, как у вас все хорошо, и без «Яблока», без ничего, вам ничего не надо, вы и так себя хорошо чувствуете. Зачем нас проводить в парламент? Чтобы мы расследовали отравление Навального? А мы будем его расследовать, мы единственные. Почему «Комсомольская правда» боится этим заниматься, а мы не боимся? Уже год скоро, как его отравили. А кто знает правду, кто его отравил и как? Никто. Кто расследование ведет? Никто.

Владимир Ворсобин — Вы говорите, что вы ведете.

Григорий Явлинский — Мы ведем, но мы — просто общественная организация, а вы — целая газета. Вы ведете эти расследования? Не ведете. Закрыли рот и сидите, выдумываете глупости.

Владимир Ворсобин — Аргумент.

Григорий Явлинский — Так вот, я больше скажу. Одной из первых целей нашей программы (прямо записано среди первых) — расследовать отравление Навального, отравление Щекочихина, убийство Немцова, убийство Куашева, убийство других людей. Есть ли в России «эскадроны смерти»? — вот что надо расследовать. Является ли это

политическим террором? Расследования нужны. Используется ли химическое оружие? Вот чем надо заниматься, а не выдумывать всякие глупости.

Владимир Ворсобин — Ну, во-первых, ваше расследование я еще не видел, но зато ваше заявление против Навального видят все.

Григорий Явлинский — Вы что делаете? Вы умышленно рекламируете критику Навального, чтобы ему было хуже. Это вы делаете. Если бы вы меня сейчас спрашивали про другие вещи, например, если бы вы меня спрашивали про расследование отравления Навального, если бы вы меня спрашивали о вещах, которые связаны с экономическим ростом, с тем, что сейчас ковид, сейчас самая высокая смертность в стране… Вы же ничего этого не спрашиваете. Вам дано задание травить Навального, вы этим и занимаетесь.

Владимир Ворсобин — Это я сейчас травлю Навального?

Григорий Явлинский — Конечно. Вы же знаете мою позицию, и вы специально хотите, чтобы я еще раз об этом рассказал, еще раз об этом рассказал, еще раз об этом рассказал.

Владимир Ворсобин — Все понятно. Обращаюсь к нашим радиослушателям. За кого бы вы сейчас проголосовали (если бы Навальный сейчас был на свободе) — за Навального или за Явлинского?

Григорий Явлинский — Конечно, должны голосовать за того, кто в тюрьме сидит. Ну, очевидно же.

Владимир Ворсобин — Не так все определенно.

Григорий Явлинский — Вам не очевидно, а мне очевидно. Всем нормальным людям это очевидно. Поддерживать надо того, кто в тюрьме сидит. Но я хочу сказать, что я его не обсуждаю, я обсуждаю политику его, систему взглядов. Если вам не лениво, открывайте, я подробнейшим образом, по пунктам (вы даже цитировали сегодня), прочитайте, я все, что мог, написал. Лично ему я желаю всего самого хорошего. Я его лучше вас знаю. Я не знаю, видели вы его живьем когда-нибудь или нет, а в партии «Яблоко» он работал 8 лет, и мы его исключили за национализм, за то, что там люди погибли в итоге.

Владимир Ворсобин — Идем дальше. А то получится, что действительно тема передачи только одна.

Григорий Явлинский — Ну а как же? Вы проводите политику травли Навального.

Владимир Ворсобин — Да что вы говорите?

Григорий Явлинский — Каждая станция — обязательно спросить, чтобы его критиковать.

Владимир Ворсобин — А чем это навредит Навальному?

Григорий Явлинский — Да ничем уже теперь не навредит. Может чем-то ему навредить то, что я сказал, что избиратели должны честно голосовать за то, что они хотят, а не обманывать их? Это чем навредит? А вы с этого начали передачу: зачем ты честно сказал избирателям?

Владимир Ворсобин — Слушайте, расколоть и так уже дохлый (извините) либеральный слой нашего населения, я думаю, что Навальному это не понравится.

Григорий Явлинский — За либеральное движение вы не переживайте. Кроме того, Навальный никогда себя не относил к либералам.

Владимир Ворсобин — Даже так?

Григорий Явлинский — Даже так.

Владимир Ворсобин — Давайте вернемся к главному либералу нашей страны, как он себя называл (есть такое изречение у него). Это Владимир Путин. Он написал статью. Читали, Григорий Алексеевич?

Григорий Явлинский — Конечно.

Владимир Ворсобин — Статью по поводу Украины, где упорно проводится мысль о том, что мы, вообще-то говоря, искусственно разделенный единый народ. Сейчас идет большой спор на эту тему, и половина Украины и многие наши политологи говорят, что эта статья появилась не случайно, а что это предчувствие чего-то большого, что это основание для каких-то достаточно тяжелых и резких движений Москвы по украинскому вопросу. Как вы думаете, я правильно сейчас охарактеризовал?

Григорий Явлинский — Да, вы только не договорили. Вообще-то, это так и есть, только надо сказать все до конца.

Владимир Ворсобин — Война?

Григорий Явлинский — Да. Если бы такая статья была написана 20 лет назад, то можно было бы считать, что это начало объявления войны. А сейчас время постмодерна…

Давайте так договоримся. Про историческую часть можно спорить до бесконечности, это огромная тема. И так и будет, будут сотни историков, которые будут спорить о том, так это или не так. А я сейчас говорю совсем о другом. Я говорю о том, что такая статья, претензии к территориям, отказ Украине в суверенитете — это не просто возможное объявление о том, что Россия с этим не согласна, и она будет предпринимать действия, для того чтобы отобрать эти территории, лишить Украину суверенитета, а это означает, что речь идет о (не хочется даже вслух произносить)…

Владимир Ворсобин — Вы сказали «война».

Григорий Явлинский — О войне. Причем не с Украиной, а на территории Украины. Это будет война не с Украиной, это будет война со всем западным миром. Украина просто станет местом, где это будет происходить. И это будет происходить одновременно с тем, что сейчас будет происходить в Центральной Азии, поскольку там Талибан. Сейчас он двинется вместе с ИГИЛом в Узбекистан, в другие республики Средней Азии, а потом это будет общее движение в сторону России. Там будет наркотрафик, там будет терроризм, там будет все, что только пожелаете. Туда ИГИЛ перешел из Сирии, он будет мстить за то, что российские Вооруженные силы бомбили и убивали людей в Сирии, а они не могли до них дотянуться. Поэтому мало того, что будет история с Украиной (если будет)… Я-то надеюсь, что этого не случится.

Владимир Ворсобин — А зачем тогда Путин написал эту статью, если не будет войны?

Григорий Явлинский — Угроза. Эта статья — угроза. Это он просто грозит. А никакой же другой политики нет. Мы только всем грозим, со всеми перессорились, список недружественных стран, в который входят гигантские Соединенные Штаты и крошечная Чехия. Абсурд. Это тупиковая политика. Заявление о том, что мы отдельная цивилизация, движемся куда-то в Евразию, — очень опасная, вредная, бессмысленная политика. Внешняя политика существует для того, чтобы создавать друзей, а не для того, чтобы создавать врагов.

Владимир Ворсобин — Вы сказали, что война на территории Украины. Но у нас в общественном мнении есть такое ощущение, что никакой войны не будет, потому что Запад не будет воевать за Украину. Не будут они подставлять своих солдат.

Григорий Явлинский — Я вам не советую даже размышлять об этом. Сейчас другая война. Вы всё думаете, что это будет конница Буденного. Нет, это другая война, по-другому все будет сделано. И не надо никого считать дураками. Да, они не хотят в это ввязываться, да, они жалеют своих людей, да, их жизни, их люди (в отличие от нас) дороже всего на свете. Да, они ввяжутся… Но на это рассчитывать-то не стоит. Это не безграничное терпение. Мне очень неприятно это обсуждать. Мне очень неприятна даже сама такая тема. Но действительно, такая проблема существует. Я думаю, что это не случится, но хочу всем сказать, что если спокойно и серьезно читать то, что там написано, это объявление о возможном применении силы и война. Можно считать по-другому. Надеюсь, это не произойдет.

Почему я сказал, что 20 лет назад это было бы по-другому, это было бы уже прямое указание? Сейчас наступили такие времена (иногда их называют, извините за такое слово, постмодерном) — ничего не важно, ничего несущественно, ничего не имеет смысла, можно делать, что хочешь, голосуй, как хочешь, в общем, все, что хочешь. В такие времена можно болтать все, что хочешь, и писать все что угодно, и может ничего не произойти. Но по меркам, скажем, XX века это очень опасная статья. Вы меня про нее спрашиваете, я вам говорю, это очень опасная статья.

Теперь по существу дела. Дорогие друзья, я лично считаю, что нет проблемы отношений России с Украиной, ее не существует. Существует проблема отношений России с Европой, и она очень серьезная. И это принципиальный выбор. Весь мир глобализируется, быстрее, медленнее, ковид все это останавливает, но все равно эта тенденция идет. Интеграционные тенденции противоречиво, но все равно осуществляются. Россия должна ответить, с кем она. Говорить, что она сама по себе, это приведет ее к краху, я так думаю. Я этого очень боюсь, это моя любимая страна, единственная моя страна, моя родина, и я предан ей полностью. И поэтому ее перспективы, ее будущее для меня имеет самое главное значение в моей политической жизни. Поэтому я считаю, что через 20–30 лет в мире будет два центра экономической мощи — Северная Америка и Юго-Восточная Азия.

Владимир Ворсобин — И вопрос — с кем мы?

Григорий Явлинский — У Европы и у России есть только один шанс — найти общий язык, для того чтобы быть третьим центром экономической мощи в мире. Это и есть главная задача. Кстати, в каком-то смысле об этом тоже Путин недавно опубликовал статью в немецких газетах. Проблема интегративных тенденций между Россией и Европой — самое главное.

Владимир Ворсобин — А почему не с Китаем?

Григорий Явлинский — Потому что мы Китаю не нужны. Потому что мы для Китая песчинка, и даже не песчинка, а микрон, мы никто для них, а для Европы мы существенная величина. Тоже не доминанта, но существенная величина, и существенное имеем значение. Вот почему. Потому что вы, извините, и я, мы Китаю не нужны ни в каком виде, они без нас проживут, у них 1,5 миллиарда населения.

Владимир Ворсобин — А вы посмотрите на Европу, особенно на Центральную, и на нас, на народ. Ведь на самом деле, если сейчас задать нашему человеку вопрос: «Хочешь присоединиться к Евросоюзу?» — он тут же вспомнит, что там, извините, легализация секс-меньшинств, совершенно непонятная политика толерантности. Наш народ и их народ — это разные… Ближе мы китайцам в этом смысле.

Владимир Ворсобин — Ну, вы, может быть, хотите в Китай, я туда не хочу. Я скорее найду общий язык с греками. Я лично скорее найду общий язык с венграми, с поляками, со Словакией, со Словенией, с Черногорией, с православными странами. Например, с православными странами (хотите, я вас удивлю?) — членами НАТО (Болгария например). Они моей душе ближе. Вам ближе китайцы, а мне ближе эти люди. Я как-то чувствую себя ближе к ним. Кроме того, я учился в школе, и меня учили, что есть Достоевский, есть Пушкин, есть Гоголь. Это европейская культура. Я вырос в европейской культуре. Чайковский, Бетховен, Бах. Это и есть для меня русский мир, который мне дорог. Вот я вам сейчас перечислил его параметры. Это и есть настоящее.

Владимир Ворсобин — А Европа это понимает?

Григорий Явлинский — Прекрасно. Кто-то понимает, кто-то не понимает, как и во всем мире. Там живут просто люди, такие и сякие, и другие, и всякие.

Владимир Ворсобин — Но политика-то жесткая против нас.

Григорий Явлинский — Да какая она жесткая против нас? Если бы у них была жесткая политика против нас, они бы перестали покупать нефть, и всё. И тогда бы «Комсомольская правда» никогда не переехала бы в этот дом.

Владимир Ворсобин — Да что же вам наш дом так приглянулся?

Григорий Явлинский — Он произвел сильное впечатление.

Владимир Ворсобин — Да, мы переехали.

Григорий Явлинский — На нефтяные деньги.

Владимир Ворсобин — Почему на нефтяные?

Григорий Явлинский — А на какие же еще? Ну, на газовые.

Владимир Ворсобин — Интересное наблюдение. Григорий Алексеевич, Владимир Путин в Питере принял Лукашенко, который примчался к нему в Санкт-Петербург, и они разговаривали, по-моему, рекордные 5 часов. Так долго, что многие аналитики задумались, не свершится ли что-то фундаментальное, историческое.

Григорий Явлинский — Что ж тут скажешь? Я прежде всего хочу выразить свою личную поддержку народу Белоруссии. Я полагаю, что народ Белоруссии имеет абсолютное право требовать новых выборов президента. Я полагаю, что репрессии, примененные Лукашенко, это диктаторские репрессии, и это репрессии, которые проводит человек, который является преступником. Многие люди погибли там. А народ имеет право на свою точку зрения и на свободу. Я всецело поддерживаю настроения, чувства и отношение. Я очень люблю Белоруссию, уважаю, хорошо отношусь к белорусам (как и к украинцам). Я вырос в Советском Союзе, и вся эта большая страна была моей страной.

Думаю, что Владимир Путин хочет поглотить Беларусь, сделать ее, как Смоленская область Российской Федерации.

Владимир Ворсобин — И об этом были переговоры?

Григорий Явлинский — Думаю, что больше им говорить не о чем. Лукашенко — банкрот, экономика Белоруссии отключена от возможностей поддерживать бюджет, перекрыто воздушное сообщение из-за того, что он там делает. Сколько лжи, сколько фантазий, сколько вранья всякого мы слышим, когда Лукашенко что-то там объясняет, это просто море. Просто смешно иногда слушать. Поэтому о чем можно 7 часов разговаривать с человеком, который все время

высказывает какие-то выдумки, фантазии… Но людей-то в тюрьме держат, люди погибают на фоне этой лжи.

Вообще, дорогие слушатели, все, что происходит сейчас (и эта статья, и эта история с Белоруссией, которой бесконечно нужно давать деньги, нужно содержать только ради того, чтобы там сидел Лукашенко), это грабеж на самом деле.

Владимир Ворсобин — В смысле, Лукашенко утаскивает очередной миллиард сейчас?

Григорий Явлинский — Да. Грабеж, и грабеж вас на самом деле. Чем искать, у кого какой дом, лучше понимать, что вот такая политика нашего государства и все, что делается в этом направлении, вот это грабеж. А вас отвлекают: найди, пожалуйста, у кого в кармане лишний рубль лежит.

Владимир Ворсобин — Вообще-то лежит лишний рубль, и незаконный лишний рубль.

Юрий из Москвы нам дозвонился.

Юрий — Я согласен с предыдущей ремаркой вашего гостя о том, что Россия это совершенно европейская страна. И вообще удивительно, молодой ведущий, говорящий штампами, простите, советских стариков, для которых Европа — это геи, страшное НАТО и т.д. Мы все были в Европе. Наверное, там все эти явления имеют место быть, но я не встречался с одобрением даже среди местных жителей всех этих вещей и ни разу не попал ни на гей-парад, ни на собачью свадьбу или еще что-то. Поэтому совершенно верно ваш гость отметил, что ближе нам европейский менталитет и уровень в жизни, как в Европе, а не как китайцы, которые еще 30 лет назад своим соплеменникам в туалетах мотыгами черепа разбивали во время культурной революции.

Владимир Ворсобин — Григорий Алексеевич, наш слушатель с вами согласился.

Григорий Явлинский — Спасибо большое, Володя, я вам должен сказать. Вы-то думаете, что таких людей нет, а это вот современный человек, умный, образованный, нормальный. Я от души вас благодарю. У меня сейчас очень мало поддержки, поэтому каждое слово поддержки мне очень дорого. Я очень ценю каждое слово поддержки. Потому что такую травлю, как сейчас устраивают, это еще надо встретить где-нибудь.

Но я говорю вам очень серьезно, Россия — европейская страна с очень сложной, противоречивой судьбой. И все, кто любит Россию, должны понимать, что будущее России вместе с Европой.

Владимир Ворсобин — Григорий Алексеевич, как вы прогнозируете выборы, которые скоро уже? Но в этой жаре нет даже такого ощущения, что выборы скоро случатся. Нет особо предвыборной борьбы. И этот слив, о котором я говорил в начале передачи, парламентские партии в пользу «Единой России». Как вы прогнозируете дальнейшие события?

Григорий Явлинский — Я думаю, что где-нибудь в конце августа появится то, что вы называете борьбой. Но, вообще говоря, что тут обсуждать? Все партии являются филиалами «Единой России», это же очевидная вещь.

Владимир Ворсобин — О чем я и говорил.

Григорий Явлинский — Нет, вы говорили не об этом.

Владимир Ворсобин — Я просто включал вас в эту историю.

Григорий Явлинский — Нет, вы говорили не об этом. Потому что «Яблоко» не является парламентской партией, а вы ее специально туда засунули, а это не так, это не соответствует действительности. А те партии, которые находятся в Думе, они по всем ключевым вопросам (в частности, по Конституции) голосуют так, как голосует «Единая Россия». Это ее филиалы, фракции, у них расхождения очень незначительные. Не зря Зюганов поддержал статью Путина. И они все поддержат статью Путина. А вот «Яблоко» категорически против этой статьи и против этой политики. Как будут подсчитаны голоса (трехдневное голосование, электронное), я не могу вам сказать.

Владимир Ворсобин — Ну, можно догадываться.

Григорий Явлинский — Речь идет именно об этом.

Владимир Ворсобин — Наше голосование закончено. Итак, 25% за Навального, 75 — за Явлинского. Григорий Алексеевич, вы потеряли 25% голосов, если судить по этому голосованию.

Григорий Явлинский — Для меня результат неожиданный. Я всем благодарен. Сейчас нас будут обвинять, что мы специально это сделали. Друзья, я с вами честен.

Об историческом будущем России и Украины

19 июля 2021 г., сайт Григория Явлинского

На днях Владимир Путин опубликовал статью «Об историческом единстве русских и украинцев». Путин и раньше публиковал от своего имени программные статьи, посвященные истории и национальному вопросу. Например, к своим выборам 2012 года. Однако смысл программной статьи девятилетней давности существенно отличался от нынешней[1]. В последнем тексте желаемая Россия предстает уже как моноэтническое государство, как территория, где культурно-исторические рубежи должны совпадать с политическими границами.

---

[1] «Историческая Россия — не этническое государство… Россия возникла и веками развивалась как многонациональное государство. Государство, в котором постоянно шел процесс взаимного привыкания, взаимного проникновения, смешивания народов на семейном, на дружеском, на служебном уровне. Сотен этносов, живущих на своей земле вместе и рядом с русскими. Освоение огромных территорий, наполнявшее всю историю России, было совместным делом многих народов. Достаточно сказать, что этнические украинцы живут на пространстве от Карпат до Камчатки. Как и этнические татары, евреи, белорусы. В одном из самых ранних русских философско-религиозных трудов «Слово о законе и благодати» отвергается сама теория «избранного народа» и проповедуется идея равенства перед Богом. А в «Повести временных лет» так описан многонациональный характер древнерусского государства: «Вот только кто по-славянски говорит на Руси: поляне, древляне, новгородцы, полочане, дреговичи, северяне, бужане. А вот другие народы: чудь, меря, весь, мурома, черемисы, мордва, пермь, печера, ямь, литва, корсь, нарова, ливы — эти говорят на своих языках»… Глубоко убежден, попытки проповедовать идеи построения русского «национального», моноэтнического государства противоречат всей нашей тысячелетней истории. Более того, это кратчайший путь к уничтожению русского народа и русской государственности. Да и любой дееспособной, суверенной государственности на нашей земле». В. Путин, «Россия: национальный вопрос», «Независимая газета», 23.01.2012.

ОТРИЦАНИЕ УКРАИНЫ

Спорить с изложенным в статье взглядом на отношения российского, украинского и белорусского народов бесполезно, да и не нужно. Вопрос о степени близости народов, их братстве и общей истории можно обсуждать бесконечно, и чем больше будет точек зрения и нюансов, развилок и разнообразия во взглядах, тем продуктивнее окажется дискуссия. Что же касается братства народов России, Украины и Беларуси, то оно, если и есть, заключается в первую очередь в том, чтобы не мешать, а поддерживать друг друга и идти вместе к свободе. Братство не в том, чтобы отобрать у брата паспорт, приковать его к батарее и заставить жениться не по своему выбору. Путь к взаимопониманию между русскими, украинцами и белорусами совсем в другом.

Однако главный смысл статьи Путина, конечно, не исторический, а сугубо политический. Состоит он в демонстративном оглашении новой геополитической концепции в отношении Украины — уже не «ограниченного суверенитета», а отрицания права Украины на государственность, суверенитет как таковой и, соответственно, предъявления соседу территориальных претензий.

Согласно новой политической доктрине Путина:

— во-первых, украинское государство не имеет права на значительную часть территорий, входящих в современные границы Украины, и это гораздо более обширное пространство, чем Крым и Донбасс;

— во-вторых, на территории Украины живут миллионы этнических русских, которых насильственно украинизируют;

— в-третьих, в 2014 году не просто произошел госпереворот (это уже устаревшая позиция), а самостоятельное украинское государство перестало существовать и перешло под внешнее управление стран Запада, чему способствуют предатели интересов собственного народа.

Политическая доктрина Путина в действительности адресована всем бывшим республикам СССР в части отношения к их государственности и территориальной целостности. По сути, отвергается вся правовая база отношений с этими государствами с 1991 года.

Такие постулаты, высказанные авторитарным президентом соседней ядерной державы, являются обоснованием возможности войны с Украиной в любой момент. Как бы исторического права России на такую войну. Причем войну не с соседом, с которым есть какие-то противоречия, пусть даже территориальные, а войну с мощным внешним агрессором, то есть с Западом, в противостоянии с которым Украина лишь поле боя.

В этом суть путинской статьи.

НАДЕЖДА НА ПОСТМОДЕРН

Политическое содержание статьи Путина однозначно: та или иная форма войны с Украиной, будь то холодная, гибридная или полномасштабная, — это война за интересы России и русских на территории Украины. В этом главная идея новой российской государственной системы, формально возникшей после незаконного изменения Конституции 1 июля 2020 года (см. «Второе июля», август 2020). Опоры на Великую Отечественную войну и полет Гагарина в космос в качестве «духовных скреп», видимо, оказалось недостаточно. Поэтому с целью мобилизации народа заявлена агрессивная шовинистическая имперскость на основе крайне опасного этнического национализма.

Ну и, конечно, КПРФ–СР–ЛДПР в контексте этой статьи целиком и полностью совпадают с Путиным. Все это уже даже «не обратно в СССР» к «исторической общности “советский народ”». Это неосталинизм как он есть — с «Кратким курсом истории ВКП(б)». Как и вышедший 83 года назад сталинский учебник, путинская статья «Об историческом единстве русских и украинцев» станет идеологической бедой для всех, кого обяжут «изучать и усваивать» этот текст в школах, вузах, госучреждениях и армии[2].

25–30 лет назад такая статья руководителя государства означала бы лишь одно — декларацию об объявлении войны. В условиях современного политического постмодерна — фейков, переиначивания

[2] Шойгу обязал военных изучить статью Путина об Украине, РБК, 15.07.2021.

очевидных вещей и понятий, политической энтропии и беспорядка, — конечно, можно надеяться, что до реализации «горячей фазы» этого плана дело не дойдет (особенно если к публикации этой кремлевской декларации о намерениях отнесутся серьезно все, кому она адресована).

«Россия открыта для диалога… Россия никогда не была и не будет анти-Украиной… Вместе мы всегда были и будем многократно сильнее и успешнее», — пишет Путин и ставит в пример союзнические отношения современных Австрии и Германии, США и Канады. Однако эти, казалось бы, правильные слова нельзя принимать всерьез на фоне утверждений о том, что «Россия фактически была ограблена», заявлений о «наших исторических территориях» и предложений «уходить с тем, с чем пришли». Что же касается Австрии с Германией и США с Канадой, то эти страны не аннексируют территории соседа и не разжигают на сопредельных землях криминально-сепаратистские очаги с десятками тысяч жертв, не ведут оголтелую пропаганду ненависти по отношению к соседу во всех государственных СМИ. Поэтому рассуждения о партнерстве скорее похожи на декорации, прикрывающие подлинные намерения.

В общем, как статью ни читай, значительно повышаются и без того немалые риски развития событий в направлении большой войны (см. «Доведение до войны», апрель 2021).

Кроме того, сосредоточение на «угрозе с Запада» и подготовка к объявлению ему украинских «красных линий» происходит в тот момент, когда вывод американских войск из Афганистана создает новую, крайне опасную ситуацию в Центральной Азии, представляющую для России прямую военную угрозу. Понятно, что никакие российские «союзники» в этом регионе не справятся ни с «Талибаном»[3], ни с игиловцами[4], которые перетекли в Афганистан из Сирии, в том числе чтобы мстить России за участие в сирийской гражданской войне и испытания там на населении «320 видов различных вооружений»[5]. Эти опасности очень серьезные, а главное — реальные.

---

[3] Запрещенная в России организация.

[4] Боевики ИГИЛ, запрещенной в России организации.

[5] Россия проверила в Сирии свыше 320 видов различного вооружения, Газета.ру, 14.07.2021.

Вообще, статья Путина является ярким свидетельством тупикового характера современной российской внешней политики — конфронтации с Западом и агрессии в отношении Украины.

После событий 2014 года прошло достаточно времени, чтобы понять ошибочность реакции России на произошедшее в Украине и бесперспективность внешнеполитического курса системы Путина в целом. Однако этого не случилось.

Системный недостаток путинской политики вообще и внешней в частности — в отсутствии стратегии и крайне ограниченном горизонте планирования. Аннексия Крыма, развязывание и поддержка вооруженного конфликта в Донбассе — все это решения, принятые «по ситуации» после оглушительного провала российской политики в отношении Украины и всего постсоветского пространства. Надежда была только на то, что со временем все привыкнут к установленному в острой ситуации новому status quo. Похоже, надежды не оправдались. Российская периферийная экономика несет серьезный перспективный урон из-за санкций. Люди в Донбассе живут очень плохо — на территории войны, страха, беззакония. Люди в Крыму ограничены в гражданских правах из-за того, что «российский статус» полуострова не признан и не будет признан международным сообществом. Россия стала страной с непризнанными границами.

Однако вместо осознания реальности и поиска путей выхода российским гражданам предлагают Россию как «отдельную цивилизацию», замкнутое, изолированное от мира пространство. При этом после 20 лет деполитизации люди в России оказались полностью отделены от политики. Воссоздание имперской державы идет сверху, через «элиты», и большинству граждан страны очевидно, что они полностью исключены из процесса реального принятия решений, поэтому люди полагают, что за происходящее ответственности не несут.

Сейчас одно из ключевых понятий в современном мире — диалог. Полный контроль над людьми, к которому власти стали так или иначе стремиться в связи с пандемией, не заменяет диалога. А современная политика в России и сама статья Путина — это отказ с позиции силы от диалога, строительство державы вместо освобождения человека, централизация вместо местного самоуправления и земства. Молчание

народа по поводу заявления антиукраинской доктрины Путина — это следствие ощущения невозможности повлиять на свое будущее, вызванного усилением страхов и неуверенностью в себе. Все это подталкивает к дальнейшему замыканию в собственном мире и создает почву для внешнеполитического беспредела.

В целом статья Путина антиисторична. Исторический фундамент необходим политику не для того, чтобы писать трактаты по истории от древности до наших дней, а для того, чтобы делать выводы из истории.

ДРЕВНИЕ ЗЕМЛИ И СОВРЕМЕННЫЕ ЛЮДИ

Непонимание уроков истории и требований времени — этнокультурный национализм, шовинизм, инстинкты партноменклатуры, отсутствие собственной программы и пиетет перед, мягко говоря, ангажированными странными советниками, которые пишут вот такие статьи, — ведет по кривому, ошибочному пути. Попытки российского руководства практиковать неосталинизм сегодня — свидетельство выпадения из времени. Современное поле конкуренции за участие в судьбах глобального мира — это не далекие или близкие чужие земли, не пыльные карты прошедших веков со много раз перечерченными границами и переделенными зонами влияния. Завоевывать надо не территории, а сердца и умы, и именно в этом сегодняшняя Россия проигрывает.

Напомню, что киевский Майдан 2013–2014 годов начался именно с необоснованной и ненужной попытки России противодействовать подписанию Украиной соглашения об ассоциации с Европейским союзом. Антиевропейская направленность внешней и внутренней политики России взломала постсоветское пространство, отпугнула союзников.

Уже на следующий день после публикации статьи Путину пришлось специально объяснять, что слова о нелегитимности границ постсоветских государств не касаются Казахстана и других соседних стран — всех, кроме Украины. Однако созданный статьей контекст пояснениями не исправить.

В 2008 году, комментируя вмешательство России в события в Абхазии и Южной Осетии, Путин также утверждал, что Крым никак не является спорной территорией и Россия давно признала границы Украины. Сегодняшним примером опасной непродуктивной политики является отношение руководства России к Беларуси и ее гражданам. Испугавшись устремлений белорусов к свободе и самоуважению, в Кремле сделали однозначную ставку на зарвавшегося диктатора и поддержали массовые репрессии режима Лукашенко против белорусского народа. Какого отношения к России после этого можно ожидать от граждан Беларуси?

Да Путин и не ожидает. Он действительно мыслит категориями прошлых веков и считает, что империя — это территория, огороженная колючей проволокой, где дубинки и тюрьмы, ракеты и зоны влияния, обозначенные «красными линиями». Собственно, и своим «партнерам», руководителям других стран, он приписывает такое мышление, потому что в иное не верит и не приемлет.

Модель, которую нынешняя Россия предлагает соседям, — это по сути режим Асада, который буквально держится на российских и иранских штыках и зарабатывает на торговле синтетическими наркотиками.

Что же касается защиты наших границ и интересов, то один из важных выводов из истории отношений России и Украины состоит в том, что, если мы не хотим дать историческим сложностям нас поработить, как это уже случилось в 1991 году, если не хотим новых войн и экономических кризисов, мы должны уважать международное право (при всех его недостатках), должны беречь, а не нарушать международные границы, должны отказаться от шовинизма и попыток поучать и давить на других вместо решения собственных проблем. А рассуждать сегодня о Беловежских соглашениях 1991 года как о поводе для пересмотра границ, как это делается в статье Путина, все равно что рыть яму для самих себя. Никакой «новой Ялты», никакого нового «передела мира» с участием России не будет. В вопросе защиты и сохранения собственной территории можно полагаться только на международно признанные границы. Подтачивать легитимность границ, аннексируя под разными предлогами соседние территории, — значит закладывать мину под будущее России.

ПЕРСПЕКТИВА: СООТВЕТСТВОВАТЬ ВРЕМЕНИ

Что следует противопоставить тупиковой и очень опасной политике Путина? Прежде всего нужно исправлять уже сделанные ошибки. В интересах России вернуться к глобальным реалиям нашего века: инициировать международную конференцию по Крыму и предпринять ряд очевидных мер по деэскалации ситуации на юго-востоке Украины. Эти практические меры в той или иной форме совершенно необходимы, и с них начинается альтернатива, за которую следует бороться. Но только этого уже недостаточно.

Известный нам до сих пор мир трансформируется буквально на глазах: рушатся иерархии, становятся неэффективными институты, на которые десятилетиями и даже веками опирались общество и государство, смещается центр глобального лидерства, меняются отношения между людьми. Вывод, который диктуют в этих условиях жизнь и вся постсоветская история России, заключается в необходимости понимать суть времени. У каждого времени есть свой смысл, в соответствии с которым надо действовать, и тогда действия будут эффективными, их эффект долговременным, достижения стратегическими. Если не понимать, не чувствовать время, неизбежны тяжелые ошибки.

Сегодня в мире складываются два центра экономической мощи: Северная Америка и Юго-Восточная Азия. В таких условиях у Европы шанс обрести качественно новую перспективу, новый прилив экономических сил будет только при всестороннем сотрудничестве, а затем и определенной интеграции с Россией. В этом случае и у России появится надежная перспектива сохраниться и развиваться как современная страна на прочном фундаменте своих исторических особенностей и культурного своеобразия. Главный политический смысл первой половины XXI века — в становлении российско-европейского мира, основанного на ценностях, свободе, уважении к человеку, жизни без страха, обуздании технического прогресса, опережающего сегодня человеческое сознание.

Это не вопрос оценки возможностей в текущей политической ситуации, не вопрос идеологии. С точки зрения большой экономики и безопасной политики, интеграция — это как законы физики, объективная реальность, которая существует вне зависимости от нашего отношения к ней. Мы же можем либо учитывать и использовать эту реальность, опираться на нее и идти вперед, либо проигрывать. При этом речь, конечно, идет об интеграции на основе общего понимания прав и свобод человека, реальной демократии и фундаментальных принципов государственного устройства, таких как разделение властей, независимость правосудия, неприкосновенность частной собственности. Это не интеграция по типу членства в ВТО или даже участия в Таможенном союзе.

Суть настоящего времени состоит в том, что, поскольку Украина осознает себя (и фактически является) европейским государством, стремится стать частью ЕС, вопросы российско-украинских отношений выходят далеко за двусторонние рамки. По большому счету, речь идет не только и не столько об отношениях России с Украиной, сколько о проблеме отношений России с Европой. Именно в российско-европейской интеграции содержится решение не только проблемы отношений России и Украины, но и путь к безопасному и благополучному будущему и для самой России, и для Беларуси.

Это означает создание на постсоветском пространстве, прежде всего в его европейской части, альянса современных государств, основанных на правах человека, свободе, уважении к человеку, разделении властей, конкурентной рыночной экономике, гражданском обществе, обеспечивающем возможность творчества. Это и есть стратегия формирования третьего глобального центра силы, российско-европейского — наряду с центрами в Северной Америке и Юго-Восточной Азии. И это то, против чего направлена политика и статья Путина.

***

Российская, как и советская, власть никого ни о чем не спрашивает и не предупреждает. В 1979 году никто не предупреждал наш народ о вводе войск в Афганистан, в 1994-м начали войну в Чечне — тоже без обсуждений. В Украине и Сирии потом поступили примерно так же.

И в этом смысле у статьи Путина есть еще один отдельный и особый аспект: эта статья оказалась предупреждением. Пусть и адресованная не столько нам, сколько условному Западу, она была опубликована накануне того, что называется в нашей стране выборами, и это делает граждан России в существенной мере ее активными адресатами. У граждан России появляется возможность высказаться о провозглашенной президентом политике. Можно проголосовать «за»: за право России на значительную часть территорий соседней Украины, за план лишить Украину суверенитета и государственности и, соответственно, за возможность войны с Украиной в любой момент. Этоголосование за ЕР, КПРФ, ЛДПР и СР.

Но можно проголосовать и против такой политики — за мир, за перспективу взаимопонимания с Евросоюзом, за равноправные и дружеские отношения с Украиной и Беларусью. И это голосование за «Яблоко».

Разумеется, геополитический и военно-политический курс Путина не будет зависеть от позиции незначительного числа избирателей, тем более что о «результатах» этих выборов слишком многое давно известно. Для изменения курса нужно, чтобы большое число избирателей проголосовало против войны с Украиной. Однако в нынешних условиях деполитизации, тотальной омерзительной государственной пропаганды, оболванивания и фальсификаций большинству не объяснить, что война может стать реальностью и что статья Путина именно об этом. И все же возможность сказать «нет» войне и шовинистической экспансии пока еще есть, и ею надо воспользоваться. По крайней мере для истории.

«Власти делают людей политически инфантильными»

20 июля 2021 г., Deutsche Welle

Константин Эггерт — Скажите, пожалуйста, вы согласны с тем, что если в глазах значительной группы, например, населения, какой-то важной референтной группы какая-то вещь является фактом, то это факт политики, даже если этого не было? Ну, например, если значительная часть населения России верит, что Запад хочет разделить Россию по плану Даллеса, с этим как-то надо работать несмотря на то, что плана Даллеса не существовало и никто Россию делить не собирался? Вы согласны с этим?

Григорий Явлинский — Ну всякие бывают предрассудки, да.

Константин Эггерт — Они же фактор в политике, в общественной жизни?

Григорий Явлинский — Да, но не главный. Бывают предрассудки, они всегда были. Всегда были предрассудки, всегда были преувеличения. Но в России очень потому популярна фраза «кто же мог подумать».

Константин Эггерт — Это да. Это не только в России.

Григорий Явлинский — «Кто же мог подумать?», «Ну как я мог подумать, как я мог подумать?» — это же фактор политики?

Константин Эггерт — Конечно.

Григорий Явлинский — Ну вот. Значит, всякие предрассудки, заговор сионских мудрецов — это все, ну как, вся жизнь фактор…

Константин Эггерт — Я почему вас спрашиваю? Потому что с точки зрения значительной части российского общественного мнения с его критическим отношением к нынешней власти своими высказываниями об Алексее Навальном вы пинали лежачего и унижали узника политического. И эти люди… думают и пишут в соцсетях об этом, утверждают, что вы на этом потеряли всю свою репутацию. Вот это тоже фактор политики?

Григорий Явлинский — Да нет, это большая выдумка. Дело в том, что за это время у «Яблока» вырос рейтинг в четыре раза, вот вам и факт. Это факт политики. Во-первых…

Константин Эггерт — То есть если бы вы сказали, что Крым точно наш, он, может, вырос бы и в десять раз.

Григорий Явлинский — Да, но это было бы неправдой, а про Навального я говорил правду, такая большая разница. И оказалось, что значительная часть российской аудитории эту правду принимает.

Константин Эггерт — А в чем эта правда заключается?

Григорий Явлинский — А в чем она заключается, хороший вопрос.

Константин Эггерт — …национальной стране…

Григорий Явлинский — Послушайте-послушайте, это не главное и не единственное, не главное и не единственное. Во-первых, мне немножко странно, что такая профессиональная радиостанция, как Deutsche Welle, снова повторяет все то, что вчера было мною написано в третий раз очень подробно. Но из уважения к вам, я вас давно знаю, дружу с вами, я еще раз повторю, но вообще-то надо читать тексты, прежде чем идти на интервью.

Константин Эггерт — Я прочитал, я посмотрел ваши интервью…

Григорий Явлинский — Ну хорошо. Там не надо смотреть, там написано так, еще раз написано даже после этого, но тем не менее все-таки Deutsche Welle, надо отвечать. Отвечаю.

С какого вам начинать угла? Могу начинать с угла, с любой стороны. Там у меня целый ряд вещей. Он не просто националист, он, как он себя называет, дипломированный националист. Он националист, который создавал «Русские марши», будучи в «Яблоке», его за это исключили…

Константин Эггерт — Да, я знаю.

Григорий Явлинский — …которые косвенно привели к тому, что убили Маркелова и Бабурову. Их убил БОРН, «Боевая организация русских националистов», выросшая из его «Русских маршей», которые он организовывал с Прилепиным. С этим согласиться очень трудно, а тем более что он совсем недавно Der Spiegel сказал, что его взгляды не изменились, а перед этим он сказал The Guardian, который спросил: «Вы по-прежнему считаете всех приезжих в Россию гастарбайтеров тараканами?» — мои взгляды, сказал он, не изменились, вот. Поэтому что уж тут говорить? Кроме того, я и в личной жизни в «Яблоке» сталкивался с сюжетами такого рода, связанными с ним. И знаете, когда он давал интервью Der Spiegel? Он интервью Der Spiegel давал 1 октября 2020 года, и там он сказал, что его взгляды не изменились, это первое.

Второе. Там же он сказал, что он пытался соединить либералов и националистов вместе. Это глупость, такую политику нельзя разделять, она приведет к чему-то очень глупому и плохому. Но там он еще сказал, что он считает нужным поддерживать коммунистов, что тоже, например, для «Яблока» совершенно неприемлемо.

Что же вам рассказывать? Вы знаете, сколько…

Константин Эггерт — Простите…

Григорий Явлинский — Да нет, теперь дослушайте.

Константин Эггерт — Хорошо.

Григорий Явлинский — Вы знаете, сколько сейчас в России уголовных дел, связанных с Навальным? Знаете, сколько? Ну назовите.

Константин Эггерт — 140 с чем-то.

Григорий Явлинский — Нет, 116. А вы знаете, что 16 из них получили уже сроки бóльшие, чем он? А за что? Да не за что, потому что он сказал «встречайте», а Волков сказал: «Мы вас бросим в топку».

Константин Эггерт — …на «Эхо Москвы», на «Дожде».

Григорий Явлинский — …Да неважно, что…, для того чтобы привлечь общественное внимание к нему. Такую политику не надо проводить, ее никто не должен проводить, потому что она бессмысленная, она безрезультатная, она просто связана с его личным эго. Однако речь не о нем. Вчера я специально, чтобы вам легче было вести со

мной интервью, написал, что я желаю ему здоровья, что я желаю ему сил, что я желаю ему свободы, но взгляды его не разделяю, и критикую я не его, а систему взглядов, и я обязан это делать. Может, госпоже Меркель эти взгляды нравятся, а мне нет.

Константин Эггерт — Но все-таки есть ли такое, во-первых, понятие, как ошибки молодости? Хорошо, человек начинал когда-то…

Григорий Явлинский — Когда, в октябре?

Константин Эггерт — Но все-таки «Русские марши»…

Григорий Явлинский — Так он их не проводит, потому что ему не дают их проводить, а если вы ему дадите… Он ведь пришел с Прилепиным, сел, что он сказал Прилепину? — вы молодец, сказал он Прилепину, вы взяли «трехлинеечку» и пошли воевать, это очень романтично. А там убили 13 тысяч человек. Это он сказал Прилепину только что… Не Прилепину, этому Гиркину, только что на дебатах, год назад или полтора.

Константин Эггерт — …

Григорий Явлинский — Ну да, вот и всё. Так о чем вы говорите? Что там давно, какое давно, если… Я же вам сказал, 1 октября 2020 года, это 9 месяцев назад, ребенок только бы родился.

Константин Эггерт — То есть, смотрите, позиция Навального вам известна: нужно максимально широкий фронт объединить против Путина, положить Путина и затем…

Григорий Явлинский — Ну вы опять…

Константин Эггерт — Нет, секунду, можно закончить?

Григорий Явлинский — Да не можно, потому что все это я слышал от всех журналистов. Вы повторяете то, что говорят все, а жаль. Поэтому извините, что перебил. Я погорячусь и скажу вам сразу: вы мне про «умное голосование» расскажите.

Константин Эггерт — Нет, я не буду.

Григорий Явлинский — А это оно. Вы же мне об этом, максимальный фронт. Из кого они делают фронт? — из партии Путина. Они делают фронт из партии Путина. Неужели вы этого не понимаете? Коммунисты — это партия Путина.

Константин Эггерт — А «Яблоко»?

Григорий Явлинский — А «Яблоко» нет, а «Яблоко» нет, потому что «Яблоко»… Вы знаете, прочитайте нашу программу…

Константин Эггерт — Я читал вашу программу.

Григорий Явлинский — Вы читали?

Константин Эггерт — Программа — это одно, то, что вам дают существовать спокойно, вам дают…

Григорий Явлинский — Слушайте, так это я вам скажу, что Deutsche Welle дают существовать, вон, «Свободу» уже разогнали, а вас еще нет. Почему? Вот почему? Наверное…

Константин Эггерт — Потому что это…

Григорий Явлинский — Вот.

Константин Эггерт — …селективный подход.

Григорий Явлинский — Да, вот именно. Так вот он к вам селективный и к нам селективный. Вы налоги платите в России, скажите, вот вы лично?

Константин Эггерт — Плачу.

Григорий Явлинский — Значит, вы поддерживаете всю политику Путина, понятно вам? И помните это…

Константин Эггерт — А вы платите?

Григорий Явлинский — И я плачу.

Константин Эггерт — И вы платите.

Григорий Явлинский — Да, да, потому что так устроена жизнь. Поэтому не задавайте мне детских вопросов, что кому-то…

Константин Эггерт — Меня знаете, что поражает? Вот когда с вами говоришь о Навальном, вы зажигаетесь так, как вы не зажигаетесь ни от одного…

Григорий Явлинский — Нет, нет. С ним нет никакой особой проблемы, с ним нет никакой, проблема не в нем. Проблема в том, что у России сейчас Афганистан, Путин вчера написал особую статью про Украину…

Константин Эггерт — Мы… Путину. Можно избегать вообще «вчера», «завтра», потому что…

Григорий Явлинский — Я скажу «послезавтра».

Константин Эггерт — Нет-нет-нет, не надо.

Григорий Явлинский — А, опять, опять! Интриги, интриги.

Константин Эггерт — Нет-нет-нет. Я задам заново вопрос…

Григорий Явлинский — Да-да, извините, я…

Константин Эггерт — Ничего страшного, просто никакой привязки к датам. Сейчас, секунду… Григорий Алексеевич, вы так возбуждаетесь, когда говорите по поводу Явлинского, из вас такая энергия прет, как будто Навальный только единственный и самый главный враг и самое страшное, что случилось в России.

Григорий Явлинский — Просто потому, что мне надоело, что все журналисты только это обсуждают.

Константин Эггерт — Потому что фигура очень…

Григорий Явлинский — Для меня он никакая не фигура, и ни для кого он не фигура. Вы опрос-то «Левады» видели?

Константин Эггерт — Видел.

Григорий Явлинский — … А кстати, должен сказать вам, что, с моей точки зрения, не хочу ничего такого резкого говорить, вы же чем занимаетесь? Человек сидит в тюрьме, а вы его бесконечно мусолите. Вы его мусолите и мусолите, мусолите и мусолите, мусолите и мусолите.

Константин Эггерт — Не забывать…

Григорий Явлинский — И все время провоцируете, чтобы о нем кто-то что-то говорил.

Константин Эггерт — Но вы же понимаете, что происходит…

Григорий Явлинский — Понимаете, вы любитель этого, вы любитель, чтобы его еще раз уколоть, чтобы его еще раз унизить.

Константин Эггерт — Нет.

Григорий Явлинский — Так отстаньте от него.

Константин Эггерт — Нет, нет.

Григорий Явлинский — Я вам скажу так…

Константин Эггерт — Если вы не будете говорить…

Григорий Явлинский — Я вам сказал, я вам сказал… А, вот что… Хорошо, я вам сказал, я обсуждаю политически только его систему взглядов. Что касается политзаключенных, я выступаю за то, чтобы все политзаключенные были освобождены, и считаю безобразием, не то что безобразием, невероятным безобразием, что сейчас политзаключенных в России больше, чем в СССР, несмотря на то что в СССР

вдвое больше было население, а сейчас больше политзаключенных, по… Их много, он не один. Меня, например, Дмитриев не меньше волнует.

Константин Эггерт — …тоже.

Григорий Явлинский — Да, ну хорошо, спасибо, вы очень добрый. Меня волнуют тысячи других, тысячи людей, которые сейчас находятся в СИЗО, которые находятся под репрессиями. Именно поэтому мы поставили в список Пивоварова, чтобы всем показать, что мы душой с политзаключенными самыми разными, в том числе и…, понимаете? Вот что мы делаем. Именно поэтому мы поставили разных людей, тех, которых выгоняют из Общественной наблюдательной комиссии, тех, которых гнобят, а мы их ставим в свои списки специально, чтобы все видели.

Константин Эггерт — …

Григорий Явлинский — Ну а поставили Кавказского — чем он хуже? Чем он хуже-то? Вы же серьезный были человек, ну чего вы? Кавказский 20 лет в партии, он узник Болотной, почему его не надо поставить, а поставить… Миняйло, который прибежал к нам 3 месяца назад, чтобы не собирать подписи? Ну что же вы не понимаете простые вещи!

Константин Эггерт — Вы сказали где-то, в каком-то интервью, что «Яблоко» не трамвай, что ли, не Uber, чтобы довозить до…

Григорий Явлинский — Ну да.

Константин Эггерт — …конечной точки кого-то.

Григорий Явлинский — До конечной.

Константин Эггерт — Но одновременно вы говорите… Выборы вот эти имеют смысл, скажите?

Григорий Явлинский — Чего? Что?

Константин Эггерт — Выборы вообще имеют смысл? Любые выборы в России сегодня имеют смысл?

Григорий Явлинский — Это вопрос правильный, но я вам на него отвечу после 19 сентября. Не потому, что что-то изменится, а потому, что много моих товарищей сейчас идут на выборы, а я вот не иду, и неслучайно.

Константин Эггерт — Почему? Тоже скажете после 19-го?

Григорий Явлинский — После 19 сентября. Неслучайно. Но это связано с тем вопросом, который вы мне задали.

Константин Эггерт — А я спросил и о других выборах в том числе.

Григорий Явлинский — Что?

Константин Эггерт — А я о других выборах, выборы вообще в России… ?

Григорий Явлинский — Я не знаю, а какие другие?

Константин Эггерт — Ну вот в 2024 году президентские.

Григорий Явлинский — О, так до 2024 года еще… Если читать то, что пишет Владимир Путин, то до 2024 года еще надо дожить, еще дожить надо.

Константин Эггерт — Ну хорошо…

Григорий Явлинский — Это очень сложная история, очень сложная история.

Константин Эггерт — Вот если… То есть…, о которой вы не хотите говорить, будете говорить только после 19-го?

Григорий Явлинский — Что, что я не хочу говорить? Что вы меня спрашиваете? Будут ли выборы в 2024 году? Я не уверен, я не знаю, и никто не знает. Что вы спрашиваете то, что никому…

Константин Эггерт — Заканчивая, если можно, с темой Навального…

Григорий Явлинский — …

Константин Эггерт — Вы если… Если вы… Ну что же вы так нервничаете, Григорий Алексеевич?

Григорий Явлинский — Я не нервничаю, просто мне было интересно с вами поговорить о чем-то интересном, а вы все жуете одно и то же, то, что уже сто раз написали.

Константин Эггерт — Григорий Алексеевич, Навальный — политическая фигура…

Григорий Явлинский — Да хорошо, Путин тоже политическая фигура, слышали об этом?

Константин Эггерт — Слышал.

Григорий Явлинский — Ну хорошо, все, задавайте свой вопрос.

Константин Эггерт — Вопрос очень простой… Да, я задам свой вопрос.

Григорий Явлинский — Да.

Константин Эггерт — Вопрос очень простой. Я так понимаю, что вы выступаете за то, чтобы все были свободны, все могли высказывать свои мнения, да? Вот скажите, пожалуйста, а если вдруг, если вдруг мы заговорим о том, что Навальный выйдет на свободу, начнет заниматься политической деятельностью и окажется, что «Яблоко» не пользуется такой популярностью ни с вами, ни без вас, а за ним люди пойдут…

Григорий Явлинский — И что? Ну и пускай. За Гитлером люди шли — ну и что? Ну и что?

Константин Эггерт — Вы серьезно сравниваете Навального с Гитлером?

Григорий Явлинский — Нет, я не сравниваю, я просто хотел этим намекнуть вам, что мало ли чего бывает в истории. Могут пойти. Для России это будет трагедия, но пускай идут. Это люди, я их уважаю, я свою страну люблю, это их право, их выбор.

Константин Эггерт — Знаете, вы как-то сказали в каком-то интервью, по-моему в телевизионном, я видел, его смотрел, не помню уже, что вот Лукашенко тоже пришел на лозунгах борьбы с коррупцией…

Григорий Явлинский — Нет, это… Слушайте, надо готовиться к интервью.

Константин Эггерт — Да.

Григорий Явлинский — Это сказал знаете кто? — Новодворская, а не я, а я ее цитировал.

Константин Эггерт — Там вы не сказали, что… Возможно…

Григорий Явлинский — Я так и сказал.

Константин Эггерт — Ну…

Григорий Явлинский — Это же факт.

Константин Эггерт — Но ведь это же все равно что говорить, что, если это было один раз, это повторится обязательно.

Григорий Явлинский — Да-да-да, потому что очень похоже, очень похоже. Потому что эта такая борьба с коррупцией…

Константин Эггерт — Если развелся один раз, разведется и третий, условно говоря?

Григорий Явлинский — Не знаю, это вам виднее, а мне как политику ясно, что… Опять вы меня в эту сторону. Почитайте историю, и вы узнаете, что борьба с коррупцией для Гитлера имела огромное значение, огромное, решающее на выборах. Я вам плакат подарю, серьезно, Гитлера плакат начала 1930-х гг. о борьбе с коррупцией.

Константин Эггерт — Лучше не надо, Deutsche Welle немецкая организация.

Григорий Явлинский — Хорошо.

Константин Эггерт — О Путине. Путин написал большую статью про отношения Украины и России, про русский и украинский народы и так далее, и тому подобное. Она полна, ее уже там разобрали по косточкам, она полна, даже на первый взгляд ясно, куча передергиваний, так сказать, ошибок и так далее, и тому подобное. Зачем, по-вашему, он пишет эту статью? Зачем это все? Почему Украина стала для него таким… ? Я лично убежден, что нет вопроса более важного для него, чем Украина. А почему? Если вы согласны с этим.

Григорий Явлинский — Нет, у него есть разные вопросы, но просто его представление о будущем — это… восстановление России примерно XVIII–XIX вв., вот. А если говорить точнее, он выпал из времени и выпал политически из истории. Однажды уже было сказано, и я это повторю: он утратил связь с реальностью. Поэтому его прожекты совершенно ошибочные. И один из этих ошибочных прожектов — это разрыв постсоветского пространства. Потому что, если мы будем с вами разговаривать наконец серьезно, не о чепухе, а о серьезном, то на самом деле вопроса об Украине нет, есть вопрос об отношениях России и Европы. От того, как сложатся отношения России и Европы, зависит судьба Украины и Белоруссии.

Константин Эггерт — Но украинцы что, не субъект? Я просто не очень понял…

Григорий Явлинский — Украина субъект, субъект, все. Но вот я еще раз объясняю: если реальность, историческая необходимость вернется в политику и возникнет тема Европы и России, их интеграции экономической, политической, военной, о которой постоянно говорят, внутри этого вопроса будет решение проблемы Украины. Если же будет продолжаться вот этот крайне ошибочный евразийский проект

и будет постоянно Путин повторять, что мы особая цивилизация, он будет говорить, что мы особое изолированное общество, то решения нет, оно будет очень…, и очень долгим, и очень тяжелым. Потому что он будет всячески применять все меры для того, чтобы ограничить возможности и суверенитет Украины, а Европа не сможет ей никак помочь, потому что не…

Константин Эггерт — Вы тоже в какой-то статье, в каком-то из своих текстов относительно недавних или в интервью сказали, что, по-вашему, Путин может использовать, создать, грубо говоря, новый виток существующего конфликта России с Украиной для отвлечения людей от, скажем, экономических последствий пандемии. Вы считаете это возможным?

Григорий Явлинский — После этой статьи я думаю, что возможен даже более крупный конфликт, в котором Украина будет просто площадкой, а конфликт будет не с ней, она просто, к сожалению, будет его территорией, а конфликт будет с Западом в целом. Эта статья обращена к Западу.

Константин Эггерт — Да, это понятно, что она обращена…

Григорий Явлинский — В этом дело, в этом дело.

Константин Эггерт — То есть вы считаете, что Путин может быть… новой мировой войны?

Григорий Явлинский — Прочитав эту статью, я считаю, что этот вопрос открыт, и считаю, что эта статья очень символична, очень в этом смысле существенна. Вы знаете, у него есть там большая историческая часть, по которой может быть сто разных мнений, сто, может двести, скорее угодно, там спорить можно до бесконечности. Ну, например, я же могу сказать, я знаю, например, историю Украины, западной части ее…

Константин Эггерт — …где вы родились.

Григорий Явлинский — …довольно подробно. Там в одной статье сразу противоречащие… заявления есть… И наверное, в других частях тоже так же. Поэтому об исторической части я вообще не буду говорить, она не имеет значения, потому что значение имеет, еще раз повторю, попытка проведения политики XVIII–XIX вв. в XXI. Вот эти все разговоры о территориях, о том, кому что там принадлежит, вот это —

это все очень опасные вещи. Но они неслучайны, они неслучайны. И если бы 20 лет назад была написана такая статья, да, то я бы сказал, что это просто предупреждение о начале, это просто уже начало. Сейчас, в эпоху постмодернизма, это может быть, к счастью, не так, …у нас постмодернизм хороший, просто потому, что… так поговорили, сяк поговорили, перекинуться, тра-ля-ля, тра-ля-ля, кто чего только ни болтает. Но если серьезно посмотреть на это, это очень серьезное предупреждение всем, всем предупреждение очень серьезное.

Константин Эггерт — Если уж мы заговорили об Украине и Белоруссии…

Григорий Явлинский — Это принципиальная вещь, принципиальная, он же принципиально говорит. Что он говорит? — вас не существует, вас нет, а территории мои. Вы нас ограбили, говорит он, мы имеем право делать все, что мы хотим.

Константин Эггерт — Да, это…

Григорий Явлинский — Вот. Так если понятно, это же вот и есть главное связующее звено с тем прогнозом, который может состояться.

Константин Эггерт — Беларусь. План Путина… ?

Григорий Явлинский — Ну как… Ну вы же сказали, что все… Значит, сегодня встречается Путин…

Константин Эггерт — Нет, про встречу…

Григорий Явлинский — Видите, как оперативно? Вы говорите, я не…

Константин Эггерт — Нет-нет-нет, я… Я перезадам вопрос. Когда это будет?

Григорий Явлинский — Это может быть когда угодно. Как только он сломает Лукашенко окончательно либо… Как только они там договорятся. Лукашенко еще…

Константин Эггерт — Скажите, у вас же… Скажите мне, а почему и в России, и… Вы часто говорите, что вот протесты в России возникают очень часто в последнее время не из-за каких-то конкретных причин, а просто Путин всем надоел, ну потому что он 22 года…

Григорий Явлинский — Нет, я никогда так не говорил. Протесты в России очень осмысленные, твердые, важные и существенные.

Константин Эггерт — Но в основе лежит то, что Путин всем надоел.

Григорий Явлинский — Ну, это…

Константин Эггерт — Это вы говорили.

Григорий Явлинский — В основе все-таки лежат события конкретные. Это «закон подлецов», это убийство Немцова, это события, связанные с экономическими проблемами. Почему нет?

Константин Эггерт — Но не все. Давайте так говорить, о людях, которые пойдут вот голосовать на эти так называемые выборы. Они все уже забыли, кто такой Немцов. Они верят, что Крым наш, точно так же как они верят, что Челябинск наш. Почему это… ?

Григорий Явлинский — Значит, да, власти проводят усиленно и, к сожалению, иногда успешно, в целом успешно, политику деполитизации. Они проводят такую политику, которая разрушает политическое сознание и делает людей политически инфантильными. Это их логика, это их политика, они умышленно это делают с помощью СМИ самых разных, думаю, что в том числе и тех, которых он…, вот.

Константин Эггерт — Речь не обо мне.

Григорий Явлинский — А мои избиратели, а у меня точно не меньше миллиона, ну точно, они не… и никогда не простят ни аннексию Крыма…, ни войну в Донбассе, ни безумную, бесцельную, опасную для будущего страшную войну гражданскую, участие в гражданской войне в Сирии, ни ЧВК в Африке… Они не забудут никогда, точно так же как они никогда не забудут политических заключенных, точно так же как они никогда не забудут, кто построил вот эту систему, которая действует в России сегодня, почему она такая и совершенно неприемлемая.

Константин Эггерт — Кто ее построил?

Григорий Явлинский — Ее построили в 1990-е гг. на наших глазах. Вот. Поэтому мои избиратели это не забывают, и они правы. Только я думаю, что их больше, чем миллион, гораздо больше, но они не играют никакой роли…

Константин Эггерт — …из-за деполитизации всех остальных?

Григорий Явлинский — Они не играют никакой роли не поэтому. Они не играют никакой роли, потому что выборов нет, потому что трехдневное голосование, потому что будет электронное голосование во всех больших городах…

Константин Эггерт — Ну, до этого не было и все равно…

Григорий Явлинский — Да. Они ничего не могут поделать с тем, что, например, на Западе, в Германии все равно все аплодируют, все равно всем довольны, все равно всем удовлетворены. Поэтому ну что же им делать, они голосуют и тем самым выражают свое отношение ко всему происходящему. Особенно это важно после 1 июля прошлого года, когда Путин уничтожил российскую Конституцию.

Константин Эггерт — Вы об этом тоже говорили не раз.

Григорий Явлинский — Я обо всем говорил. Я был бы рад, если бы все это читали.

Константин Эггерт — Я бы хотел вас вот о чем спросить: а будущее как? Нарисуйте контур, что… Многие же мои со-интервьюеры, участники моей программы, я их спрашиваю: вот что будет дальше? Нарисуйте, как, вы считаете, будет развиваться страна.

Григорий Явлинский — Да, это правильный вопрос.

Константин Эггерт — …внутри Кремля будет вот этот взрыв недовольства, что «хватит, мы больше не можем»?

Григорий Явлинский — Нет… Значит, во-первых, я думаю, я уверен в этом, что никакого изменения системы власти с улицы не будет в России никогда, это невозможно. Бунт может быть, и он закончится тем, что станет еще хуже, это может быть. Это ужасно будет, но это…

Константин Эггерт — А изнутри?

Григорий Явлинский — А по-настоящему это очень долгий процесс…, теперь долго. Потому что я должен сказать, что эпоха постсоветской модернизации…

Константин Эггерт — …закончилась, я это знаю.

Григорий Явлинский — Это делает вам честь.

Константин Эггерт — Я же читал.

Григорий Явлинский — Тогда вы должны знать еще и то, что это поражение нашего поколения, я считаю это моим поражением и поражением всего нашего поколения. Это серьезное дело. Теперь начинается другая эпоха. Это эпоха, в которой происходит политическая энтропия, распадаются политические структуры. Это эпоха, в которой цифровые технологии обогнали сознание, люди не знают, как с этим справиться, и это везде, а в России это принимает особо авторитарный,

почти тоталитарный, с очень мрачными перспективами режим. Однако я видел политическое чудо, и вы его тоже видели, — это то, что произошло в СССР в конце 1980-х гг.

Константин Эггерт — В период перестройки. Но вы знаете, история не повторяется.

Григорий Явлинский — Вот тем более, а чудеса повторяются, раз уж они существуют. А я видел еще одно политическое чудо. Я, например, видел, как в 2004 году ни одного признака ничего хорошего в Украине в то время не было, и в мае не было, и в июне не было, и… А в ноябре уже был Майдан огромный, там сидели сотни тысяч людей.

Константин Эггерт — Но это незаконченная революция до сих пор, даже без Путина.

Григорий Явлинский — Неважно, оно… Я же вам не про то, чем оно закончилось, да, вон, реформы Горбачева тоже закончились Путиным пока, а там они тоже не закончились. Но вот это вот ощущение невероятности, то, что ты не ожидал, то, что никто не мог, никто, не то что я, никто не мог предвидеть, — это дает надежду, дает оптимизм и говорит мне: ты делай свое дело; если ветер дует, ты должен уметь поставить парус, и у тебя этот парус должен быть, вот то, что я стараюсь делать.

Константин Эггерт — Последний вопрос.

Григорий Явлинский — Да, пожалуйста.

Константин Эггерт — Вы как-то мне рассказывали историю, может, не только мне, о том, как Борис Николаевич Ельцин уговаривал вас сняться с выборов…

Григорий Явлинский — Да.

Константин Эггерт — …в 1996 году.

Григорий Явлинский — Да.

Константин Эггерт — И несколько раз предлагал вам разные вещи, потом…

Григорий Явлинский — должность…

Константин Эггерт — В последний момент он сказал: «Ну последнее ваше слово, сниметесь или нет?» Вы сказали, по вашим словам, нет, и Ельцин на это ответил: «Я бы тоже так поступил». А сейчас вы

фактически уходите с лидера партии, не избираетесь, вы стараетесь уйти в тень, по крайней мере вы об этом говорите.

Григорий Явлинский — Да нет…

Константин Эггерт — Это не уход?

Григорий Явлинский — Нет. Вы ничего не поняли, жаль. Я буду более понятно объяснять, раз даже вы не поняли, значит, надо понятнее объяснять. Объясняю. Вы же сами сказали, какие сейчас выборы. Я трижды был кандидатом в президенты, трижды… Я семь раз возглавлял список в российском парламенте. Сейчас наступил момент, когда это должна делать молодежь, а я должен заниматься политикой по-настоящему, вне этого. Там свои правила, там свои события, они необходимы, потому что жизнь продолжается. Но значок, значок, для того чтобы в России заниматься большой политикой, совершенно не нужен и не обязателен. Так что вы еще будете не раз у меня брать интервью.

Константин Эггерт — Григорий Явлинский. Большое спасибо за участие в программе.

Григорий Явлинский — Спасибо вам. Извините, если резко говорил.

Константин Эггерт — Ничего, я привычный.

«Будет возможность проголосовать против войны»

22 июля 2021 г., радио «Эхо Москвы»

Алексей Венедиктов — Добрый вечер всем. В Москве 20 часов 7 минут. Напоминаю, у микрофона — Алексей Венедиктов. Мой гость — Григорий Явлинский, председатель Федерального политкомитета партии «Яблоко» и один из основателей партии. Добрый вечер.

Григорий Явлинский — Добрый вечер.

Алексей Венедиктов — Мы сегодня договорились говорить по одной теме — эта тема будет Россия и Украина, Украина и Россия, как угодно. Напомню, что Григорий Алексеевич родился на/в Украине. Давайте не будем — вот я слушателям говорю — придираться к русскому языку. Как получается, так получается. Но, конечно, важно понять, каким образом Григорий Алексеевич видит то, что сейчас случилось и происходит, и как из этого выходить.

Я, конечно, могу стартовать со статьи Путина. Григорий Алексеевич, я прочитал, естественно, ваш блог на сайте «Эха» в том числе. Вы можете сами прочитать. Но вы можете задавать Григорию Алексеевичу вопросы по Украине и высказывать свое мнение. Как вы считаете, вот действительно Владимир Путин и команда Путина верят в то, что написано в этой статье и дано в интервью: вот такое отношение — один народ, и следствие, которое из этого исходит? Пожалуйста.

Григорий Явлинский — Спасибо. Прежде всего я благодарю за приглашение. Я очень это ценю. Хочу предложить нашим слушателям

прочитать мою статью, которую я написал в ответ на статью Владимира Путина. Там я попытался все подробно объяснить. Ну и сейчас, может, что-то добавлю или еще раз объясню.

Алексей Венедиктов — Нет, вы объясните. Не все читали.

Григорий Явлинский — Я думаю, что они так верят. Ну, там, собственно, так подобрали людей. Если подбирать людей таким образом, так они вот так и верят. Но, вообще говоря, дело же, в общем, не в этом. Я хочу еще раз сказать, я вообще считаю, что если кто-то кого-то считает братом, нужно ему помогать, а не приковывать его к батарее и заставлять жениться по своему выбору (то есть по выбору того, кто приковал). У брата не надо отбирать паспорт, а надо признать его независимость, самостоятельность, помогать ему, особенно если ты считаешь, что это близкий тебе брат, человек. А ситуация-то совсем другая.

Алексей Венедиктов — Извините, я просто, читая статьи и высказывания и Путина, и господина Патрушева, они-то считают, что брат попал в заложники к разного рода внешним силам, негодяям, можно сказать, и его шантажируют и пытаются его из семьи выдрать в вашей терминологии.

Григорий Явлинский — Я так скажу, что у нас теперь все негодяи вокруг. У нас уже список есть, правда, еще туда не всех включили. Но уже есть список недружественных стран. У нас нет дружественных стран, поэтому, по их мнению, вообще все — негодяи. Только они сами и Мария Захарова — это нормально, а вот все остальные — они негодяи. Это первое. Второе. Ну и бывает такая паранойя, что такое в голове кажется все время, страхи и ужасы всякие накручивают.

Но я скорее, вообще-то, думаю, что это повод и это такой метод сказать, что существует какая-то там анти-Россия, какой-то такой подход. А все это сделано просто для того, чтобы лишить перспективы независимого государства, которое сложилось в Украине в последние 30 лет. Это такой прием. Собственно, это не совсем новый прием. К сожалению, в истории такие приемы были, когда рассказывали: «Как же… Мы тут все один народ. И границы условны. Зачем они нужны?» Не хочу приводить эти примеры. Все их знают. Но здесь я просто хочу сказать, что это такая доктрина.

Алексей Венедиктов — Доктрина Путина.

Григорий Явлинский — Да, это доктрина Путина. И это доктрина, как вы однажды упомянули, имперскости. Нужно это тоже понимать. Это доктрина этнического национализма и шовинизма о превосходстве, о том, что нет у них права на самостоятельную политику, нет права на внешнюю самостоятельную политику, нет права на оборону и на политику безопасности. Это неправильно. Это глубокая, очень серьезная ошибка.

Алексей Венедиктов — Но это тогда относится не только к Украине, это и Грузия, и Армения, и Казахстан, и Узбекистан.

Григорий Явлинский — Вот, совершенно верно. Поэтому я сказал, что это именно доктрина. И она имеет широкое применение. Она просто сейчас высказана по отношению к Украине. Но она в той же мере относится к Беларуси, к Казахстану, к Северному Казахстану и так далее. Это просто дело-то такое касается всех. А речь идет о чем? Ведь как сделана статья? Что есть территории, которые принадлежат России. Они гораздо больше, чем Крым и Донбасс. Есть процесс, как они выражаются в этой статье, «украинизации», то есть принуждения русских к украинскому языку.

Алексей Венедиктов — Но он есть.

Григорий Явлинский — Я учился, правда это было довольно давно, в украинской школе, потому что дома мы разговаривали только на русском языке. Моя мама родилась в Харькове, а отец мой родился в Черкассах.

Алексей Венедиктов — А вы — во Львове.

Григорий Явлинский — А я — во Львове, потому что он вернулся с фронта. А деда моего туда отправили после войны, потому что Харьков был разрушен дотла. И поэтому я родился во Львове. Мой отец считал, что русский язык у меня будет, потому что семья русскоязычная полностью, а украинский язык я должен знать, потому что я живу на Украине.

Алексей Венедиктов — Это ваш отец считал.

Григорий Явлинский — Да.

Алексей Венедиктов — В Советском Союзе.

Григорий Явлинский — Да. И с 5 класса я учился в украинской школе. И потом я учился в вечерней школе после 8 класса. Работал на заводе. И вечерняя школа тоже была украинская. Я закончил 11 лет в украинской школе. Я никогда об этом не жалел. У меня русский язык был раз в неделю. Мне это никогда не мешало и никогда не было для меня никакой проблемой. Поэтому я вообще не вижу в этом никакую проблему вообще.

Алексей Венедиктов — Просто сегодня, я напомню нашим радиослушателям, Генеральная прокуратура Российской Федерации подала от имени Российской Федерации в суд ЕСПЧ (в межгосударственный суд). И там одним из упреков по отношению к Украине является вот ровно эта языковая политика украинского руководства.

Григорий Явлинский — Я не знаю подробностей в настоящий момент. Но так, как это было устроено, и как я учился… Но, кроме того, все мои друзья, с кем я жил, мои близкие и дальние родственники, кто живут в Украине (мои родственники живут по всей России, в том числе и в Украине), — никто никаких особых претензий-то не высказывал. Надо знать язык там, где ты живешь. Что в этом особенного? Что в этом плохого? Это уважение к той стране, в которой ты живешь. Это очень хорошо. А, собственно, в чем смысл государства? Защищать интересы той страны, где ты живешь. Оно обязано защищать интересы украинского языка.

Между прочим, должен вам сказать, что русский язык — очень мощный язык, очень большой язык, очень могущественный язык. С ним всегда будет все хорошо. Я надеюсь. Я бы так хотел. Это мой родной язык. А украинский язык требует поддержки и требует защиты. И если в Голландию поедете, там то же самое; если в Бельгию поедете, там будет то же самое; в Прибалтийские республики — будет то же самое. Это часть культуры. Я в этом не вижу ничего плохого. Наоборот, я считаю это очень хорошим, очень правильным. Что в этом особенного?

Алексей Венедиктов — Это такой упрек украинскому руководству со стороны нынешней команды, управляющей Россией.

Григорий Явлинский — Ну, упрек несправедливый. Но дело-то тут в другом. Дело тут в том, что так, как это записано в статье, суть того, что там сказано — что Украина не имеет права на государственность.

Алексей Венедиктов — Прямо так? Вы так поняли?

Григорий Явлинский — Да, примерно там так сказано по многим направлениям. Это я делаю вот такой вывод. И более того, если бы такая статья была написана 25, 35, 45, 50 лет назад — это было бы просто объявление войны. Это ультиматум.

Алексей Венедиктов — Григорий Явлинский в эфире «Эха Москвы». Мы разбираемся в российско-украинских отношениях и в российской политике в сторону Украины. Вы сказали, что статья Путина и последующие, наверное, разъяснения, если так можно сказать, и интервью — это ультиматум. Где вы там увидели ультиматум?

Григорий Явлинский — А там просто так и сказано, что мы никогда не допустим, мы с этим не согласимся. Там сказано, уходите с тем, с чем пришли. Там сказано, что огромное число территорий вам не принадлежит. И там сказано, мы никогда не согласимся с тем, что там какие-то другие страны вами командуют и так далее.

Но я говорю, что стилистика вот этой всей статьи очень серьезная; это стилистика ультимативная и это стилистика объявления такой войны. Война-то, как вы знаете, теперь бывает очень разная — она бывает холодная, бывает гибридная, бывает горячая. К счастью, непонятно, о какой войне идет речь. К счастью, потому что вообще, я надеюсь, в условиях фейков и постмодерна как-то, может быть, можно будет избежать горячей фазы всего этого. Но, вообще, риски резко возрастают.

Алексей Венедиктов — Риски чего?

Григорий Явлинский — Риски столкновений и столкновений очень серьезных. И здесь же еще есть несколько обстоятельств. Одно из них заключается в том, что это же адресовано не только Украине, это адресовано всему западному миру. Ему сказано: «Да, Украина может стать площадкой, на которой произойдет столкновение». Там же об этом речь идет. Там речь идет о том, что Украина может стать таким плацдармом. И в этом смысле эта вещь действительно очень серьезная.

Потому что, на самом деле, речь идет не об отношениях только России с Украиной, а речь идет об отношениях России со всем западным миром — с Европой, с Соединенными Штатами. Это, на самом

деле, очень серьезная вещь. Вы, кстати говоря, вот только что задевали такую тему. Тем более, что у нас на самом деле обостряется ситуация с Афганистаном, очень серьезно обостряется. Только что талибы сообщили, что 90% границы они уже контролируют. Это очень серьезные опасности.

Тем более, что там не только талибы, там теперь есть ИГИЛ. А с ИГИЛом вообще отдельные счеты. Кроме того, там есть значительное число тех, кто туда сбежал или переехал, или перелился, можно так сказать, из Сирии, где, как сказал наш доблестный министр обороны, мы испытываем 320 видов вооружений. Представляете, в чужой гражданской войне мы испытываем 320 видов вооружений. Ну, понятно, что у тех людей, которые там теперь в Афганистане, у них теперь особое отношение.

Алексей Венедиктов — Я просто напомню, Григорий Алексеевич, что ИГИЛ и «Талибан» — это террористические организации, запрещенные к действию на территории Российской Федерации. И сразу хочу сказать, что после этого часа спецпредставитель по Афганистану президента России будет у нас в эфире. Я записал сегодня с ним большое интервью.

Почему вы связали Афганистан и вот это украинский, извините, сюжет? Вы как-то сразу туда «бах» и на юг.

Григорий Явлинский — А потому что все это вместе говорит о тупиковости нашей всей внешней политики, потому что это угрозы, причем в данном в случае угрозы аж с двух сторон.

Алексей Венедиктов — Но Украина же не угроза, вы говорите.

Григорий Явлинский — Мы ей пытаемся угрожать. И в этом смысле мы создаем эту угрозу.

Алексей Венедиктов — Для себя.

Григорий Явлинский — И там у нас есть угроза, о которой вы только что сказали. В этом заключается тупиковость. Мы для будущих поколений и для себя тоже создаем большие угрозы. То есть такая внешняя политика против интересов России и против ее будущего. Вот мысль главная, которую я хочу сказать. И это тупиковая и опасная внешняя политика.

Кстати, вы как историк, наверное, обратили внимание. Я внимательно читал ваш комментарий — не раз вы его давали — о том, какой большой исторический материал в этой статье. Правда же?

Алексей Венедиктов — Да. И я знаю, как долго над ним работали.

Григорий Явлинский — Так вот я хочу вам сказать, что с точки зрения политика эта статья антиисторична.

Алексей Венедиктов — Объясняйте.

Григорий Явлинский — Объясняю, конечно. Для политика не нужно писать огромные трактаты про историю, а нужно извлекать уроки и выводы делать из истории. Вот тогда это будет правильно. А здесь, я думаю, дело обстоит совсем не так.

Алексей Венедиктов — А какой урок вы бы сделали из отношений России и Украины после революции 90-х годов XX века? Какой урок, который, по-вашему, не увидела команда Путина?

Григорий Явлинский — А очень простой урок, но очень важный. Подоплека этого урока заключается в том, что изменилось время.

Алексей Венедиктов — Объясняйте.

Григорий Явлинский — Да, я хочу поделиться с вами этим важным соображением и с нашими слушателями. Понимаете, у каждого времени есть свое содержание. И если ошибаться в нем, то обязательно это закончится очень плохо. А именно. Вот, например, сейчас наступило такое время, когда нельзя пользоваться просто интуитивными историческими всякими основаниями, хотелками, а разумом надо пользоваться. Потому что время по-другому движется.

Алексей Венедиктов — Нет, можно сказать, что это было всегда. Почему сейчас такое время?

Григорий Явлинский — Вот, это было всегда. Но далеко не всегда люди понимали, что происходит.

Алексей Венедиктов — Конечно.

Григорий Явлинский — Кстати, вот этот путч, о котором вы только что спрашивали — это тоже на эту тему. Если вы мне позволите, я сейчас к этому даже вернусь. Это было так всегда. Более того, есть, конечно, исторические традиции. К ним нужно относиться с интересом и уважением. Но действовать надо с учетом рационального прогресса для данного времени. Вот в чем смысл. Есть, конечно, исторические

общности — это тоже важная вещь, их тоже надо учитывать. Но для политического процесса в данную минуту самым главным являются общие устремления.

Алексей Венедиктов — У кого общие?

Григорий Явлинский — Для разных народов.

Алексей Венедиктов — А вы думаете, что российский народ не разделяет в основном, в массе того, что команда Путина в виде Украины показала: общий народ, общая судьба, общий язык и так далее? Вы думаете, что народ думает по-другому?

Григорий Явлинский — Вы знаете, а я сейчас вам скажу, что ответственность политиков — разъяснять людям. Они для этого находятся в политике и получают зарплату за это. Вот у врача задача — разъяснять, как нужно себя вести, чтоб быть здоровым, чтоб выздороветь, чтоб не болеть, что нужно вакцинироваться. Вы, кстати, вакцинировались?

Алексей Венедиктов — Вакцинировался. У меня QR-код есть.

Григорий Явлинский — Вот всё, прекрасно.

Алексей Венедиктов — Могу предъявить.

Григорий Явлинский — Вот я тоже вакцинировался. И считаю, что это правильно делать. Тем более, что я хочу обратить ваше внимание, что российские специалисты сделали хорошую вакцину, которую во всем мире уже признали. В смысле как вакцину. Там дальше идут политические игры всякие, но как вакцину ее признали во всем мире. Я вот, например, горжусь нашими специалистами.

Возвращаясь к этой теме, еще раз хочу сказать: общие устремления. Вот вы меня спросили, а общие устремления в чем? А общие устремления в том, что Украина хочет стать европейской страной. Вот это ее устремление. А на самом деле дело заключается в том, что и у России другого выбора нет.

Алексей Венедиктов — Ну вот. Совместно и вместе, да.

Григорий Явлинский — Вот это и есть общие устремления. Поэтому нужно не мешать Украине это делать, а свою политику с Европой выстраивать в правильном направлении, а не так, как сейчас: жить в постоянном конфликте, собачиться и даже довести дело до того, что 3/4 европейских стран не хотят встречаться с нашим президентом.

Это абсолютно тупиковая, неправильная политика. Потому что в мире сейчас существуют два центра экономической мощи с непримиримыми намерениями в смысле конкуренции — это Северная Америка и Юго-Восточная Азия.

Алексей Венедиктов — Так. А мы где?

Григорий Явлинский — В том-то и дело.

Алексей Венедиктов — Европа где?

Григорий Явлинский — Если Европа хочет быть третьим центром, то никакого другого выбора, кроме как найти общий язык с Россией, не существует у Европы. А Россия, если она этого не сделает, она развалится. Мне очень больно.

Алексей Венедиктов — Ну почему?

Григорий Явлинский — Потому.

Алексей Венедиктов — Ну почему?

Григорий Явлинский — Потому что если вы прочитаете все, что пишут сейчас теоретики мировой экономики в России, вы поймете почему. Потому что не хватит экономического потенциала. Вот почему. И потому, что тоже есть страны, у которых серьезные претензии к российским территориальным границам. Вы знаете это?

Алексей Венедиктов — Да, естественно. Конечно я знаю.

Григорий Явлинский — Вы знаете. И все знают это. Поэтому если они начнут писать исторические статьи, то, извините, как говорили у нас в школе, мало не покажется. Там об огромных территориях идет речь. Речь, конечно, идет о Китае.

Алексей Венедиктов — Безусловно.

Григорий Явлинский — Вот. А там можно написать все то же самое, даже круче еще: про опиумные войны, про вторую опиумную войну.

Алексей Венедиктов — Не подсказывайте председателю, Григорий Алексеевич.

Григорий Явлинский — Ладно, тогда я не буду. А то он без меня не догадается.

Алексей Венедиктов — Я напомню, Григорий Явлинский. Мы говорим об Украине и российско-украинских отношениях. Через 5 минут после рекламы и новостей мы вернемся в студию. Пишите ваши вопросы. Пока хороших вопросов не вижу.

Алексей Венедиктов — 20 часов и 33 минуты в Москве. Григорий Явлинский в студии Мы говорим о российско-украинских отношениях. Влад из чата спрашивает: «Ну хорошо, критиковать каждый горазд. А если бы вы были президентом, вы как бы с Украиной сейчас? Вот исходя из того, что на Донбассе, в Крыму, что бы вы делали?»

Григорий Явлинский — Благодарю за вопрос.

Алексей Венедиктов — Влад, спасибо.

Григорий Явлинский — Влад, спасибо. Можно посмотреть. Я опубликовал. Во-первых, есть план по Донбассу.

Алексей Венедиктов — Ну, скажите.

Григорий Явлинский — Есть план, состоящий из целого ряда элементов, который о гарантиях населению, о безопасности, о привлечении международных сил к обеспечению этой безопасности, о закрытии границ. Там есть все 10 пунктов. Они все подробно изложены. И я буду рад, если вы их посмотрите. Что же касается Крыма, нужна международная конференция по Крыму, инициированная Россией, для обсуждения этой проблемы, для того чтобы в конечном счете решить этот вопрос так, чтобы границы были признаны. С участием Украины, безусловно. Без обсуждения и без реализации такого и по тому, и по другому вопросу… Все есть, опубликовано. На выборах 2018 года я как раз выходил с этим планом.

Алексей Венедиктов — И ничего не изменилось, ничего не скорректировалось? Ситуация же меняется. Время меняется, вы говорите.

Григорий Явлинский — Да, время меняется.

Алексей Венедиктов — Может, устарел ваш план-то?

Григорий Явлинский — Это первые шаги совершенно необходимые. А в дальнейшей перспективе после урегулирования этих шагов… Дорогие слушатели, дорогие друзья, я хочу сказать, вот эти интеграционные процессы, которые должны быть между Россией и Европой — это не вопрос желания, преференций, это как законы физики, это неизбежные законы развития. Если от них отказываться или их тормозить, будут крайне негативные последствия по самым ключевым вопросам: и по экономике, и по социальной жизни, и по климату, и по всему такому дальше.

Алексей Венедиктов — Вы так легко сказали про Крым и про Донбасс, что вот есть план, давайте пойдем по плану.

Григорий Явлинский — Да.

Алексей Венедиктов — Путин тоже говорит: есть план — вот минский план.

Григорий Явлинский — А это в 2014 году было сформулировано, было опубликовано. Потому что, еще раз говорю, это же принцип совсем другой. Это принцип, связанный с тем, что не надо рвать на части постсоветское пространство, потому что всегда Украина и Беларусь будут стремиться в Европу.

Алексей Венедиктов — Так Путин и говорит, что Буш рвал, и сейчас Байден рвет.

Григорий Явлинский — Не Байден рвет туда, а Украина считает, что ей нужно жить, как Словакии, как Румынии, как Болгарии, как Греции, если хотите, как другим православным в том числе странам Европы. Вот так они себя понимают. И так понимала себя Россия, прежде чем не придумали абсолютно несуществующую на самом деле концепцию, что мы какой-то изолированный кокон, мы, как сказал однажды Владимир Владимирович, отдельная цивилизация.

Алексей Венедиктов — Да, сказал.

Григорий Явлинский — Потом он еще однажды пошутил, что Россия нигде не кончается. И так далее, и так далее. Вот это все очень опасная, бесперспективная политика, которая приведет Россию к очень нехорошим последствиям.

Алексей Венедиктов — Почему Китаю можно быть отдельной цивилизацией, а России нельзя быть отдельной цивилизацией?

Григорий Явлинский — Потому что он Китай.

Алексей Венедиктов — Ну, это ответ…

Григорий Явлинский — Это такой ответ.

Алексей Венедиктов — Ну, Григорий Алексеевич.

Григорий Явлинский — А как же? Я вам объясняю. Потому что Китай и его цивилизация — это вообще другое образование. И потому — вы, может, не знаете этого, — что там почти полтора миллиарда население.

Алексей Венедиктов — Знаю.

Григорий Явлинский — Я думаю, что знаете. Там полтора миллиарда население. И это совсем другой взгляд на мир. Кроме того, Китай коммунистический. У него еще все впереди. У него впереди большие-большие проблемы. Это все впереди. Но Китай коммунистический. Мы не коммунистическая страна, а мы — никакая. У нас есть один лидер и группа людей вокруг него. И все. Ни разделения властей, ни законов, ни независимой судебной системы.

Алексей Венедиктов — А хотите, как в Украине, спрошу я от его имени?

Григорий Явлинский — А что, по-человечески нельзя? Можно только так, чтобы все не работало? А сделать так, чтобы государство было основано на правах человека, чтобы реально была свобода, чтоб было уважение к человеку, чтоб было разделение властей, чтоб была конкурентная рыночная экономика настоящая, а не государственная, чтобы было гражданское общество, чтоб люди жили без страха? Так сделать нельзя? Так сделать надо, потому что только в этом возможность развития для нашей страны. Вот, собственно, и все. Это требует время. Это не потому, что кто-то придумал. Потому что будущее — это свободные люди, которые живут без страха и могут заниматься творчеством. А в России сейчас все идет совсем наоборот.

Алексей Венедиктов — Где в этой вашей конструкции так называемый украинский синдром?

Григорий Явлинский — Какой синдром?

Алексей Венедиктов — Украинский.

Григорий Явлинский — А что такое украинский синдром?

Алексей Венедиктов — Ну вот мы же с Европой развелись, вернее, стали противостоять на украинской тематике — на Крыме, на Донбассе.

Григорий Явлинский — На какой тематике? Вы сами говорили. В 2008 году Путин по всем телевизионным каналам говорил, что у нас нет претензий, у нас нет проблемы с Крымом.

Алексей Венедиктов — Да.

Григорий Явлинский — А потом появился синдром.

Алексей Венедиктов — Но он же есть. Нельзя же говорить: «Нет, его нет!».

Григорий Явлинский — И вот надо лечиться, надо исправлять. Что ж тут сделаешь?

Алексей Венедиктов — А я вам задал вопрос: если большинство населения — мы не знаем на Донбассе, но в Крыму мы точно знаем — эту политику интеграции в том виде, в каком видит Путин, Украины поддерживает, что делать? Вы говорите, политик должен объяснять. Но политик так не считает.

Григорий Явлинский — Еще раз, надо объяснять, как надо сделать. Я думаю, что если вы будете спрашивать, что делать с островом Даманским…

Алексей Венедиктов — Он уже у Китая.

Григорий Явлинский — Да что вы говорите?

Алексей Венедиктов — Да. А вы не знали?

Григорий Явлинский — А сколько там похоронено наших военных, которые жизнь отдали за него? 58. А его взяли и отдали Китаю. Спрашивали у населения? Так вот, значит, отвечаю. Надо людям все подробно объяснять, рассказывать, Люди у нас умные. Я считаю наш народ очень умным. Я очень всех уважаю. Я, кстати, 30 с лишним лет езжу по всей стране. Я, как вы знаете, десять раз участвовал в выборах федеральных: семь раз в парламентских (в Думу) и трижды в президентских. С кем я только ни встречался. И везде я отвечал на эти вопросы.

Люди очень умные, вдумчивые. Только надо, чтобы политики выполняли свою задачу: не морочили им голову, а говорили, что интеграция с Европой, открытие дверей для Украины, для Беларуси, чтобы на европейской территории бывшего СССР был альянс государств, основанных на независимом суде, на приоритете прав человека, вот каждого человека, на уважении к человеку, на частной собственности, на конкуренции, на высоком уровне и стандарте социальной политики, когда не 13 тысяч люди могут потратить на то, чтобы в школу ребенка отправить, чтоб бедности не было, чтоб нищеты не было, чтоб справедливость была. Вот что нужно делать.

Алексей Венедиктов — Ну, Григорий Алексеевич, смотрите, 1991 год опять мы вспомнили…

Григорий Явлинский — Вот хороший вопрос.

Алексей Венедиктов — Когда распадался Советский Союз, собственно, последний удар, coup de grace, как говорят французы, нанесла Украина своим референдумом. 1 декабря большинство украинцев проголосовало. И как говорил Бжезинский, без Украины нет Российской империи.

Григорий Явлинский — Да. Бжезинский говорили, что Россия без Украины лучше, чем Россия с Украиной. Это правда.

Алексей Венедиктов — Он поляк. Ему можно.

Григорий Явлинский — Нет, дело в том, что он представлял стратегические интересы нашего оппонента, нашего противника того времени — Соединенных Штатов. Правильно их представлял. Как умел, так и представлял.

Но вот я вам как раз хочу привести такой пример. Вот смотрите, что такое политика и время. 1991 год, осень.

Алексей Венедиктов — То есть после путча.

Григорий Явлинский — Да нет, вместе с путчем. Сейчас скажу. Лето–осень. Весь мир занимается чем? Начинается глобализация, появляется мягкая сила, только и обсуждается, что появилась новая сила — мягкая. В Европе идет активный процесс создания Евросоюза, то есть интеграции в Европе. А в России что происходит? В России происходит ГКЧП.

Алексей Венедиктов — В Советском Союзе.

Григорий Явлинский — Да, в Советском Союзе. Происходит что? ГКЧП и Беловежская пуща. То есть все просто прямо наоборот. От национализма, от глупости партийных аппаратчиков, от нежелания делать то, что уже тогда было сделано. Ведь был же тогда и Договор об экономическом союзе. Я лично делал Договор об экономическом союзе.

Алексей Венедиктов — Да, помним.

Григорий Явлинский — Да. Что там было? Алексей Алексеевич, мы с вами обсуждали. Там была единая валюта, банковский союз, единое таможенное пространство и так далее. Я говорил: «Флаги вешайте какие хотите, но общая экономика — это залог будущего». И что сделали? Отказались от этого всего. Обманул и отказались. А он был подписан. А вы, наверное, не помните, кем он был подписан. А он был

подписан 13 республиками из 15, кроме Грузии (там был Гамсахурдия) и Азербайджана, который обижался за Армению в то время, ну за Карабах. Все остальные подписали. Да, прибалты подписали как наблюдатели. Но Украина (Фокин) подписали как участники.

Алексей Венедиктов — Фокин был премьер-министром. Говорю тем, кто не знает.

Григорий Явлинский — Да, был премьер-министром.

Алексей Венедиктов — А потом был референдум, и народ не захотел.

Григорий Явлинский — А потом, когда все это разрушили, уже был и референдум. Я не связываю это напрямую, но все же по времени так оно и было. И мне Борис Николаевич Ельцин тогда сказал: «Нет, Россия пойдет одна. Нам это все не надо».

Алексей Венедиктов — Говорил.

Григорий Явлинский — Говорил. Это его слова. Правильно. — «Россия пойдет одна». Все. Ну, одна так одна. И они сказали: «Ну, одна. И мы пойдем». Это же они все это сделали. А теперь мы расплачиваемся, все расплачиваются. А самым страшным образом расплачиваются люди, погибающие в Донбассе — 13 тысяч. Вон в статье Владимира Путина опять приведена эта цифра. Они платят вот за то, что сделали тогда. А тогда никто слушать не хотел. И я тогда ушел из правительства и больше никогда не возвращался.

Алексей Венедиктов — Григорий Алексеевич, не тот народ попался. Украинцы проголосовали за выход из Советского Союза, за отдельное. Верховные советы всех республик избранные проголосовали за это. Там, как правильно написал Путин, никто не выходил из Советского Союза, он распался. Народ не тот.

Григорий Явлинский — Нет, это не народ не тот. Это коммунистическая элита политическая продолжала свои действия вот в такой форме. Потому что каждая эта коммунистическая группа хотела иметь собственный надел, собственный участок. Поэтому и большинство коммунистов в Верховном совете РСФСР тоже голосовали за это. У меня было вообще тогда ощущение, что я один против этого всего.

Вот это ошибки, которые вытекают из непонимания сути времени. Время требовало совсем других действий. Мы бы сейчас были

экономикой совсем другого масштаба, потому мы после Советского Союза могли создать общую экономику гораздо быстрее, чем даже это сделал Евросоюз, потому что там все было по-другому. Но мы не пошли по этому пути. Вот вам урок выпадения из времени. Вот это выпадение из времени происходит сейчас опять, но уже в более страшной даже форме.

Алексей Венедиктов — Вот мне слова «более страшной» поясните. Почему? Крупнейшая геополитическая катастрофа, — цитирую сегодня Путина, — распад Советского Союза. Что более страшно?

Григорий Явлинский — Более страшно, когда льется кровь, когда угроза войны, когда бряцанье оружием бесконечно. Вот что более страшно. Крупнейшая геополитическая катастрофа — это такой исторический разговор непонятно о чем. Потому что распалось то, что не могло жить. Он же сам это понимает. Это привет всем, кто сделал Компартию РСФСР, потом сделали КГБ РСФСР. И все развалилось. Понятно.

Но когда гибнет уже 13 тысяч человек, и еще здесь все время бряцают оружием и вот только что проводили учения у границы, изображали вот это все, и возможность столкновения и кровопролития становится все более и более реалистичной — вот где самые большие опасности. И я утверждаю, что вот такая статья и вот такая политика — это вот такая большая опасность.

И вы правы, когда вы говорите: «Ну вот народ». Да, вот ему сейчас прям эту статью трансформировали в образы. «Единую Россию» возглавит кто? Шойгу и Лавров.

Алексей Венедиктов — Да, министр обороны и министр иностранных дел.

Григорий Явлинский — Шойгу и Лавров — это и есть эта статья.

Алексей Венедиктов — Да.

Григорий Явлинский — А потом скажут: «Да, весь народ за это проголосовал». И туда же пойдут все: пойдут туда и коммунисты, и ЛДПР, и «Справедливая Россия».

Алексей Венедиктов — Куда туда?

Григорий Явлинский — Будут за это голосовать. Туда же. Все это вместе. Голосование за них — это то же самое. Это просто условное

разделение. Это все одно в этой части, да и во всех почти частях.

Алексей Венедиктов — Во всяком случае, в украинском тренде — точно.

Григорий Явлинский — Хорошо, Конституция — что, другой тренд? Вот Конституцию взяли, 287 поправок одной кнопкой проголосовали. Это что, другой тренд? Это тоже такой тренд. И все другой тренд. Ну, просто эти говорят, что пенсии надо повысить. Вот разница только в этом. А так, это все одно и то же. Вот будут говорить: «Всё, вот проголосовали». Пожалуйста. И на этом основании можно вытворять чего хочешь.

Алексей Венедиктов — Ну, правильно. Народ дал мандат.

Григорий Явлинский — Нет, это неправильно.

Алексей Венедиктов — Нет, народ дал мандат. А как вы хотите?

Григорий Явлинский — Нет, это неправильно, потому что вы людям… Ну, не вы, конечно. Вот вы стараетесь. Вот людям ничего не объяснили, просто не объяснили масштаб. А учитывая, с какой ненавистью идет пропаганда по основным телеканалам, ну о чем говорить? Ну о чем тут говорить, когда страшная ненависть, ужасное отторжение, все время вот эти вот эпитеты отвратительные? Сталкивают народы, умышленно их стравливают и, таким образом, поднимают волну национализма и там, и здесь. И это может закончиться столкновением. И столкновение будет очень ужасным для всех и для последствий.

Алексей Венедиктов — Григорий Алексеевич, а куда деть приблизительно 20–25% населения Украины, которое поддерживает другие силы (партию Медведчука, грубо говоря), которые поддерживают интеграцию с Россией? Это реально, да.

Григорий Явлинский — Я не знаю. Ну, наверное, реально.

Алексей Венедиктов — Население Крыма, между прочим.

Григорий Явлинский — Вы про выборы как задаете вопрос? Значит, вы предполагаете, что в Украине есть честные выборы, да?

Алексей Венедиктов — Я предполагаю, что в Украине есть честные выборы.

Григорий Явлинский — А вот именно этого Россия и не хочет. Вот она чего не хочет.

Алексей Венедиктов — У себя или где?

Григорий Явлинский — Она у себя не хочет и нигде не хочет. Вот сквозь зубы говорится: «Там все время меняется власть, но ничего не получается». Какую политику не хочет проводить Россия? Против чего выступает Владимир Путин? Вот против прав человека, против свободы, против честных выборов, против сменяемости власти.

Такое даже нигде не услышишь. «Яблоко» сказало, что надо наблюдение ввести на участках. То же, что сказал Алексей Алексеевич Венедиктов. Мы-то говорили — 3 дня, а он говорил — 1 день. Неважно. Что ему ответил ЦИК? ЦИК ответил: «Это подлость. Подлость — контролировать выборы. Подлость — наблюдение». Но это же вершина. Ну просто вершина. Если цитировать точно, «подленько».

Алексей Венедиктов — Подленько, да.

Григорий Явлинский — Это еще смешнее. Ну если ЦИК считает, что контроль за выборами — это какая-то подлость, тогда что еще тут говорить? Вот против этой системы, против смены власти, против прекращения авторитарного бесконечного правления — против всего этого выступает. И в этом смысле, конечно, Украина как кость в горле. Только не людям, а некоторым элитным товарищам, которые понимают, что если начнутся честные выборы, то у них будут большие проблемы.

Алексей Венедиктов — Вот смотрите, как наша российская власть угадала с Крымом. Потому что Крым — это две позиции: это граница, территория и это население, это люди.

Григорий Явлинский — Ой.

Алексей Венедиктов — Ну что «ой»?

Григорий Явлинский — Сейчас скажу, что «ой».

Алексей Венедиктов — Но это же люди. И с Донбассом в части.

Григорий Явлинский — Алексей Алексеевич, современное время — это время не территорий, это время умов и сердец. Поэтому если вы хотите работать с чем-то (с людьми), то вы должны не разрушать так называемый русский мир. А вся политика России только разрушает русский мир.

Алексей Венедиктов — Ну как же, Григорий Алексеевич?

Григорий Явлинский — А вот так. Потому что все теперь и в Харькове, и в Днепропетровске, и вообще вся юго-восточная Украина

видят, что происходит в Донбассе, и видят, как там живут люди, и видят, как эти люди бегут в Россию, а они здесь никому не нужны, только паспорта им раздают, чтобы потом кичиться этим и чтобы их там тащить куда-то там на выборы и так далее. И они этого страшно не хотят. Я все время с этими людьми разговариваю. Да, была большая симпатия и в том городе, где я часто бывал — в городе Львове. Даже там, на западе Украины, к России до 2014 года относились с интересом и уважением. Это чистая правда.

А после этого и глядя, что она натворила, никому это не надо, никто этого не хочет, потому что всем этим людям живется плохо. И откуда появляются эти страдания: «Давайте присоединим Донбасс»? Потому что все видят, что плохо людям там, очень плохо. Так разваливается русский мир. А русский мир — это Достоевский, это Пушкин. Это совсем другое, если уж об этом говорить. А там навязываются совершенно обратные вещи, которые приводят к катастрофе. Там просто огромные отряды вооруженных уголовников. Вот что там происходит.

Алексей Венедиктов — Ну смотрите, Пушкин, Достоевский — их границы не кодифицируются. А территория — это всегда где столбы поставить, где проволоку натянуть, где нейтральную полосу вскопать.

Григорий Явлинский — Еще раз, у нас есть наша международно признанная граница. Самое плохое, что мы можем делать для России — это не признавать международно признанные границы. Это значит копать России яму, самим себе.

Алексей Венедиктов — Потому что…

Григорий Явлинский — Потому что непризнание границ, во-первых, делает людей второго сорта, как это сделано в Крыму, куда Сбербанк даже боится соваться. А во-вторых, это просто ведет к тому, что в любую минуту любой может начинать с вами разговор, что это не ваша территория, не ваши границы и так далее. И я еще раз говорю, — вы не захотели меня слышать, и вы правы, я не буду подробно, хотя я готов подробно, — не забывайте, есть другие страны очень могущественные, такие как Китай, которые если начнут говорить, кому какие территории принадлежат, мало не покажется. Надо взвешивать это все. Надо видеть политическую ситуацию в мире в целом и, таким образом, защищать будущее России и российский народ. Вот что надо делать.

Алексей Венедиктов — Надо делать. Но это надо делать, как вы правильно сказали.

Григорий Явлинский — Да.

Алексей Венедиктов — Делать.

Григорий Явлинский — И, кстати, у людей, у граждан случайно… Вот смотрите, никогда советское, российское руководство не предупреждало людей, что оно собирается совершать какие-то агрессии, нападки. Они не предупреждали о входе в Афганистан в конце 1989 года, правда же? Не предупреждали.

Алексей Венедиктов — 1979.

Григорий Явлинский — Ой, извините, 1979.

Алексей Венедиктов — В 1989 вышли.

Григорий Явлинский — Да. Ну, оговорился.

Алексей Венедиктов — Ничего.

Григорий Явлинский — Да, в 1989 уже выводили, а в 1979 вводили. Они не предупреждали о том, что в Сирию (ну, там за день и вперед). Они не предупреждали про Донбасс. Ничего никто не предупреждал. А сейчас особая ситуация.

Алексей Венедиктов — Вот, пожалуйста.

Григорий Явлинский — Вы слышите меня. Сейчас президент предупредил, что примерно он собирается делать. И это сделано накануне того, что у нас называется выборами.

Алексей Венедиктов — То есть вы считаете, что это еще имеет предвыборную окраску?

Григорий Явлинский — Нет, я считаю, что это момент, когда все люди, которые не хотят войны, могут проголосовать. Ну, так случилось. Это случайность. Это случайное сочетание. Уже тут вопрос не в налогах, не в каких-то там отдельных разговорах об экономике или о чем-то. Не об этом сейчас. Сейчас разговор о мире и войне. Я еще тоже в этом не уверен, но, возможно, будет возможность, извините за тавтологию, проголосовать за «Яблоко», показав, что это люди, которые против войны в принципе, тем более с ближайшим соседом и со всем Западом.

Алексей Венедиктов — А что, все остальные партии за войну что ли?

Григорий Явлинский — Они все будут поддерживать вот это. Так уже же есть приказ изучать это в войсках.

Алексей Венедиктов — Я про партии. Это не Зюганов подписал указ, и не Жириновский подписал указ.

Григорий Явлинский — Подождите, вы же только что сказали, что по вопросу об Украине они все будут одинаковые.

Алексей Венедиктов — Так они себя ведут.

Григорий Явлинский — Значит, они все за войну, да. Потому что это вот об этом. И Владимир Путин задал этот вопрос. И вот теперь, пожалуйста, решайте. Всё перед вами. У вас есть возможность. Решайте.

Алексей Венедиктов — Я напоминаю, в эфире был Григорий Явлинский. Мы говорили про российско-украинские отношения, новые позиции. Мы, конечно, будем эту тему продолжать и с Григорием Алексеевичем, и с другими людьми, представляющими другие точки зрения.

Но Григорий Алексеевич напомнил еще про Афганистан. Поэтому в следующем часе через 10 минут у нас в программе «Тузы» — Замир Набиевич Кабулов, представитель России по Афганистану, спецпредставитель Президента. И вот мы увидим взгляд государства на эту проблему. Спасибо большое, Григорий Алексеевич.

Григорий Явлинский — Вам спасибо за приглашение. Друзья, спасибо за разговор.

За свободу народа Беларуси!

28 июля 2021 г., сайт партии «Яблоко»

Действующие власти Республики Беларусь перешли к тактике тотального уничтожения неподконтрольных государству средств массовой информации, организаций гражданского общества и диссидентов.

После отказа признавать реальные результаты выборов и подавления силовыми методами беспрецедентно массового для Европы мирного протеста, действующие белорусские власти раз за разом преследуют и подавляют всякое свободное мнение и волеизъявление. Они сознательно идут на конфликт с окружающим миром, имея единственный приоритет сохранения монопольной политической и экономической власти Александра Лукашенко.

В стране закрыты не менее 56 неправительственных организаций. По уголовным делам задержаны десятки правозащитников, журналистов, активистов. Идет наступление на независимые СМИ (Белсат, «Наша Нива», «Сильные новости», TUT.BY, «Еврорадио» и другие). Экс-глава Белгазпромбанка Виктор Бабарико, претендовавший на пост президента Беларуси, приговорен к 14 годам лишения свободы. В тюрьме Сергей Тихановский, Мария Колесникова, многие сотни других активистов, которые боролись за честные выборы и демократическое будущее своей страны. Обвинения против них безосновательны и политически мотивированы — людей арестовывают просто за то, что они имеют отличное от властей мнение.

Российское руководство полностью разделяет ответственность за репрессивный курс режима Лукашенко. Именно Кремль выступил гарантом сохранения этого незаконного правления, оказав ему прямую финансовую, информационную и организационную помощь. Страх перед свободой, перед тем, что белорусы будут сами выбирать свое будущее, а вслед за ними то же самого захотят граждане нашей страны, привел российскую власть к тому, что они разменяли многовековые братские отношения между нашими народами на поддержку диктатора.

Российская объединенная демократическая партия «Яблоко» от имени миллионов избирателей-граждан России требует освободить всех политзаключенных и правозащитников! Желаем свободы, мира и благополучия народу Беларуси. Требуем прекратить шовинистическую экспансию и поддержку диктатуры.

Председатель партии «Яблоко»

Николай Рыбаков

Председатель Федерального политического комитета партии «Яблоко»

Григорий Явлинский

Ложь открывает путь к войне

6 августа 2021 г., сайт Григория Явлинского

Переписав прошлым летом Конституцию и наштамповав сотни репрессивных законов, государство под руководством президента Владимира Путина взялось за уничтожение в России последних неподконтрольных властям средств массовой информации и журналистики как таковой.

«Радио Свобода», «Настоящее время», «Медуза» и другие СМИ, а также целый ряд российских журналистов признаны «иностранными агентами», «Открытые медиа» и «МБХ-медиа» заблокированы Роскомнадзором, издание «Проект» объявлено «нежелательной организацией», у руководителей изданий The Insider и «Важные истории» прошли обыски, редакция студенческого журнала DOXA — под домашним арестом, журналист Иван Сафронов уже год сидит в «Лефортово» по обвинению в госизмене, журналисты Ян Кателевский и Александр Дорогов также больше года содержатся в СИЗО по сфабрикованным делам. И этот список далеко не полон.

К августу 2021 года ситуация в стране сложилась таким образом, что заниматься настоящей журналистикой, свободно рассказывать людям о самой сути нынешней системы, о коррупции и беззаконии стало реально опасно. Мы помним Юрия Щекочихина, Ларису Юдину, Анну Политковскую, других российских журналистов, убитых лишь за то, что выполняли свой профессиональный долг. Но сегодня опьяненная законодательной вседозволенностью власть перешла к бес-

прецедентному наступлению на прессу. Под надуманными предлогами отдельных журналистов и целые издания клеймят «иностранными агентами», обвиняют в связях с «нежелательными» или «экстремистскими» организациями, блокируют редакциям все возможности продолжать работу, а журналистам выдают волчий билет и, по сути, выдавливают их если не из страны, то из профессии.

Почему же российская власть, поглотившая и контролирующая так или иначе практически все информационные каналы в стране, включая телевидение, радио, газеты и интернет, так боится тех немногих журналистов, которые еще отваживаются говорить что думают? Ведь даже в относительно вегетарианские времена ни так называемая независимая пресса, ни так называемые оппозиционные журналисты не помешали Кремлю сфальсифицировать выборы всех уровней, аннексировать Крым и начать войну в Донбассе. Да и год назад перед голосованием на пеньках о поправках в Конституцию СМИ едва ли представляли угрозу плебисциту, исход которого был предрешен. Почему же именно сейчас власти бросились зачищать поляну?

Есть достаточно причин полагать, что в России ведется подготовка к следующему, еще более репрессивному этапу подавления свободомыслия в обществе и, возможно, к войне. Недавно Путин официально огласил свою политическую доктрину, согласно которой у России будто бы есть основания начать войну в любой момент (см. «Об историческом будущем России и Украины», июль 2021). Во главе правящей партии на выборах поставлен министр обороны. В государственных СМИ нагнетается атмосфера ненависти, насаждается вражда к соседним странам и вообще к внешнему миру. Надо ли говорить, что ложь в этой подготовке к войне важнейший инструмент? И чем больше государственной лжи, тем опаснее становятся люди, способные говорить что думают. С ними власти теперь будут бороться целенаправленно и всеми доступными им средствами.

Говорить правду, разоблачать ложь, не допустить войну — главное.

Выражаю солидарность с журналистами преследуемых российскими властями изданий.

Интервью для фильма «30 лет ГКЧП: хождение по кругу»

9 августа 2021 г., телеканал РБК

Екатерина Столярова — Григорий Алексеевич, давайте разберемся в сути. Потому что мы общаемся сейчас с разными людьми. И я понимаю, что даже спустя 30 лет у всех очень разное восприятие тех событий. Ну, видимо, через призму своего субъективного все по-разному воспринимают, что вообще это было. Вот для вас что это было?

Григорий Явлинский — Для меня это было событие, которое прежде всего говорило о том, как могут выглядеть поступки, которые полностью выпадают из времени. Первая и самая такая, я бы сказал, внятная мысль моя о том, когда я об этом услышал — что люди делают что-то совершенно перпендикулярное всему, что происходит в стране. Это в теории можно было себе представить. А вот как практическое явление, как практические события — это было очень таким внятным и производило сильное впечатление.

То есть все люди думают о другом. Страна ждет чего-то другого. Происходят события совершенно другого направления. И вдруг на полном ходу кто-то дергает стоп-кран в прямом смысле слова почти, включает «Лебединое озеро» и говорит: «Всё, остановка». Мало того — «Двигаемся назад. И никаких разговоров. Всё закрываем, всё выключаем», танки на улице. Но это было настолько не соответствующим всему, чем жила страна, что было ясно, что это совсем ненадолго, что это какое-то почти такое случайное недолговременное событие для всей страны.

Поэтому был один вопрос: как бы не было кровопролития. Собственно, всё. А дальше это вопрос времени. Потому что остановить направление движения огромной страны — это было невозможно.

Екатерина Столярова — Но это была попытка сохранить Советский Союз в том виде, в каком он им помнился, или это все-таки было желание кресла свои сохранить? Это одна из версий.

Григорий Явлинский — Понимаете, это речь шла не о Советском Союзе тогда. И это тоже очень важно понимать. Речь шла о политической системе, о режиме, об устройстве. Вот сохранится ли тоталитарное устройство с одной партией во главе или устройство будет другое — демократическое, в котором есть оппозиция, в котором есть демократия, в котором есть выборы. Вот в чем был выбор. Про само существование Советского Союза в тот момент, в августе 1991 года никто не думал. Потому что вызов этот еще не стоял. Ну, политологи рассуждали на всякие такие темы, безусловно. Но люди в таком широком смысле слова или массы, или жители Советского Союза — никому этого в эти дни в голову не приходило. Это вопрос был о свободе, о режиме. Вот какой будет режим. Вот будет режим такой, как был, только еще жестче, с какими-то там поблажками, которые они предлагали: мелкий бизнес, что-то еще такое; или будет какая-то свобода. Что это за свобода, какая свобода — мало кто понимал. Никто, наверное, не понимал. Но ощущение было именно такое: вот мы будем жить как европейская страна, или мы на полном ходу останавливаемся, замораживаем всё и возвращаемся назад.

Екатерина Столярова — То есть получается, что ГКЧП сидел где-то настолько высоко, что не видел, что происходит в стране, какие там уже царят настроения?

Григорий Явлинский — Получается.

Екатерина Столярова — А какие царили настроения? Чтобы понимать, да? Здесь, получается, очень важно именно понять, каким было общество уже к тому моменту. Я уже на тот момент была, конечно, еще ребенок. Но сейчас читая, я понимаю, что оно было на этом расколе. То есть мы уже не хотим, как было, мы хотим как-то по-другому, но еще, наверное, не знаем, как по-другому.

Григорий Явлинский — Да. Но дело было вот в чем. Я сейчас вам попытаюсь сказать то, что, я думаю, самое главное. Где-то года с 1987–1988 появилось одно, но самое главное обстоятельство: свобода слова. Всё. Вот это то, что поменяло всё. Это было именно то событие, это было событие сверхключевое. Люди могли громко говорить то, что они думают, не боясь при этом, что их посадят, что их лишат работы, что их исключат даже из партии. Всё. После этого уже ничего остановить было невозможно.

И действия ГКЧП воспринимались исключительно как действия против этого. Вот против той самой свободы слова, против возможности говорить то, что думаешь, причем публично, причем громко, а не только на кухне или по секрету на ушко. И отсюда же это «Лебединое озеро». Всё, сразу же всё выключилось, все СМИ выключились, все агентства, какие были, они все должны были выполнять только приказы. Все это контролировалось. И так далее. Вот о чем, собственно, речь.

Екатерина Столярова — Тогда почему такое небольшое количество людей (ну, относительно небольшое) вышло все-таки на улицы. В городах вообще ведь была тишина, то есть никто не вышел. Вышло чуть-чуть Москвы, немножко.

Григорий Явлинский — Так Россия устроена.

Екатерина Столярова — То есть что есть какая-то кучка людей, вот таких энтузиастов?

Григорий Явлинский — Вы знаете, вы задеваете очень важный вопрос, ключевой. Да, активная часть общества — она небольшая. Она во всем мире небольшая. Вы знаете, что академические исследования говорят о том, что если, допустим, в протесте участвуют 3% населения, этого достаточно, чтоб поменять систему и режим, понимаете? Это наука так говорит. Тем более Россия так устроена. Россия устроена так, что вся политика в Москве. Это плохо, но это факт.

Екатерина Столярова — Даже в Москве это была небольшая группа людей в центре. Вот около Белого дома там что-то происходило.

Григорий Явлинский — Я не могу оценить, сколько было людей. Ощущение было, что… Я не видел ни одного человека. И вообще за всю свою жизнь не встречал ни одного человека, кто был на стороне

ГКЧП. Ну я просто не видел таких. И в этот день очень многие испугались, потому что знали, как умеют действовать ортодоксальные коммунисты, когда они захватывают власть. Многие очень испугались.

Но те, кто не так уж испугался, они вышли на улицы. Их было много. По крайней мере все, кого я знал, все были на улицах.

Екатерина Столярова — Интеллигенция, я так понимаю.

Григорий Явлинский — Студенты, молодежь. Не только… Вы просто посмотрите, какие были митинги на Манежной площади. Это немаленькая… Посмотрите на эти фотографии. Это совсем не мало людей. Какие были митинги в Лужниках. Если вы глянете на это, то вы увидите, что это огромные, совершенно огромные митинги. Поэтому людей было на самом деле много. Просто люди боялись выходить на улицы. Потому что не знали, что будет. Не все такие смелые. Но людей было очень много. Очень много протестующих людей — безоружных, с авоськами, с пакетами. Просто люди.

Екатерина Столярова — Просто мы много с кем общались. И были и такие версии, что на самом деле многие ну не то чтобы поддерживали ГКЧП, но поддерживали Горбачева и хотели сохранить то, к чему он шел.

Григорий Явлинский — А там не было различий. Поскольку он оказался арестованным, то и те, и другие люди были вместе. Там были те, которые за Ельцина…

Екатерина Столярова — И которые за Горбачева.

Григорий Явлинский — Да, и те, которые за Горбачева. Они в этот момент (вот в августе) в эти дни были вместе, конечно.

Екатерина Столярова — У Ельцина и у Горбачева одни ли были цели? То есть, я понимаю, был союзный договор, планировался. К нему всё дело шло. И вроде как и Ельцин его хотел и поддерживал, и Горбачев, соответственно. Но, опять же, есть… Сейчас мы общались с Венедиктовым, который впоследствии много беседовал с Ельциным на эти темы, с Павловским. И они утверждают, что да, на самом деле не хотел Ельцин никакого союзного договора, что на самом деле у него были абсолютно такие настроения, что он хотел быть ханом в своем маленьком государстве, а остальное его уже мало беспокоило.

Григорий Явлинский — Очень важный вопрос.

Екатерина Столярова — И поэтому не получилось потом что-то сохранить.

Григорий Явлинский — Прежде всего был референдум. Вы знаете, о каком референдуме я говорю. Был референдум за сохранение Союза. Но вообще я вам должен сказать. Есть такие идеи, которым политики боятся противоречить. Они настолько, вообще говоря, разумные для большинства людей, что даже политики, которые вынашивают прямо противоположные планы, они публично об этом боятся говорить. Вот Союз — это была такая идея, которую пытался реализовать Горбачев с большим опозданием, а Ельцин видел все это иначе.

Но до какого-то момента он об этом не хотел говорить. Потому что он догадывался, что это не очень-то популярная вещь. И в элитах не самая популярная, и среди людей тоже не такая уж популярная. И поэтому так внезапно потом произошла Беловежская пуща. Почему она так внезапно? Вдруг раз — и всё. Потому что эта идея была не из числа таких суперпопулярных. Она была очень радикальная, политическая, кстати, совершенно особая. Не вполне соответствующая времени и истории. То есть вполне ей несоответствующая. Потому что, смотрите, в Европе создавался Европейский Союз. Понимаете? В мире проходила глобализация. А здесь приняли решение о распаде. Прям наоборот.

Поэтому это была очень спорная история. И в этом смысле да, вы правы. В тот момент, в момент путча они объективно оказались на одной стороне, потому что Горбачев был арестован или как бы арестован. Я не знаю точно. И Ельцин одновременно еще и освобождал Горбачева, потому что в мире, конечно, фигурой №1 тогда был еще Горбачев.

В общем, сочетание всех этих факторов привело к тому, что они были вместе. Но он еще не был тогда уверен, как он поведет себя и что будет там, но он хотел абсолютной власти, да. Борис Николаевич хотел абсолютной власти. И то было одной из причин распада или разрушения Советского Союза.

Екатерина Столярова — Так вот ГКЧП стал ли в принципе таким триггером к распаду, или это в принципе уже было неизбежно, то, что произошло бы в любом случае?

Григорий Явлинский — Было ли это неизбежно, я не знаю. Ощущение такое было. ГКЧП показал, что власть союзная… ну как вам сказать? Просто всё, вне контекста. Она ничего не соображает, она не понимает направление развития. Я еще раз говорю. Это было не про СССР. Это было про политический режим. И вот такие шаги значительной части союзной власти говорили о том, что всё, эти люди вне контекста, с ними невозможно иметь дело, они ничего не соображают. Это было преступно по отношению к стране. Просто всё то, что представляло собой союзное руководство, произвело самоубийство. Всё.

Екатерина Столярова — Спасти это можно было? Допустим, Горбачев. Он ведь по сути тоже был победитель. Наравне с Ельциным. Все, ГКЧП сдались, выбросили этот белый флаг. Он возвращается. И у него еще в руках все инструменты. На мировой арене он еще лидер. Ну выступи ты с месседжем определенным. Была ассамблея ООН в сентябре. Поедь туда. Ты для них всех еще лидер.

Григорий Явлинский — Да это так и было. Однако восстановить лидерство… Формально как бы лидер. Но после того, как всё… Хотите так скажу. Ваша команда произвела суицид, сама себя уничтожила своим идиотизмом, ну просто идиотизмом, просто самоубийство совершило, ну это не так просто — набрать новую команду. Кто к тебе пойдет, как это сделать? Это же месяцы.

Кроме того, тут еще Ельцин, который все тянет на себя. Это уже было совершенно затруднительным делом. Однако некоторые вещи Горбачев сделал.

Екатерина Столярова — Что?

Григорий Явлинский — А вот что он сделал. Я тогда работал по просьбе Ельцина и Горбачева заместителем председателя последнего советского правительства. Оно называлось Комитет по управлению народным хозяйством.

Екатерина Столярова — Это вы как раз после августовских событий?

Григорий Явлинский — Прям сразу, как только они завершились. В этом Комитете по управлению народным хозяйством СССР работали Аркадий Вольский, Юрий Лужков и я. Возглавлял Силаев, который был председателем Правительства России. Вольский занимался военно-промышленным комплексом, Лужков — гуманитарной помо-

щью, которую присылал весь мир, а я занимался всем остальным, то есть всем: промышленностью, экономикой транспорта, финансами, школами, детскими садами, то есть всей экономикой, всем транспортом, всей социальной сферой. В общем, всем вот этим. И все это было в ручном режиме.

Однако главной своей задачей на тот момент я считал реализацию и создание экономического договора между бывшими республиками СССР — это было важнейшей частью моей программы. И я его сделал, я, наконец, получил доступ к информации, я, наконец, получил положение, в котором я мог принимать решения, давать поручения. Они, в основном, исполнялись, потому что идея была очень сильной. И был создан договор.

Представьте себе, что это за договор. Общая валюта — рубль. Банковский союз. Единое таможенное пространство. Единая тарифная. Общее законодательство, которое позволяет создавать экономическую структуру, аналогичную той, которую строит Евросоюз. Евросоюз к этому пришел через десять лет после этого, а мы могли это сделать уже тогда.

И вот Горбачев в ноябре, кажется, 1991 года в Кремле подписывает этот договор. Там 63 соглашения. Его подписывают, не поверите, сколько республик: 13 из 15. Не подписывает только Азербайджан (с ним проблема там Карабаха и Армении) и Грузия (там Гамсахурдия — он человек особенный). Даже балтийские государства подписывают в качестве наблюдателей.

Екатерина Столярова — То есть все готовы были все-таки продолжать сотрудничать?

Григорий Явлинский — А надо же каждый день жить. Все же понимали, что экономика взаимосвязанная, она создавалась 70 лет.

Екатерина Столярова — Все понимали, но, тем не менее, 23 августа, 24-го все уже заявили о том, что мы теперь самостоятельные.

Григорий Явлинский — Смотрите, в чем была конструкция. Я говорил Михаил Сергеевичу: «Пускай вешают флаги какие хотят, не трогайте их. Они хотят разговаривать на украинском языке, ну какая проблема — пусть разговаривают, пусть вешают. Экономику давайте сохраним, и тогда у нас есть перспектива».

Екатерина Столярова — То есть автономия — Бога ради, живите как хотите, а экономические связи...

Григорий Явлинский — Как они там хотят. У нас будет общая экономика, очевидно, что будет общая армия.

Екатерина Столярова — Потому что все было интегрировано друг в друга, как можно было это рвать.

Григорий Явлинский — Ну конечно. Очевидно, что будет общая армия. Ну всё. А дальше шаг. Если это все будет работать. Дальше посмотрим, как это все организуется. Не трогайте этот парад суверенитетов. Не трогайте — каждый первый ЦК Компартии Республики. Подчеркиваю — ЦК Компартии Республики — должен объявить себя президентом или там начальником. Ну что с ними сделаешь? Вот они такие. Вы же раньше их видели, ну вы... Поэтому не трогайте их. Давайте сделаем экономический союз — это фундамент. А потом шаг за шагом. Армию сохраним и вот этот фундамент сохраним. И всё. Сейчас никто против этого не возражает.

Но вот уже тогда можно было убедить, по крайней мере, Горбачева. Ну и всё, а потом Беловежская пуща и конец.

Екатерина Столярова — Такая судьба и с вашей программой «500 дней» была похожа, то есть Горбачев сказал: «Да, мне нравится».

Григорий Явлинский — Да, это часть программы «500 дней», правильно. Я просто не вспомнил об этом. Это часть, это крупный раздел программы «500 дней» — вот это он и был. Ну, а судьба, вот она примерно такая же. И они там даже когда подписывали это беловежье, они тоже говорили: «Нет, мы там что, кооперационные связи, мы все сохраним». Но все это было вранье.

На этом же был построен мой разговор с Ельциным. Ельцин же предложил мне стать премьером.

Екатерина Столярова — Вы отказались.

Григорий Явлинский — Да. Тогда вот, тогда. Я сказал: «У меня два вопроса. Первый: вы действительно хотите в сверхмонополизированной экономике, в которой нет ни одного частного предприятия, и в которых монополии создавались умышленно в течение 70 лет? То есть если автозавод, то самый большой, если завод кондиционеров, то один. Ну и так далее. Если молокозавод, то один на пять областей.

Вы в такой экономике хотите в один день освободить цены? И второй у меня вопрос: что будет с экономическим союзом?» И ответ мне был такой: «Россия пойдет одна, и мы не можем никого ждать».

Ну вот, мне дважды: один раз Борис Николаевич, один раз от его имени, были высказаны предложения, я сказал, что я не буду так действовать. Я не буду реализовывать такую программу, потому что будет инфляция гигантская, а из-за разрыва связей будет огромный спад производства — глубочайший. Это же очевидно.

Екатерина Столярова — Вот почему вам это было очевидно, и мне сейчас даже со стороны глядя это очевидно, а им не очевидно?

Григорий Явлинский — Кому им? Смотря кому им.

Екатерина Столярова — Ельцину, например.

Григорий Явлинский — Ельцину? Сейчас скажу.

Екатерина Столярова — То есть это какие-то имперские такие замашки, что дайте мне...

Григорий Явлинский — Сейчас скажу. Нет. Вот эти руководители КПСС, они, в принципе, не понимали, что такое экономика.

Екатерина Столярова — Ну как это?

Григорий Явлинский — Вот так.

Екатерина Столярова — Это же должно быть на уровне игры «Монополия», понимаете?

Григорий Явлинский — Да, они считают, что они скажут. Но вы совершенно правы: тут нет ничего сложного. Но из-за этого что потом получилось?

Екатерина Столярова — Вот есть завод здесь, а детальки ему поставляются, условно говоря, из другой страны.

Григорий Явлинский — Мы получили 2600% гиперинфляцию. Ну, я вот все-таки продолжу эту линию. Это что такое? Это полное уничтожение денег, просто все. А потом как проводить приватизацию? Как, если нет денег? Отсюда мы получили криминальную приватизацию, залоговые аукционы, вот это все. Все, это был фундамент страны, в которой нет разделения властей, потому что если бизнес слился с властью, а он слился с властью, потому что это полукриминальная приватизация.

Всё, значит никто в стране не заинтересован (кроме граждан) в независимой судебной системе, в независимых средствах массовой информации и далее везде. В независимом парламенте, в разделении властей. Всё. Вот это фундамент мафии, фундамент корпоративного государства. Но это потом все случилось. А в те дни, в которые вы спрашиваете меня, вроде это было очевидно.

И мне был задан такой, вот прямо так был задан вопрос. У Ельцина на столе лежат два указа назначения исполняющего обязанности премьер-министра.

Екатерина Столярова — Вы или Гайдар.

Григорий Явлинский — Да, один на вас, один... Вас он знает и хочет назначить. Второго человека он не знает и не знает, что будет, но ему назначать надо. Решайте. Я говорю: «Что вы хотите, чтобы я делал? Вы хотите, чтобы я в один день освободил цены в этой экономике, а потом вы хотите, чтобы я обрубил все кооперационные связи в течение первого года?» «Да, Россия пойдет одна, и она не может ждать». «Ну всё, — я говорю, — я не буду это делать».

Екатерина Столярова — Экономически на тот момент вообще что из себя Союз представлял? То есть мы, например, общались с людьми, которые жили в те времена. Они говорят: «Это был голод, ничего не было, и нам было плевать, останется там СССР или будет что-то другое. Мы есть хотели». И ГКЧП тоже, это же был один из инструментов, что мы голодаем, сейчас мы всем урожай там собирать пойдем.

Григорий Явлинский — Смотрите, поскольку я занимался всем вот этим в этом Комитете управления народным хозяйством, я могу сказать вам абсолютно твердо: никакого голода не было. Там произошло следующее. В командной экономике исчезли команды, то есть все было, но все превратилось в хаос. Оно все было, только его не было в магазине, потому что были фиксированные цены. Откуда появлялась эта идея освободить цены? Был Черемушкинский рынок, если вы знаете такой в Москве, — там все было. Почему? Там были свободные цены, поэтому там всё было. Ну так они сделали Черемушкинский рынок сразу везде. Но как кто не имел к нему доступа, тот и не имел потом. То есть оно-то все, может, и стало появляться, но оно же по каким ценам стало появляться.

Екатерина Столярова — Да-да-да.

Григорий Явлинский — А на самом деле это был не тот голод, когда нечего есть. Это не тот голод. Это был голод вот из-за хаоса, из-за того, что ничего невозможно было привезти, отнести, все ушло в такую незаконно частную торговлю. Ну, и т.д., и т.д., и т.д. Конечно, это все надо было приводить в порядок, конечно, нужно было, чтобы выдержать это... Например, я занимался детскими садами, больницами, школами — да не было там никакого голода. Но чтобы этим заниматься, этим надо было заниматься вручную — буквально давать команды: вот сюда вести это, проверять, контролировать. Но так не могло продолжаться дальше. То есть вот командная система, на которой основывалась советское, она развалилась. И это действительно.

Но восприятие людей было ровно такое, как вы говорите. Поэтому столько людей выходило на улицы. Поэтому столько людей не поддержало ГКЧП. Поэтому люди были за другое. Поэтому настроение... Потому что им говорили: «Если мы отменим вот эту систему, мы будем жить как в Европе». А в Европу уже некоторые съездили. Кроме того, были вообще всякие там мечты, все понимали, что: «О, ничего себе, Финляндия там».

Екатерина Столярова — Вот какие мечты? Расскажите вообще, какое было общество тогда? Что они уже видели, что они уже понимали? Вот эти люди, которые еще недавно жили за закрытым занавесом, за железным, что они уже знали и чего хотели?

Григорий Явлинский — Они просто видели, что можно жить иначе. Они видели, что вот совсем по-другому живет та же самая Финляндия — это то, что было близко. Но не говоря уже там о других странах, так называемых капиталистических. Им хотелось так. Они мечтали, что «а мы так сделаем, и у нас будет то же самое, и мы будем жить... Мы будем свободными людьми, мы будем жить припеваючи». И, собственно, всё.

Вот на этих настроениях и делал свою программу «500 дней». Ведь в чем там суть была? Суть была очень, опять же, вам понятная и простая. Я хотел, чтобы, в связи с тем, что был огромный денежный навес... Почему магазины были пустые? Потому что цены были фиксированные, а денежный навес был очень большой.

Я говорил: «А давайте мы начнем продавать государственную собственность: магазины, химчистки, прачечные, ну все на свете. Малое, среднее — людям на деньги, накопленные за советское время. И мы этот денежный навес ликвидируем довольно быстро. И оно выровняется. Ну, будет там рост цен какой-то. Но всё, появятся товары, потому что денежный навес будет ликвидирован». Вот это была малая, средняя приватизация. Это то, чего ждали люди.

Я когда только эту программу опубликовал, было огромное количество предложений из всей страны. Люди на местах разрабатывали эти программы, предлагали эти программы. Мои друзья в Москве приходили ко мне: «Мы хотим купить вот этот магазин, вот мы собрали деньги, мы готовы это выкупить». Это был огромный такой драйв. Но пошло все по-другому.

Екатерина Столярова — Ну, почему, потом госсобственность также стали продавать, только...

Григорий Явлинский — Да, только другую и другим. Сначала всех надули с этими ваучерами, которые были просто наперстками, а потом залоговые аукционы. Продавали друзьям, близким людям, вы же знаете.

Екатерина Столярова — В жизни так чаще всего все и делается — мы все близким и друзьям.

Григорий Явлинский — Вот вы меня спрашиваете, какой получился. Вот так оно и получилось, так и заложили фундамент вот этого устройства нынешнего.

Екатерина Столярова — В августе 1991 вы были в Белом доме?

Григорий Явлинский — Был, да.

Екатерина Столярова — Сразу туда поехали?

Григорий Явлинский — Ну сразу. Я не был в Москве. Я приехал через сутки после начала событий и пошел в Белый дом, да. И встретился там с Борисом Николаевичем.

Екатерина Столярова — Какая там царила вообще атмосфера?

Григорий Явлинский — Ну если откровенно, уже когда я туда пришел — то, что лично видел я — я ожидал там увидеть напряжение и тревогу, но я этого не увидел. Там все были довольно спокойные, оживленные, с улыбками. Например, Борис Николаевич, когда

я к нему пришел, спросил: «Ну вы будете теперь со мной работать?» Я говорю: «Борис Николаевич, а больше у вас никаких вопросов нет? Все остальное вам кажется...» «Да мы справимся, а вот вы отвечайте». Потому что я ему накануне сказал, что я не буду с ним работать.

Екатерина Столярова — А откуда такая уверенность, что все...

Григорий Явлинский — Я не знаю этих... Вот этих подробностей и тонкостей я не знаю.

Екатерина Столярова — Он общался с Крючковым в эти дни?

Григорий Явлинский — Он лично — вряд ли, но думаю, что с ним общались люди из окружения Бориса Николаевича. И с Крючковым, и с Язовым, я думаю, они общались. Ну я не знаю точно, но у меня ощущение, что да, они общались. И те им говорили: «Ну ничего такого не будет там...»

Екатерина Столярова — Там, наверное, была попытка что-то совместное сделать, потому что вряд ли ГКЧП понимали, что Ельцина надо там убирать, да? Я имею в виду, что они понимали, что с ним лучше договориться сейчас.

Григорий Явлинский — Они понимали, что он очень популярен, и что они побоятся его трогать, поэтому они как-то с ним разговаривали. Они почти сразу поняли, что все буксует. Танки, конечно, приехали, но никакого настроения у танкистов что-то делать... И что с ними делать дальше, с этими танками, никто ничего не знал. Ну я же вам говорю: это просто коллапс всех государственных союзных структур произошел. Просто распад.

Екатерина Столярова — Белый дом штурма не ждал? Просто о нем говорили.

Григорий Явлинский — Люди вокруг готовы были жизнь отдать. Они были просто героями. Но внутри Белого дома... То, что я видел. Я, правда, там видел только начальство больше. Они были довольно спокойны. И, в общем, они понимали, что впереди большая победа. Они понимали, что это поражение. Может быть, не в первый день, но в первый день и меня не было. Я ехал в поезде, писал листовки и раздавал на полустанках — вот я чем занимался. И собирал собрания в поезде. Люди приходили, я им что мог объяснял, рассказывал и ехал в Москву. Сутки я ехал. А когда я уже приехал, они уже были... Они уже,

видимо, понимали, что все, это вопрос дней, и они победители. Так и было.

Екатерина Столярова — То есть ГКЧП эту победу Ельцину на блюдечке фактически преподнесли и дали ему власть?

Григорий Явлинский — Ну так, если ваш оппонент... Сами подумайте, если ваш оппонент, противник, совершил... Как прилично объяснить... Ну что-то совершенно вот такое, так понятно, что вам даже делать ничего не надо. Вам только надо наблюдать. Вы же говорили, что они слабоумные. Ну вот. Они устроили слабоумное политическое мероприятие. Ну и всё. Потому что, еще раз объясняю, потому что оно совершенно было перпендикулярно, совершенно в другую сторону от того, как развивалась страна. Все мысли в стране были про другое, все настроения были про другое. Поэтому когда люди с таким удивлением вдруг услышали, что оно совершенно выпадающее из контекста...

Екатерина Столярова — Когда они выбросили белый флаг, на улице было понятное ликование, то есть это воспринималось, наверное, как победа вот народа, да? То есть люди отстояли свое право на свободу, на демократию.

Григорий Явлинский — Конечно.

Екатерина Столярова — Вы лично как это воспринимали? Вот мы, например, говорили с Павловским, и он сказал: «Для меня было очень горько наблюдать, как народ просто довольствовался тем, что снес памятник Дзержинскому. И все. То есть для них было ощущение, что вот она — победа. И никто не подумал о том, чтобы как-то дальше, может быть, создать какую-то партию политическую, еще что-то, какого-то лидера народного выбрать и двигаться дальше. А они вот все отдали Ельцину и пошли».

Григорий Явлинский — Нет, Ельцин тогда в этой ситуации оказался совершенно непререкаемым авторитетом и кумиром. Лично у меня были очень тяжелые ощущения, потому что я видел, как развиваются события. Это нужно еще предисловие к этому. Длинное довольно должно быть о том, как все это получилось, как это все... Это же было тоже... Вот это ГКЧП, оно было результатом очень большой непоследовательности: шаг в одну сторону, шаг в другую, шаг в одну, шаг в другую.

Екатерина Столярова — Горбачева?

Григорий Явлинский — Конечно. Они воспринимали его шаги в эту сторону как индульгенцию, или как право, или как указание. Такое не открытое, а такое как бы скрытое. Это вот в политике так любят: одни разговоры с одними, другие разговоры с другими. Вот эти одни разговоры и другие разговоры лежали в основе того, что они собрались, и у них была такая мысль, наверное, что нам еще спасибо скажут.

Екатерина Столярова — Но Ельцин... Нормально, это действия политика: договориться с тем, с этим, попробовать так, эдак... Он осторожничал, учитывая обстановку.

Григорий Явлинский — Это другая история. Я имею в виду, что делал Михаил Сергеевич. Он разговаривал с этими и с теми. Нет, ну понимаете, да, это вопрос шире. Он заключается в том, что, может быть, если бы Горбачев действовал более целенаправленно, то вообще ничего бы не получилось. Может быть, благодаря тому, что шаг один, шаг другой, шаг один, шаг в одну сторону, в другую сторону, в эту сторону, все оказались дезориентированы, и все получилось. Но это уже другая тема. Здесь они просто пошли. Я не знаю, подбадривал ли он их в этом отношении, получили ли они от него какие-то косвенные намеки, что это надо делать, это я не знаю.

Екатерина Столярова — Ну да, такая версия существует.

Григорий Явлинский — Но вот эта непоследовательность, она действительно производила очень сильное впечатление. И понятно было, что она чем-то таким кончится. Там есть много таких... Его встреча в Лондоне на «Семерке», когда он впервые поехал на «Семерку», Горбачев, как все это было, с чем он вернулся. Там большая тема. Это вот все, ну конечно, тема развития страны. Вообще говоря, на самом деле, в 1988 году, когда я стал руководителем сводного экономического отдела Совета министров СССР, я сказал Николаю Ивановичу Рыжкову и Леониду Ивановичу Абалкину — моим руководителям, что необходим новый союзный договор, потому что невозможно работать. У меня был сводный отдел, я должен был со всеми работать. А уже работать... 1988 год... было невозможно.

Екатерина Столярова — То есть вы считаете, что здесь Горбачев слишком затянул и надо было раньше?

Григорий Явлинский — А мне ответили через несколько месяцев. Я спросил: «Вам удалось сообщить Михаилу Сергеевичу о том, что нужен новый союзный договор?» Знаете, какой был ответ? Он будет вам очень знаком. «Вы знаете, — сказали мне, — Григорий Алексеевич, у Михаила Сергеевича столько забот: у него визиты, у него делегации, у него пленумы, у него там секретариаты...» И когда я шел по коридору в Кремле, я помню свою мысль. «Всё, — подумал я, — если не отличают главное от второстепенного, не могут определить, что самое важное, — всё». Что всё, я не знал, но понятно было, что всё.

Екатерина Столярова — Это был 1988?

Григорий Явлинский — 1988 год. А потом вернулись к этому договору уже в 1991. А так устроена политика и история, и время: пропустил время — все.

Екатерина Столярова — А в 1988 еще было не поздно?

Григорий Явлинский — Когда я увидел это, тогда я об этом говорю. Думаю, нет. Думаю, тогда можно... Тогда надо было все бросить и заниматься только вот этим вопросом — создавать... Потому что история меняется, время пришло другое. Нужно было создавать новый союзный договор. Но это если продолжать вашу мысль о том, какова судьба Союза. Вот судьба Союза, она так решалась, вот этом смысле.

Екатерина Столярова — На ваш взгляд ГКЧП — это изменники Родины?

Григорий Явлинский — На мой взгляд, дураки.

Екатерина Столярова — В связи с этим они и были амнистированы?

Григорий Явлинский — Это другая. Это еще одна тема. Хороший вопрос. Это еще одна тема. Значит, они не сразу были амнистированы.

Екатерина Столярова — Ну да, это 1993 уже был.

Григорий Явлинский — Так в 1993, когда еще одна история появилась.

Екатерина Столярова — Другие события.

Григорий Явлинский — Еще одна заваруха появилась. Ну если касаться этих именно людей, ну да. Да.

Екатерина Столярова — Потому что дураки? Или потому что Ельцину хотелось?

Григорий Явлинский — Ну потому что всех надо было... Это уже вопрос, связанный с 1993 году, с тем, что произошло в 1993 году. Я, например, считал, а это отрезали из всех моих выступлений. До сих пор сохранили мои выступления по телевидению, когда я призывал подавить мятеж. Но главное я говорил после этого. Я говорил: «Необходимо общественно парламентское расследование, кто довел дело до братоубийства». Я говорил: «Вот есть в Уголовном кодексе статья о доведении до самоубийства». Знаете, наверное, да? А это доведение до братоубийства, люди убивали друг друга. Братья, ну это уж совсем. Вот кто несет за это ответственность?

И когда создали Государственную Думу в 1993 году, решили ни в коем случае такое расследование не проводить. Мы внесли решение Думы о проведении такого расследования, а в ответ на это Ельцин договорился с коммунистами и с Жириновским о том, что амнистия. Амнистия. Но только чтобы не было расследования. Вот и все. А коммунисты...

Екатерина Столярова — То есть это не про какое-то миролюбие Ельцина? О том, что он не хотел строить там новую власть на крови? Не про то, что он хотел каким-то образом уколоть Горбачева лишний раз, что вот смотри, они тебя предали...

Григорий Явлинский — Когда? В каком году?

Екатерина Столярова — Ну вот, то, что он амнистировал.

Григорий Явлинский — Нет-нет-нет-нет. Я лично думаю, что это был шаг чтобы предотвратить парламентское расследование и постараться как можно быстрее закрыть тему. И в эту амнистию попали эти. Вот и все. Это было очень неправильное действие. Не с точки зрения, что я против амнистии. Я не про это. Для меня было главным расследование, кто довел дело до братоубийства в 1993 году. А они понимали, что это братоубийство. Самое настоящее. И для того, чтобы не было этого парламентского расследования, они его обменяли на амнистию. Вот и всё. И коммунисты поддержали это, а все остальные, кроме нас, тоже поддержали. Ну и всё.

Екатерина Столярова — В 1991 вы поехали задерживать главу МВД на его квартиру. Как вообще это произошло? Как вы туда попали? Почему вы?

Григорий Явлинский — А просто сказали, что понятые нужны.

Екатерина Столярова — Вы находились в Белом доме?

Григорий Явлинский — Да, я находился в Белом доме. Я помню, что я спал. Это ночь была. И мне говорят: «Ты знаешь, нужен кто-то вот такой известный, чтобы быть понятым при аресте Министра внутренних дел». «Ну давай, пожалуйста». Ну и все. Мы поехали сначала в Министерство, там его не было. И потом поехали на квартиру. А на квартиру когда приехали, он уже был мертвый. А жена его была тяжело ранена. Вот и все.

Екатерина Столярова — Как вы это восприняли вообще, потому что по воспоминаниям некоторые говорят, что он был на такое неспособен, что он был достаточно сильный, циничный и такой серьезный лидер вообще во всей этой группировке?

Григорий Явлинский — Пуго, я его не знал совсем. Я никогда с ним не общался, не разговаривал, я его не знал. Я это воспринял как трагедию. Ну как, вы заходите в небольшую квартиру в самом центре Москвы, в арбатских переулках, и видите там лежащего в тренировочном костюме мужчину с простреленной головой, и рядом со страшной раной лежащую жену. Ну что там говорить? Просто не о чем говорить.

Екатерина Столярова — Про то, как вы были в Белом доме, расскажите еще. Вы вообще оттуда не выходили что ли все эти дни?

Григорий Явлинский — Нет, я выходил. Я выходил, потому что у меня... Я тогда работал. Был Центр экономических и политических исследований...

Екатерина Столярова — «Эпицентр».

Григорий Явлинский — Который я возглавлял. Да, «Эпицентр». А он находился в СЭВе на 27-м этаже, то есть через дорогу. И из окон своего кабинета я вообще видел все вокруг — все, что происходит. Поэтому мне хорошо было туда, и там были мои товарищи. Мне хорошо было туда возвращаться. Меня пускали туда и туда, я мог проходить и оттуда сверху вот это вот все видел.

Екатерина Столярова — А с людьми на улице вы общались?

Григорий Явлинский — Ну да, они меня приветствовали. Они когда видели, что я туда захожу, они кричали мне, махали руками. Вот оттуда же я видел и огромную толпу людей, которая приветствовала Бориса Николаевича после того, как всё закончилось. Я видел это ликование. И у меня, и у моих товарищей никакого ликования не было, потому что было понятно, что сейчас всё это пойдет... непонятно куда. Было понятно, что непонятно, куда все это пойдет.

Ну вот, и после этого меня позвали, и я стал делать экономический договор. Но настроения были вот такие. А у людей других не может быть настроений, и никогда не будет других настроений. Это вопросы элит. Всякая власть — это слепок общественного сознания активной части общества. Не всего народа, а активной части — вот которая в данном случае, в данный исторический период является активной политической частью. Она отражается в том, какая власть. Когда люди спрашивают: «Когда поменяется власть?», мне хочется им сказать: «Когда у вас мозги поменяются, тогда и власть поменяется».

Екатерина Столярова — Разве не с головы рыба гниет?

Григорий Явлинский — Да, только от головы активной части общества.

Екатерина Столярова — То есть голова — это все-таки не власть?

Григорий Явлинский — Это активная часть общества. От этого меняется народ, и от этого меняется власть. Голова — она вот тут, а не там и не там.

Екатерина Столярова — То есть восприятие народа, что мы все-таки хвост — это не совсем верно?

Григорий Явлинский — Это не так. Это вообще не так. Но просто в историческом политическом контексте главная ответственность и главная нагрузка — это вот эта часть общества. Вот люди, принимающие решения, участвующие в подготовке решений, участвующие в работе, которые влияют на то, что происходит в обществе, которые убеждают, которые разговаривают со страной.

Также и тогда было. Вот эти люди получили возможность говорить что они думают, вот и всё. И 2–3 года. Ну кто в 1985 году или в 1986 мог предполагать, что через три года такая империя как Советская

империя, она... Это никто не мог предполагать. А решение пришло. Просто от свободы слова. Причем, я даже, если вы заметили, не говорю, что там правду говорят. Что такое правда — это отдельный вопрос. Просто что люди говорят то, что думают. Вот и всё.

Екатерина Столярова — Тогда почему мы сейчас какие-то проводя исследования, какие-то опросы, отмечаем все больше и больше романтизацию что ли вот тех событий и даже некое сочувствие ГКЧП? И когда ты задаешь уже вопрос людям: «А вы как считаете вообще? Вот сейчас вас поставь в то же время, в то же место, вы бы кого поддержали?» И задумывающихся все больше, больше и больше.

Григорий Явлинский — Ну, вот я два обстоятельства хочу вам сказать. Во-первых, так люди устроены — они очень любят свою молодость. А еще больше любят то, что было до нее, потому что там вообще существуют невероятные фантазии о том, что тогда было. Поэтому это естественно. Но если говорить политически, то главный вопрос вот в чем. Вот одну причину того, что происходит сегодня, я вам назвал — это то, как провели реформы.

А вторая причина (их две) — то, что отказались от оценки советского периода. Отказались от оценки общественно-государственной сталинизма, революции 1917 года и всего советского периода. Это не вопрос о том, что кого-то наказывать там, но этому всему надо было дать оценку. Без этого правовое государство создать невозможно. Без этого все равно будут ходить по кругу. И это будет очень опасно и печально.

Екатерина Столярова — Вот я хотела задать вам вопрос, вынесли ли мы уроки из этого? И вот вы отвечаете.

Григорий Явлинский — Вот я вам говорю: нет, никаких уроков никто не вынес. Я еще раз хочу сказать. Две были причины. Были грубейшие ошибки и преступления в том, как проводили реформы. И вторая тема, которую я тогда не понимал. Я теперь это понял, а тогда я этого не понимал. Что без оценки этого советского периода, буквально начиная с переворота 1917 года; без оценки большевизма — что это такое, когда политика строится «цель оправдывает средства»; без оценки сталинизма, когда репрессиями пугают людей. Репрессии в таком масштабе проводятся не для того, чтобы освободиться от врагов, а для того, чтобы страх, чтобы все были в состоянии страха.

Екатерина Столярова — Так легче управлять.

Григорий Явлинский — Управлять, вообще говоря, можно либо когда у вас цена на нефть 150, и вы там всем раздаете, или когда страх. Только деньгами или страхом. Вот и всё. Других методов управления у корпораций нет. Вообще-то есть. Но у корпораций нет. А это корпорация. Значит, вот она может управлять так или так, и больше никак.

Екатерина Столярова — Так может просто времени мало еще прошло для того, чтобы давать какие-то оценки?

Григорий Явлинский — Может. Ну может. Вот если нам с вами кажется, что мало времени, может. Тридцать лет в масштабе истории — это ничего. Если не будет кровопролития. Это я уж не для эфира вам скажу. Если не будет войны с Украиной или еще какого-нибудь маразма, то раньше или позже все будет. Но если это все будет — вот маразмы и война с Украиной, все развалится. И потом будет интервью. Уж я не знаю, как будет называться агентство, которое будет у кого-то брать интервью, будут говорить: «Ну как, вот Россия была такая большая страна, самая большая в мире. Ну как же допустили (как вы говорите, что Советский союз развалился), что она развалилась?» Вот так. Вот так. Вот прям так.

Понимаете, когда вы говорите, что у вас территориальные претензии к Украине, вы забываете, что к вам у Китая еще большие территориальные претензии. Что вы с ними делать будете? Как Даманский втихаря их отдадите вместе с могилами солдат, которые там похоронены? Что вы делать с этим будете? Вот это будут обсуждать опять лет через тридцать. Вот так сидеть и обсуждать.

Екатерина Столярова — Может быть, потому пока и обсуждают так мало, потому что отчасти идеи ГКЧП сейчас живут и процветают? И как бы зачем об этом говорить?

Григорий Явлинский — Объясню, как я думаю. Потому что нет стратегии, нет понимания будущего.

Екатерина Столярова — До сих пор? Сейчас?

Григорий Явлинский — Вот сейчас нет никакой.

Екатерина Столярова — Так мы так уже получается тридцать лет и живем…

Григорий Явлинский — Никакой нет стратегии будущего у руководства. Руководство не видит, что дальше делать. Оно не понимает этого. Оно всё оборачивается назад: вот война — мы победили. Ну кто тут будет возражать? Ну, конечно. Гагарин у нас полетел. Это же идти вперед с повернутой назад головой. Надо же видеть, а какая должна быть Россия в 2050 году, где она должна быть? Где она должна быть? Это же как вопросы математики. Тут, не тут. Тут нет.

У истории есть предопределенность. Нет, можно топтаться на одном месте, можно ее потерять, эту историю. Можно там на 50 лет или на 40 лет опоздать с отменой крепостного права и потом получить 1917 год — это пожалуйста. Но если слушать шаги, извините, Господа, а только это должен делать политик, то это совсем другое дело. Это значит понимать, куда идти. А сейчас ничего этого нет.

Екатерина Столярова — Если у вас было такое видение, почему же вы из раза в раз отказывались входить в правительство и что-то в нем менять?

Григорий Явлинский — Потому что меня звали в правительство как декорацию. Я при всех случаях (их было немало, да, несколько), я говорил: «Я приду не один». Мне говорили: «Нет, только один».

Екатерина Столярова — То есть вы хотели команду, а они не хотели?

Григорий Явлинский — Ну, конечно. Но что я там один буду делать? Кроме того, потом уже я видел моего близкого человека, товарища моего, у нас были разные с ним отношения. Но я видел, как его попользовали. Это был Немцов. Его просто выставили как ширму, как декорацию, и все. Потому что он был очень популярный, потому что люди его любили, и заслуженно. Вот и всё. Это же серьезное дело. Это дело не в ответственности, а дело в практической реализации чего-то. Но для этого же нужен другой министр финансов, для этого нужен премьер-министр, для этого нужно это... А просто так, чтобы годик поговорили, что вот там все, еще и этот, ну для чего это?

Екатерина Столярова — Просто вы говорите... У нас уже такой пошел философский, наверное, больше разговор, да? Вы говорите о том, что власть — это отражение все-таки общества, и до тех пор, пока общество не будет вызревать, не вызреет, ничего не поменяется.

Григорий Явлинский — Ну не все общество. Вот эта активная часть.

Екатерина Столярова — Вот та часть активная его, да. Вы же активная часть этого? Если мы не будем... Вот так вот, вы вышли, да? Вы один в поле воин — ну постояли, побились. Еще кто-то вышел — побился. Может быть, что-то и будет меняться?

Григорий Явлинский — А вот сейчас я вам на это отвечу.

Екатерина Столярова — А то получается как бы «а я не буду брать ответственность на себя».

Григорий Явлинский — Нет, не в ответственности дело. Я какую принял для себя модель. Я создал партию и десять раз: семь раз на думских и три раза на президентских выборах предлагал людям именно такой поворот. И проиграл.

Екатерина Столярова — Получается, что эта активная часть еще слишком мала.

Григорий Явлинский — Вот. А я сделал это. Что может еще политик сделать? Он может предложить. Он только может предложить. Только я хотел предлагать обществу, людям, всем сразу. И была такая возможность. Не надо драться на улицах, не надо ломать головы. Ничего не надо. А надо прийти и понять, что вот, вот такая есть. Вот я говорил в 1995 году: «Реформы для большинства. Давайте проведем другие реформы». Ну и т.д. Но вот сегодня я сижу здесь с вами и говорю, как получилось. Значит, как вы говорите, тридцать лет мало. Мы и сегодня предлагаем. Думаю, в последний раз. Я не уверен, что будут еще какие-то выборы.

Екатерина Столярова — Почему?

Григорий Явлинский — Не знаю. Потому что одна из причин, почему нет модели будущего: потому что всякое современное будущее предполагает смену власти регулярно. А если вы не хотите смены власти регулярной и не знаете, как ее осуществить, и не верите своему народу, что он может осуществить смену власти, то вы предпочитаете все заморозить и вернуться назад. Вот имеем такой результат. Но теперь это надолго. Надолго.

Екатерина Столярова — Спасибо большое за интересную беседу.

Григорий Явлинский — Пожалуйста.

Он выбирал свободу

9 августа 2021 г., сайт Григория Явлинского

Не стало Сергея Адамовича Ковалева. Выдающийся российский правозащитник, человек совести, во времена СССР он отстаивал права и свободы гражданина, за что провел в лагерях и ссылках более десяти лет.

Будучи первым уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, а затем председателем президентской правозащитной комиссии, Ковалев не отсиживался в московских кабинетах, а ездил по тюрьмам и колониям, защищал самых разных людей. В разгар Первой чеченской войны он был в самом пекле военных действий в Грозном, пытаясь спасти российских солдат и одновременно защищая мирных чеченцев. Во время захвата террористами больницы в Буденновске Ковалев лично вел переговоры с боевиками и предложил себя в качестве заложника, благодаря чему террористы освободили более ста женщин и детей.

15 лет Сергей Адамович возглавлял правозащитную фракцию партии «Яблоко», работал в партийном Федеральном политическом комитете, был одной из ключевых и авторитетнейших фигур в партии.

«Если сопоставить 60–80-е годы, годы диссидентского движения, с нынешними, мы увидим кардинальную разницу, — говорил Сергей Ковалев. — Тогда мы не рассчитывали на общественный успех. Мы понимали, что наши утверждения и критика не будут восприняты, единственный результат свободы мысли — тюремный срок. Так оно и было. Люди держались такой модели: свободы нет, но мы будем себя вести так, словно она есть. И садились в тюрьму. И мои семь плюс

три — тоже вполне осознанные… В начале 90-х были замечательные три года, а потом все рухнуло. Потому что мы стали прагматиками, мы стали рассчитывать результат, а не заявлять свою позицию. Нормальная позиция гражданского общества такая: добьемся результата — хорошо, не добьемся — мы все равно не поменяем мнение. Это наша страна, мы ее граждане и вольны держаться своих позиций и не считаться с властью».

Бесценен мужественный вклад правозащитников в будущее России. Одним из настоящих героев этого направления политики, искренним, предельно честным и совершенно бескорыстным, был Сергей Адамович Ковалев — человек, который всегда выбирал свободу.

Вечная память!

Мои соболезнования родным и близким Сергея Адамовича.

«При любых обстоятельствах мы должны вести себя как свободные люди»

Григорий Явлинский — о члене партии «Яблоко» Сергее Ковалеве

9 августа 2021 г., «Новая газета»

Если набрать в поисковике «Яндекса»: «Сергей Адамович Ковалев», — третьей строчкой выскочит ссылка на некий сайт, где про него написано так: «Советский диссидент и российский правозащитник, получивший прозвище «гаденыш», Ковалев не раз обзывал своих сограждан быдлом. И вернуться к человеческому состоянию россияне могут, если проголосуют за Явлинского»…

— Эту характеристику Григория Явлинского мы и попросили прокомментировать:

— Это грязь, которой часто мажут всякого порядочного человека, тем более такого масштаба, — его же нельзя было не заметить. И как всегда в таких случаях, это перевертыш: я не знаю никого другого, кто относился бы к любому человеку с таким же неизменным уважением. А к «народу» — что ж, народ — это особая, очень сложная тема.

При этом Сергей Адамович не считал политику таким грязным делом, чтобы умывать руки. Это отличало его от большинства советских диссидентов, которые традиционно провозглашают, что правозащитная деятельность выше политики. Ковалев возражал, что позиция

«над схваткой» станет возможна не раньше, чем победит демократия. Такой шанс, по его мнению, в начале 90-х был.

Есть извечный русский вопрос о возможности для интеллигента сотрудничать с властью. Ковалев всей своей жизнью ответил на него безукоризненно: он не боялся запачкаться, когда в политике был смысл, — возглавлял в Верховном совете РСФСР Комитет по правам человека, провел закон 1991 года «О реабилитации жертв политических репрессий», затем был первым Уполномоченным по правам человека в России и в этом качестве ходил пешком по Грозному под бомбежками, поскольку чеченцы тоже были гражданами России. И подал в отставку со всех постов, как только понял, что его сотрудничество с властью приносит демократии и правам человека больше вреда, чем пользы. Такой отказ от власти тоже ведь требует осознанности и мужества. Тем не менее он оставался депутатом Госдумы до 2003 года, и оставался бы дольше, пока можно было сделать хоть что-то…

— Он ведь не участвовал в создании партии «Яблоко» в 1993 году?

— Нет, в создании он не участвовал, и он никогда не был членом никакой партии, пока не вступил в «Яблоко», но это был такой человек: как бы отдельно стоящий в силу своего масштаба. После смерти в 1989 году академика Сахарова, с которым он дружил, я думаю, равновеликих им фигур уже не было. Он сделал бы огромную честь своей поддержкой любой партии, но в «Яблоко» он вступил только в 2006 году, когда мы уже потеряли мандаты в Думе.

Не это, с его точки зрения, было важно. Он говорил — сейчас я процитирую, у меня это записано в телефоне: «Нормальная позиция в политике такая: добьемся результата — хорошо, а если не добьемся, мы все равно не поменяем свое мнение. Это наша страна, мы ее граждане и вольны держаться своих позиций». В «Яблоке» Ковалев стал бессменным членом Федерального политического комитета и был для нас нравственным камертоном. Больше всего он ополчался против соглашательства, считал невозможным размениваться на политические компромиссы ради тактических выгод и в конечном итоге чаще всего оказывался прав. В русской истории такая цельность вообще редкое качество.

— Иногда он производил впечатление человека упрямого, как осел.

— Нет, я не раз был свидетелем того, как он принимал чужие мнения и корректировал свою позицию, как бы преодолевая собственную несговорчивость. Он думал медленно, а только так это и можно делать, хотя иногда выдавал готовые ответы: это означало, что над вопросом, который у нас возник вот только сейчас, он уже думал много лет. Зато обдуманную позицию он без обиняков выкладывал любому. Например, он считал неправильной политику, которую по отношению к России ведут западные страны, и, встречаясь с их президентами, сразу им это и выкладывал: тихим, ровным голосом — его нельзя было представить робеющим хоть перед кем. Мировые лидеры его слушали. А если в России его слушать перестали, то я из этого делаю вывод, что здесь просто не осталось мировых лидеров.

Он был не упрямый, а упорный, а бескомпромиссен он был в первую очередь к себе. Что вы хотите, если в годы советской власти он сознательно шел в тюрьму, и отсидеть 7 лет плюс 3 года ссылки было для него чем-то само собой разумеющимся, раз таковой была цена его убеждений. Но он повторял, что есть разница между «тогда» и «теперь»: советские диссиденты понимали, что общество не готово присоединиться к их требованиям…

— А теперь готово?

— Сейчас, наверное, окно возможностей снова закрылось, осталась какая-то щель, но и ее надо пытаться использовать. Почему оно закрылось? Я повторю главную мысль Сергея Адамовича, даже боль, которой он делился: это результат соглашательства, компромиссов, которые — шаг за шагом — ведут к политическому перерождению. Мы наблюдали это на примере многих людей, которые начинали вместе с ним как демократы в 90-е годы, но сейчас не о них.

А Ковалев никогда не разменивался, такой «неразменный золотой», вспоминая слова Окуджавы. И это не было идеализмом.

Это очень трезвый взгляд, хотя выпить он тоже любил.

— О да! Я помню, на фестивале «Пилорама» — году, наверное, в 2010-м, нас тогда поселили в общежитии в городе Чусовом —

была какая-то грандиозная попойка, а я вышел из номера покурить часа в 4 утра. Молодые рокеры уже валялись кто на бильярде, кто под ним, а на уголке бильярда продолжали чокаться и обсуждать что-то из мировой политики два ветерана: Сергей Адамович и Адам Михник.

— Достойные собеседники. А ведь у него тогда был диагностирован рак, он всерьез собирался умереть.

— Вспомните еще что-нибудь смешное, как принято о таком покойном?

— Ну я не могу сказать, что он был каким-то моим приятелем. Дело даже не в возрасте, но масштаб не позволял амикошонства.

— Ну я тогда вспомню, если позволите, с той же «Пилорамы». Он никогда не старался оказаться в центре внимания, даже в том бывшем лагере «Пермь-36», где проводился фестиваль и где он сам когда-то сидел. Его надо было расспрашивать, тогда он рассказывал. Например, как они готовили «пульки» с записками на волю, которые надо было глотать перед длительным свиданием, кому его еще давали, а потом во время свидания… Ну вы понимаете. Так вот, он очень детально описывал весь процесс их изготовления, очень как бы ответственно…

— А что тут смешного? В конце концов, он был еще и выдающийся ученый — биофизик, он не пренебрегал деталями. В нем было сочетание планетарного масштаба и исторического видения перспектив со скрупулезным вниманием к мелочам, я бы назвал этот взгляд «микробиологией власти».

— Вы не находите что его образ — очень привлекательный и цельный — вместе с тем как-то несовременен?

— А что мы считаем современностью? Тут ведь тоже все зависит от масштаба. Такие фигуры поднимаются над любой современностью. А его опыт сопротивления сейчас, и чем далее — тем более, востребован. Я приведу еще одну его фразу, которая у меня в телефоне записана: «Мы в любых обстоятельствах должны вести себя как свободные люди».

Беседовал Леонид Никитинский.

«Власти хотят решить все проблемы войной. Война всё спишет»

16 августа 2021 г., The New Times

Григорий Явлинский впервые не участвует в выборах в Государственную Думу. Почему он принял такое решение и для чего партии «Яблоко» нужны такие выборы, ее основатель рассказал в интервью журналисту Максиму Гликину, объявленному в июле по решению Минюста «иностранным агентом». Явлинский начал встречу с признания, что само это интервью — его акт поддержки независимой прессы, преследуемой государством.

ПАРТИЯ, АФФИЛИРОВАННАЯ С ИНОАГЕНТАМИ

— Григорий Алексеевич, спасибо, что несмотря на этот статус, которым меня наградили, готовы со мной разговаривать. Как вы восприняли новости о том, что журналистов начали активно клеймить таким образом?

— Я не знал, что такое бывает. Но это такой естественный ход событий в данной системе, в нашей стране и в это время. Представить я себе такое не мог, но чтобы это как-то удивило… Если людей в тюрьму сажают непонятно за что или просто ни за что; избивают их. И если не забывать о том, что, например, Бориса Немцова застрелили в ста

метрах от Кремля, а Юрия Щекочихина отравили за то, что он расследовал коррупцию, связанную с ФСБ и таможенной службой… и этот список можно продолжать. А тут всего-навсего написали, что вы иностранный агент.

— Но ваша партия сама пострадала за связь с иноагентами: всю агитпродукцию «Яблока» придется маркировать из-за наличия в списках Андрея Пивоварова. Вам вообще сильно мешает то, что вы его включили?

— Нет, Пивоваров — это принципиальное решение. Его принял съезд. Суть его в том, что Пивоваров — классический политический арестант. А один из важнейших программных тезисов «Яблока» — свобода политзаключенным.

— Но как агитировать на выборах с таким статусом?

— Я не придаю этому какое-то сверхъестественное значение. Я примерно представляю, как и многие другие, кто занимается политикой, в каких условиях мы работаем. Это еще только начало самое. Все еще впереди. Кстати, все кто попал в списки «Яблока», они находятся под особым наблюдением тех, кто будет с ними разбираться после выборов. Вы не думайте, что это бесплатное мероприятие. Это очень, на самом деле, серьезные, отважные и честные люди, которые идут на такую борьбу.

— По моим подсчетам, 40% вашего Федерального политкомитета на эти выборы не идет. Вы не идете, [зампред партии и лидер Московского отделения] Серей Иваненко не идет. [Экс-глава ФАС] Игорь Артемьев не идет. [Депутат Мосгордумы, бывший детский омбудсмен Москвы] Евгений Бунимович, который много раз участвовал в выборах… Это все знаковые для демократического электората фигуры. Почему?

— Мы выдвигаем молодежь. У нас средний возраст меньше сорока лет. Это принципиальное решение. Чтобы участвовать в политике, не обязательно баллотироваться в Государственную Думу и быть ее депутатом. Сколько вот сегодня в Государственной Думе политиков?

Да там, наверное, их и нету. Даже не знаю, кого назвать. Зато все мы, и это я могу сказать вам твердо, будем продолжать работать в политике; будем (если будет фракция у «Яблока») работать с фракцией; будем помощниками тех, кто станет депутатами. Нам это совсем не стыдно.

— И вы готовы стать помощником?

— Запросто. Запросто, а что в этом особенного? Наоборот, это очень хорошо. Мало того, я думаю, что основные решения фракции будут приниматься политкомитетом, партией.

— А не потому ли вы, Артемьев, Бунимович и другие отказались участвовать в выборах, что серьезные люди просто не хотят тратить время на это бесполезное занятие. Эти выборы — с голосованием на пеньках, с повсеместным снятием оставшихся оппозицинеров, с иноагентами, на фоне закрытия независимых СМИ и разгрома команды Навального — они ведь устроены так, что у оппозиции нет никаких шансов ни победить, ни протестовать по итогам. Разве нет?

— Даже создание фракции в Госдуме — не сказал бы, что это очень полезное занятие, потому что там будет 430 человек совсем других, которые будут единогласно голосовать за все что угодно. Но ведь сами выборы — это лишь одна из форм политической работы. Генеральная цель для нас на этих выборах — донести до граждан чрезвычайно важные соображения. В чем главная задача политика? Предложить обществу решение. Мы это делали за 30 лет 10 раз в самых разных формах: 7 раз на выборах в Госдуму, трижды на президентских выборах. Сейчас сделаем еще раз. Мы считаем сверхважным на этих выборах сказать главное. А главное заключается в том, что Путин своей статьей об Украине объявил войну. Раньше или позже, на основе такой статьи она произойдет. Холодная, гибридная, горячая — произойдет война. Столкновение будет не только с Украиной и не столько с Украиной, сколько со всем миром и Западом на территории Украины.

И существует только одна партия, которая против войны, которая открыто и во весь голос заявила о том, что это объявление войны — это неприемлемо, это путь к краху России, жертвам, кровопролитию.

И сентябрьское голосование — голосование на эту тему. «Единая Россия» идет во главе с Шойгу, министром обороны, и министром иностранных дел Лавровым. Она воплощает в себе вот это шовинистическое, агрессивное, империалистическое начало. А все остальные партии (все без исключения) горячо поддерживают это направление. Поэтому «Яблоко» осталось одно — в этом наша роль, а не в том, сколько там мест будет в Госдуме. Это просто форма политического заявления, которое мы считаем на сегодняшний день чрезвычайно важным. Подробно это можно посмотреть в статье, которая мною опубликована в ответ на статью Путина.

— Но неужели, на ваш взгляд, они в Кремле настолько безумны и думают, что 40 миллионов украинцев (даже если не брать во внимание реакцию Запада), будут терпеть русские танки на своей земле? Даже если у прямого вторжения есть изначальные перспективы — неужели они думают, что не будет партизанской войны? Не будет вообще коллапса полнейшего?

— Это вы у них спросите. Я могу повторить твердо: то, как написана эта статья, это просто меморандум или декларация объявления войны. Это такая доктрина, причем это касается не только Украины, это касается всего постсоветского пространства. И поэтому, предваряя разные ваши вопросы, скажу, что голосование за любую из этих партий оставшихся: за КПРФ, за ЛДПР, за [партию Сергея] Миронова — это голосование за войну. И бойкот — тоже голосование за войну.

НУЖНО ЛИ УЧАСТВОВАТЬ В «ВЫБОРАХ»

— Вам не кажется, что когда мы говорим «выборы», мы должны теперь это слово постоянно брать в кавычки? Они все ближе и ближе к тому, что было в советское время, нет?

— Сейчас все-таки другая модель. На тех выборах выйти с таким списком и такими заявлениями было невозможно. На этих, наверное

в последний раз, возможно. Вы хотите сказать, что это не выборы? Да согласен я, разве в этом дело? А что — это судебная система? А что — это телевидение? О чем вы? И Конституция в прошлом году 1 июля была тоже уничтожена.

— Но мой вопрос в другом. Сахаров и те, кто были тогда в правозащитном движении, — они же вообще не думали ни про какие выборы. Они понимали, что их нет. И занимались всякой другой работой: просвещением, правозащитой и т.д. Отсюда и оттуда — из-за границы. Они вообще абстрагировались от советских институтов (псевдоинститутов), и просто делали другое, перпендикулярное. А стоит ли сейчас участвовать в почти советских ритуалах?

— Если б у них была такая возможность, как сейчас, они бы в этом участвовали [в выборах], чтобы говорить, что они думают. Нам эта процедура позволяет. Поймите, это событие: съезд, где 150 человек, представляющих партию в 30 тыс. человек, может принимать такую программу, делать заявления по Украине, говорить о невозможности войны… Ну это же громко! Это же важно! Это же имеет значение! Такой возможностью политик должен пользоваться обязательно.

А рассуждения начала 90-х: какие выборы, о чем выборы, как они устроены — да забудьте все это. Эта эпоха закончилась. Это полумафиозное, корпоративное, сверхавторитарное (не тоталитарное) государство. Коррумпированное очень. Это понятно — в нем не может быть этих институтов. Вон Памфилова сказала, что наблюдение за выборами — это подленько. Это все равно как в магазине вы скажите кассирше: а почему вы сдачи не даете? А она вам: ах вы считаете сдачу?! Это подло!

— Этично ли было осуждать Навального?

— На избирательном участке мы делаем выбор не только политический, но и этический. Мне не безразлична этика партии и ее лидера.

— Этично ли было в этом году, в год избиения и попытки уничтожения команды Навального, его ареста, судов над ним, приговора, арестов его сторонников, массовых задержаний на акциях в поддержку Навального — этично ли на фоне всего этого обсуждать

и осуждать программу Навального, его прежние взгляды, какие-то давние косяки? Его и его сторонников просто изничтожают, избивают, убивают — уместно ли в таком контексте говорить вот эти вещи, которые говорили вы и ваши товарищи, клеймить команду Навального? Говорят же у нас — не бей лежачего. Так а зачем же вы эти занимаетесь?

— Не я же…Вы, именно вы, сейчас этим занимаетесь. Вы же что хотите? Вы хотите меня спровоцировать, чтобы мы вот эту неэтичность повторили. У вас не получится. Я вам говорю: я желаю ему здоровья, сил и освобождения. Всё. Точка. Остальное я уже сказал, захотите почитать, прочитаете. Всё, разговор закончен.

Добавлю лишь одно. Глупость вопроса, который мне задают на эту тему, заключается в следующем. Трудно не понять, что если «Яблоко» будет в Думе, то их [команды Навального] перспективы будут лучше, чем сейчас. Ну как же это можно не понимать?! И кроме того. Вы программу «Яблока» читали? Не читали. Идете ко мне на интервью, а программу не читали, стыдно. В начале программы написано, что одной из главных целей «Яблока» является расследование отравления Навального.

А самый-то главный вопрос. Кто отравил Навального? Есть ли в стране «эскадроны смерти», которые этим занимаются? По чьему приказу был отравлен Навальный? Это третья или четвертая строчка нашей программы. И вы мне задаете еще какие-то вопросы? Ну как вам не стыдно?

Я говорю о том, что люди, которые думают, голосовать ли за «Яблоко», могут задавать тот же вопрос — а почему вами было все это сказано? Значит, было сказано то, что надо было сказать. Это не о Навальном, а о его системе взглядов.

— Но ведь не случайно после ваших заявлений многие его сторонники не попали в списки «Яблока»?

— Послушайте, партия включает тех, кого считает нужным. У нас было 1600 заявлений, включили 400 человек. Чем те, кого включили, хуже тех, кого не включили? О чем вы спрашиваете? Надо было прийти раньше и работать с партией.

— Чем они хуже? Я вам расскажу про одного такого человека. Андрея Мелькова. Выдвинутого кандидатом в депутаты Госдумы по Москве. После того, как коллеги написали о об удивительных для «Яблока» взглядах и поступках этого человека, партия быстро передумала и исключила его из списка. Но изначально-то съезд его включил.

— Ну и что? Там 400 человек, произошла ошибка. Зря его включили, исключили, всё. Ну так и что? Ошибки бывают у всех. И что вы цепляетесь? То, что вы сейчас, как старая бабушка, мне рассказываете, как им [команде Навального] плохо, это я и без вас знаю. Я это знал еще и в январе, и в феврале, когда они начали всё это делать, что так будет. Только они сбежали за границу и решили, что так можно сделать.

Возможно, такие люди попали в списки по ошибке, по недоразумению, и это хороший вариант. Но есть и плохой вариант.

— Какой?

— Тот, кто его привел и протащил через съезд, получил от какого-нибудь столичного начальника указание, а то и деньги…

О чем вы спрашиваете? К нам пришло таких полторы тысячи человек. Это было в 2017-м, 18-м, 19-м году. Специально была сформирована платная группа, которая была направлена в нашу партию, чтобы ее захватить. Ну и что? Мы разобрались с ними. Так было всегда. Так было и в девяностые годы. Таков политический процесс. Вы создайте партию на 30 тысяч членов, и вы увидите, что это случается. Ну и что?

— Объясню. Когда я голосую за партию, мне не безразличен вопрос: есть ли у этой партии, у его руководства, какие-либо переговоры, компромиссы — с местной властью, администрацией президента. Мы точно должны это понимать.

— Отвечаю. На наш список никто не может повлиять, иначе в нем не было бы Пивоварова, не было бы Шлосберга, Литвинович и еще кучи людей. Зачем вы задаете вопросы, не имеющие смысла? Когда речь идет о войне и мире.

— Но выбирая, куда поставить галочку, каждый думающий человек будет думать не только о войне и мире, но и о том, насколько партия бескомпромиссна.

— За 30 лет партия все доказала. И вообще, не наше дело себя оценивать.

ЧТО МЕШАЕТ ОППОЗИЦИИ ОБЪЕДИНИТЬСЯ

— Для участников демократического движения конца 80-х и начала 90-х, для нас, защищавших Белый дом, не имело значения, кому ближе Солженицын, а кому Сахаров. Было важно прекратить этот вот советский режим. Стоит ли сейчас делать идеологическое размежевание? Не стоит ли, напротив, пытаться собрать под знамена всех, кто не принимает путинский режим?

— Я вам отвечу. Во-первых, 91-й год закончился, но только из этого мало что получилось, судя по тому, что получилось сегодня.

— Я хотя бы могу выезжать из страны покуда.

— Вот вы еще добавляете — «покуда». Но уже не все так могут, да? Это, во-первых. Во-вторых, не может быть к вам никаких вопросов, потому что вы тогда политикой не занимались. Вы были просто выражением общественного настроения, совершенно понятного. И оправданного, тут вопроса нет. Я тоже там был. И внутри был. Правда, всё, что происходило в 91-м году, было совершенно перпендикулярно тому, о чем думала страна и чего она хотела. Но это отдельный разговор. В «Яблоке» давным-давно есть и, условно, сторонники Солженицына, и сторонники Сахарова.

В-третьих, мы не считаем, что мы можем вместе заниматься политикой со сталинистами, с нацистами, с националистами. Мы не видим в этом никакой пользы. Более того, мы считаем это опасным и непродуктивным. Среди тех, кому не нравится Путин, есть и уголовники, и преступники, и мафия.

Наконец, если бы сейчас магазины были такие же пустые, как в 90-м году, тоже все были бы на улице. Ничего похожего сейчас нет, поэтому и настроения совсем другие.

— Да, но «Яблоко» много раз за свою историю делало попытки объединиться с теми, кто стоит на либеральной платформе. Был совместный список «Яблока» с СПС в Москве, успешный; попытка списка с «Правым делом», безуспешная; переговоры 16-го года, где Шлосберг работал челноком между ПАРНАСом, Навальным и «Яблоком», и вы тоже участвовали в них. Шлосберг по заданию «Яблока» это делал, а не по собственной инициативе. То есть даже еще в 16-м году была попытка какой-то коалиции — причем с участием Навального.

— И что?

— А то, что тогда, вы считаете, эти попытки стоят того. А теперь стало быть считаете, что они вообще бесполезны?

— Да. Мало того, я считаю, что список [на выборах Госдумы] 16-го года был максимально коалиционный. Ну и чего? И голосование было минимальное, просто минимальное за всю нашу историю. Вот так реагирует наш народ, на то, о чем вы говорите, что уже давным-давно не имеет никакого актуального значения. Это все разговоры давние, и суть их в том, почему «Яблоко» не объединяется с СПС. А потому что СПС создало криминальную экономику. И мы правы были, что мы с ними не объединялись.

Не с кем сегодня объединяться, просто никого нет. Никого не существует. Но еще и не в этом дело, дело в другом. Война объявлена. Вы понимаете? С Украиной! А вы обсуждаете, кто объединялся в каком-то древнем году в Мосгордуме. Ну причем здесь это?

— Разве у людей не должно быть мотива голосовать за «Яблоко»?

— Да не за «Яблоко»! За себя! У них нет других вариантов! Причем здесь «Яблоко»? Не хочешь, не голосуй, иди на войну! Наше дело предложить, мы предложили. Это не те времена, когда у вас 20 партий, и вы выбираете кто лучше. Не такая ситуация! Вы все голосуете, вы

лично и все ваши близкие, не за меня и не за «Яблоко», а за себя! За жизнь в России, за будущее! Всё остальное не имеет никакого значения. Почему Пупкина не взяли, почему Шмупкина не взяли. Да какое это имеет значение сейчас?! Ну какое? Никакого!

— Но ведь голосование за «Яблоко» год от года снижается, и вы сами сказали, что ваш последний список получил мало как никогда.

— Ну, наверное, потому что мы сделали коалицию. О которой вы столько спрашиваете.

— Но может быть дело в другом — что партия, ее представители, были на выборах недостаточно убедительны?

— Может быть, но может быть и по-другому. Может быть, избиратели просто не понимают, что происходит. А вы, журналисты, не в состоянии им ничего объяснить, потому что всё время интересуетесь — избрали там в список Пупкина или не избрали. Ситуация в стране является в том числе и следствием того, как работает весь наш истеблишмент журналистский.

Толпа журналистов демонстрирует полное отсутствие разума, начинает рассказывать нам, как и раньше, что они где-то там над схваткой. Это очень смешно, понимаете? Это говорит о полной неквалифицированности. Над какой вы схваткой? Между кем и чем? Над схваткой можно быть в стране, где есть независимая судебная система, есть парламент, есть разделение властей. The New York Times не хочет быть над схваткой. Washington Post не хочет быть над схваткой. А у нас какой-нибудь «Листок» хочет быть над схваткой. А вот над схваткой это будет как с [арестованным за госизмену журналистом Иваном] Сафровновым, и потом не удивляйтесь. Будет как с [Романом] Доброхотовым (объявлен иностранным агентом — NT.). Хватит быть над схваткой!

Этот режим является отражением сознания активной части общества, в том числе журналистов. Изменится вот это сознание и представление о жизни, изменится решительно все. Потому что именно активная часть общества, с ее представлением о жизни, создала этот режим. Путин не взял Кремль штурмом. И не завоевал его с помощью

военного переворота. И вы знаете, какая партия кричала, кого в Думу и кого в президенты? А она представляла кого? Она представляла самую активную часть общества.

— Да, у СПС был такой слоган: Немцова в Думу, Путина — в Кремль. Но, сам же Немцов потом изменил взгляды, ведь так?

— Мы же сейчас не о нем. Ему вечная память, он был моим товарищем. Политсовет его партии с ним [его заявлениями о Путине] не соглашался, как вы знаете. Но мы сейчас не о Немцове. Я говорю сейчас о тех, кто это создал. Вот эта активная часть общества — это отражение ее представления о жизни. Чем Путин и воспользовался. Поэтому сегодняшние все эти визги, крики, поиск сильной руки, всякое такое — это все малоубедительная история. Надо, чтобы изменилось представление о жизни. Никакого проблеска в этом сознании я пока не вижу.

НА ЧТО ПОХОЖ РЕЖИМ ПУТИНА?

— С чем можно сравнить нынешний политический режим?

— Да, я думаю, половина Латинской Америки и Африки таковы, к примеру. Ну что тут нового? Ничего тут нового.

— Но для России он нов?

— Ну в России такого не было, но сталинизм был одной из версий такого режима. Это же неосталинизм, то, что мы сейчас имеем. Или постмодернизм в области политики, такой постмодернистский сталинизм. Нас все время туда возвращают. Одна из партий, за которую все будут голосовать в связи с «умным голосованием» [«Справедливая Россия — За правду»] — памятник Сталину хочет поставить. Ну так это вопрос к вам, к гражданам. В 18-м году я вам говорил: проголосуете за Путина, лишитесь пенсий. Проголосовали. Лишились. Это ваше право. Ну придет другой человек, с другой фамилией, вы думаете, вам будет лучше? Вам будет хуже.

— Но история диктатур рано или поздно заканчивается — Латинская Америка сильно изменилась за последние полвека.

Россия особая страна, и у нас особая ситуация. Я не занимаюсь ни научной, ни ненаучной фантастикой. Я не знаю, как это все будет. Я очень внимательно отношусь к объявленным целям, в частности, отбора огромного количества территории Украины. Это происходит в условиях, когда ситуация с Афганистаном становится все более и более тревожной, когда в Афганистан пришли люди из Сирии, куда Россия влезла, неизвестно зачем, с войной. Недавно Шойгу сказал, что мы там испытали 300 видов вооружений — это на гражданском населении в Сирии. Так вот, это население перешло теперь в Афганистан. Я уж не знаю, как у них сложатся отношения с Талибаном. Но только ждите, они ответят за это, и это будет долго. Это будет исторический период мести России.

БЕЛОРУССКИЙ ОПЫТ

— Вы сказали, что выборы — далеко не единственная форма борьбы. Что еще можно ожидать нам от политиков в этой ситуации? Что можете предложить?

— Жить не по лжи, вот и всё, больше ничего. Запомните это.

— В Беларуси появилось по сути правительство в изгнании. Светлана Тихановская встречается с зарубежными лидерами, ее сторонники создают альтернативные СМИ… Годится ли для России такой белорусский опыт? Создание центра активности за рубежом?

— Ну, наверное. Вы когда-нибудь с русскими эмигрантами дело имели?

— Имел, я жил в Нью-Йорке.

— Значит, знаете, что когда они собираются вместе, то половина из них кричит, что вчера было воскресенье, а вторая половина кричит, что завтра будет вторник, и они никогда не могут найти взаимопонимания.

Но все делают кто что может. Я очень горячо поддерживаю всё, что происходит в Беларуси, людей, которые осмелились высказать свою точку зрения, и тех, кто там сидит в тюрьмах. Лично Тихановскую. «Яблоко» выпустило полномасштабное заявление по Беларуси, в котором четко сказано: все что происходит в Беларуси, делает Кремль, делает Владимир Путин.

— В России, как и в Белоруссии, часть людей считают, что можно чего-то добиваться, выходя на улицу?

— Я лично выходил на все неразрешенные митинги в 2019 году, потому что считал это необходимым. Стоял в одиночных пикетах с плакатом. И до сих пор считаю необходимым защищать и поддерживать всех, кто пострадал в ходе этих митингов.

— Но вы же утверждаете, что в нынешних условиях звать на площади, на улицу нельзя…

— Я и тогда никого не звал, потому что я не могу звать людей, за которых я не могу нести ответственность. Звать людей в тюрьму? Я не имею такого морального и человеческого права..

— И тем не менее такую форму борьбы с режимом, как уличная протестная активность, никто не отменял.

— В нужное время и в нужной форме, в том случае, когда это будет осмысленно. Например, борьба на улице в 19-м году была против фальсификации выборов, я считал ее абсолютной правильной, честной и необходимой, поэтому сам участвовал. Вообще есть разница, между активизмом и политикой. Активизм необходим для политики. Когда сложатся правильные условия, нужные условия — это может сработать. А если допускать ошибки, могут быть трагедии.

— Вы считаете зимний выход на улицы политической ошибкой?

— 116 уголовных дел на сегодняшний день, о которых никто не вспоминает. Часть уголовных дел уже поступили в суд, прошли процессы, даны огромные сроки. У меня душа болит за всех этих людей, мы будем помогать всеми имеющимися у нас силами и материально,

и по-человечески. Еще есть результат — огромное количество людей занесено в соответствующие списки, по которым ФСБ и полиция будет теперь работать. У них там десятки тысяч фамилий, имен, телефонов, адресов. Я очень сожалею, что это все произошло.

— Может, и белорусам не надо было год назад выходить на улицы — не было бы уголовных дел, никто бы не сидел?

— Разное содержание, разные цели, разная политика. Я в части Беларуси оценки даю как человек, я не являюсь политическим деятелем Беларуси. Как человек я им очень-очень сочувствую и очень их поддерживаю, и считаю, что этот режим, который возглавляет Лукашенко, действует преступно.

— Вы говорите — нельзя сравнивать. А разве характер режима белорусского — он чем-то принципиально отличается от режима российского?

— Это производное нашего режима. Если бы Путин не взял на руки Лукашенко и не лелеял, не кормил, не давал денег, там ничего этого не было.

— Так почему в России не учитывать опыт борьбы соседей, восставших против диктатора?

— Какой опыт, у них трагедия, вот и весь опыт борьбы. Поезжайте туда, изучайте опыт борьбы. Вы примерно полчаса там сможете пробыть, и на этом ваш опыт борьбы закончится.

— Но надо же извлекать уроки из этой истории, оценивать перспективы противостояния с диктатурой.

— Это долго всё, долго, понимаете? Это только вы думаете, что когда в 89–90 году выбежали люди на улицу, начались изменения. Нет, оно сверху происходило, это делал Горбачев — поэтому изменения произошли, а не потому что там бегали… Тут ничего подобного нет, тут всё наоборот, тут хотят изменить систему с улицы. В России это не получится.

— А в Беларуси?

— В Беларуси это тоже самое, ничем не отличается. Я вообще думаю, половина полицейских, или две трети из них — они отсюда. Просто переодетые.

С улицы изменения политической системы в России не получатся, будет много трагедий. Поэтому в России нужно заниматься очень серьезно политикой вместе с активизмом, только активизм должен быть частью этой политики, а не сам по себе. Иначе он тоже ни к чему не приведет, кроме трагедий, потому что власть становится всё жестче и жестче.

— Но как создать ситуацию, при которой нынешние верхи или их преемники поймут, что надо начинать перестройку № 2?

— Я не вижу таких предпосылок.

— А вы не думаете, что нынешние верхи, увидев экономический коллапс, социальный, климатический — сами не смогут сообразить, что надо что-то менять?

— Потому что эти решают ту же задачу по-другому. Они ее решают войной, они отвлекают население на войну. Они создают единый народ с единым вождем и врагами вокруг, весь мир против России. Они вот так решают эту задачу. Решают войной, потому что война всё спишет.

Расследовать отравление Навального

21 августа 2021 г., сайт Григория Явлинского

Прошел год с момента отравления Алексея Навального. Ни заказчики, ни исполнители не установлены.

В который раз важно заявить: необходимо всестороннее международное расследование этого преступления. Никакие журналистские разоблачения в ютюбе не заменят официальное правовое следствие с участием специалистов, экспертов-криминалистов и юристов. Однако официального расследования практически никто уже не требует, тогда как именно этот вопрос является главным.

Отравление Навального не просто преступление. Это свидетельство существования в России санкционированных властями «эскадронов смерти», причастных к государственному террору в отношении политических оппонентов Кремля. Кроме того, на повестке дня по-прежнему остается крайне тревожный вопрос о применении боевого отравляющего вещества. Требуется достоверное установление исполнителей и заказчиков, раскрытие всего механизма преступления. Это жизненно важно.

За минувший год российские власти даже не пытались расследовать отравление Навального. Демонстративное и категорическое игнорирование государством столь громкого преступления может свидетельствовать лишь об одном — о причастности государства.

Еще в начале сентября прошлого года мы призывали к созданию международной следственной группы по выяснению обстоятельств

отравления Алексея Навального. Очередной отказ российского суда от расследования в мае этого года остался практически незамеченным. Реакции на это не последовало не только в России, но и на Западе. Ничего не сказала о необходимости раскрытия преступления и приехавшая в годовщину отравления на встречу с Путиным канцлер Германии Ангела Меркель.

Чрезвычайно важно провести всеобъемлющее расследование случившегося год назад, а также убедительно раскрыть и другие аналогичные преступления. За последние 20 лет были совершены убийства и покушения на жизнь целого ряда российских политиков и общественных деятелей. Был смертельно отравлен Юрий Щекочихин, убиты Борис Немцов, Анна Политковская, Наталья Эстемирова, дважды пытались отравить Владимира Кара-Мурзу. Все эти люди — последовательные и жесткие критики власти и лично Владимира Путина. Однако ни одно из этих политических убийств и покушений не было убедительно раскрыто.

Расследование отравления Навального, убийств и покушений на других российских политиков и общественных деятелей является программным требованием партии «Яблоко» на предстоящих выборах в Госдуму. Мы не отступим и сделаем все возможное для того, чтобы добиться официальных расследований и наказания виновных.

«Сейчас всё очень просто: будет война или не будет»

22 августа 2021 г., телеканал «Настоящее время»

Почему старейшая демократическая партия России «Яблоко» на предстоящих выборах в Госдуму ставит на молодых кандидатов, а ее основатель Григорий Явлинский остается в тени предвыборной гонки? Чем обернутся события в Афганистане для Кремля, и чего добивались члены ГКЧП в августе 1991 года? Об этом корреспондент «Настоящего времени» Андрей Королев беседует с политиком, бессменным лидером «Яблоко» Григорием Явлинским.

Андрей Королев — Первый вопрос, который звучит постоянно: почему не сам Явлинский идет на выборы?

Григорий Явлинский — Потому что есть несколько объяснений этому. Одно из них, которым я бы сейчас хотел с вами поделиться, заключается в том, что пришло время, чтобы молодые люди занялись всерьез тем, что в России называется политикой.

В прошлом году после 1 июля, можно сказать, формально, наступила новая эпоха. Просто все, что было, 30-летняя постсоветская модернизация закончилась поражением, закончилась провалом. И теперь должны новые люди, не в смысле партии, а в смысле — реально новые люди, молодые люди должны входить в русскую политику. Кроме того, ну сколько можно? Зюганов, Жириновский, Путин — все одно и то же…

Андрей Королев — Вы себя с ними ассоциируете?

Григорий Явлинский — Да я даже вас с ними ассоциирую. Сколько я вас знаю, столько они и есть. Вы мне хоть дали перерыв какой-нибудь? Не дали. Поэтому все себя с ними ассоциируют, к сожалению. Ну вот мы и решили, что надо сделать как-то все это иначе. У нас средний возраст около 40 лет. Мы считаем, что это очень важно. Независимо от того, как это все закончится и как это происходит. Просто люди должны набираться опыта. Им же здесь жить. Это просто закончился тридцатилетний период. А жизнь-то продолжается.

Во-вторых, это более серьезное даже соображение: а выборы эти не персональные совсем. Это выборы исключительно о смысле жизни, больше ни о чем.

Андрей Королев — Давайте вы все-таки будете расшифровывать. Какая увязка, собственно говоря?

Григорий Явлинский — Ну вот Путин написал статью, совсем недавно опубликовал ее. Это целая доктрина. Она говорит о том, что все нам вокруг должны, что нужно отбирать эти территории, что мы их можем отобрать, что «уходите с тем, с чем пришли». Как вы знаете, в последнюю неделю «оживилась» в этом смысле ситуация в Киргизии, в Казахстане. Знаете, если бы мы с вами прочитали 40 лет назад такую статью главы государства, то можно было бы считать, что это манифест об объявлении войны: что такого народа не существует, что не может быть у них никакой государственности. Ну как еще расшифровывать? Вот я вам расшифрую.

А еще список «Единой России» возглавляет Шойгу, министр обороны. А вторым идет Лавров. Ну разве вы не понимаете, что это референдум по этому вопросу. Никакие это не выборы. Это такой плебисцит.

Андрей Королев — О войне?

Григорий Явлинский — В частности, да. Ну а как он потом скажет: «Вот смотрите, я ведь все открыто заявил». Правильно? Список возглавил министр обороны и министр иностранных дел, да? И 98% (сколько вы скажете?) проголосовали за это. Потому что все, кто будут голосовать за «Единую Россию», за коммунистов, за так называемую «Справедливую Россию», за ЛДПР— это все за это. Все это за одно и то же — за войну. «Ну вот я же спросил у вас. А вы что? Вы сказали, что да, вперед».

Андрей Королев — А как это коррелируется с возрастом ваших кандидатов?

Григорий Явлинский — Это коррелируется с возрастом так, что все предыдущее поколение привело туда, куда привело. И пускай новые люди теперь строят новую Россию — как смогут. Но я вам про более жесткую корреляцию расскажу. Это коррелируется с Афганистаном, с тем, что там происходит вчера, сегодня, позавчера. Потому что все. Один из важных факторов уходит. Теперь американцы будут очень долго собой заниматься. Это прямо примыкает к этой теме. Прямо.

Андрей Королев — Давайте объяснять. «Прямо примыкает к этой теме». Расшифровывайте, пожалуйста. Потому что не совсем понятно.

Григорий Явлинский — Объясняю. Можно предполагать, что происходящее сегодня в Афганистане (сейчас, в эти дни) приведет к тому, что Соединенные Штаты долгое время будут заниматься исключительно внутренними делами. Они не будут заниматься Украиной, Европой и всем остальным. А вы знаете, какая этому будет цена? Очень неслабая. Потому что эти-то люди на них рассчитывали. В Киеве на них рассчитывали. А теперь рассчитывать не приходится, я думаю.

Андрей Королев — В этой логике есть все-таки какая-то натяжка. Ну давайте сойдемся на том, что в Афганистане было явное присутствие Соединенных Штатов, да? И военное присутствие, и финансовое присутствие. $2 трлн потрачены за почти 30 лет на обустройство афганской армии, которая провалилась за эти трое суток, просто куда-то исчезла, испарилась, да? В Украине такого присутствия нет.

Григорий Явлинский — Послушайте, я говорю о роли, а вовсе не об армии, не о триллионах. Кстати, ничего похожего Украина не получила близко за последние 30 лет. Близко. Это все нужно рассматривать в совсем другом контексте. Я говорю о влиянии и роли, которая могла быть, а теперь ее не будет. К примеру. Я не говорю, что это уже известно. Но это очень вероятно. И говорю я об этом в связи с тем, что мы с вами обсуждаем: в связи с ситуацией в России как иллюстрации, насколько важно то, что называется «выборами»… Россия получит почти то же самое в Сирии. Это вопрос времени. Мало того, она занялась Сирией в то время, когда ей надо было заниматься

Средней Азией. Потому что угроза Афганистана существовала непрерывно и давно. И вообще, переход, назовем так, боевиков из Сирии в Афганистан — это огромная угроза, которая будет реализована. Потому что никто не забудет, как сказал министр обороны, «320 видов вооружений, испытанных в Сирии». Они не забудут этого. Это же женщины и дети, а не испытание вооружений. И они перешли в Афганистан. Вот если они с «Талибаном» найдут общий язык, не знаю, получится или не получится, мало не покажется.

Это серьезная история. ОДКБ никакого не существует на самом деле. Это миф. Присутствие российских военных в Центральной Азии символическое. Там все надо начинать сначала, потому что если «Талибан» в том или ином виде или вот эти боевики двинутся на север, ну там же границ нет. И угрозы будут идти оттуда. Поэтому происходящее в Афганистане в контексте России — это вообще очень большой вопрос.

Андрей Королев — Ваши кандидаты в депутаты Государственной Думы, люди, которым в среднем 40 лет, через решение внутренних проблем будут решать внешние проблемы?

Григорий Явлинский — Как они будут решать эти проблемы, мы с вами обсудим после 19 сентября. Потому что фракция в 20 человек в этой Думе — это вообще отдельная история, даже если она будет.

Андрей Королев — Вы в Питере довольно маленькой фракцией довольно сильно нашумели там.

Григорий Явлинский — Шумели. И все. Не влияли. На данном этапе главное значение имеет голосование. Ответ на вопрос — сколько людей выступает против войны, сколько людей выступает за свободу, сколько людей выступает против репрессивных законов, сколько людей понимает, что в стране 360 или сколько политических заключенных, сколько людей понимает, что если так дальше будет развиваться, то это будет жизнь на коленях, и сколько людей готовы, может быть, в последний раз пойти и проголосовать, чтобы эта политика не проводилась. Вот от этого пока будет все зависеть. Если это будет полпроцента, значит я вам могу просто гарантировать: все это будет разрастаться со страшной силой. Можете предупредить своих близких и детей. А если это будет, например, 10 процентов, тогда те, кто

принимают решение, задумаются: «Да, все-таки многовато людей, несогласных с войной. Все-таки 10 млн — это много. Тогда надо как-то еще повременить, надо как-то затормозить».

А рисунок голосования… Так сложилось, что есть политика Путина и четыре партии, которые эту политику реализуют, и «Яблоко». И все, больше ничего нет в этом смысле. В политическом смысле просто нет ничего больше. Это не вопрос о налогах, это не вопрос о кредитах, это не вопрос о пенсиях. Это вопрос о смысле жизни в России в ближайшие годы. Вот в чем смысл этих выборов. И мы посчитали, что хорошо будет, если на выборах будут представлять молодые, хорошо образованные люди, что мы и сделали.

Андрей Королев — Слушаю я вас и ловлю себя на том, что это все я уже слышал на прошлых выборах. Мы видели Явлинского с листочками в руках на черном фоне. Вот эти заклинания «Приведите с собой 10 человек или 20 человек». И так далее.

Григорий Явлинский — Ну вы же не привели? И это привело туда, где мы сейчас находимся. Ну как? Ничего? Нравится? Значит, Явлинский не ошибся?

Андрей Королев — Нет, Явлинский-то не ошибся. Но и, собственно говоря, никто и не ждал от вас ни тогда (предполагаю, не ждут и сегодня) никаких откровений в этом смысле, потому что все вот эти заклинания и заговоры, которые вы произносите на протяжении многих лет, они, собственно говоря, никакого значения для Кремля не имеют.

Григорий Явлинский — Это заклинания не для Кремля. Это заклинания, во-первых, для той (эпитет пропущу) части общества, которая называется активной частью общества, которая была когда-то очень влиятельная. Это попытки достичь мозгов и разума этой части. А кроме того, эти заклинания — они для людей. В чем долг политика? Сказать то, что он думает, и предложить решение. Так вот, я перед вами. Я говорю то, что я думаю, и предлагаю решение. А дальше как хотите, так живите. Не рассказывайте «ой-ой-ой», «ай-ай-ай». Не плачьте. Вы же сами это решаете. Вот сейчас есть возможность решить, как вы будете жить дальше. Не расстраивайтесь потом. Вам предложено, вам рассказано, вам объяснили. Ну а дальше это ваше право. Я вас уважаю. Это ваш выбор. Как хотите, так и живите.

Андрей Королев — Вот в ваш адрес сейчас очень много упреков по разному поводу. Вот еще один. Вы сейчас только что дали повод для еще одного упрека. Результаты «Яблока» показывают, что у этой страны 1–2% мозгов.

Григорий Явлинский — За 30 лет мы 10 раз подробно, обстоятельно, изо всех сил объясняли людям, куда надо двигаться. Семь раз на думских выборах и три раза на президентских. Если собрать все, что мы описали и опубликовали, получится гигантское поле… Мы делали в прошлом и обязаны делать. Кстати, в это вложено огромное количество денег, как вы догадываетесь, огромное количество средств. Это огромные силы — 10 раз выйти на федеральные выборы, по-настоящему. Из этих 10 раз мы 4 раза выигрывали выборы. Ну а потом выборы превратились во что-то другое. Стало сложно выигрывать.

Я очень уважаю моих избирателей, вообще свой народ, очень люблю свою страну. Я выполняю, как я понимаю, свой долг: я объясняю, что сейчас происходит, что будет происходить. Но не просто объясняю как политолог. Я не политолог. Я вообще к этому не имею отношения. А предлагаю практические решения каждый раз. Именно практические. И говорю: «Это ваше право. Это наша страна, ваша страна. Ваше право решить так или иначе. Решайте». Мое дело — объяснить, но не только объяснить, но еще и практически предложить.

Андрей Королев — Но вы же понимаете прекрасно, что мы живем в эпоху соцсетей. Люди не любят читать лонгриды, не любят большие тексты. Вы помните наверняка эту историю с Галиной Васильевной Старовойтовой, которая, по-моему, в 1994 году на одном из совещаний с Ельциным заявила, что «нам нужна пропаганда». Ей, конечно, ударили по рукам. Правда, под пропагандой она имела в виду не то, что мы сейчас имеем на федеральных каналах, разумеется, но имеется в виду, что мы должны стать доступнее.

Григорий Явлинский — Мир или война. Какой длинный текст? Ну что морочить голову? Какой длинный текст? Уже все сбилось до точки. Это вам не 1990 год, когда «500 дней», программа, как что делать. Всё. Сейчас уже этот вопрос стоит в стороне. Сейчас всё очень просто: будет война, не будет войны, будет возможность говорить, что думаешь, или будешь сидеть 15 суток, а потом 2–3 года в лагере.

Вот сейчас до этого дошло. Какой длинный текст? Ну какой? Все же получили по голове… Все всё видят. Причем здесь длинные тексты? Все просто: туда или сюда. Какая пропаганда? Одно слово. Это же не я написал эту статью. Это же президент написал эту статью. Он объявил о своих планах вам.

Андрей Королев — Ваши нынешние кандидаты — это тоже ведь представители той самой активной части.

Григорий Явлинский — Это постсоветская интеллигенция — активная часть. Она все проиграла. А это уже люди другие.

Андрей Королев — А вы их понимаете?

Григорий Явлинский — Стараюсь. Учусь.

Андрей Королев — Учитесь?

Григорий Явлинский — Да. Это не так просто.

Андрей Королев — Вы представляете сейчас на данный момент во всей этой политической ситуации, в которую попала страна, в которую, собственно, мы с вами и загнали, а, по вашему же признанию, какими заботами и какими чаяниями живут молодые избиратели, которым даже не до 40, а до 30?

Григорий Явлинский — Их заботит работа, их заботит признание, их заботит досуг, их заботит любовь.

Андрей Королев — Смотрите, как много слов прекрасных вы произнесли. Образование, карьера и прочее. Можно привести еще несколько каких-то эпитетов. Но ни разу не упомянули слово «война» или «антивойна».

Григорий Явлинский — Это же процесс. Это же молодые люди. Они же учатся. Они же растут. Мы должны к ним относиться с большим уважением и почтением. Потому что мы-то свою работу как смогли, так сделали. Теперь это их жизнь, это их страна.

Андрей Королев — Наша программа выходит 22 августа. Уже 3 дня с момента объявления путча прошло. Уже вернулся Горбачев из своего заточения в Форосе… На самом деле уже прошло ровно 30 лет. Вы помните этот день — 19 августа? Вы проснулись…

Григорий Явлинский — Конечно. Я проснулся, услышал все это и понял, что надо ехать в Москву.

Андрей Королев — Так.

Григорий Явлинский — Сел в поезд и поехал.

Андрей Королев — Сели в поезд и поехали. Что происходило в Москве? Ваши движения?

Григорий Явлинский — Я сколько ехал в поезде, вокруг меня собиралось много людей… Я сутки ехал. Я писал листовки. Они эти листовки переписывали. И мы их раздавали на станциях, на полустанках. А потом я приехал в Москву и пошел в Белый дом и там встретился с Борисом Николаевичем, который сидел у себя в кабинете. Первый вопрос, который он задал: «Так вы будете теперь со мной работать?» Из чего я понял, что у него есть сомнения, что все закончится благополучно. Это было 20-е число еще. Я говорю: «Борис Николаевич, а больше вас в такой момент ничего не интересует?» Он улыбнулся… Он же мне должность предлагал. А я сказал, что я не буду… Но это другая тема. После этого он ушел в бункер. Там бункер есть под Белым домом. А я остался среди тех, кто организовывал оборону Белого дома. Но вскоре я понял, что в нападение никто не верит особенно. Они поддерживают какие-то там свои телефонные разговоры, с Крючковым… На улицах вокруг Белого дома была другая атмосфера. Там люди пришли отдавать свою жизнь за будущее. И очень было трогательно с ними разговаривать. Внутри было вот так, а на улице было немножко иначе. Ну и действительно через день-другой все закончилось.

Андрей Королев — А не было опасений даже после гибели вот этих трех молодых людей?

Григорий Явлинский — Опасения-то были. Опасения вообще были все время. Ну как же? Тысяча танков вошли в город. Конечно, были опасения. Но было понимание, что то, что там случилось, это не умышленно, а трагедия. Многие из них пришли на последний бой. Это были просто герои. Я преклоняю голову перед ними. Мои товарищи, те, с кем я работал. Там было очень много моих знакомых, друзей близких. Я просто рассказываю, что немножко была разная атмосфера. Потому что опытные политики внутри Дома лучше понимали ситуацию. А люди на улице были готовы на все. Но именно благодаря тому, что они были готовы на все, это все не случилось.

Андрей Королев — А собственно, что это было? Вся эта камарилья с трясущимися руками во время пресс-конференции? Вот это «Лебединое озеро» по центральному телевидению… Это вообще для чего было нужно? Кому это было нужно?

Григорий Явлинский — Это было выпадение из времени. Эти все люди — Крючков, Бакланов, Язов, Павлов — во-первых, не понимали, чем живет страна, во-вторых, просто выпали из исторического процесса и хотели вернуть вспять историю. И это было просто перпендикулярно полностью всему, что происходило в стране. Поэтому это так быстро закончилось, к счастью, с небольшой кровью. Но это очень очевидная вещь. Такие вещи очень часто происходят, когда это не такая очевидность. Требовать, например, у Украины территории — это то же самое. Просто не все так это прекрасно понимают. А тогда это было совершенно очевидно. А знаете, почему? Потому что была свобода слова. Вот почему.

Главное достижение Горбачева, главное, ключевое, от которого впоследствии все, что происходило, было следствием этого — это то, что люди получили возможность говорить то, что думают, их за это не арестовывали, не снимали с работы, не прогоняли с работы и даже не исключали из партии. И они могли делать это громко. И возникло общество. И возник диалог в обществе. А вот эти люди (ГКЧП) хотели все это прекратить. Это было невозможно. Они этого не понимали. Вот и все. Они просто дураки.

Наш с вами разговор происходит в такое время, что все символические вещи произошли: статья, 30-летие ГКЧП, афганские события. Это все нужно видеть и понимать. И, с другой стороны, так совпало, что есть возможность выразить свое отношение. Вот в этом работа «Яблока» — помочь людям, дать возможность выразить свое отношение ко всему этому. Будьте же взрослыми! Сейчас ответственность за будущее. Вот отвечайте, как вы… Вам нравится так? Голосуйте за эти 4 партии. Вам хочется иначе? Голосуйте за «Яблоко». Вот и всё.

Андрей Королев — Спасибо большое! Было интересно.

Григорий Явлинский — Взаимно.

«После нас та же участь постигнет и вас»

24 августа 2021 г., Засекин.ру (Самара)

Григорий Явлинский — один из самых опытных политиков России. Интеллигент, к которому не получается относиться равнодушно. Он вызывает уважение и неприязнь, интерес и раздражение, к нему прислушиваются на Западе и пытаются не замечать российские власти. С ним ассоциируется партия «Яблоко», которую власти маркировали в избирательном бюллетене «иностранным агентом». Будучи так или иначе живой легендой, он не стал участвовать в выборах депутатов Госдумы лично. «Засекин» поговорил с Григорием Явлинским о шансах… оппозиции, молодежи, гражданского общества, российских регионов и страны в целом.

Дмитрий Солнцев — Григорий Алексеевич, почему лично Вы не участвуете в выборах депутатов Госдумы? Кто бы ни был председателем партии в текущий момент, «Яблоко» и Явлинский для многих синонимы…

Григорий Явлинский — Для российской политики очень важны новые, молодые люди, и им необходимо открыть двери. Невозможно все время видеть одни и те же лица: Путин, Жириновский, Зюганов… Сколько можно? Значит, надо подавать пример — мы за сменяемость власти. Средний возраст наших кандидатов около 40 лет. Я готов им помогать, быть их помощником, кем угодно. Это первое.

Второе. Я считаю, что на этих выборах дело не в персонах. Голосование в сентябре — это не столько выборы депутатов, сколько

определение смысла и цели дальнейшего движения страны: мир или война, свобода или страх, уважение к человеку или политические заключенные, — вот какой выбор. Так сложилось, что «Яблоко» олицетворяет на этих выборах альтернативный путь для страны: мира, свободы, прав человека, конкурентной рыночной экономики. Все остальные партии: ЕР, КПРФ, ЛДПР, СР и т.п., — представляют политику Путина — войны с Украиной, цензуры, политических репрессий, олигархии, всесилия бесконтрольных спецслужб.

Дмитрий Солнцев — Какие цели и задачи у оппозиции — реальной и парламентской — на этих выборах?

Григорий Явлинский — Цель реальной оппозиции показать, что в России есть много людей, которые не согласны с политикой, которая сегодня проводится. Если эта цель будет достигнута, в стране многое начнет меняться. Если, например, за несогласие с официальным курсом проголосуют 10–20 миллионов человек, то ситуация в стране изменится. А если проголосуют полпроцента, то будет еще хуже, чем сейчас.

Главная цель — это провозглашение принципиальной альтернативы системе и политике Путина. Момент важный. Есть возможность без драки и столкновения с полицейскими просто пойти и опустить бюллетень. Пока вам за это никто ничего не сделает. Не знаю, будет ли ещё такая возможность в ближайшем будущем.

Политическая цель так называемой парламентской оппозиции поддерживать ЕР по всем принципиальным вопросам и при этом изображать оппозицию по социально популярным темам. Поэтому они и голосуют только так, как им прикажет Путин. Ну, может быть, по пенсиям коммунисты проголосуют как-нибудь иначе. Когда вообще пенсии будут отменять, коммунисты воздержатся…

А цель большинства самих кандидатов от этих партий простая — им хочется стать депутатами, получить 450 тыс. рублей зарплату, привилегии, некоторую безопасность, жизнь в Москве, влияние, связи, бизнес. Многие из них идут в Думу чтобы обслуживать интересы бизнес-групп, которые их финансируют. Они, конечно, не думают о том, что без создания в стране настоящего гражданского общества и влиятельного среднего класса в итоге так или иначе, но все потеряют. Это

сознание деполитизированных людей, можно сказать временщиков, будущих банкротов — во всех смыслах слова. Очень жаль, что наша страна до всего этого дошла.

Дмитрий Солнцев — Что будет с «Яблоком», если оно не преодолеет ни пяти, ни 3%-ный барьеры? Продолжит ли партия свое существование вне зависимости от результатов?

Григорий Явлинский — Мы в любом случае будем делать свое дело: говорить правду о российской политике и предлагать решение ключевых проблем и задач, предлагать дорогу в будущее для российского народа.

А с партией могут сделать все что угодно, даже если она преодолеет хоть 3%, хоть 5% барьер. Да и результат власти назначат какой захотят. Могут закрыть, а могут не закрывать. В нашей стране никто ничего никому не гарантирует. Однако повторю: голосование за нас — это голосование за человеческое достоинство и свободу, против войны. Значение имеет не столько то, сколько выпишут процентов, а сколько миллионов людей за это проголосуют. И учтите, сколько бы власти нам процентов не написали, они точно будут знать, сколько людей проголосовало против их политики. Если таких голосов будет реально много, это будет иметь принципиальное значение.

А что касается — «закроют не закроют» — все должны знать: после нас та же участь постигнет и вас. Журналисты любят говорить: «Мы над схваткой». Вот Сафронов сидит уже больше года, а всех остальных или закрыли, или признали «иностранными агентами». Правозащитники говорили: «Мы вне политики, мы защищаем право». Но ведь права в стране нет. Что вы защищаете? Теперь все они «иностранные агенты» или «нежелательные организации». Поймите, наконец, с вами будут делать всё что угодно, если вы политически не представлены. Сначала надо победить, создать правовое государство, иметь свою партию и представительство в политике, а уж потом раздумывать, как это быть над схваткой.

Дмитрий Солнцев — Как повлияет надпись об аффилиации с «иностранным агентом» на голосование? Это знак качества или черная метка? Не было ли ошибкой включение в список Пивоварова?

Григорий Явлинский — Мы не знаем, как повлияет. Нам бы хотя бы узнать, какой будет результат на самом деле. Что касается Пивоварова, то мы включили его в список из принципа. Он без пяти минут политзаключенный, а мы добиваемся освобождения всех политзаключенных. Это один из первых пунктов нашей предвыборной программы.

Дмитрий Солнцев — Что делать активной молодежи? Положить жизнь на борьбу с режимом или по возможности эмигрировать, пока не закрыли границы?

Григорий Явлинский — Это очень серьезный вопрос, и каждый на него должен ответить себе сам. У меня нет советов. Мы объясняем, что происходит и что будет в России, что можно сделать в нашей стране, если народ поймет и захочет. А как поступить — уезжать или оставаться — с учетом этого каждый решает сам. Лично я останусь в России. Но я, правда, не молодежь. Ну, может, и молодежь, но не активная. (Смеется).

Дмитрий Солнцев — Можно ли в современной России стать политиком вне партии?

Григорий Явлинский — Я так отвечу: стать можно, быть нельзя. Добиться ничего нельзя, достичь ничего нельзя. Политик не может быть одиночкой, должна быть команда, структура. Политика — это солидарное творчество людей по созиданию государства, и одиночкой здесь быть нельзя.

Дмитрий Солнцев — Протестная активность и уровень поддержки оппозиции, как принято считать, в столице выше, чем во всей России. Как вы оцениваете политическую картину в регионах? В частности, в Поволжье и Самарской области.

Григорий Явлинский — А как оценивать политику в регионах, когда, например, в Нижнем Новгороде, стоящем на реке Волге, происходит политическое самосожжение? Оцениваю, как часто приходящее ко многим людям ощущение безвыходности и безнадежности. Оцениваю, как искреннее желание многих людей изменить происходящее, но непонимание, как это сделать. Я вообще считаю, что в России живут умные, честные люди, но намеренная деполитизация общества лишает смысла все, что они делают.

Дмитрий Солнцев — Как, на ваш взгляд, будут строиться отношения центра и регионов в ближайшие годы после выборов-2021?

Григорий Явлинский — Как командно-распорядительные. Россия сейчас устроена как большое министерство: наверху сидит министр, потом замы, потом управления — это и есть наши регионы; что им говорят, то они и делают. Никакой самостоятельности у регионов в командно-распорядительной системе быть не может. А нужна федерация и ее надо построить.

Сталинист Лавров

31 августа 2021 г., сайт Григория Явлинского

Министр Лавров приравнял критику Сталина к атаке на итоги Второй мировой войны. Зачем? Привлекает к «Единой России» избирателей-коммунистов и заодно дает понять, что негативная оценка диктатора, повинного в гибели миллионов людей, может скоро стать в России уголовно наказуемым деянием, так как будет считаться «пересмотром итогов Второй мировой войны». Для рассказывающих правду об истории нашей страны теперь даже не надо будет специально фабриковать дела, они и так будут подпадать под уголовные статьи и получать реальные тюремные сроки.

Владимир Путин и вообще российская власть внимательно следят за настроениями так называемой активной части общества (часто именуемой «прогрессивной» и даже «либеральной») и отчетливо видят, что в этих кругах всерьез обсуждают варианты голосования за коммунистов и сталинистов. «Тем не менее голосование в соответствии с рекомендациями “умного голосования”, — пишет один известный российский профессор из Парижа, — это самый эффективный удар по российской власти — будь то люди, которые поддерживают Сталина или даже являются открытыми гомофобами и расистами».

И такая электоральная стратегия Кремль вполне устраивает, ведь сегодня в России партия власти — это не только «Единая Россия», но еще и КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» с присоединившимися к ней националистами. Все эти партии претворяли, претворяют и будут претворять в жизнь только политику Владимира Путина. На съезде «Единой России» 24 августа Путин так прямо и сказал: «Хочу

вновь повторить: благодарен всем партиям, которые до сих пор были представлены в Государственной Думе, за патриотическую позицию. И “Единая Россия” здесь играет консолидирующую, объединяющую роль». А стержень современной путинской политики — это объединение сторонников милитаризма, аннексий, ненависти и борьбы с европейскими ценностями.

Но главное заключается в том, что призывы к голосованию за коммунистов и сталинистов со стороны как бы прогрессивной оппозиции — это самый простой и понятный для популистской власти сигнал: общество готово к еще большему масштабу репрессий, к еще большему страху.

В 1999-м хотели сильной руки? Получите Вторую чеченскую и «возрождение российской армии в Чечне»! Оправдываете «Русские марши»? Получите Крым и Донбасс! Говорите, что теперь настоящая оппозиция — это коммунисты, что когда-то доверенное лицо Путина и член «Единой России», а теперь сталинист Грудинин — это то, что вам нужно? Пожалуйста, вот вам такой же Лавров под красными флагами и с портретами Сталина — ждите новые репрессии, железный занавес и войну.

«Мы — агенты собственного народа»

4 сентября 2021 г., ТВ2 (Томск)

Григорий Явлинский, доверенное лицо партии «Яблоко», председатель федерального политкомитета партии стал гостем прямого инстаграм-эфира ТВ2 и мы приводим ниже расшифровку этого разговора. И, хотя эфир был в социальной сети, мы, на всякий случай, предупредили, что он оплачен из избирательного фонда партии. Григорий Явлинский добавил, что он, наверное, на всякий случай, тоже должен сообщить, что партия «Яблоко» связана с иностранным агентом.

Виктория Мучник — Вопрос о связях с иностранными агентами я задам чуть позже, сначала хочу узнать, Григорий Алексеевич, почему вас нет в партийном списке? Мы видим, что Жириновский, Зюганов, Миронов на всех билбордах страны, а вашего лица нет. Почему?

Григорий Явлинский — Вот именно поэтому! Вы сами ответили на свой вопрос. Больше невозможно одно и то же. Мало того, я еще добавлю, там еще Владимир Путин! Вместе с ними. Они 30 лет, он 20 лет. Надо же, чтобы пришли новые люди. Надо начинать, извините за банальность, с себя. И надо показать, что можно обновляться, что нужна новая жизнь, новая энергия, новое отношение к действительности. Посмотрите какие сейчас технологии, как мир меняется. Я считаю, что нужно, чтобы люди молодые, новые начинали работу. Вот у нас партийный список — средний возраст около 40 лет. Кроме того, мы

приняли решение, что у нас нет одного центрального списка, знаете, когда вся страна занимается выборами для того, чтобы 10 важных персон прошли в Государственную Думу. Мы попытались так разделить это, что все могут друг с другом конкурировать, и у кого лучше получится, тот и станет депутатом. Не важно, Москва или Псков, Питер или Томск, или еще какой-то округ. Примерно одинаковые возможности, и могут все пройти. Вот это первое соображение. Оно простое. Я уверен, что нашим людям это очень даже понятно, особенно в Томске. Я, кстати, отвлекусь на секунду и скажу, что Томск я очень люблю. И считаю его выдающимся городом Сибири. Хотя у вас не у всех в домах есть газ в регионе, о чем я без конца говорю. Вот в Китай могут проложить трубу, а в Томскую область завернуть, чтобы там перестали топить дровами и углем — это, конечно, никак не возможно.

Есть более важные соображения, чем то, что молодежь надо продвигать в политику. Сейчас страна находится на таком перекрестке, что дело не в личностях. Не так, как это было, скажем, в 90-х — кто вам больше нравится: Сидоров или Иванов? Петров или какой-нибудь еще человек. Сейчас дело в том, какую выберем политику, какое выберем направление страны — вот в чем смысл этих выборов. Я постараюсь объяснить. Так сложилось, и я вовсе этому не рад, что есть в стране целый букет партий, которые представляют направление, возглавляемое Владимиром Путиным. Это наша реальность, то, что сегодня существует. И есть одна партия оппонент — это «Яблоко». Так получилось. Теперь, что означает направление, возглавляемое Владимиром Путиным? Это все, что мы имеем сегодня — политические репрессии, иностранные агенты, придумываем кого и как обозвать. В общем, вот это все направление. Давление на средства массовой информации и так далее… Все всё знают.

К этому направлению добавилась еще одна очень важная деталь. Очень! Президент опубликовал свою статью про Украину, в которой он написал, что Украина должна уйти с тем, с чем когда-то пришла. То есть, это разговор о территориях, о землях — это очень серьезный вопрос. Если бы такая статья была написана 40 лет назад, то было бы всем очевидно, что это объявление войны! Сейчас времена немножко другие, но все равно это тот же тренд. И список «Единой России»

возглавляет министр обороны Сергей Шойгу. А второй номер — Лавров, который недавно сказал, что «нельзя обижать Сталина».

Итак, одно направление — то, что я все перечислил, плюс ситуация с Украиной, плюс цены, плюс экономика, плюс несвобода. И если говорить откровенно, то это — вектор жизни на коленях. Другой — это заявление о том, что мы с этим не согласны, что мы хотим другого направления. Мы хотим жить в мире, мы хотим жить во взаимопонимании с соседями, мы хотим жить в образованной стране. Мы хотим жить в своей стране без страха, заниматься творчеством. Там, где людей уважают. Вот, выбор такой.

Виктория Мучник — В одном из последних ваших интервью прочитала, что вы считаете если, например, за несогласие с официальным курсом проголосуют 10–20 миллионов человек, то ситуация в стране изменится. А если проголосуют полпроцента, то будет еще хуже, чем сейчас. Откуда у вас уверенность, что 10 процентов протестных голосов могут все изменить? У нас есть пример Беларуси. Там было в прошлом году мощное протестное голосование, потом неудачная попытка защитить его результаты… Режим устоял — и сегодня он гораздо жестче.

Григорий Явлинский — Сейчас скажу вам про Беларусь. Я, прежде всего, выражаю от всего сердца солидарность с гражданами Беларуси. Я считаю, что они подвергаются невиданным репрессиям, невиданным издевательствам, и что ответственность за все это лично лежит на Лукашенко. Но особенность Беларуси заключается в следующем: там все это происходит, потому что за спиной стоит Кремль. Вот только поэтому. Поэтому там мы видим, что сейчас, как мне рассказывают мои товарищи из Беларуси, люди даже на улицу не выходят. Вот до чего дело дошло. Это сейчас, в XXI веке в центре Европы. Там вообще не имеет значения, кто и как голосует. Политика, которая происходит в Беларуси, формируется в Москве, а точнее в Кремле. Вот и все. Это просто надо понимать. К сожалению, это очень серьезно. Что касается 10%? Да, я думаю… представим себе, что… сколько там… 75 миллионов человек голосуют, да, к примеру. Или напишут, что голосует 75. Что такое 10% — семь с половиной миллионов, да — это очень

много людей. Это обязательно Владимир Путин будет учитывать. Он же проводит не выборы…

Виктория Мучник — Лукашенко не стал учитывать, он…

Григорий Явлинский — А Лукашенко… потому что у него за спиной Путин.

Виктория Мучник — А у Путина нет никого?

Григорий Явлинский — А у Путина никого нет. Он решения сам принимает.

Виктория Мучник — Вы знаете, а я думаю, что Лукашенко как раз и развязал руки Путину — он посмотрел, что так можно, что силовые методы работают.

Григорий Явлинский — Ему развязал руки не только Лукашенко. Еще раз говорю — Лукашенко потому Лукашенко, что у него за спиной Москва. И Москва будет принимать решение, безусловно, с учетом того, что семь с половиной миллионов человек прямо и открыто говорит: «Мы не согласны с этим политическим курсом». Вот это самое ценное! Не те 10 человек, которые будут в Думе, не те 20 даже независимых депутатов. Хоть 30 человек! А что 10 миллионов человек против. Это очень существенно. Наши власти популистские, они всегда слушают внимательно. Вот были «Русские марши» — появился Донбасс и Крым. Я могу эти примеры продолжать. Все связано просто напрямую. Сейчас самое главное, если так можно выразиться, объявлен референдум — вот решайте сами. Статью про Украину опубликовали заранее, министр обороны во главе списка. Лавров — второй. Пожалуйста, люди, вот вам… вы видите, какая политика и что будет дальше.

Поэтому так важно, чтобы во время выборов, когда люди могут спокойно, без страха, без полиции, без дубинок, без битья по голове, без вот этого всего, пойти и выразить свое отношение к происходящему. Дорогие мои, сограждане, поймите, я не знаю, какие и когда будут следующие выборы, и как это все будет устроено. Сейчас, все-таки, выбор есть…

Вы мне скажете, и будете правы: «А вот… фальсификации. Все равно напишут, что напишут». Я согласен. Так и будет. Но хочу всем сказать — все сложнее. Руководство страны будет знать реальный

результат, оно его изменит или разрешит изменить, но обязательно спросит, а что там на самом деле? А «на самом деле» будет влиять на то, что происходит. Вот так все у нас извращено. Вместо ясности и понятности вот так все закручено. Что же, это такая жизнь.

Виктория Мучник — Допустим, «Яблоко» сейчас набирает много голосов, но нарисуют мало. Что будете предпринимать?

Григорий Явлинский — Мы будем оспаривать, мы будем жаловаться в Верховный суд. Мы сейчас заключаем союзы со всеми, чтобы на всех участках наблюдатели были. Мы будем предъявлять свои результаты. Мы же видим сейчас опросы. Я не могу сказать про опросы со всей страны, но вот данные в Москве и в Петербурге, которые я знаю, они очень ничего так — около 20%.

Виктория Мучник — Это у кого 20%, у «Яблока»?

Григорий Явлинский — Да, у нас, у «Яблока», да, да.

Виктория Мучник — Я знаю, что у «Единой России» что-то около 26%, что у них падает процент.

Григорий Явлинский — Это я не знаю, я слежу за нашими делами. У нас от 12% до 20% — вот такие разные оценки, но, все-таки, с 12 до 20 — это не плохие проценты. Если бы мы получили такой процент, то поверьте, сразу, на следующий день был бы другой разговор в стране. Это значит, что те ценности, с которыми мы выходим на выборы, я их уже перечислял — уважение к человеку, жизнь свободная, свобода слова и так далее, что они имеют значение для большого числа людей.

Виктория Мучник — Про свободу слова. Сейчас полным ходом идет операция, которую некоторые аналитики в телеграм-каналах называют «Чистое поле». После этой операции, возможно, в России не останется независимой прессы совсем. Как вы думаете, наше общество это проглотит так же легко, как и обнуление президентских сроков, пенсионную реформу?

Григорий Явлинский — Я не знаю. Я люблю свою страну, люблю свой народ, частью которого я себя считаю. Поэтому надеюсь, что не проглотят. Все положительные изменения, которые были в нашей стране, начались с того, что люди получили возможность говорить то, что они думают. Я даже специально не говорю слово «правду», я не знаю, это очень сложно, что правда, что нет… Но когда вы можете

говорить то, что вы думаете… Вот вы со мной разговариваете и я с вами — мы говорим то, что мы думаем — это же невероятно важно! Это совсем другая жизнь, поэтому вы сейчас подняли вопрос сверхпринципиальный. В конце 80-х годов, я однажды имел возможность разговаривать с Михаилом Сергеевичем Горбачевым на эту тему. Я у него спросил: «Я правильно понял, что главное, что вы сделали — вы позволили людям говорить то, что они думают и не сажать их в тюрьму за это?» И даже не выгонять с работы, если вы помните, даже из партии не исключали, говори то, что ты думаешь. И этого хватило, чтобы мирно произошло очень много изменений. Однако я не знаю, как люди к этому отнесутся. Но я знаю, что будет. Вы знаете, как горят торфяники?

Виктория Мучник — Приблизительно.

Григорий Явлинский — Вы тушите сверху пожар, а он уходит туда, внутрь, в глубину. И как только чуть-чуть температура меняется, в любой момент, там все продолжает гореть, и в какой-то момент все опять выходит наружу. Вот это будет то же самое. Никто это отменить не может. Особенно в наш век, когда есть интернет. Это никогда не было возможно, а сейчас тем более. И все это настроение, все это невероятное отношение к несправедливости, оно уйдет туда, вглубь и при первом же удобном случае выйдет наружу. Только оно может выйти в очень страшных формах. Понимаете?

Что сейчас происходит — страна вакцинироваться не в состоянии — настолько люди не верят власти! Мы сделали, уверяю вас, неплохую вакцину, ну, я так вижу, и я так чувствую, и я сам проверял на себе и на своей семье. Хорошая вакцина. Может быть, одна из лучших в мире. А люди не верят власти, не верят и считают, что это авантюра. Понимаете?

Виктория Мучник — Да, это показатель какого-то общего недоверия ко всему.

Григорий Явлинский — Ко всему, да. Да!

Виктория Мучник — Я хотела спросить, партию «Яблоко» обязали указывать связь с иностранным агентом в агитационных материалах. Мне интересно, как вы к этому относитесь, к этому словосочетанию «иностранный агент», напрягает вас это или нет?

Григорий Явлинский — Мне это неприятно. Просто потому, что это чепуха и это неправда. Никакие мы не агенты. Мы — агенты собственного народа, мы ради него всем этим занимаемся. И я могу как угодно поклясться, что это так. И мы все это знаем. И наши избиратели, миллионы избирателей и десятки тысяч членов партии — все это знают. Поэтому мне это неприятно. Но так как это сделали… ну вот, а я не знаю. Сейчас такое количество средств массовой информации, журналистов тоже обозвали иностранными агентами.

Виктория Мучник — Да, уже десятки СМИ и людей. Скоро за сотню зашкалит.

Григорий Явлинский — Значит, иностранными агентами является Сахаровский центр, иностранным агентом является «Мемориал», иностранным агентом является Фонд борьбы с коррупцией… Бесконечность. Сейчас все пишут в наших рекламных документах, что из-за того, что один человек, один из четырехсот аффилирован, есть такое слово, аффилирован с иностранными агентами, поэтому мы являемся списком, в котором есть один человек аффилированный с иностранными агентами.

Кто это такой? Это Андрей Пивоваров. Почему мы его включили в свой список? Объясняю. Мы являемся с ним политическими союзниками. И есть принципиальный вопрос — он не сегодня-завтра, к сожалению великому, станет политическим заключенным, понимаете? Просто он сидит сейчас в СИЗО, в Краснодаре за то, что он перепостил какой-то там пост, я даже не знаю точно, какой. И в этом смысле считается, что он пособник каких-то иностранных агентов. Это возмутительно! Это неприемлемо! Это политическое преследование, это преследование за политические взгляды, даже не за политические действия. И понятно, почему это с ним происходит — потому что его хотят изолировать за то, что он занимался фондом «Открытая Россия». А прицепились к нему формально, за какой-то перепост. Теперь он политзаключенный. И сейчас политзаключенных больше, чем было в Советское время. Понимаете? Вот вы представьте, в Брежневское время было меньшее количество политзаключенных, признанных в мире, чем у нас сегодня. Вот поэтому, в нашей программе одним из первых пунктов является «освободить политических заключенных»,

и чтобы не было даже законодательства, которое ведет к этому… Что такое политическое законодательство? Это когда вас судят не за то, что на самом деле есть. Это же обман суда, понимаете? Вообще отсутствие правосудия. Так вот, для того, чтобы показать, что для нас это важно, мы пошли на такой шаг, что пока еще есть возможность его включить в список кандидатов в депутаты, мы это сделали. В результате, вы знаете, нас заставили указывать, что в партийном списке есть иностранный агент.

Виктория Мучник — Вас спрашивают люди, которые нас смотрят: «Навальный — политзаключенный?»

Григорий Явлинский — Я не знаю. Наверное, возможно. Не знаю, потому что я не знаю суть его дела уголовного…

Виктория Мучник — Ну неужели вы считаете…

Григорий Явлинский — … я не знаю содержания дела. Я знаю его дело «Кировлес» — это я знаю. А дело, связанное с «Ив Роше», я не знаю. Вполне возможно. Сейчас очень много таких людей.

Виктория Мучник — Возвращаясь еще к иностранным агентам, смотрите, почему, как вы считаете, Центральная избирательная комиссия зарегистрировала директора «Открытой России» Андрея Пивоварова, из-за чего вы, собственно, и пишете эту строчку теперь, как вы объяснили, а вот вашего соратника по партии Льва Шлосберга — нет? Почему так получилось? Почему для них Шлосберг более опасен, чем Пивоваров?

Григорий Явлинский — Они там идут по разным статьям. Для Шлосберга придумали статью «связь с экстремистами», которая, на наш взгляд, не соответствует действительности. Не было такой связи. А ему это дело просто, если можно так сказать, вменили или инкриминировали. Этим занимаются люди, которые действительно не довольны тем, что он в Пскове много лет является депутатом, и он — человек, который говорит то, что думает. В чем особенность Шлосберга? Он политик, который говорит то, что думает. Это большое, серьезное дело в нашей стране, и мы его очень уважаем. У нас большие дискуссии бывают, у нас бывают споры, но сейчас речь не об этом.

Виктория Мучник — Кстати, Шлосберг вас не поддержал в позиции по Навальному, я помню, у вас были…

Григорий Явлинский — Да, он не поддержал, но это его личная позиция. Эта история очень большая, я ее уже столько раз обсуждал, что больше уже не хочу об этом говорить. Все, кто интересуется этой историей, могут почитать, все опубликовано. Я отвечал на этот вопрос Алексею Венедиктову, я отвечал многим другим… Это длинная, большая история, все могут почитать. Однако одну вещь еще хочу сказать — я считаю, и мы считаем, и партия считает, и это официальная вещь — если вы найдете «Российскую газету» за 24 августа, которая является официальным органом Администрации президента и правительства, то там наша программа опубликована, и там записано вторым пунктом: «Мы считаем чрезвычайно важным расследование отравления Алексея Навального» — вот это является безусловным приоритетом для нас, мы будем настаивать на этом всегда, потому что это касается вообще всей страны. Это самый главный, принципиальный вопрос. А ему мы желаем здоровья и силы, потому что…

Виктория Мучник — Я как раз хотела процитировать вас: «Отравление Навального — это свидетельство существования в России санкционированных властями «эскадронов смерти», причастных к государственному террору в отношении политических оппонентов Кремля». И мне в связи с этим вашим заявлением интересно, как вы считаете, кто должен инициировать это расследование? Понятно, что люди, которые давали санкции на убийство, не будут расследовать свое преступление. Кто тогда должен провести это независимое расследование?

Григорий Явлинский — Вы же понимаете, что поскольку государство не будет вести расследование, значит это ответ на этот вопрос. Понятно? Политики иногда так задают вопросы. Да и в жизни тоже. Когда вы говорите человеку: «Ты должен…», а он говорит: «Я не буду этим заниматься» — все, вот это и есть ответ. Потому что это невозможно не расследовать. У нас же есть люди, которые погибли прямо таким путем. Например, Юрий Щекочихин. Тоже отравление. А вы знаете, что он расследовал? Он расследовал конфликт между ФСБ и таможней по поводу мебельных магазинов в Москве, «Трех китов». Ну и всё! Понимаете? Он был депутатом государственной Думы от «Яблока». Я могу другие примеры привести — Володя Кара-Мурза, тоже вы

знаете этого человека, его дважды травили за последнее время. Как это можно не расследовать? Как? Вы мне объясните, как это может быть не расследовано? Поэтому мы так и записали это, и сказали про «эскадроны смерти», потому что это всех касается. Опять же, кто заказчик? Нет же ответа. И Анна Политковская, да это огромный список! Как же мы могли это не включить в свою программу?

Виктория Мучник — Многих удивило ваше интервью «Дождю», где вы призывали сторонников Алексея Навального не голосовать за «Яблоко». Вы сказали, «мы не будем проводить политику Навального, мы не приглашаем его сторонников в наши списки». Вот что у вас за странная форма предвыборной агитации — сразу какую-то часть людей отсекать....

Григорий Явлинский — Это серьезный вопрос. Я могу повторить: мы считаем, что надо честно избирателям говорить, какую программу мы будем реализовывать. Я говорю, вот программу, которая декларировалась Алексеем Навальным, мы организовывать не будем. Не будем и все. Хотите — голосуйте за нас, не хотите — не голосуйте. Второе — это тоже существенный вопрос, причем самый существенный. Разрешите вам сказать откровенно и до конца — это голосование вообще не за нас, а за вас, за каждого из вас, вы все голосуете за себя или не голосуете за себя. Это нужно не нам, уж точно не мне. Мне это нужно как части огромного народа, как одному из людей, принадлежащих этому народу. Каждому из вас. Это ваш, каждого, выбор. Вам жить здесь, нашим детям, вашим взрослым, не очень взрослым… Это наше будущее. Понимаете? Я хочу, чтобы все поняли — это не за нас голосование. Вы за себя! Что может сделать политик? Вот послушайте, я всегда хочу вам рассказать: политик может своему народу только предложить, если он не президент. Оппозиционный политик, что может сделать? Он может предложить выбор. Обязан. Что он должен сделать? Разжевать подробно, написать программу, собрать деньги, построить списки, удержаться в легальном поле, предоставить возможность голосовать — это колоссальная работа. Мы это делали семь раз на думских выборах за 30 лет, и трижды на президентских. Мы предлагали своему народу поворот. Один раз, если бы много людей проголосовало, один раз, не надо все время — все, страна бы пошла

другим путем… Потому что правильный поворот делается один раз, а неправильных поворотов можно сделать бесконечное количество.

Да, деполитизация — это умышленно, да, заткнуть всем рот — это умышленно. Да, не дать молодежи выражать свое отношение к жизни, как это делают с DOXA Высшей школы экономики, с газетами студенческими и так далее, до бесконечности. Да, это все делается против этого, чтобы не дать осуществить вот этот выбор. Но голосование — это за себя. Не дайте себя обмануть.

Виктория Мучник — Могли бы вы назвать три главные причины, почему не надо голосовать за «Единую Россию»?

Григорий Явлинский — Пожалуйста, я могу. Во-первых, это партия, которая будет поддерживать и проводить в жизнь ту экономическую политику, которую мы имеем сегодня. Экономическая политика нашей страны — это государственно-монополистический капитализм в чистом виде. Это государственные корпорации, это отсутствие конкуренции, это непрозрачные затраты, это постоянный рост цен и налогов. И это снижение эффективности, падение эффективности постоянное. У нас очень неэффективная экономика. Наша экономика, при том какая большая и какая серьезная у нас страна, составляет всего полтора-два процента мирового ВВП. О чем речь? Разве можно быть в таком положении? …

Виктория Мучник — Хорошо, это первая причина.

Григорий Явлинский — Как вы догадываетесь, причина мне близкая. С 2013 года уровень жизни людей падает. То есть, скоро 10 лет, и никакой перспективы. И один из официальных прогнозов министерства экономики, что будет 20 лет стагнации. Вот и всё. Поэтому, вот вам эта первая причина. Вторая причина — это социальная политика. Она связана не только с тем, что низкие пенсии и не только с тем, что думают, что дали 10 тысяч на ребенка, и это решение вопроса. Она гораздо глубже, она связана с тем, что предпринимаются специальные меры, чтоб в стране не было среднего класса, потому что средний класс — это люди, которые сами себя обеспечивают. Это не чиновники и зависимые бюджетники. Это предприниматели, это ученые, это люди, которые сами создают свою жизнь… Они хотят участвовать в политике, и это проявилось в 2011 году, в 2012-м,

когда люди вышли на улицу, и с тех пор, посмотрите, какое количество предприятий уничтожено, сколько банкротств. Во время пандемии не было никакой помощи, почти никакой, 3% ВВП всего выделили на поддержку предпринимателей и свободных людей. Это серьезнейший вопрос. Вот в этом социальная политика. Социальная политика — это не в том, кому, сколько дали каких-то там льгот, материнский капитал. Да, это важные вещи. Я это поддерживаю, считаю, что это все нужно. Социальная политика — это политика существования в стране независимого от государства среднего класса, который участвует в политике и отстаивает собственные интересы, имеет свои политические партии, имеет своих представителей в парламенте. Это чрезвычайно важно для будущего.

Сейчас в нашей стране самый высокий в мире прирост смертности. Чтобы вы знали, у нас прирост смертности такой, который был в 1947 году. Почему в 1947? Ну понятно, после войны, а там еще голод наступил и «ленд-лиз» прекратился. С тех пор такого прироста смертности не было никогда. Мы на первом месте. У нас упал средний уровень жизни, упал уровень здоровья. Что это означает? Это означает, что наше здравоохранение не справилось с эпидемией. Оно не справилось, потому что оно все силы переправило на эпидемию, а сердечно-сосудистые заболевания, все остальные заболевания остались заброшенными… Это везде. Оно оказалось не способным решать эти проблемы, наше здравоохранение. Вот это опять, чья политика? Это вторая причина, почему не надо голосовать за «Единую Россию». Значит, первая причина — это экономика. Вторая — социальная политика. Третья — это внешняя политика. Это уже даже смешно — списки хотят сделать недружественных стран. Ни одного союзника нет. Ни одного. Ну просто ни одного. Понимаете? Когда такое? Я такого не помню.

Вот я… родился в 1952 году, я никогда не слышал, чтобы у моей страны не было ни одного союзника. Было больше, было меньше, было так, было иначе, но чтобы вообще никого… Какую же это надо проводить политику? Это же удивительно. И придумывать себе, что у вас там друг есть — Китай. Да, Китаю… совершенно все у него другое. Кстати говоря, у него очень много вопросов по итогам второй опиумной войны к нам. Территориальных вопросов и всяких других.

Виктория Мучник — Вас спрашивают, а Сербия? Не союзник?

Григорий Явлинский — Сербия не сегодня-завтра станет членом Евросоюза, вот и всё. Вот как вам такой союзник, который вступает в Евросоюз, с которым у нас разбиты все отношения. У нас нет с Европой никаких отношений, кроме газовой трубы. Это не значит, совсем, что люди, живущие во всех других странах, не любят Россию или не любят русских. Это не значит. Но это значит, что в противовес русской культуре, и в самом лучшем смысле, русскому миру предлагается политика, которая совершенно неприемлема ни для кого. Я вчера прочитал, что в Словакии 10% людей хотели вакцинироваться «Спутником». Но только 10%, остальные отказались, потому что не доверяют русской вакцине. Для меня это очень обидно. Мне обидно, что моя страна на олимпиаде выступает без флага и гимна. Мне обидно, что мы — страна с отрицательной репутацией. Мне это очень обидно. Мне за своего отца обидно, за свою семью обидно, за детей обидно. Я не согласен с такой внешней политикой, категорически не согласен.

Виктория Мучник — Давайте сменим тему, у меня есть вопрос, который нам накануне эфира прислали. Он касается скандала с обвинением в харассменте видного деятеля партии «Яблоко», профессора Александра Кобринского. Есть несколько свидетелей, публикация на «Холоде», сейчас идут судебные разбирательства. Мне интересна ваша позиция.

Григорий Явлинский — Моя позиция простая. Вот будет решение суда, тогда поговорим. Могу только заметить, что вопрос до сегодняшнего дня остаётся анонимным. Вот и всё. Никто из тех, кто как бы является жертвой насилия, не заявился в суде, хотя идут закрытые заседания. Мне это непонятно. Вообще, вопрос я считаю важным, дело это серьезное, но в данном конкретном случае, я хочу видеть, что решит суд, а потом поговорим.

Виктория Мучник — Хорошо. Давайте перейдем к региональной теме. Я не знаю, в курсе вы или нет, но у нас в Томске уже на третьего мэра, Ивана Кляйна, заведено уголовное дело и сейчас идет судебное разбирательство. Мы выяснили, что за последние 15 лет более 200 мэров и сити-менеджеров были подвергнуты уголовному преследованию. Как вы считаете, почему? Это силовикам дан какой-то карт-

бланш именно на муниципальных управленцев? С чем связана такая охота на мэров в России?

Григорий Явлинский — Значит, про всех 200 мэров я ничего сказать не могу.

Виктория Мучник — 216 даже.

Григорий Явлинский — Ну вот, если бы было 215, я бы тогда мог сказать, а 216 — уже слишком. Если говорить про Кляйна, про вашего мэра, то проблема его в том, что у него поддержка в городе есть. Она есть? Есть ведь поддержка, да?

Виктория Мучник — Да, некоторая поддержка есть. Многие считают неубедительными обвинения, которые ему предъявлены.

Григорий Явлинский — Так вот, власти добиваются того, чтобы не было в стране политиков, у которых есть поддержка социальная. Власть боится самостоятельных политиков, у которых собственная поддержка. В свое время так убрали Лужкова. Лужков был последний федеральный политик, у которого была существенная социальная база. Там 25–30% людей в Москве готовы были за него голосовать, и это было очень существенно. Поэтому стараются заменить на таких людей, которые не имеют никакой личной поддержки. Которых можно заставить, приказать им что-то делать. Кляйн — предприниматель, он средний класс, у него собственные доходы, он независимый человек по доходам, у него есть собственная социальная поддержка. Всё, это в России сейчас невозможно. Невозможно.

Виктория Мучник — Григорий Алексеевич, еще вопрос, который всех волнует. У нас плохо с местными бюджетами. Мы получаем, конечно, что-то от Москвы, но в рамках каких-то нацпроектов, программ. То есть могут дать денег и могут не дать. У нас в городе остается семь копеек с рубля собранных налогов. Как можно изменить эту несправедливую ситуацию? Какова позиция «Яблока»?

Григорий Явлинский — Начнем с того, что мы предлагаем. Сделать бюджет 30%, 30% и 30%. Вот и всё. 30% — местное самоуправление, это, кстати, очень важно. 30% — субъект федерации, и 30% в центр. Вот и все. Это абстрактная схема, но я просто передаю суть дел. А сейчас как устроено? Все забирают, а потом выдают самым непрозрачным образом. Никто не может объяснить, почему в одних регионах

так, а в других так. Например, в Мурманской области сократились как собственные доходы, так и трансферты. А трансферты для Дагестана, Ставропольского края, Московской, Нижегородской, Ростовской, Саратовской, Новосибирской областей многократно перекрыли их потери в собственных доходах. Например, Чечня, Воронежская область, Алтайский край и Якутия умудрились нарастить как собственные доходы, так и трансферты из федерального бюджета, причем разница между тем, что было и тем, что есть… знаете какая? В 7–10 раз. Кто может объяснить эти трансферты? Никто. Это какие-то личные договоренности. Личные какие-то дела. Вот и всё, вот вам и объясняю… это так не должно быть. Так не может быть. Вот это вот ответ.

«Вы не за «Яблоко», вы за себя голосуете»

7 сентября 2021 г., радио «Эхо Москвы»

Светлана Сорокина — Григорий Алексеевич, мы с вами, вообще вчера я совершенно забыла, мне друзья напомнили, что вчера было 30 лет, как Ленинград переименовали в Санкт-Петербург. А несколько дней до того — в конце августа, наверняка к вам приставали с просьбой о комментариях — было 30 лет путча. ГКЧП. 1991 года. Вообще к вам действительно приставали, чтобы вы комментарии дали?

Григорий Явлинский — Не приставали. Я просто давал большое интервью…

Светлана Сорокина — Какая главная мысль по истечении 30 лет?

Григорий Явлинский — Ох, я считаю, что главная мысль заключается в том, что политика устроена таким образом, что в ней надо действовать в соответствии со временем. И с теми изменениями, которые происходят в связи с историей и временем. Особенность того момента заключалась в том, что ГКЧП был совершенно выпавшим из времени. Настроения были одни, люди думали об одном, надежды были направлены на совсем другое. И вдруг появилась какая-то группа граждан, как будто просто из другого времени и объявили совсем другую программу, прямо перпендикулярную тому, о чем думали люди. Поэтому вопрос для меня тогда, да и сейчас был только в том, чтобы не было кровопролития. А то, что это абсолютно невозможно все, что они предлагают и посмотрите, весь мир тогда, тогда появилась тема «мягкой силы». Весь мир переходил на совсем другие отношения

с людьми. Глобализация была. Совсем другое все было. А у нас произошло ГКЧП.

Светлана Сорокина — Они уже свои ошибки сделали те, кто тогда путч устраивал. А мы-то какие ошибки за эти 30 лет сделали, почему мы действительно прошли по кругу, как вы справедливо сказали и оказались в той же точке.

Григорий Явлинский — На мой взгляд, две очень существенные особенности или ошибки, если хотите. Мы с большими провалами и преступлениями, самое главное — провалами провели реформы 90х годов. Их можно перечислить и объяснить.

Светлана Сорокина — Примерно представляем. Внимательные слушатели тоже понимают.

Григорий Явлинский — Мы создали тогда, заложили фундамент корпоративной мафиозной системы, в которой мы сегодня живем.

Светлана Сорокина — А вы считаете, можно было избежать?

Григорий Явлинский — Да, просто нужно было действовать совершенно иначе.

Светлана Сорокина — Может, мы как-то обречены к этому…

Григорий Явлинский — Нет, ничего мы не обречены. Просто по целому ряду субъективных причин был избран такой путь и такая программа, реформа, которая в итоге привела к созданию корпоративного мафиозного государства. Была создана такая фундаментальная экономическая система, которая отвергала независимое правосудие, она отвергала правовое государство. Она отвергала свободу СМИ. Ну все потом, когда такой фундамент был создан, после этого уже не о чем было говорить. И пришел Владимир Путин. И создал ту систему, в которой мы сегодня живем. Раз уж мы заговорили, то два обстоятельства я назову. Первое — это была гиперинфляция в 2 тысячи 600 процентов, сделанная искусственно. Созданная искусственно. Потому что провести освобождение государственных монополий, а никаких других предприятий не было, от контроля — это значит обречь страну на колоссальную гиперинфляцию.

Светлана Сорокина — Я помню. Мы тогда все миллионеры были.

Григорий Явлинский — В 1992 году это было сделано. Инфляция была 2600%. Но я хочу сказать вам, что суть этой инфляции была

конфискация. То есть все люди потеряли все сбережения, все на свете. И второй шаг тоже был на ваших глазах. Это была приватизация. Особенно приватизация, которая называлась таким мудреным выражением — залоговые аукционы. А какая она могла быть, кроме криминальной. Поскольку все сбережения и все, что было — было уничтожено гиперинфляцией. Эти два шага и создали фундамент тот, который потребовал отказа от независимого правосудия, отказа от свободных СМИ. Ну, отказа даже от реально избранного парламента. И подбор такого наследника Бориса Николаевича Ельцина, который не изменит эту систему. Не тронет тех, кто стал миллиардерами в ходе этих двух шагов реформ. Это одна причина. Но была еще одна. А вторая причина заключается в том, что общество и государство не дало оценку советскому периоду, сталинскому периоду, большевикам. Большевистской революции. Или перевороту. Общественной государственной оценки не произошло.

Светлана Сорокина — И уже, видимо, в ближайшее время не произойдет.

Григорий Явлинский — И мало того, все это возвращается. Все эти призраки возвращаются. То есть не была дана оценка тому, что случилось в нашей стране.

Светлана Сорокина — Как думаете, почему?

Григорий Явлинский — И ту цену, которую заплатил наш народ за то, что случилось в нашей стране.

Светлана Сорокина — А почему этого не было сделано? Меня тоже этот вопрос занимает многие годы. Побоялись, не хотели оттолкнуть большое количество людей.

Григорий Явлинский — Я думаю, что потому что не понимали значимость этого вопроса. Не понимали значение того, о чем вы меня сегодня спросили. Значение истории и времени. Отказались от понимания этого. Сказали: чего это трогать. Там же речь шла не о том, чтобы кого-то наказывать или судить, а в том, чтобы объяснить, что произошло. Дать этому оценку. И сделать такие выводы из этого общественно-государственные, я специально подчеркиваю, правовые, которые не позволили бы больше никогда возврата к этому. Этого тоже не было сделано. Но вот поэтому в последние 30 лет мы потерпели, я считаю поражение.

Светлана Сорокина — Но ведь есть еще одна сторона этой медали. Многогранной. То, что оказывается огромному количеству людей не так уж и нужны оказались все эти блага свободы, обдумывание исторического прошлого. Обдумывание нашего настоящего. Все как у поэта: к чему стадам блага свободы, их должно резать или стричь.

Григорий Явлинский — Я хотел сказать, думаю, что это никогда не бывает иначе. Это всегда так. Просто тогда в 1989–90 год…

Светлана Сорокина — Хотя бы столичное население было…

Григорий Явлинский — Не в этом дело. Если вы завтра сделаете пустые магазины — вы опять всех увидите на улице. И все будут рады каким-то реформам.

Светлана Сорокина — Ну за отмену руководящей роли коммунистической партии выходило тоже немереное количество.

Григорий Явлинский — Потому что были пустые магазины. Потому что это она, коммунистическая партия привела к тому, что нечего было купить в магазинах, все было в дефиците. Что я вам рассказываю, вы что, это не знаете. И люди просто не понимали, а как дальше жить. Все было в дефиците. Было бесконечно постоянное распределение колбасы и так далее. Поездки, эти электрички. Людям это осточертело просто. Потом они же видели другое качество жизни. У них появилась возможность что-то увидеть, прочитать, куда-то съездить и оказалось, что это несопоставимо. Поэтому это было действительно совершенно массовое явление. Оно охватывало действительно всех людей. Как однажды меня спрашивали, там на улице можно было встретить и сторонников Солженицына, и сторонников Сахарова.

Светлана Сорокина — А главное, что знали эти имена. А сейчас не знают.

Григорий Явлинский — Потому что они были современниками.

Светлана Сорокина — А сейчас не знают не только Сахарова или Солженицына, не знают и современных политиков.

Григорий Явлинский — Это умышленное направление, связанное с тем, что с начала 2000 годов было предпринято серьезное усилие для деполитизации российского всего населения. И деполитизации российской жизни. Просто изъятия политики.

Светлана Сорокина — Ну почему? Одну партию всегда очень рекламировали, объясняли цели и задачи. Ее кандидатов и так далее. Нельзя сказать, что совсем…

Григорий Явлинский — Это же не партия. Это власть. И КПСС точно так же.

Светлана Сорокина — Властная политика.

Григорий Явлинский — Ну какая же это партия.

Светлана Сорокина — Мы не про состязательную политику.

Григорий Явлинский — Политика — это все-таки политическая конкуренция некоторая. Соревнование идей.

Светлана Сорокина — О, захотели…

Григорий Явлинский — Я даже к вам, извините, и не приставал с этим вопросом. Вы меня спросили — я вам отвечаю. Это называется политика. Политика плодотворная, которая ведет страну к развитию — это конкуренция идей. Это когда люди спорят, когда можно поправить действующую власть, можно предложить альтернативу. Можно вести с ней диалог. У нас ничего этого нет.

Светлана Сорокина — Особенно в последнее время. И в этих обстоятельствах мы сейчас, сколько осталось до выборов. 11 дней. Собственно говоря, это есть повод для нашей встречи. Мы в преддверие выборов с вами встретились.

Григорий Явлинский — Вот видите, до чего мы дожили. Никакого другого повода для нашей встречи нет. Только именно такой.

Светлана Сорокина — Григорий Алексеевич, ну правда мы старые знакомые.

Григорий Явлинский — Очень старые.

Светлана Сорокина — Да, не будем употреблять это ужасное слово. Ну ладно. Но я вот что хочу сказать. У меня ощущение, что скукоживается абсолютно поляна возможностей, в первую очередь для оппозиционных партий. Я внимательно посмотрела на то, что сейчас вы делаете. У вас нет даже федерального списка, вы решили делать просто региональные такие как бы, как называется у вас, комиссия…

Григорий Явлинский — Это и есть федеральный список. Просто наш федеральный список состоит из территориальных округов. Для того чтобы они могли конкурировать. У нас есть много интересного.

Светлана Сорокина — 11 дней до выборов, и мы заговорили уже непосредственно о делах предвыборных. Итак, у вас есть территориальные списки, и я вот на что обратила внимание. Во-первых вспомнила, как вы в интервью говорили, как обновился, омолодился состав участников выборов. Потому что у вас очень много молодых, средний возраст там замечательный и так далее. И, конечно же, я из интереса посмотрела на всю линейку предлагаемых кандидатов и их возраст. И была изумлена, потому что там действительно были и 24 года, и 27, и 29, и 31, и 32. Шлосберг, Вишневский да Слабунова они как-то немножко оттеняют такой возрастной юный состав. Но вопрос. Я среди этих людей не увидела людей хоть чем-то известных. Потому что мало тех, чье имя может зацепить внимание избирателя. Чем может быть 24-летняя девушка интересна избирателю?

Григорий Явлинский — Спасибо за правильный вопрос. Он мне очень важен. Да, у нас действительно список около 40 лет. А я считаю, что поражение есть поражение. И должен быть новый список. Другой. Поэтому все те, кто в «Яблоке» был в ГД 10 лет и больше — они все в этот раз не идут. Они будут поддерживать, они будут помощниками. Они будут мозговым центром. Но вперед должна идти молодежь. В этом надежда. Мы партия надежды. Мы хотим дать людям надежду. Поэтому мы пригласили сегодня в наши списки, у нас было 1600 заявок, мы отобрали 400 человек. Людей, тех, которые от всей души хотят идти вперед и создавать, и строить новую страну и которые не имеют никакого хвоста, никаких упреков. Никаких воспоминаний. Все, та эпоха проиграна. Нужно идти вперед. И мы в это верим. И, кстати говоря, в этой связи я что я хочу сказать. Я например абсолютно удовлетворен тем, что наши кандидаты в депутаты заявили и сегодня это было объявлено о том, что те, кто у нас станут депутатами ГД, они будут получать зарплату среднюю по Москве. Остальную часть зарплаты будут перечислять в детдома и на другую благотворительную…

Светлана Сорокина — Да, я обратила внимание на это.

Григорий Явлинский — Это не просто, такого не было никогда в РФ. Никто никогда ничего подобного не делал. Сегодня зарплата в ГД почти 470 тысяч рублей средняя. А они будут получать среднюю по Москве. Это 105–110–120. Это серьезный шаг. Молодые люди

хотят быть депутатами и жить так, как живут их избиратели. Это очень серьезное дело и очень серьезный поступок. И я хочу его поддерживать и приветствовать. Это не просто такая популистская штучка. Это если у нас будет 20 депутатов, то 85 миллионов рублей они обещают отправлять детям больным. А если 30 — то 120 миллионов, 130 почти миллионов рублей ежегодно будут отправлять больным детям. Которые нуждаются. Реклама этих детей каждый день во всех газетах, на всех сайтах. Ну так вот, первое, как говорится: начинайте с себя. Вот они начинают с себя. Вот они сами это делают.

Светлана Сорокина — Большое собрание ГД могло бы фонд создать, отчислять туда какую-то часть своих…

Григорий Явлинский — Не то слово. У нас содержание ГД больше 13 миллиардов рублей.

Светлана Сорокина — Ужас.

Григорий Явлинский — В год. Вполне могло было. Поскольку мы не можем пока изменить всю ГД, но мы можем сами с себя начинать. Вот они это делают.

Светлана Сорокина — Но чем вы будете заинтересовывать своих избирателей. Но люди неизвестные.

Григорий Явлинский — Этим. А что известные люди? Что для вас сделали известные люди? Вот они входили в Думу, циркачи, актеры, певцы. Спортсмены, футболисты.

Светлана Сорокина — Григорий Алексеевич, конечно, понятно, что они ничего не сделали. Или почти ничего. Но людей цепляют известные имена. Что мне вам объяснять.

Григорий Явлинский — Нет, не то время. Сейчас не время имен. Сейчас время развилки. Сейчас сформировалась ситуация совсем другая. Есть 4 партии, они голосуют за одно и то же. Никаких различий по принципиальным вопросам нет. И очень плохо, я сожалею, но так сложилось, что есть одно «Яблоко», которое другое. Нежели они. Просто другое и все. Можно любить, можно не любить. Оно за другое. Оно за свободу, за жизнь без страха. За то, чтобы не убивали политических оппонентов, за то, чтобы не отравляли политических оппонентов. Вот за все это «Яблоко». Пускай люди выбирают. Или пускай оставляют все как есть или пускай выбирают другую партию.

Им это предложено. Именно поэтому так важно, что там молодые люди с надеждой, с открытым лицом, открытыми мыслями, за которыми нет хвоста ошибок, преступлений, всего прочего. Пожалуйста, мы считали, что это нужно предлагать нашей стране, чтобы было будущее, чтобы были возможности, что есть шанс, и мы этот шанс предлагаем. Это пока еще есть. Но им надо воспользоваться. Вот собственно об этом речь.

Светлана Сорокина — Кстати, о лицах. Давайте быстренько пробежимся по вашим известным людям, у которых есть проблемы при этой кампании. Есть какие-то новости с Львом Шлосбергом?

Григорий Явлинский — Будут новости послезавтра. Приглашаю всех послезавтра на пресс-конференцию, которая будет посвящена итогам Верховного суда. Верховный суд отложил результат принятия решения на четверг. Поэтому в четверг к середине дня у нас будет пресс-конференция в 4 часа, тогда и поговорим. Это будет касаться, безусловно, Льва Шлосберга. И десятков еще людей из «Яблока», которых сняли с выборов. Это все так оно и будет. В четверг мы на эту тему с вами поговорим.

Светлана Сорокина — Поняла. Борис Вишневский.

Григорий Явлинский — Это серьезная история.

Светлана Сорокина — Дикая история.

Григорий Явлинский — Вот, вы правильное слово, Света, сформулировали. Объясню. Это свидетельствует о качестве нашего избирательного процесса. О качестве нашей избирательной системы. Она позволяет устраивать вот ту трагикомедию, когда уважаемому серьезному, очень популярному человеку в Санкт-Петербурге Борису Вишневскому, а он очень популярный человек, он кандидат технических наук. Он два созыва работает депутатом. Он человек известный. Честный, искренний. Его люди любят за то, что он им постоянно помогает. У него большой рейтинг, большая поддержка. Так вот сначала сказали, что его надо снять с выборов. Но он человек аккуратный, умный, он все так сделал, что его невозможно снять с выборов. Тогда взяли и сделали двойников. И теперь даже бороду им отрастили, чтобы они похожи были на Бориса Вишневского. И избирательные комиссии все это терпят. Это же просто издевательство над здравым смыслом. Это

говорит о качестве наших государственных структур, которые ведут выборы. Это такое качество у них. Такой уровень.

Светлана Сорокина — Сегодня городская избирательная комиссия отказала, по-моему, в претензии Вишневского по поводу этой ситуации. Несмотря на то, что вроде вчера Памфилова возмущалась.

Григорий Явлинский — Да, потому что это политический вопрос. Потому что они хотят сделать все, что угодно. Надо объяснить. Люди поменяли фамилию. По-моему даже имя поменяли.

Светлана Сорокина — Всё поменяли.

Григорий Явлинский — По-моему, говорить просто не о чем. Это просто говорит о качестве…Я думаю, вы со мной согласитесь, что это очень говорит о том, как будут подводиться результаты. Тем не менее, еще раз говорю… Надо голосовать, потому что это даже не выборы относительно персон в ГД, это выбор направления развития страны. Да, вы сейчас мне скажете, таких людей недостаточно, вы с этого начали со мной разговор. Но если это будут миллионы людей, это будет фактором политики. Точно так же будет фактором политики, если будут голосовать, например, за коммунистов. Вот будут голосовать за коммунистов — получат прям сталинскую систему прямо в современном виде. Потом окажутся на нарах — пускай не переживают. Пускай знают, что они сами это сделали прямо собственными своими ручками.

Светлана Сорокина — Не будем переживать. Проголосуют за «Единую Россию». Остановимся на этом. Ну, если мы закончим эту историю с выборной кампанией. По крайней мере, как-то продолжим ее. Скажите, пожалуйста, а какие сегодня еще есть колоссальные или не колоссальные проблемы в предвыборной кампании у «Яблока».

Григорий Явлинский — Таких проблем много. Вы затронули это, когда снимают, когда квалифицируют материалы «Яблока» как экстремистские. Как вести дискуссию, как что-то аргументировать. Все хотят, чтобы все было только с улыбочкой и комплиментарно. Но также не может быть. Ну есть очень серьезные, но это серьезные вопросы не столько «Яблока», это ключевые серьезные вопросы страны. О том, какое дальше будет развитие. Вот что у нас на сегодняшний день. Давайте так скажем. У нас сегодня, как вы знаете, падение доходов уже 12 лет длится. Ну 10 лет точно. Идет падение доходов. Сейчас

максимальная инфляция за последние 5 лет. Сегодня стоимость широкой потребительской корзины самая высокая с 2012 года. Три четверти семей испытывают серьезные материальные затруднения. Россия вошла в первую пятерку, руководство страны все время хотело, чтобы Россия вошла в первую пятерку стран экономически развитых. Мы вошли, только по поводу скорости падения уровня жизни. Мы в первой пятерке, среди 50 стран — 4-е место занимаем…

Светлана Сорокина — А кто на первом?

Григорий Явлинский — Бразилия, Индия. Такие страны. А это что означает? — означает, как расчет ведется, вот у нас, допустим, 111 миллионов взрослое население. Общие богатства страны на мировом уровне оцениваются в 3 триллиона долларов. Это примерно меньше 1% мирового богатства.

Светлана Сорокина — Чего так мало-то?

Григорий Явлинский — Вот так. То есть не имеется в виду поток нефти, а богатства страны. Как люди живут, активы все. Так вот, вдумайтесь.

Светлана Сорокина — У нас есть нефть и газ.

Григорий Явлинский — Да, вдумайтесь. По этому расчету уровень благосостояния наших людей в три раза, в 2,8 раза ниже, чем в Сербии, например, или в 7 раз ниже, чем в Эстонии. Или в 22 раза ниже, чем у японцев. 14,5 раз у американцев. Конечно, это условные цифры, но они же о чем-то говорят. Они говорят о том, что на самом деле в нашей стране происходит.

Светлана Сорокина — Они говорят о том, о чем всегда говорят. Так дальше жить нельзя и прочее.

Григорий Явлинский — Вот. Если не голосовать или продолжать голосовать за эту четверку, будет «Единая Россия», КПРФ, «Справедливая Россия», ЛДПР — все останется как есть. Ничего не изменится. Ну вот сами решайте. Ну как еще сказать. Это другие выборы. Вы говорите, какие лица нужны. Я вам скажу. Пойдите в зеркало и посмотрите. Вот эти лица. Сейчас голосование идет за вас. За каждого. За вашу семью, за ваше будущее. За ваших соседей. Друзей. Вот в зеркало смотрите — это за вас голосование. Не за нас. Я вот вообще не участвую в выборах сейчас. Я говорю про совершенно молодых

людей, которые должны быть избраны в ГД для того, чтобы дать новый толчок, дать веру, дать доверие, дать движение вперед. И мы это сделали. Мы смогли это сделать. И даже вы спросили, почему у нас нет федерального списка. А я вам скажу. Чтобы они конкурировали друг с другом. Чтобы мы не создавали этот президиум, аксакалов. Чтобы вся страна не работала на выборы десятки. А чтобы они между собой соревновались и прошел тот, кто больше наберет голосов. Кому люди больше поверят. Мы сделали такую работу. Еще раз, не знаю, как еще лучше сказать. Это выборы за вас. За себя. Не за дядю Ваню и не даже за «Яблоко». Просто это форма такая. А вообще речь идет о вас, о вашей жизни. Дорогие друзья, вот собственно все. Выбирайте, если будет мало голосов за «Яблоко», значит, будете жить так, как живете сегодня. Выбирайте. Если вам нравится — пусть так и остается. Однако знайте, это еще не всё. После выборов будет рост налогов. Сейчас объясню почему. Я не пугаю, а просто рассказываю. 400 млрд, хочет правительство проекты запустить, глобальных проектов…

Светлана Сорокина — Города в Сибири.

Григорий Явлинский — Типа того. Таких нет в бюджете. Это надо собирать деньги. Значит, будут новые налоги. Обязательно. Дальше, что еще будет. Будут еще банкротства. Почему? — потому что их отсрочили, их не отменили. Это тоже будет сейчас происходить. Будут большие проблемы с банками. Потому что очень большие задолженности. Очень большое кредитование. Особенно сейчас сделали в период пандемии дешевую ипотеку, и поэтому очень много взяли. Это кризис типа 2007–08–09 года. Это все очень серьезные вещи. Еще есть одна вещь. Начиная с 2011 года, который вы хорошо помните и 2012, началась деградация среднего класса. Потому что власти поняли, что средний класс хочет участвовать в политике. И начали его давить. Как? Исчезло огромное количество частных предприятий. Просто миллионы частных предприятий разорились и ушли со сцены. Чтобы средний класс не мог никуда вмешиваться. Чтобы ему не до этого было. Вот была пандемия. Во всех странах, которых мы имеем в виду развитых — там 20–30% ВВП на поддержку. У нас было меньше 3%.

Светлана Сорокина — Это да, все отмечают.

Григорий Явлинский — Так это же к чему ведет. К тому ведет, что сократилось, вот у меня записи, что было 4,5 миллиона частных предприятий. Сократилось наполовину. Не только сейчас, а за весь последний период. Будет протест, люди будут протестовать.

Светлана Сорокина — У нас есть партия «Опора».

Григорий Явлинский — Что из этого будет из протеста. Будет ужесточение репрессий.

Светлана Сорокина — Куда уж больше-то.

Григорий Явлинский — О, это безгранично и вы это прекрасно знаете. Особенно если дать такой сигнал мощный. Все же хотят дать очень мощный сигнал. Проголосовав за коммунистов, если за них будет много людей голосовать, относительно — это будет сигнал, что надо двигаться этим путем. Посмотрите программу. Вы же не смотрели программу коммунистов. Я смотрел специально, чтобы с вами поговорить. Ну и вообще надо знать. Национализация. Широкая.

Светлана Сорокина — У нас по-моему она и так идет.

Григорий Явлинский — Так этого мало. Масштабная национализация. И это тоже еще не все. Госплан, там прямо написано: создадим новый Госплан. Посмотрите. А что это такое? Это та политика экономическая, которая приведет к еще большему недовольству. А еще большее недовольство приведет к еще большим протестам. А еще большие протесты уличные приведут к еще большим репрессиям. Вот вся цепочка. Это совершенно просто прямая. А уровень сознания у этих людей ну какой. Они выступают прямо и косвенно против вакцинации. Это же говорит об уровне знаний, культуры. Это вообще-то подлость, потому что они людей обрекают едва ли ни на смерть, потому что они их убеждают, что это какая-то афера. Точно также они убеждают, что восстановят СССР, точно так же как они говорят, что можно вернуть политику Сталина. И хотят поставить его памятник. Вот при них вранье будет еще круче, чем сегодня.

Светлана Сорокина — А что вы так на коммунистическую партию напали. Они вряд ли будут первую скрипку играть в ГД.

Григорий Явлинский — Объясняю. Они не будут играть первую скрипку. И вообще когда они в оппозиции, от них может быть даже какая-то…

Светлана Сорокина — Иногда не согласны с чем-то.

Григорий Явлинский — Они не будут, они будут другое. Они дадут сигнал властям, какую люди хотят политику проводить.

Светлана Сорокина — Так власти уже и сами в эту сторону…

Григорий Явлинский — Но если дать им еще дополнительный сигнал, они еще будут больше…

Светлана Сорокина — Мы и так уже обсуждаем, где памятник зверощеру восстановить.

Григорий Явлинский — Это у вас такое впечатление, что мы уже и так. А мы уже совсем даже не так. Например, они вносят закон, уже он есть на сайте Думы. Уголовная ответственность за оспаривание результатов Октябрьской революции. Понятно? Вот какие люди вносят законы.

Светлана Сорокина — Хорошо, что я не историк.

Григорий Явлинский — Хорошо, что вы не историк. Потому что вам прямо туда. Поэтому, пожалуйста, если вы хотите это все иметь — вы можете сейчас за это проголосовать. Это же действительно интересно.

Светлана Сорокина — Очень интересно.

Григорий Явлинский — За смертную казнь, например, вносят. Национализацию. Там целый набор.

Светлана Сорокина — Направление понятно. Но есть и какие-то позитивные новости. Которые время от времени появляются. Например, сегодня зацепилась глазом за такую новость как: Путин и Шойгу вновь вместе отдохнули в сибирской тайге.

Григорий Явлинский — Слава богу. Отдохнули.

Светлана Сорокина — Как вы полагаете, Григорий Алексеевич…

Григорий Явлинский — А я вот сейчас вам расскажу, как я полагаю…

Светлана Сорокина — Шойгу, Лавров и иже с ними — действительно пойдут в ГД. И уйдут со своих суперважных постов. Или это опять паровозики…

Григорий Явлинский — Это вот какая история. Это дело опять же очень серьезное. Была статья Владимира Путина об отношениях с Украиной. По существу это статья о чем говорит. О том, что возможно все

что угодно, вплоть до войны. Если бы эта статья была опубликована 40 лет назад, это почти открытый призыв к войне.

Светлана Сорокина — Мне так не показалось.

Григорий Явлинский — Ну как? Там сказано: «уходите с тем, с чем пришли. Это наша территория. Отдавайте эту землю». Это касается всех. И Казахстана, и Киргизии. Всех. Была опубликована эта статья. А теперь список возглавляет министр обороны и иностранных дел. Значит, что происходит перед вашими глазами. На ваших глазах происходит референдум в отношении такой политики. Это и есть референдум в отношении такой политики. Вам все говорят открыто. И даже довольно честно, если хотите. Последние дни идут публикации о создании резервистов. О призыве. Боевой армейский резерв. Сегодня ФСБ сообщила о том, что взорвали газопровод в Крыму. И сделала это украинская разведка и так далее. Это же нагнетание. Посмотрите федеральные каналы. Вам хорошо знакомо. Там же просто пропагандистская истерика.

Светлана Сорокина — Это давно, уже несколько лет.

Григорий Явлинский — Вот оно давно. Поэтому это голосование это и есть ответ. Если это поддерживается — значит это и будет. Вот и выбирайте. Но есть только, извините, предвыборная ситуация, я бы, может, так постеснялся говорить. Но из всего этого набора есть одна партия, которая говорит о том, что это неприемлемо. Это невозможно. Это только «Яблоко». Оно говорит, что невозможно быть окруженными врагами. Невозможно все время твердить, что кто-то нас куда-то сдерживает. Это невозможно. Конечно, существует мировая конкуренция. Так всегда было и будет. Но это что такое составлять списки вражеских, недружественных стран. Ну что это такое. И включать туда такую огромную страну как США. И такую маленькую как Чехия. Ну это просто глумление над здравым смыслом. Это серьезная вещь. Теперь, посмотрите на все особенности. Война продолжается в Сирии, участие в гражданской войне в Сирии, а опасность идет из Центральной Азии. Потому что выперли американцев из Афганистана. Мы очень старались их оттуда прогнать. Ну прогнали. Ну не мы, они сами там…

Светлана Сорокина — Эвакуировались.

Григорий Явлинский — Эвакуировались — это очень мягкое выражение. Они просто, не хочу такое слово, неудобно все-таки.

Светлана Сорокина — Тяжелая ситуация.

Григорий Явлинский — Там просто феерический развал произошел. Кстати, у них сначала произошел в Ираке, теперь в Афганистане.

Светлана Сорокина — Но они из этого какие-то выводы пытаются сделать.

Григорий Явлинский — Незаметно, мне незаметно.

Светлана Сорокина — Было такое мнение, что кончается эпоха, когда навязывают что-то в других странах.

Григорий Явлинский — Она уже давно закончилась эта эпоха. Это началось еще во Вьетнаме. Это 76-й год. Так что она всё время заканчивается, а они как раньше устраивали что-то такое. А мы-то чего в Сирии делаем? Это что такое еще? Эта эпоха не заканчивается? Говорят, что мы испытали там 300 видов вооружений. Это можно такое говорить? Теперь имеем, мало «Талибана», еще имеем ИГИЛ. В Центральной Азии. За какие-то перспективы…

Светлана Сорокина — То есть с внешней политикой тоже не удалось.

Григорий Явлинский — И вот к внешней политике есть целый ряд вопросов. Я хочу просто подчеркнуть, что это голосование это не столько выборы, сколько голосование за курс. Власти сделали все открыто. Вот есть Шойгу, есть Лавров. Нравится этот курс — пожалуйста. И мало того, еще Владимир Владимирович его расшифровал. Все, вот вы хотите это — вот вам 4 партии, голосуйте за любую из них, чтобы вам было не скучно. Еще можете поспорить, за какую лучше проголосовать. Но все это одно и то же. Ну и все. Есть «Яблоко», чтобы можно было задать вопрос. Если вы не хотите этой политики — вот есть другая. Но вы же хотите это. Значит всё. Иначе говоря, дорогие друзья, есть возможности, есть шансы, жизнь дает нам открытую позицию. От нас зависит, как дальше дело пойдет. Мы будем, мы не отойдем. Мы будем стараться сохранять свою линию при всех условиях. Даже не стараться, а мы будем действовать таким образом. Мы сильные. У нас очень много молодых людей. У нас у всех есть будущее. Мы можем его сейчас поддержать. И есть шанс. Это надо делать. Вот, собственно, вся позиция. Это выборы не о персонах.

Светлана Сорокина — У меня еще есть небольшой вопрос, который забыла задать. Хотя это вопрос нашего слушателя на сайте. Он говорит, что с симпатией относится к вам, но его, это у многих такое мнение, что его расстроил ваш призыв не голосовать сторонников Навального за вас. А он говорит, что он сторонник Навального. Но почему ему отказывается в праве, если за Навального он голосовать не может. Нет его в списках. И его соратников.

Григорий Явлинский — Я, во-первых, благодарен за добрые слова. Во-вторых, я что хочу сказать. Я хотел быть честным. Я честно сказал, что политику Навального мы проводить в жизнь не будем. Потому что мы не считаем ее правильной. Политику. Это речь не о нем. А о его политике. Вот и собственно все. Поэтому если вы отдаете себе в этом отчет — милости просим, мы будем рады. Но мы не хотим вас обманывать. Если вы сторонники именно такой политики, как у Навального, то за нас тогда можно не голосовать. Потому что мы не будем это выполнять. Мы просто это выполнять не будем.

Светлана Сорокина — И еще вопрос, что называется, слово «старое» тут уже звучало. От старой «яблочницы». Я, как вы знаете давно, я про себя…

Григорий Явлинский — Зачем вы так. Про себя.

Светлана Сорокина — Я давно и верно всегда голосовала за «Яблоко». И действительно история давняя. Как у многих из вашего такого электората, как у многих, конечно, наступают моменты какой-то усталости, разочарования от неважных результатов очередных выборов и так далее. Вот в оставшиеся пару минут, Григорий Алексеевич, что можно сказать таким как я, почему мы сегодня должны голосовать.

Григорий Явлинский — А я вам просто очень скажу. Во-первых, спасибо за откровенность. Я очень вас благодарю. Голосуйте за свободу, за жизнь без страха. Против жизни на коленях. Голосуйте за свободу творчества. За свободу. За свободу слова. За человеческое достоинство, за уважение человека. На сегодняшний день это олицетворяет «Яблоко». Дело не в «Яблоке», нет просто больше политической партии, которая пишет это во всех своих программах первым абзацем. Вот и всё. Это же не вопрос любви. Даже в любви что-то надоедает. Вы, наверное, знаете. Ну вот. А это не вопрос любви. Это вопрос

сути дела. Мы остались последними, это плохо, что мы только одни. Лучше было, как было раньше, когда можно было конкурировать, выбирать, может, лучше эти. Нет между чем сейчас выбирать. Сейчас или свобода, или жизнь на коленях. Или свобода слова, или цензура. Или адвокаты убегают за границу, потому что боятся не только за своих подопечных, но просто за себя. Или у вас правовое государство. Вот что олицетворяет «Яблоко». Со своим молодым списком, со своими Вишневским, Шлосбергом. Со своей историей и со своей жизнью. Может, мы не всегда справлялись, не всегда делали что-то правильно. Но мы ни разу не предали это. Мы ни разу от этого не отвернулись. Поэтому с нами делают то, что с нами делают. Это еще не конец. Мы не согласились с тем, что произошло в Крыму. Мы не согласились с тем, произошло на Донбассе. Мы не согласились с тем, какова политика в отношении Украины и других наших соседей. Мы ни за что не поддержим то, что происходит в Белоруссии. Мы считаем преступлением то, что там произошло, эти приговоры в последние дни. Вот, собственно, всё. И это выбор каждого из вас. Это же не персональное дело. Я же неслучайно не пошел больше. Это не личный мой вопрос. Это ваш вопрос. Смотрите в зеркало и голосуйте.

Светлана Сорокина — Ну вот такие делегировал вам проблемы и обязанности Григорий Алексеевич Явлинский, председатель Федерального политического комитета партии «Яблоко», собственно, один из основателей партии «Яблоко». Сегодня за 11 дней до выборов. Спасибо за внимание, до свидания.

Григорий Явлинский — Спасибо, до свидания. Спасибо, Света, большое.

«Надо завоевывать умы и сердца людей, а не территории»

7 сентября 2021 г., стенограмма выступления на пресс-конференции в «Интерфаксе»

7 сентября в агентстве «Интерфакс» прошла пресс-конференция лидеров партии «Яблока». О том, что ждет Россию после выборов в Госдуму 2021 года, рассказал председатель федерального политического комитета партии Григорий Явлинский.

Так, дорогие друзья. Я думаю, что сейчас сказанное имеет большое значение, и хотел бы начать свое небольшое выступление перед вами, напомнив о том, какова тема нашей сегодняшней пресс-конференции: что будет после выборов? Так вот то, о чем сейчас сказал Николай Рыбаков, — это в первую очередь связано с тем, что будет в нашей стране после выборов. Вот эта тема о том, насколько люди доверяют власти российской, является ключевой в настоящее время, на наш взгляд. И то, о чем сегодня было сказано, что депутаты от «Яблока», когда они будут избраны, готовы отказаться, по существу, от трех четвертей своих зарплат, потому что средняя зарплата в Москве 105 тысяч, а у них вон 460 тысяч, — это очень важный шаг, чтобы было доверие. Это заявление «Яблока» и депутатов от «Яблока» о том, что они готовы жить вместе со своими избирателями, со своим народом так, как живут все, и работать ради того, чтобы страна стала другой, чтобы произошло обновление.

Вот в этом ключевой смысл списка «Яблока», поэтому там люди 40-летние, поэтому там люди образованные, поэтому вся остальная часть нашей партии, которая работала в Государственной Думе десятилетия, готова помогать, поддерживать. Мы очень уважаем такое решение. У нас еще идут в партии дискуссии, как это будет конкретно, до какого уровня будет снижена эта, так сказать, зарплата какими депутатами, потому что это каждый принимает личное, личное решение, это никто не заставляет, это действительно шаг со стороны наших кандидатов в депутаты навстречу своим избирателям настоящий, не в виде разговоров, а в виде реального заявления о собственной жизни вместе с ними, вместе с их проблемами. И их семьи будут жить так же, как живут в основном семьи их избирателей. Мы считаем это очень важным в нынешних условиях, и мы считаем это большим смыслом. В этом наша главная идея — о том, что система и политическая, и экономическая в России должна обновляться. Надо менять очень многие обстоятельства.

Вот спрашивают нас, меня вот только что спрашивали, что будет после выборов. Ну а посмотрите, что мы сейчас видим. Мы сейчас видим исключительную слабость той системы, которая есть. Нет, отлупить дубинками или посадить на пару лет, а то и не на пару лет, — это пожалуйста, но не в этом сила. Когда пришла эпидемия, то есть противник, которого нельзя уговорить, напугать, избить, купить, дать ему взятку… Когда такой противник пришел, сразу стало ясно, что в целом несмотря на то, что в России прекрасные ученые сделали одну из лучших в мире вакцин, а система не сработала. В развитых странах до 70% вакцинированных людей, а у нас около 20%; эпидемия продолжается, каждый день ужасные цифры. Это же факт. Система не смогла с этим справиться. Ну вы же все это видите. Вы, конечно, не можете это показывать, вы, конечно, не можете об этом рассказывать, но это тоже одна из частей системы. Это просто вот факт того, что происходит.

А в чем это выразилось? И это тоже все прекрасно знают. В чем это выразилось? Это выразилось в дополнительной смертности. Вот я вам приведу просто сухие цифры: дополнительная смертность с мая 2020 года по май 2021 года выросла на 28%, дополнительная

смертность. Вы знаете, когда такое было? Такое было только в 1947 году, когда после войны, естественно, росла очень смертность, а еще и голод наступил, в 1947 году. Вообще больше в нашей истории такого не было, ну если не считать Голодомора, это вообще отдельная история, в начале 1930-х гг. Никогда этого не было, сейчас уровень такой, как в 1947 году. И это еще не все — дополнительная смертность одна из самых высоких в мире, 509 тысяч человек дополнительно умерло. Я могу и дальше приводить такого рода цифры.

Но о чем это свидетельствует? А это свидетельствует о том, что система не сработала, но главное, что люди ей не поверили. Откуда такое движение против вакцинирования, откуда? Люди не верят. Они не верят власти, они не верят всему, что происходит. Поэтому нам так важно было предложить вам список из совершенно новых людей, из молодых людей, которым здесь жить, у которых здесь семьи есть или будут, вот почему мы так сделали. Мы считаем это принципиально важным. А содержательно и опыт мы им передадим, мы будем вместе с ними работать. Мы думаем, что это очень важно для преодоления тотального недоверия.

Второе что? Посмотрите, 10 лет падают доходы, 10 лет граждан. А теперь еще и очень активно растут цены. Цены выросли-то посмотрите, с какой силой, за последнее время. Ну, что это означает? Это означает… Вообще это просто рекорд, вот как сейчас потребительская корзина выросла, это самый высокий рост с 2012 года, я имею в виду относительный, и все вы не можете этого не чувствовать, вы это все видите. И что это означает? Это означает бедность. И знаете, 10 тысячами для пенсионеров эта задача не решается, вот этой раздачей 10 тысяч.

А почему так происходит? Потому что абсолютно отказались поддерживать граждан во время локдауна, вот этого карантина, который был во время пандемии, отказались же поддерживать малый, средний бизнес, отложили банкротства — так сейчас они начнутся, сейчас они начнутся. Абсолютно упал уровень и число предприятий частного и среднего бизнеса — это ведь что означает? Это означает, что в целом давление на средний класс очень высокое, потому что он независимый и потому что он хочет участвовать в политике, потому что он

хочет, чтобы выражали его интересы. И давление на него уже идет с 2011 года, с 2012 года.

Что это в целом означает? Это означает в целом ошибочную экономическую политику. Эта экономическая политика государственно-монополистического капитализма. Это торможение в развитии страны очень существенное, это просто стагнация, о которой когда-то Министерство экономики сказало, что стагнация будет 20 лет, — вот, пожалуйста, вам стагнация, вот вы ее сами наблюдаете. Ну и к этому еще добавляется хорошая тема про репрессии, про иностранных агентов, про все вот эти нежелательные организации. Почему? Ну потому что недовольство большое, очень большое недовольство. Примитивный способ — это искать богатых и говорить: «Вот у него такой дворец, вот это…» А настоящая политика заключается в том, чтобы прямо сказать — эта система не работает. Вот она просто не работает так, как она должна была бы работать.

Так вот, что же все-таки будет, чего вам ждать? Если ничего не изменится, а нет особых признаков, потому что трудно предполагать, что 20 депутатов Государственной Думы от «Яблока» сразу могут все поменять… Ну, продолжится снижение уровня жизни. Но я вам простую вещь скажу: посмотрите, что планирует правительство на ближайшие 2 года. Оно планирует так называемые прорывные всякие проекты. Что это значит? Это 400 миллиардов, а их нет, бюджет дефицитный. Значит, что? Ответ очень простой: ждите повышения налогов примерно на 400 миллиардов рублей.

Теперь, я уже сказал, сейчас будут банкротства частного бизнеса, которые были заложены, в частности, в пандемию. Особым вопросом является проблема банковской системы, накоплены колоссальные долги, колоссальные долги накоплены. Как население будет с этим разбираться? Этот пузырь очень большой. Если начнутся массовые неплатежи, значит, это будет большой удар по банковской системе. Деградация среднего класса (ну я вам только одну цифру назову, просто чтобы вам понятно было), она продолжится, вот что будет после выборов. Она продолжится, потому что 4,5 миллиона частных предприятий было 12 лет назад, а сейчас наполовину, почти наполовину это сократилось, вот.

Ну что, что еще вам добавить? А ответом на все эти процессы будет политическое ужесточение. Я еще не сказал вам о тех последствиях, которые будут у России в связи с изменениями климата, потому что будет очень высокая цена на выбросы: сначала 45 долларов за тонну углеродных выбросов, а потом она дойдет до 200 долларов за углеродные выбросы, а это значит, что ВВП России снизится, я думаю, очень сильно и доходы тоже. Что с этим будут делать?

Это на фоне темы, которая вообще заслуживает отдельного разговора, о возможности войны с Украиной, которая была заявлена в статье Владимира Путина. А сегодня мы что рассматриваем? Сегодня мы рассматриваем создание вот этого резерва, который появился, разговоры о нем, о боевом армейском резерве, то есть призываются резервисты. Сегодня прошло сообщение о взрыве газопровода в Крыму, огромная пропаганда идет по всем каналам. Это будет отвлекающий маневр, он будет очень дорогой для нашей страны и для будущего, и для каждой семьи.

Иначе говоря, суммируя все это дело, я бы хотел сказать — это очень тревожные тенденции, очень тревожные, и особенно они тревожны, вот эти проблемы нашей страны, они особенно тревожны, потому что происходит вообще усиление всего, всех этих проблем, за счет того, что…

Я все время читаю и слышу разговоры о том, что собираются в знак протеста голосовать за КПРФ, — ну это… Это бы вызывало улыбку, если бы это не было серьезной историей. КПРФ что говорит? Она говорит: «Национализировать все!» Посмотрите их программу — национализация. Мало того, они говорят: «Мы госплан создадим!» Ну это о чем? Это о том, из-за чего развалился Советский Союз, это же их политика развалила Советский Союз, это же их политика сделала магазины пустыми, и поэтому он развалился. Ну что тут мудрить-то? Можно, конечно, искать виноватого, но если и искать даже виноватых, то все виноватые — это члены руководства КПРФ/КПСС, вот и все, это очень простой разговор. Да, что такое голосование за КПРФ? — это активное продвижение репрессий, потому что это сигнал властям, это сигнал о том, что люди хотят такой системы, которая при КПРФ, вот и все, собственно. А какая при КПРФ? Посмотрите.

Ну вот, например, есть законы, вы просто проанализируйте законы, которые вносит КПРФ. Ну вот она, например, вносит такой закон — ввести уголовную ответственность за оспаривание результатов Октябрьской революции. Ну что, всех историков что, в тюрьму посадить, что ли? Вот вам КПРФ. Ну голосуйте, только потом, когда на нары попадете, не обижайтесь, это вы сами туда «приехали». Вместо того чтобы страну исправлять, вы вот отправились туда. Ну это можно до бесконечности говорить. За Беловежскую пущу кто голосовал? — почти все коммунисты. Кто все это делал? Но мало этого, еще этого мало, еще обманывают и говорят, что «мы восстановим СССР», — как вы восстановите СССР? Ну зачем вы людей обманываете? Ну зачем вы глупости всякие говорите? Даже с Украиной не могут найти общий язык, с Белоруссией не могут найти общий язык, с Киргизией появляются проблемы, с Казахстаном постоянные проблемы. А вы что, зачем людей обманываете?

Ну вот. Это очень серьезная тенденция, не столько потому, что много будет голосов за них, я не знаю, сколько за них будет голосов, а потому, что это сигнал, сигнал власти, как надо действовать. Это очень опасная, серьезная тема. Вы меня спрашиваете о том, что будет после выборов, — так вот если голосовать за КПРФ, то все самые негативные тенденции, которые существуют, будут усилены и проявятся в полном объеме. Вот это заигрывание со сталинским наследием, которое уже поражает всех, должно всем дать понять, что это прямой путь не только к изоляции, но это прямой путь к потере гражданского, человеческого достоинства. Это все должны знать. Вот у нас с вами такая перспектива.

Поэтому мы предлагаем список будущего, мы предлагаем список молодых людей, которые смотрят вперед, а не как вот эти граждане из КПРФ смотрят назад и тащат страну назад, а мы предлагаем двигаться вперед в соответствии с тем, что сегодня происходит. Там очень противоречивые тенденции, что происходит с научно-технической революцией, с четвертой промышленной революцией, с цифровыми технологиями. Происходят очень опасные политические процессы во всем мире. Вы же недавно только наблюдали, что в Афганистане случилось, — это во всем мире. Нужны новые умные, сильные люди.

Нужно повышать уровень квалификации Государственной Думы, а не оставлять ее по-прежнему работать с телевизионными, извините, комментаторами и с артистами, циркачами и всякими другими людьми, очень хорошими в своих профессиях, но какое имеют они отношение к серьезному законодательству? И особенно в той ситуации, которая на сегодняшний день существует.

Я не буду продолжать, там очень много опасных моментов. Нужно обновление, есть большие опасности и тревоги в отношении будущего. Нужно обновление, и я очень рад, что мои товарищи, молодые товарищи готовы быть не просто депутатами, а депутатами, которые будут работать так и жить, подчеркиваю, и жить так, чтобы граждане, люди им доверяли.

Русский мир — это умы, сердца и души людей. Вот что нужно завоевывать, а не территории! Это же 17-й век, это же абсурдная политика — обсуждать все время, куда ходили купаться древляне! Политик не должен быть историком! Политик должен извлекать уроки из истории, а не писать исторические трактаты.

Нужно обновлять власть. Во власти должны быть серьезные молодые квалифицированные люди. Выборы в Госдуму в этом смысле референдум. Если много людей проголосует за другую политику — не за политику КПРФ и не за то, что мы имеем сегодня, — то у страны есть шансы поменять важные политические элементы системы таким образом, чтобы у нас была современная экономика, чтобы мы перестали быть страной, окруженной только врагами, чтобы мы не составляли списки недружественных стран, чтобы мы не стремились задушить наших соседей, потому что они когда-то были республиками СССР. Чтобы мы понимали, что в новом мире речь идет не о территориях. В новом мире речь идет о душах и сердцах людей, об умах и сердцах людей. Вот что надо завоевывать!

Провал

Почему американцы потерпели неудачу в России, Ираке и Афганистане

11 сентября 2021 г., сайт Григория Явлинского

Террористическая атака на США 11 сентября 2001 года ознаменовала наступление эпохи с качественно новыми вызовами и требованиями к глобальной политике. И 20 лет назад были реальные предпосылки встретить эти вызовы осознанно и вместе. Россия входила в «большую восьмерку», в феврале 2001 года Москву посетил генеральный секретарь НАТО Джордж Робертсон, и президент Владимир Путин предложил ему обдумать возможность создания Россией, ЕС и США совместной системы противоракетной обороны для Европы[1]. Кроме того, Путин стал одним из первых мировых лидеров, заявивших о поддержке администрации президента США Джорджа Буша-младшего в борьбе с терроризмом. Эта поддержка была выражена российским президентом вопреки мнению большинства представителей политической «элиты» России: почти все, кто присутствовал на встрече Путина с лидерами думских фракций и президиумом Госсовета в сентябре 2001-го, высказались за сохранение особой позиции России — нейтралитета в схватке с террористами (а один из присутствовавших даже предложил поддержать «Аль-Каиду»). И только двое участников

[1] Владимир Путин провел переговоры с генеральным секретарем НАТО Джорджем Робертсоном // Официальный сайт президента России. 20 февраля 2001. Доступ (проверено 11.09.2021).

заседания — лидер фракции СПС Борис Немцов и я в качестве лидера «Яблока» — заявили, что в интересах России в этот важный момент проявить солидарность с американцами. Возможно, решение Путина было связано с желанием на фоне войны в Чечне подчеркнуть, что борьба с терроризмом — общая задача и не стоит постоянно попрекать Россию контртеррористическими операциями на Северном Кавказе. Тем не менее возможность выгодного не только для России и США, но и для всего мира сотрудничества в тот момент была. Так же как и ощущение, что мы, представляя единую цивилизацию, можем плечом к плечу выступать по важнейшим вопросам глобального развития и противостоять угрозам нового уровня[2].

«ОХОТА НА КОМАРОВ»

В начале февраля 2002 года в Вашингтоне я встречался с Кондолизой Райс, на тот момент советником президента США по национальной безопасности, и несколькими ее сотрудниками. Обсуждали подготовку соглашения о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки, которое должно было быть подписано в рамках намечавшегося визита американского президента в Москву[3]. Зашел разговор о военной операции американцев в Афганистане и о планируемом вторжении в Ирак. Оценивая действия США, я отметил, что Америка, конечно, первая страна в мире по уровню вооружений и мощности армии, а также по экономическому потенциалу и масштабу влияния на мировую политику. Да что там первая — американцы по этим позициям заняли все места с первого по десятое. Но только по меркам XX века. «В XXI веке, — говорю, — все уже по-другому». В вашингтонском кабинете

---

[2] Стратегический потенциал и взаимные выгоды российско-американского сотрудничества на принципиально новой основе я представил в статье, опубликованной в мае 2002 года. См. *Явлинский Г. А.* Дверь в Европу находится в Вашингтоне // Официальный сайт Григория Явлинского. 16 мая 2002. Доступ (проверено 11.09.2021).

[3] См. Московская декларация о новых стратегических отношениях между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки // Официальный сайт президента России. 24 мая 2002. Доступ (проверено 30.08.2021).

воцарилось молчание. Через несколько секунд госпожа Райс попросила меня объяснить, что я имею в виду.

И я, как смог, объяснил. Представьте, говорю, что вы собрались на охоту на крупных и опасных зверей. Для этого вы, естественно, берете с собой соответствующее оружие: мощные крупнокалиберные винтовки, штуцеры, карабины и т. п. И вот вы заходите в джунгли — и вас внезапно атакуют смертельно ядовитые комары. Что вы можете сделать со своим замечательным оружием? Как вам помогут ваши условные авианосцы, космическое оружие, ракеты и самолеты в борьбе с ядовитыми комарами?

На этот раз молчание длилось минуту. И потом кто-то из помощников Райс сказал: «А мы будем бомбить гнезда комаров».

Вот-вот, говорю, чем-то похожим вы и занимаетесь. Но дело в том, что у комаров нет гнезд. Комары живут на болоте. И чтобы победить комаров, надо осушить болото. Необходима мелиорация, а это совсем другое — не война и не бомбежка.

В этом, пожалуй, ключевой момент для понимания действий американцев в Афганистане, Ираке и других «горячих точках». В XXI веке нужна совсем другая работа: ликвидация запредельного неравенства и глобального монополизма, честная конкуренция, равное уважение ко всем без исключения людям, международное сотрудничество, повсеместно доступное начальное образование, формирование институтов, основанных на ценностях. Поэтому действовать нужно не изолированно, а в сотрудничестве и стремлении к взаимопониманию с союзниками и партнерами — с Европой, с Россией. В феврале 2002-го мне не удалось донести эту мысль до американцев.

В конечном счете именно неспособность США заметить качественные изменения в происходящем, самоуверенность и нежелание усомниться в «проверенных» методах и подходах привели к тому, что потенциал проекта российско-европейской ПРО оказался недооценен американцами, и в результате были упущены возможности, которые этот проект открывал для России, Европы и самих США. Отсутствие стратегии и адекватного понимания цели после установления контроля над территорией Афганистана привело к новой грубой ошибке — решению о вторжении в Ирак на основании крайне

сомнительных (теперь ясно, что фейковых) данных о наличии у режима Саддама Хусейна оружия массового поражения[4].

ОТ РОССИИ 1990-Х ДО АФГАНИСТАНА

Но вот прошло почти 20 лет, и весь мир — на примере сначала Ирака, а теперь Афганистана — увидел результаты политики «бомбардировок комариных гнезд». За два десятилетия Соединенные Штаты так и не определили, каких результатов они хотели добиться в этих странах[5]. Это касается как комплекса задач по созданию работоспособных государственных и общественных институтов, так и решения более конкретных вопросов, связанных с подготовкой боеспособной армии и сил безопасности.

В Афганистане американцы пытались создать национальную армию, полицейские силы, построить какую-то инфраструктуру, снизить смертность, увеличить продолжительность жизни. Кое-что из этого сделать удалось. К примеру, в 2001 году на 38 млн жителей Афганистана приходилось всего 900 тыс. студентов, среди которых не было ни одной девушки. Два десятилетия спустя, накануне недавнего захвата власти талибами, число студентов в стране увеличилось до 9,5 млн,

---

[4] Financial Times в редакционной статье, посвященной годовщине терактов 11 сентября и итогам 20-летней борьбы с терроризмом, пишет: «“Аль-Каида” была взращена во времена холодной войны поддерживаемым США джихадом, нацеленным на выдворение Советского Союза с территории Афганистана. Вашингтон после этого оставил разоренную страну разбираться со своими проблемами. Джордж Буш-младший повторил ошибку, отвернувшись от Афганистана, чтобы в 2003 году сосредоточиться на вторжении в Ирак Саддама Хуссейна. Вопреки подтасованным разведданным, Саддам не имел отношения к 11 сентября. И оружия массового поражения у него не было. Оккупация разрушила иракское государство, сдвинула региональный баланс в сторону шиитов и шиитского Ирана, разожгла этническо-религиозную войну по всему Ближнему Востоку. Наконец, все это породило ИГИЛ, от которого отреклась даже “Аль-Каида”». См. The lessons from two decades since 9/11 // Financial Times. September 10, 2021. Available at (accessed 11.09.2021).

[5] «С самого начала, почти два десятилетия назад, американский подход к обучению и наставлению иракцев и афганцев был фрагментарным — неформализованным, ситуационным, нестратегическим, — пишет отставной полковник армии США Майк Джейсон. — Мы собрали небольшие команды, обучили их базовым навыкам выживания… Нам не удалось создать необходимую инфраструктуру военного образования, постоянных тренировок, оплаты, продвижения по службе, отчетности — всех составляющих профессиональных сил безопасности. В Афганистане мы вели не одну войну протяженностью в 20 лет, а 20 отдельных войн по году каждая, не чувствуя единого направления действий». См. Jason M. What We Got Wrong in Afghanistan // The Atlantic. August 12, 2021. Available at (accessed: 31.08.2021).

из них 39% — девушки. Однако, как оказалось, все это были, безусловно, важные, но лишь тактические задачи, которые не могли быть целями стратегическими.

По словам президента США Джо Байдена, за 20 лет в Афганистане погибли 2448 американцев, было потрачено более 2 трлн долларов — и в итоге вернулся «Талибан». Именно стратегически тупиковая война США с «комарами» при помощи авианосцев привела к сегодняшней ситуации.

Очевидно, что у такого исхода есть ряд причин. Одна из них — ошибочное представление о том, что с помощью военной и/или экономической мощи, но при этом без глубокого понимания национальной культуры, системы ценностей и особенностей жизни[6] в той или иной стране можно преобразовать ее политическое и экономическое устройство.

И здесь напрашивается аналогия с Россией: в 1990-е годы в нашей стране американцы тоже сделали ставку на свои собственные, подкрепленные кредитами МВФ представления о как бы единственно верной и потому необходимой нам программе экономических реформ. При этом американцы не очень разбирались и не особо вникали в особенности нашей страны и уходящей советской экономики. Они предпочли опереться на зарождающиеся элиты, которые вскоре стали коррумпированными. Но главное, тогда были проигнорированы потребности и перспективные интересы абсолютного большинства населения России. Сутью происходящего были так называемые «реалполитик» и «реалэкономик», в то время как одним из ключевых институциональных вопросов для России была тогда (и остается сейчас) государственно-общественная оценка сталиниз-

---

[6] В 1857 году Фридрих Энгельс писал: «Афганцы — храбрый, энергичный и свободолюбивый народ; они занимаются только скотоводством или земледелием и всячески сторонятся ремесла и торговли, заниматься которыми они с пренебрежением предоставляют индийцам и другим жителям городов. Война для них является развлечением и отдыхом от однообразных занятий хозяйственными делами. Афганцы разделяются на кланы, причем различные вожди осуществляют нечто вроде феодального господства над ними. Только их неукротимая ненависть к государственной власти и любовь к личной независимости мешают им стать могущественной нацией; но именно эта стихийность и непостоянство поведения превращают их в опасных соседей, поддающихся влиянию минутных настроений и легко увлекаемых политическими интриганами, которые искусно возбуждают их страсти». См. *Маркс К., Энгельс Ф.* (1860). Сочинения. Т. 14. Государственное издательство политической литературы, Москва, 1959. С. 78.

ма, большевизма и всей советской эпохи. Но именно этого так и не было сделано.

В результате вся эта конструкция, основанная на реформах 1990-х, обрушилась, и мы оказались там, где оказались. Сейчас, через 30 лет после начала реформ, активно возвращаются порядки советского периода. Достаточно сказать, что число политических заключенных в современной России уже превысило показатели времен брежневского СССР.

Афганский провал американцев в этом смысле, конечно, более нагляден и фееричен: попытка построить современное государство с помощью силы и накачивания коррупционной кормушки миллиардами[7] в надежде, что искусственно созданные элиты смогут контролировать ситуацию в стране, закончилась крахом. Как написала британская Financial Times, «весь смысл этой интервенции оказался не в построении государства, демократии <…>, а в не очень удачной борьбе с терроризмом[8].

20 ИСЧЕЗНУВШИХ ЛЕТ

Шокирующие кадры из кабульского аэропорта с толпами беженцев, штурмующих уже взлетающие самолеты, и испарившаяся в од-

---

[7] Американский публицист Дэвид Вайн пишет на страницах The Guardian: «С тех пор как США вторглись в Афганистан, они подпитывали коррупцию в стране с помощью ЦРУ и военных поставок мешков с наличными влиятельным афганским брокерам и всей системе взяток — с целью обеспечить снабжение американских войск. Абсурдно, но правительство США заплатило талибам миллиарды долларов за то, чтобы они не нападали на конвои, снабжающие войска, посланные для борьбы с талибами. Большая часть из 2,3 трлн долларов, что правительство США потратило или обязалось потратить на войну, досталась не афганцам — посредством коррупции или иным образом, — а американским военным подрядчикам (и тем, кто купил долги США): по сообщениям, 80–90% американских расходов вернулись в США в результате “массового перевода богатства” от налогоплательщиков компаниям военно-промышленного комплекса, которые увидели, что их прибыль и цены на акции взлетели до небес. Военно-промышленный комплекс превратился в систему в значительной степени легализованной коррупции, вращающейся вокруг укоренившихся стимулов вести бесконечную войну за финансовую и политическую выгоду. Если мы не покончим с этой системой и развращающей верой в то, что война является законным и полезным политическим инструментом, Соединенные Штаты продолжат вести бесконечные войны». См. Vine D. “Defeat was inevitable”: our panel weighs in on the Afghanistan catastrophe // The Guardian. August 19, 2021. Available at (accessed: 31.08.2021).

[8] Parkin B. Afghanistan: A history of failed foreign occupations // Financial Times. August 19, 2021. Available at (accessed: 31.08.2021).

ночасье перед наступлением боевиков «Талибана» армия Афганистана — это только видимые следствия двух десятилетий американской «охоты на комаров». Безвозвратно упущенное время — пока еще менее заметный, но при этом ключевой итог действий США в мировой политике.

За те 20 лет, что американцы боролись с международным террором в афганских провинциях, мир существенно изменился, превратившись из глобального пространства, взаимосвязанного и движущегося в соответствии с заданным вектором, в расползающуюся дырявую сеть. Обсуждаемая всеми неудача США в Афганистане не первая у американцев в глобальном плане. Например, многие хорошо помнят, как в 2003 году США вошли в Ирак, в 2011-м попытались уйти оттуда, но получили ИГИЛ и были вынуждены вернуть войска. В результате — продолжение войны, тысячи погибших и миллионы беженцев.

Или возьмем Сирию. В 2012 году на Западе заговорили о применении режимом Асада химического оружия против сил оппозиции и мирного населения. В адрес Дамаска из Вашингтона сыпались угрозы, президент США Барак Обама пугал «красными линиями»[9]. Однако в последующие годы не было предпринято никаких практических шагов, за исключением нескольких точечных ударов по сирийским правительственным объектам со стороны США при поддержке британцев и французов. В итоге гражданская война в Сирии (уже с бессмысленным участием российской армии) продолжается до сих пор — с никуда не исчезнувшими подозрениями по поводу применения Асадом химоружия, с полумиллионом убитых, с миллионами беженцев. Такая невиданная со времен Второй мировой войны волна беженцев привела к системной перегрузке глобального масштаба.

Как пишет The New York Times, «одним из результатов стала популистская реакция, которая включала “брекзит”, большие успехи неофашистских партий на выборах во Франции и Германии и ощутимую помощь в президентской кампании Дональда Трампа»[10].

---

[9] Wordsworth D. What, exactly, is a “red line”? // The Spectator magazine. October 24, 2013. Available at (accessed: 1.09.2021).

[10] Stephens B. Our “Broken Windows” World // The New York Times. August 24, 2021. Available at (accessed: 1.09.2021).

В другой части мира жесткое политическое подчинение Гонконга коммунистическому Китаю в 2018–2020 годах и конец парадигмы «одна страна — две системы» представляют собой знаковое событие для современного политического мироустройства. Сюда же можно добавить аннексию Крыма, войну в Донбассе, вмешательство России в сирийский конфликт, военный переворот в Мьянме, жестокое подавление протестов против диктатуры в Беларуси, а также появление фактически недееспособных государств — без каких-либо перспектив не то что развития, а вообще выживания (речь идет о Ливане, Гаити, целом ряде африканских стран). Да и конституционный переворот лета 2020 года в России — еще одна крупная дыра в глобальной сети[11].

КТО ПРОИГРАЛ, КТО ВЫИГРАЛ

Стремительное крушение сразу после ухода американцев всех слепленных за два десятилетия афганских государственных институтов и кажущееся триумфальным шествие талибов — это яркое проявление глобальной политической энтропии, энтропии нарастающей, от которой пока нет серьезного противоядия[12]. Международные структуры ослабевают, эпоха глобального доминирования США уходит, институциональные пустоты заполняются постмодернистскими кунштюками. И это только самое начало. Афганская неудача Байдена значительно увеличивает вероятность победы уже на следующих президентских выборах в США какого-нибудь нового авторитарного популиста — более умного и гибкого, чем Трамп.

Ни военные, ни информационные технологии (которые сегодня позволяют отслеживать не только, скажем, строительство ракетных шахт в Китае, но и передвижения отдельного человека на расстоянии в несколько тысяч километров), ни искусственный интеллект

---

[11] *Явлинский Г. А.* Второе июля // Официальный сайт Григория Явлинского. 31 августа 2020. Доступ (проверено 1.09.2021).

[12] *Явлинский Г. А.* Политическая энтропия // Официальный сайт Григория Явлинского. 1 декабря 2020. Доступ (проверено 1.09.2021).

не смогли предотвратить и даже толком предвидеть то, что произошло в августе 2021 года в Афганистане. Технологии обогнали сознание современного человека, но ничего не решили по существу[13].

А суть дела, во-первых, в том, что технологии не заменяют институты. При всей скорости развития и фантастическом масштабе возможностей технологии остаются только инструментами, и рассчитывать на то, что они сами каким-то образом произведут на свет смысл и свое предназначение, все равно что верить в самозарождение детей в капусте.

Во-вторых, новые информационные технологии и их производные (учитывая широкую доступность разнообразных гаджетов и повсеместное распространение соцсетей) весьма успешно служат деструктивным силам. Сеять хаос в принципе гораздо проще, чем противостоять энтропии.

«Талибан» 2021 года, сегодняшние хозяева Афганистана, в отличие от талибов 1990-х, как раз и есть такое явление — порождение разрыва между современным высокотехнологичным миром и забытой на периферии первобытной человеческой природой. Это не просто «всплеск архаики», а нечто более пластичное и гибридное. Новые талибы говорят, что готовы договариваться с ключевыми силами в регионе, обещают не экспортировать наркотики, терроризм, исламизм в соседние страны. Непонятно пока, можно ли в это верить, однако, по-видимому, у «Талибана» есть все шансы надолго закрепиться в Афганистане.

Кто же станет бенефициаром такого развития? Возможно, Китай. Да, с одной стороны, в результате последних событий в Афганистане у Пекина может возникнуть ряд проблем, связанных с Синьцзян-Уйгурским автономным районом. С другой стороны, учитывая, что «талибам 2.0» не чужд большевистский прагматизм (удержание власти превалирует над покровительством всем без разбора фундаменталистам и экспортом джихада), китайцы могут предложить бедным соседям что-то похожее на экономическое сотрудничество и инвестиции. Таким образом, после ухода из Афганистана американцев Пекин

---

[13] *Явлинский Г. А.* Информационная охлократия // Официальный сайт Григория Явлинского. 9 декабря 2020. Доступ (проверено 1.09.2021).

может заполнить образовавшуюся пустоту подобием китайского «Пояса и пути»[14]. В пользу налаживания отношений с китайцами говорит и тот факт, что на талибов большое, может быть, ключевое влияние имеет Пакистан, а у Исламабада с Пекином общий оппонент — Индия.

Народ Афганистана сегодня находится в ситуации неопределенности и серьезной опасности. Для США бегство из Кабула — большое стратегическое поражение, а для всех нас — свидетельство того, как изменился мир, и важное указание на то, какие факторы будут определять ближайшее будущее.

НОВЫЙ БЕСПОРЯДОК

Уход из Афганистана и сформулированная в связи с этим позиция Байдена[15] показали, что США готовы легко отодвинуть в сторону моральные принципы и нравственные соображения. В американской внешней политике теперь, похоже, нет места для ценностей. Кстати говоря, именно так и выглядит та самая «реальная политика». Байден идет по стопам Обамы и Трампа, сигнализируя, что Америка сыта по горло внешними военными конфликтами, в частности в Центральной Азии и на Ближнем Востоке.

Это означает, что как минимум в ближайшие десять лет США, скорее всего, будут использовать свои вооруженные силы только в случае прямой угрозы и не будут практически участвовать в поддержании так называемой международной безопасности. Границы, определяющие национальные интересы США, будут жестко очерчены и значительно сужены.

«Насколько союзники по НАТО могут быть уверены, что, в случае если дело дойдет до схватки с путинской Россией, Белый дом сочтет

---

[14] «Организация международного сотрудничества Шелковый путь» — выдвинутое в 2010-х годах КНР предложение объединенных проектов «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Википедия. Доступ (проверено 1.09.2021)

[15] Remarks by President Biden on Afghanistan. The White House official site. August 16, 2021. Available at (accessed: 1.09.2021)

защиту европейских границ жизненно важным интересом США?» — задается вопросом Financial Times[16].

Многие в США, — возможно, даже справедливо — недоумевали, зачем и на что в Афганистане было потрачено более двух триллионов долларов. Но как посчитать, во сколько всем, в том числе американцам, обойдется утрата Вашингтоном статуса «мирового правоохранителя» после эвакуации из Кабула? Да и вообще, большой вопрос, как будут выглядеть некоторые регионы мира без отстранившихся от заокеанских дел Соединенных Штатов.

«Мы свернули за угол в мир неосвещенных улиц, более гостеприимных для хищников, чем для добычи. В этом мире у Путина может только усилиться искушение сломать хребет НАТО, убрав такого уязвимого члена, как Латвия (где четверть населения этнические русские и возможности для подрывной деятельности велики). То же самое касается захвата Тайваня Китаем», — замечает The New York Times[17].

Таким образом, надо понимать, что в ближайшие годы мировые автократы, диктаторы, агрессоры разных мастей окажутся свободными от сдерживающего влияния США. Пора понять и признать, что старый порядок быстро уходит в прошлое, что в эпоху политической энтропии и цифровых технологий отношения как с союзниками, так и с противниками оказываются гораздо более жесткими. И главный вывод из этой новой конфигурации заключается в том, что теперь каждый может рассчитывать исключительно на себя.

У Америки и мира есть, конечно, и другой опыт. Это и решающее влияние США на послевоенное становление звезд мировой экономики — Японии и Западной Европы, — и защита, и ключевая роль в становлении успешной Южной Кореи.

Почему же тогда, в 1950–60-е годы, получалось, а с середины 1970-х Соединенные Штаты постепенно, с подъемами и спадами, утратили роль державы, несущей миру свободу, демократию, эффективную экономику? Возможно, ответ в том, что период успеха стал

---

[16] Stephens P. Europe had better face facts about the Biden doctrine // Financial Times. August 19, 2021. Available at (accessed: 1.09.2021)

[17] Stephens B. Our “Broken Windows” World // The New York Times. August 24, 2021. Available at (accessed: 1.09.2021).

прямым следствием институционализации ценностей, выстраданных во Второй мировой войне: приоритета прав человека, уважения к человеческому достоинству, свободы, демократии, верховенства закона[18]. То есть ценностей, на которых был основан Европейский союз.

Речь, конечно, не о том, чтобы вернуться назад к тому или иному периоду истории. Суть момента в том, что очевидной становится острая необходимость в стратегическом повороте сознания глобальных элит (пока их еще можно назвать «глобальными элитами»). Однако для этого надо найти свое место в современной истории, понять смысл времени и определить реальные, а не придуманные цели развития на ближайшие десятилетия. Иными словами — обрести будущее.

---

[18] *Явлинский Г. А.* Что делать? Институционализация ценностей // Официальный сайт Григория Явлинского. 27 декабря 2020. Доступ / (проверено 1.09.2021).

Россияне беднее американцев в 14,5 раза, японцев — в 22 раза

14 сентября 2021 г., БИЗНЕС ONLINE (Казань)

«Помните, президент ставил задачу, чтобы Россия вошла в первую пятерку развитых стран? Она вошла, но в первую пятерку по скорости падения уровня жизни», — напомнил основатель партии «Яблоко» Григорий Явлинский в интервью газете «БИЗНЕС Online», которое проходило по Zoom из Москвы. Сам Григорий Алексеевич не идет на выборы в Государственную Думу, но активно помогает партии, которая выдвинула много молодых, талантливых, креативных кандидатов. Они сразу же доказали свою креативность, решительно отказавшись от весьма приличных (или весьма неприличных на фоне страны) зарплат депутатов в размере свыше 450 тысяч рублей, и будут получать среднюю по Москве зарплату — 105 тысяч. Явлинский возмущается — невозможно, когда у людей пенсия составляет 15 тысяч рублей. Невозможно, когда доходы в регионах — 35 тысяч рублей, и те далеко не у всех.

«Мы видим многолетнюю кампанию по подавлению среднего класса»

Елена Чернобровкина — Григорий Алексеевич, давайте начнем не с предвыборных проблем партий и кандидатов — кто против кого и зачем, — а с проблем, которые волнуют обычных россиян. Даже власти России вынуждены признать страшную проблему — массовую бедность. Вопрос вам, как автору знаменитой программы «500 дней» и как человеку, боровшемуся за пост президента России, — есть ли сегодня возможность решать проблему бедности? Почему в нашей богатейшей, нефтяной стране люди живут так бедно?

Григорий Явлинский — Потому что экономика плохо работает. Экономическая система крайне неэффективна, поэтому у нас такая бедность. Вы знаете, что последние 10 лет доходы россиян падают, а цены растут. Сейчас просто рекорд по росту цен, потребительская корзина сегодня самая дорогая с 2012 года.

Помните, президент ставил задачу, чтобы Россия вошла в первую пятерку развитых стран? Она вошла, но в первую пятерку по скорости падения уровня жизни. По расчетам международных банковских консорциумов, наши люди беднее, скажем, эстонцев в 7 раз. Представляете — беднее эстонцев! Наши люди беднее сербов почти в 3 раза.

Елена Чернобровкина — То есть с американцами даже и сравнивать не имеет смысла?

Григорий Явлинский — Россияне беднее американцев в 14,5 раза. А японцев — в 22 раза. Россию называют самой богатой страной в мире с самым бедным населением. Так что разговор о бедности — это очень серьезная тема. И она связана с тем, что действующую власть люди не очень интересуют, она безразлична к людям. Это было заметно, например, в пандемию. Все страны поддержали своих людей, выделив на содействие до 30 процентов ВВП. А у нас только 3 процента ВВП потратили на поддержку своих граждан. В 2020 году в России прекратило свою деятельность более полумиллиона коммерческих организаций, то есть каждая 6-я компания в стране.

Елена Чернобровкина — Могу добавить, что в Татарстане в пандемию малый и средний бизнес очень пострадал, сократил реальные обороты примерно на 30–35 процентов.

Григорий Явлинский — Вот я об этом и говорю. А почему такое произошло? По двум причинам. Первая причина — власти считают, что предприниматели, как трава, сами вырастут, никуда не денутся, прокормятся как-то. Вторая причина: власти понимают, что частный бизнес (малый, средний) — это люди, которые хотят отстаивать свои интересы, участвовать во власти, в политике. Но власти не хотят предпринимателей туда пускать. Мы видим многолетнюю кампанию по подавлению среднего класса.

А если хотите одной фразой — у нас существует такая бедность и три четверти семей испытывают финансовые трудности, потому что в России существует государственно-монополистический капитализм. Это особый вид капитализма, самый неэффективный, когда все принадлежит государству так или иначе, а это очень неэффективно. Потому что крупные государственные компании рассуждают так: потери у них государственные, а доходы — частные.

«Система столкнулась с врагом в виде пандемии, которого нельзя подкупить, обмануть, напугать»

Григорий Явлинский — Еще одна причина — слабость государственной системы в целом. Это проявилось больше всего в самое последнее время, во время пандемии. Смотрите — у нас сейчас самый высокий показатель прироста смертности в мире. У нас такой прирост смертности был только в 1947 году, после войны.

Елена Чернобровкина — В тяжелейшее для страны время!

Григорий Явлинский — А сейчас опять. С мая 2020 года по май 2021 года, за год, прирост смертности в России был 509 тысяч человек! Это же характеристика системы, которая столкнулась с противником или с врагом в виде пандемии, которого нельзя подкупить, обмануть, напугать, нельзя дать ему взятку… Ничего с ним сделать

нельзя, с ним надо бороться. По-настоящему. И врать нельзя. А если врете, то проиграете.

И если вернуться к той же теме — почему в России так много бедных, — то ответ очевиден. Потому что люди не верят собственному государству. Вообще ему не верят, ни в чем. Поэтому они и вакцинироваться не хотят. Ученые в России создали лучшую в мире вакцину, по крайней мере одну из лучших. Тем не менее вакцинироваться россияне не хотят.

Елена Чернобровкина — Боятся.

Григорий Явлинский — Да. А почему боятся? Потому что не верят. Потому что доверия к власти нет. Потому что их все время обманывают — то в одном, то в другом. Вот и здесь не верят. И вы никогда не построите сильную экономику, не добьетесь, чтобы у людей был хороший уровень жизни, в условиях, когда система слабая, а люди не верят государству. Все это вместе и есть ошибки экономической политики. Грубые, серьезные ошибки. А когда люди возмущаются, к ним применяют репрессии, возбуждают в отношении них всякие уголовные дела, сажают за решетку. Вот круг и замкнулся. Ну кто будет в таких условиях работать? Никому это неинтересно. Вот отсюда и такая бедность.

Елена Чернобровкина — И, получается, сегодня в нашей стране проблему бедности решить никак невозможно?

Григорий Явлинский — Отвечаю: в этой политической системе — нет. Система должна быть другой. В этой системе возможно только раздать по 10 тысяч рублей пенсионерам и по 15 тысяч милиционерам. Ну что это такое?! Что о нас с вами думают те, кто применяет такие методы?

Елена Чернобровкина — С пренебрежением относятся…

Григорий Явлинский — Вот в том-то и дело. Так вот — борьба с бедностью должна начаться с уважения к человеку. Людей надо уважать, их считать гражданами, понимать, что от них зависит будущее. И необходимо знать и понимать, что люди сами имеют право определять, какой должна быть власть в стране. И имеют право желать ее поменять. А правоохранительные органы теперь говорят, что тот, кто хочет поменять власть, — экстремист.

Кстати, должен сказать, что скоро выборы в Государственную Думу. Может, слышали? Скоро выборы, и туда идет «Яблоко». Сам в Думу не иду, но молодые люди от «Яблока» идут. Так вот, эти наши кандидаты заявили, что отказываются от думской зарплаты, а она в среднем 469 тысяч рублей, и будут получать зарплату среднюю по Москве — 105 тысяч. А еще откажутся от всех депутатских льгот и привилегий.

Елена Чернобровкина — Ну Григорий Алексеевич… За ваших кандидатов, за «Яблоко», россияне, тем более Москва и Петербург, может, и проголосуют, но вы же знаете — главное, не как голосуют, главное, как считают…

Григорий Явлинский — Знаю. Однако Путин будет знать, сколько людей за нас проголосовало на самом деле. И это повлияет на него. На президента точно влияет то, сколько людей проголосует за коммунистов, за сталинистов. И сколько людей проголосует за «Яблоко», за свободу и за уважение к человеку. И если этих людей окажется много, начнется другая жизнь. Так что не всегда надо просчитывать результаты — надо голосовать по совести. И если все проголосуют по совести, жизнь, может быть —может быть! — начнет меняться. Но если этого не сделать, то ничего не поменяется.

«Безусловный базовый доход надо давать не работникам кремля, а людям в самых бедных регионах»

Елена Чернобровкина — Интересно, а как вы относитесь к предложениям ввести в нашей стране безусловный базовый доход?

Григорий Явлинский — Я поддерживаю это, считаю правильным. Только главный вопрос — как давать безусловный базовый доход и кому? Я бы предложил начать с самых бедных регионов, чтобы там поднять спрос.

Откуда брать безусловный базовый доход? Из отчислений от экспорта природных ресурсов. Брать и перечислять на счета людей. Надо создать систему, определить, кому сколько, и перечислять прямо на счета людей. Вот я как рассуждаю: появятся у них деньги — и тогда

появится спрос. А возникнет спрос — появятся частные предприятия, предприниматели, которые будут что-то производить, появятся производства. И уровень жизни немножко подрастет.

Я считаю, что безусловный базовый доход надо давать не членам правительства или работникам Кремля, а людям в самых бедных регионах. И постепенно надо двигаться дальше по стране. Но этого надо хотеть!

Елена Чернобровкина — Властям… Люди-то не против!

Григорий Явлинский — У нас голосование на выборах в Государственную Думу будет за то, чего хотят люди. Так что выбирайте, чего вы хотите. Как проголосуете, так и будет.

«Формула межбюджетных отношений должна быть 30–30–30»

Елена Чернобровкина — Вы о регионах говорили. Как вы оцениваете сегодняшние межбюджетные отношения федерального центра и субъектов Федерации? Какой процент налогов справедливо отдавать Москве? Это очень больной вопрос для Татарстана, который перечисляет в федеральный центр бóльшую часть налогов, 70 процентов.

Григорий Явлинский — Вы упомянули программу «500 дней». Эта программа и моя президентская программа как кандидата на выборах президента Российской Федерации в 2018 году предполагает межбюджетные отношения по формуле 30–30–30. То есть 30 процентов федеральному центру, 30 — региону и 30 — его муниципалитетам. Вы живете в муниципальном районе. Детскую площадку построить, дорожку заасфальтировать, подъезд привести в порядок — кто это должен делать, президент Татарстана, что ли?

Елена Чернобровкина — Пока получается, что да.

Григорий Явлинский — Вот именно! Но президент все не может успеть. Поэтому оставьте 30 процентов налогов муниципалам, пусть люди сами обихаживают территорию, на которой живут. А 30 — субъекту Федерации. И 30 — Москве.

Елена Чернобровкина — Вопрос в тему — время от времени всплывает идея объединения российских регионов. Вы за или против? Какую видите в этом пользу или вред?

Григорий Явлинский — Объединение регионов — это очень деликатный вопрос, связанный с культурой. И я бы не рубил с плеча, не торопился бы. Сначала надо сделать эффективной систему, которая есть, — чтобы были независимый суд, свободная пресса, независимый парламент, правительство, которое контролируется гражданами, а потом уже предлагать вот такие перестройки. Иначе ничего хорошего не получится.

Вообще, я сторонник сохранения культуры, сохранения языков разных народов, разнообразия. Я сторонник того, чтобы во всех школах Татарстана преподавали татарский язык и было обучение на нем для желающих. Считаю, что, если мы хотим сохранить Федерацию, мы обязаны идти по этому пути, а не наоборот.

Как можно добиться в нашей стране запрета мусоросжигательных заводов?

Елена Чернобровкина — Многие татарстанцы наверняка поддержат «Яблоко» за вашу экологическую программу, поскольку в разделе «Экология» первым пунктом стоит «Раздельный сбор и переработка отходов». Но возможно ли этого сегодня добиться? Противников мусоросжигательных заводов в России, в Татарстане в том числе, власти, мягко говоря, не любят…

Григорий Явлинский — Как можно этого добиться? А вот есть партия, которая предлагает такие решения. Так давайте голосовать за ее кандидатов. Если эти люди будут в Думе, тогда они смогут повлиять на такие решения.

Но экологический вопрос еще более серьезный, более глубокий. Изменение климата к чему ведет в России? Если действительно произойдет потепление на 1,5 градуса, специалисты думают, что тогда все, что у нас стоит на вечной мерзлоте, поплывет. Вы представляете масштаб проблемы? Вся вечная мерзлота превратится в болото! А никто ничего не хочет соображать…

Дальше. Вы знаете, что Евросоюз намерен ввести углеродный налог?

Елена Чернобровкина — Наша газета рассказывала, что в «прекрасном новом мире» углеродной энергетике места не будет. Углеродный налог потребуют с поставок в Европу электроэнергии, удобрений, цемента, стали, железа, алюминия…

Григорий Явлинский — Введение углеродного налога приведет к очень серьезному падению валового внутреннего продукта России и, должен сказать вам, к очень серьезному падению доходов населения. А как иначе, если начнут брать за каждую тонну выбросов 200 долларов? Сначала будут брать 45 долларов, а потом, поскольку страна ничего не делает для сокращения выбросов, — 200. Это точно так же, как с мусором — там тоже надо же что-то делать, надо хорошие технологии закупать, самим придумывать новые технологии. А у нас ракеты вместо этого делают. Да нас задушат безо всяких ракет!

Навальный проголосовал бы за «Яблоко»?

Елена Чернобровкина — Наверное, надо вспомнить о том, как вы призвали сторонников Алексея Навального не голосовать за «Яблоко». Очень громкое тогда было обсуждение и осуждение. Но открываем вашу партийную программу — и в первой же главе требование освободить всех политических заключенных и расследовать отравление Навального! Если бы он не был за решеткой, то сам, наверное, эти требования поддержал бы. И проголосовал бы за «Яблоко», верно?

Григорий Явлинский — За кого бы Навальный проголосовал, я не знаю. Я желаю ему здоровья, сил, выйти из заключения. Политику его я не разделяю, его подходы — тоже. Свою статью «Без путинизма и популизма» я поддерживаю, написал бы ее еще раз. Я вижу последствия того, что случилось, сколько людей получили тюремные сроки, как разгромили целое оппозиционное направление. Я очень сожалею об этом. Поэтому что могу сказать? Дай бог Алексею Навальному выжить и быть здоровым, насколько это получится.

А я являюсь представителем другого политического направления. Поэтому я сказал его сторонникам — не голосуйте за «Яблоко», потому что мы не будем выполнять программу Навального. Мы не поддержим «умное голосование». Потому что это голосование за тех же коммунистов, за тех же справедливороссов, за ту же ЛДПР. Сегодня партия власти в России — это не только «Единая Россия». Это еще и ее «крылья» — те три парламентские партии, которые сидят в Думе. Все эти партии, якобы оппозиционные, на самом деле претворяли, претворяют и будут претворять в жизнь только политику Владимира Путина. Стержень этой политики — объединение сторонников милитаризма, аннексий, ненависти и борьбы с европейскими ценностями. И все парламентские партии сегодня — это один букет, одно и то же, это все та же «Единая Россия».

«Верю в свою страну. Я ее люблю, для нее на все готов — ради нее, ради людей, живущих во всех ее регионах — в Татарстане, в Башкортостане, в Ингушетии… везде. Это моя страна, и я в нее верю».

«Я оптимист, но у меня для этого нет никаких оснований»

Елена Чернобровкина — Так ждет ли Россию хоть что-нибудь хорошее в ближайшие 10 лет?

Григорий Явлинский — Я человек оптимистический. Меня однажды ваши коллеги-журналисты спросили: «Вы оптимист или пессимист?» Я сказал: «Я оптимист, но у меня для этого нет никаких оснований». Вот все, что могу сказать. Верю в свою страну. Я люблю ее, я для нее на все готов — ради нее, ради людей, живущих во всех ее регионах — в Татарстане, в Башкортостане, в Ингушетии… везде. Это моя страна, и я в нее верю. Есть такое выражение — «пессимизм мысли и оптимизм воли». Я все понимаю. Но я хочу сделать Россию счастливой. И буду этого добиваться до конца, сколько надо, сколько смогу. А прогнозы делать в России — вещь очень неблагодарная. Я говорю вам, чего я желаю России и ради чего я работаю.

Григорий Явлинский —

«Не понимаю, что они такого делают в Думе на полмиллиона рублей»

Экс-кандидат на пост президента России считает, что депутаты получают высокую зарплату незаслуженно

14 сентября 2021 г., «Пруфы» (Уфа)

В этом году российский политик, трижды претендовавший на пост президента России, Григорий Явлинский не баллотируется в Госдуму РФ, но поддерживает однопартийцев. В интервью Пруфы.рф он признался, что его поколение проиграло, пора уступить место молодым...

Против путинизма и популизма

Рамиль Рахматов — Григорий Алексеевич, вы старейший либеральный политик России. Неучастие в выборах означает ли ваш постепенный уход из политики?

Григорий Явлинский — Нет, это означает, что должна произойти смена поколений. Наше поколение проиграло, мы не смогли построить Россию по нашим мечтам и идеалам. Теперь надо помогать молодому поколению строить новую страну. Я могу работать в любом качестве, советника или помощника, но необходимо открывать двери в политику новым людям. Ну уже невозможно. Зюганов, Жириновский, Путин и снова я? Пора прекращать.

Мы сознательно решили поддержать список из молодых людей. Они уже сказали, что в случае прохождения в парламент откажутся от ¾ зарплаты депутата. Сейчас депутат получает около 470 тыс. рублей. Ну куда им столько? Я не понимаю, что они там такого делают в Думе на полмиллиона рублей. Поэтому наши ребята намерены оставлять себе около 100 тысяч рублей, это соизмеримо со средней зарплатой по Москве. Остальную сумму они направят на благотворительность, в детские дома.

Рамиль Рахматов — Ваша статья о Путине и популизме вызвала шквал критики от сторонников Алексея Навального. Но у меня сложилось впечатление, что она не столько про него, сколько про следующий этап затягивания гаек в стране. Так ли это?

Григорий Явлинский — Правильно. Я уже видел и понимал, к чему это приведет, к преследованию десятков тысяч людей по всей стране. Кто будет помогать сотням людей, которые сядут в тюрьму? Их женам, детям? В итоге — никто! А потом была слита база с данными сотен тысяч людей. Она была распределена по регионам, и к людям сейчас приходит полиция. Тысячи людей получили кучу неприятностей. Я был против этого. Вот и все. О своей позиции я подробно писал. И да, я против путинизма и популизма. Я за серьезную, содержательную и профессиональную политику.

Мало не покажется

Рамиль Рахматов —Слово «либерал» у нас сознательно превращали в ругательство. Но само понятие многосоставное. Сейчас либерализм — это больше экономическая составляющая или актуально общественно-политическое содержание?

Григорий Явлинский — Либерализм — это свобода. Как жить, на коленях или с гордо поднятой головой, выбирать вам. Это еще и равенство возможностей по всей стране, а не только в Москве. Чтобы все дети могли учиться на равных. А воспользуется ли этим равенством каждый человек, уже его выбор. Еще одна составляющая либерализма в том, чтобы не отбирать. Социал-демократия, напротив, исходит из того, что богатые должны делиться. Я-то не против этого.

Вопрос в том, насколько делиться. Если при равных возможностях человек добился многого, то он молодец. Захочешь поделиться, решай сам. А не так, что 70% налогами у тебя забирают все, чтобы обеспечить кучу бездельников.

Понятно, что все люди разные. Но на старте положение можно выравнивать. Я приветствую социальное государство. Вот это либерализм. Но у нас вышло по-другому. Когда появилась свобода, то совпало с пустыми полками магазинов, когда есть было нечего. Потом были реформы 90-х, они были очень сложными, ошибочными и иногда преступными. И у людей сложилось впечатление, что свобода и либерализм — это плохо. Потом пришел Путин, начал откручивать головы, а цены на нефть взлетели до 150 долларов. Появились пенсии, зарплаты и прочее. В итоге свобода — это хаос и пустые полки, а несвобода — это порядок и сытость. Это исторический казус нашей страны. Поэтому либералы такие-сякие, потому что контекст, а эти хорошие, потому что нефть.

А потом нефть стала 40–50 долларов, появился Крым и восторги по этому поводу. Сегодня снова цены умеренные, поэтому ждите чего-то нового. Мало не покажется.

Рамиль Рахматов —Сегодня цены на углеводороды не самые плохие. Но через пару лет Евросоюз вводит новые тарифы и нормативы. Как просядет бюджет страны? Как просядут такие регионы, как наш?

Григорий Явлинский — Углеродные выбросы теперь будут иметь цену. Цена будет 75 долларов за тонну, а для таких стран, как Россия, поначалу около 20 долларов. Потом в течение 10 лет она дойдет до 200 долларов. Падение ВВП и доходов людей будет на доисторическом минимуме. Поэтому вместо того, чтобы морочить людям голову и предлагать строить в Сибири новые города (отсылка к Сергею Шойгу. — *Прим. ред.*), надо заниматься этим уже сейчас. А если международная конфронтация останется на прежнем уровне, то все эти сборы будут нам стоить еще дороже. Политику необходимо проводить сейчас. Но этого некому делать.

Рамиль Рахматов —Что необходимо сделать сегодня в первую очередь?

Григорий Явлинский — Сейчас Россия — страна монополистического капитализма. Необходимо прекратить доминирование госкор-

пораций. Их активы должны быть переведены в иное качество. Должна быть реальная конкуренция и «народный капитализм». Это когда у каждого жителя есть много акций различных предприятий, в том числе башкирских. И дивиденды получают десятки миллионов людей. Тогда люди будут ощущать причастность к собственной экономике.

Если говорить о климатической составляющей, то это вопрос технического переоснащения. Около 60% доходов составляет экспорт углеводородов. Это же не секрет. Надо просто этим заниматься. У нас много прекрасных специалистов, хорошая наука. Мы сделали вакцину «Спутник» первыми. А организовать вакцинирование не смогли… Сейчас у нас самый низкий уровень среди развитых стран. И второе. Сейчас самый большой рост смертности. Такое было только в 1947 году. Голод, разруха после войны, ранения.

Как итог — в существующей политической системе проблему с климатом и прочее не решить.

«Президент не верит, а я верю»

Рамиль Рахматов —Как пандемия изменит глобальную экономику в мире?

Григорий Явлинский — Глобальную экономику меняет другое — четвертая промышленная революция и цифровизация. Пандемия здесь повлияет и ускорит, а вот изменит именно это. К 2050 году будут два глобальных игрока: Северная Америка и Юго-Восточная Азия. Экономика будет развиваться в конкуренции между ними. Если Россия найдет общий язык с Европой, то третьим центром может стать именно объединение с ней. В противном случае Европа уйдет к Америке. Тогда Россия останется одна между двумя гигантами и будет очень плохо.

Поэтому все должно базироваться на конкуренции, частной собственности и свободе. Свободе от страха. Без свободы не будет и творчества. Меня однажды президент спросил, что необходимо, чтобы росла экономика? Я тогда ответил и говорю сейчас — свобода и закон. А это все надо построить. Честные суды, свободные и независимые СМИ, равенство перед законом. По-другому не бывает.

Рамиль Рахматов — Прислушался к вам президент?

Григорий Явлинский — Владимир Владимирович ответил, что в России так не будет. Он просто не верит. А я вот верю. Я точно знаю, что будущее требует свободного человека. Живущего не на коленях. В этой системе координат экономику не выправить.

Рамиль Рахматов —Как вам нынешняя редакция Конституции РФ?

Григорий Явлинский — Ее вообще надо писать заново. Она долгие годы служила лишь символом. С учетом 30 лет надо писать ее заново. Это должны быть разные варианты от политических партий, учредительного собрания. Но в нынешней России нас с вами за такие разговоры могут и арестовать.

С чем Россия пришла к выборам?

14 сентября 2021 г., материал агитационной газеты партии «Яблоко»

Рекордная смертность, максимальная за последние пять лет инфляция, падающие доходы граждан, политические репрессии в отношении несогласных, провалы во внешней политике и реальная угроза войны — вот основные показатели деятельности власти за последние годы, с которыми Россия пришла к выборам в Госдуму в 2021 году.

РЕКОРДНАЯ СМЕРТНОСТЬ — ПОКАЗАТЕЛЬ СЛАБОСТИ ГОСУДАРСТВА

Более полутора лет в России, как и во всем мире, свирепствует пандемия коронавируса. Она стала тяжелейшим испытанием для государственной системы здравоохранения, продолжает уносить жизни и подрывать здоровье людей. Но российские власти так и не приняли и, судя по всему, не намерены принимать единой госпрограммы по борьбе с пандемией. Боятся провала.

Россия стала первой страной в мире, которая одобрила вакцину против коронавируса. Принцип действия отечественного препарата «Спутник V» идентичен механизму работы британско-шведской вакцины AstraZeneca. Возможно, «Спутник V» даже более эффективен. Но если в Великобритании хотя бы одну дозу вакцины получили 70%

населения, то в России эта доля составляет всего около 20%. Такая разница в цифрах объясняется прежде всего крайне низким уровнем доверия к власти: привычные к бесконечной государственной лжи, очень многие люди принимают всю информацию о пандемии за очередную пропагандистскую манипуляцию власти. В результате, согласно соцопросам, две трети населения России отказываются от вакцинации против COVID-19.

Однако главным доказательством слабости всей российской государственной машины является рекордная смертность. За последний год — с мая 2020-го по май 2021-го — дополнительная смертность в России увеличилась по сравнению с предыдущим годом на 509 тыс. человек, или на 28,3%. Сопоставимый рост дополнительной смертности в мирное время наблюдался в нашей стране только в период послевоенного голода — в 1946–1947 годах. Убыль населения России в 2020 году достигла максимальных за последние 15 лет цифр — 596 тыс. человек. Это самое крупное сокращение численности населения в мире. А с февраля этого года у нас один из самых высоких в мире показателей избыточной смертности.

Прямой ущерб от такого высокого уровня смертности и, как результат, сокращения численности населения составит около 6 трлн рублей в год. А если учесть еще и урон экономике от потери полной или частичной трудоспособности в результате осложнений у переболевших коронавирусом, а также рост затрат на лечение, то эта сумма возрастет до 9 трлн рублей. Это втрое выше, чем потери экономики от снижения валового внутреннего продукта России на 3% в 2020 году (при объеме ВВП 107 трлн рублей).

Эти крайне тревожные данные говорят о том, что в кризисной ситуации российская система здравоохранения потерпела поражение. В России много прекрасных врачей, замечательных ученых и специалистов, но государственная система слаба и неэффективна. И когда власти сталкиваются с настоящим, непридуманным противником, таким как эпидемия, — противником, которого нельзя подкупить, обмануть, запугать, — государство терпит поражение. Так не должно быть, и эту систему надо менять.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПАДЕНИЯ ДОХОДОВ И РОСТ ЦЕН

Все видят, как неудержимо растут цены буквально на все, но особенно на продукты питания. Сейчас в стране максимальная за пять лет инфляция на фоне непрерывно падающих доходов граждан.

Согласно данным Росстата и ЦБ РФ, общий рост потребительских цен в июне этого года стал рекордным с 2016 года, а стоимость широкой потребительской корзины достигла максимума для этого месяца с 2012 года, тогда как три четверти российских семей испытывают финансовые трудности. В результате Россия вошла в первую пятерку среди 50 крупнейших мировых экономик по скорости падения благосостояния населения. Мы в 14,5 раз беднее американцев, в 19 раз беднее испанцев, в 22 раза — японцев, в семь раз — эстонцев, почти в три раза беднее албанцев и сербов.

В 2020 году в России прекратили свою деятельность более полумиллиона коммерческих организаций, то есть каждая шестая компания в стране. Количество закрывшихся бизнесов в 2,4 раза превысило число вновь созданных — впервые за последние 18 лет. Растет число корпоративных банкротств: за январь–июнь 2021 года несостоятельными были признаны почти 5 тыс. юридических лиц.

Российская экономика уже десять лет находится в стагнации, то есть практически не растет, а уровень жизни граждан непрерывно снижается. Это свидетельствует об ошибочной экономической политике и отсутствии стратегического видения перспективы. Ответственность за это несет руководство страны, но никаких серьезных профессиональных планов по совершенствованию экономики и изменению ситуации у властей нет.

РЕПРЕССИИ, ПРОВАЛЫ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ, ВОЙНА

Российское государство под руководством Путина фактически на официальном уровне отвергает свободу личности. Реализация

законных гражданских прав приравнивается к вседозволенности, считается чем-то порочным. В стране свыше 350 политических заключенных — больше, чем во времена брежневского СССР. Политических оппонентов власти расстреливают (иногда прямо у стен Кремля) и травят. Число репрессивных законов, ограничивающих право граждан на выражение недовольства и даже просто собственного мнения, стремительно растет.

Все это происходит на фоне провалов во внешней политике. Наша страна уже семь лет живет с не признанными в мире границами, российские наемники и военные тайно и явно участвуют в войнах в Донбассе, Сирии, Ливии, тогда как вероятность войны с Украиной (и, возможно, со всем западным миром) становится все выше. Кроме того, приход к власти в Афганистане экстремистов и отсутствие у России внятной политики в Центральной Азии создает прямую угрозу безопасности нашей страны у южных границ.

В то же время бессмысленное противостояние с Евросоюзом наносит удар в первую очередь по российской экономике, поскольку Россия куда больше зависит от ЕС: российский импорт в ЕС составляет менее 5%, в то время как импорт ЕС в Россию — более 37%. Но российский внешнеполитический курс больше ориентирован на Китай и остальную Азию, чем на Европу.

ЧТО БУДЕТ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ, ЕСЛИ НИЧЕГО НЕ МЕНЯТЬ?

1. Продолжится падение уровня жизни.

Введение новых налогов и повышение уже существующих: у населения предполагается отнять порядка 400 млрд рублей на финансирование так называемых прорывных инициатив правительства.

В частном бизнесе будут нарастать банкротства: введенный правительством в 2020 году мораторий не спас бизнес, а лишь отсрочил крах. По мнению экспертов, в третьем–четвертом кварталах можно ожидать пика отложенных банкротств.

Рынок потребительского и ипотечного кредитования приближается к кризису вследствие низкой платежеспособности широких слоев населения. По итогам 2021 года рост в потребительском кредитовании может достичь 20%. Схожие темпы и на рынке ипотеки: россияне продолжают набирать ипотечные кредиты, несмотря на падение реальных доходов и скачок цен на жилье. За первые пять месяцев 2021 года общий объем выданных ипотечных кредитов вырос на 72,5% по сравнению с аналогичным периодом 2020 года. В условиях продолжающейся эпидемии, когда доходы заемщиков снижаются, а многие вообще теряют работу, банки столкнутся с массовыми неплатежами по кредитам.

2. Подавление активной части общества, разгром среднего класса и репрессии.

После массовых протестов 2011 года, ядром которых стал именно средний класс, возмущенный фальсификациями на выборах и требовавший участия во власти, руководство страны умышленно занялось ослаблением слоя самостоятельных и активных людей, превращая их в зависимых от государства бюджетников. Количество коммерческих организаций в России сократилось с 4,15 млн в 2015 году до 2,82 млн в 2020-м. Сокращение малого и среднего бизнеса означает и снижение доли независимых от власти граждан.

В целом после выборов следует ожидать ужесточения репрессивного характера политического режима в России. Продолжится нагнетание атмосферы ненависти, усилится пропаганда войны (это касается Украины и других соседних государств, ЕС и Запада в целом). Обострение противостояния с западным миром приведет к еще большей изоляции и «окукливанию» России.

3. Возникнут серьезные экономические проблемы в связи с реализацией международной программы по борьбе с климатическими изменениями.

Меры по ограничению парниковых выбросов, которые будут приняты мировым сообществом, предусматривают введение цены на углеродные выбросы: $75 за тонну ($45 — для ряда крупных развивающихся экономик, среди которых Китай, Россия, Бразилия и ЮАР) с постепенным повышением до $250 (и до $200 для развивающихся

экономик) к 2050 году. В странах-производителях сырья, включая Россию, это приведет к падению ВВП и снижению доходов до исторически низкого уровня. В связи с этим таким странам потребуются структурные реформы и новые источники доходов, хотя и они вряд ли позволят полностью компенсировать потери. Примечательно, что руководство России не делает ничего для того, чтобы подготовить страну к этой ситуации.

ЧТО НАДО ДЕЛАТЬ?

Политика Владимира Путина до и особенно после выборов 2021 года направлена на подавление свободы личности и прав человека, на укрепление государственно-монополистического капитализма, на полную изоляцию от внешнего мира. Результатом такой политики является падение уровня и качества жизни, деградация среднего класса и реальная угроза войны.

Как и миллионы избирателей нашей страны, мы, Российская объединенная демократическая партия «Яблоко», с такой политикой категорически не согласны. Все мы знаем, что ответственность за происходящее в стране несет и «Единая Россия», и КПРФ, и ЛДПР, и «Справедливая Россия». Эти партии по всем ключевым вопросам политики Путина всегда голосуют «за».

Если вы понимаете, что России нужны мир и свобода, жизнь без страха, уважение к человеку и честная власть, что главные приоритеты государства — это повышение уровня жизни граждан и создание современной экономики, голосуйте за «Яблоко»!

Покажите, что есть еще очень много людей, которые понимают, что происходит в нашей стране, и твердо желают изменить ситуацию. Эти выборы могут оказаться последним шансом высказать свою точку зрения.

Не ошибитесь: проголосуйте за себя, за своих близких, за мирное будущее России — за «Яблоко»!

«Как проголосуете, так и будете жить. Потом не жалуйтесь!»

15 сентября 2021 г., радио «Комсомольская правда»

«ДЕПУТАТ ГОСДУМЫ БУДЕТ ЖИТЬ, КАК ИЗБИРАТЕЛЬ»

Владимир Ворсобин — Перед выборами все партии выглядят одинаково. Агитируют за все хорошее, против всего плохого. Как бедному избирателю разобраться? Его каждый раз обманывают.

Григорий Явлинский — Мы ничего не украли и ни разу не обманули. Проверьте все, что мы говорили за эти 30 лет. Но я больше скажу. Мы приняли решение: кандидаты от «Яблока» в случае избрания будут получать зарплату на уровне средней по Москве.

Владимир Ворсобин — Что это значит?

Григорий Явлинский — Вы знаете, сколько сейчас зарплата депутата Государственной Думы? 470 тысяч. А средняя по Москве — от 105 до 120 тысяч.

Владимир Ворсобин — Сейчас хрустнули зубы у многих наших читателей…

Григорий Явлинский — Мы знаем, как плохо живут в регионах. Знаем, что там средняя зарплата 56 тысяч. Пенсии — 15 тысяч. И именно поэтому те, кто станет депутатом от нашей партии, три четверти своей зарплаты будут отправлять в детские дома. Жить депутат будет на сумму, которая нужна для проживания в Москве — на 22% от 470 тысяч. Это твердое наше обещание.

Владимир Ворсобин — У нас память, Григорий Алексеевич, хорошая, мы запомним.

Григорий Явлинский — Договорились, проверьте. Я десять лет был депутатом Госдумы и (никогда об этом не говорил) половину своей зарплаты отправлял в два детских дома больных ДЦП — в Москве и Нижнем Новгороде…

И кстати, наши депутаты заранее отказываются (они подписали договор) от персональных автомобилей, от поездок бизнес-классом в самолетах, от СВ, от ВИП-залов, от люксовых гостиниц.

Владимир Ворсобин — В плацкарте ваши депутаты поедут?

Григорий Явлинский — Не надо крайностей — есть купейные вагоны. В списках «Яблоко» молодые люди, они любят свою страну. И хотят показать: в России впервые появляются депутаты, которые будут жить, как их избиратели. Давайте посчитаем — если в Госдуме у «Яблока» будет 20 депутатов, то 85 миллионов рублей в год будут отправляться в детские дома, благотворительные организации. Если 30 — то 128 миллионов. 20 яблочников сэкономят на личном транспорте 40 миллионов в год. На билетах — 70 миллионов.

Владимир Ворсобин — Но почему даже в вашей программе нет ничего об ответственности за невыполнение обещаний?

Григорий Явлинский — Если человек обманет, его никогда в жизни больше не выберут. Он будет исключен из партии и из фракции «Яблоко».

И если будет принят закон об императивном мандате, он лишится депутатского звания.

«НЕУЖЕЛИ ВЫ ОПЯТЬ ПРОГОЛОСУЕТЕ ЗА ЭТУ ЖИЗНЬ?!»

Владимир Ворсобин — Что делать с нищенскими зарплатами в глубинке? Все партии обещают, что при их победе все будет хорошо…

Григорий Явлинский — Нет, я так не скажу. Я скажу по-другому. Обращаюсь к избирателям: неужели вы опять будете голосовать за существующий порядок вещей? Неужели потому, что вам раздали по 10 тысяч? Вам так нравится жить? А я предлагаю — нужны новые

лица. У нас в списке молодые политики до 40 лет. Это ваши дети, поверьте им, они будут для вас работать. Причем в ситуации тяжелой, даже отчаянной. Десять лет экономика в стагнации. Максимальная инфляция за последние пять лет, мощный рост цен. Три четверти семей живут в бедности. Полмиллиона бизнесов исчезло только в 2020 году! И знаете, что будет сразу после выборов? Правительство хочет запустить целый ряд проектов на 400 миллиардов рублей. А денег нет. Значит, готовьтесь, уважаемые, к повышению налогов.

Владимир Ворсобин — Диагноз все знают, интересно лечение.

Григорий Явлинский — Лечение в неприкосновенности частной собственности, прекращении присвоения бюрократическим государством всего на свете. В отказе от системы государственно-монополистического капитализма.

У нас уже почти 80% — доля государственной собственности в экономике. Логика вора-чиновника проста — это государственная собственность, а значит, ничья. Убытки государственные, а доходы частные.

Владимир Ворсобин — Так что делать?

Григорий Явлинский — Срочно нужна другая экономическая политика. Почти всем не нравится, что происходит, но вот что удивительно — избиратели снова выберут тех же самых! Я когда-то читал лекции в Бразилии и участвовал в дискуссии — в какой стране образование лучше. И один из бразильских коллег сказал: «Вы просто не понимаете, как плохо у нас с образованием. У нас 65% женщин в возрасте от 16 до 25 лет не понимают связи между «карнавалом» и рождением ребенка». Боюсь, что наши избиратели часто не понимают связи между тем, как они голосуют и как они живут.

Владимир Ворсобин — Но ваши оппоненты собираются строить новые города в Сибири. Предлагают избирателям экономический рай.

Григорий Явлинский — Это один в один повторяет правление коммунистов, которые закончили развалом страны. Посмотрите программу коммунистов. Там написано — национализация всего, создание Госплана. Плюс эти безумные стройки «пятилетки» от «Единой России»… Будет нищета…

Владимир Ворсобин — То есть власть копирует коммунистическую идеологию?

Григорий Явлинский — Абсолютно верно. У людей 35 тысяч в месяц средний доход, а власти собираются строить новые города. Они ориентируются на коммунистов с национализацией, Госпланом. Хотя все это привело к пустым полкам в магазинах. Не из-за интриг рухнул СССР, из-за пустых полок страна развалилась!

Владимир Ворсобин — Петр Первый тоже строил города. Санкт-Петербург заложил…

Григорий Явлинский — Да, точно! Но до тех пор пока наше руководство будет жить с повернутой назад головой, до тех пор пока мозги будут работать в режиме XVI–XVIII веков, до тех пор пока приоритетом будут не люди, а какие-то новые территории или надуманные стройки, ничего хорошего в нашей стране не будет. Но тут еще одна тяжелая проблема — активная кампания КПРФ против вакцинации. Это же подлость! У нас прирост смертности за последний год самый большой в мире. Такого не было с 1947 года. Со стороны КПРФ это не просто вранье о происках и интригах — это дремучесть. Понимаю, что это рассчитано на избирателей с низким уровнем образования. Но надо же иметь совесть — ведь людям же это приносит ужасный вред!

«ОКАЖЕТЕСЬ НА НАРАХ, ИЗВИНИТЕ ЗА ПРЯМОТУ»

Владимир Ворсобин — Но даже либеральные избиратели, похоже, готовы голосовать хоть за черта лысого, хоть за Зюганова…

Григорий Явлинский — И будете на нарах, извините за прямоту. Потому что коммунисты к власти никогда не придут. Но власти услышат сигнал: Ворсобину нравится сталинизм…

Владимир Ворсобин — Но если считать их не коммунистами, а социал-демократами…

Григорий Явлинский — Как голосуем, так и живем. Запомните эту фразу. Коммунисты ни от чего не отказались. Ничего не пересмотрели. В их прошлом слишком много трагедий, вперед с этим невозможно идти.

Владимир Ворсобин — Но стоит ли идти на выборы, если нет веры, что результаты не сфальсифицируют?

Григорий Явлинский — Надо идти и голосовать. Объясняю почему. Лидеры, которые руководят страной, могут быть хорошими и плохими, честными и лживыми, но они не глупые. В нашей стране не бывает лидеров-дураков. И они внимательно следят за голосованием. Они, конечно, могут изменить результаты. Но они точно узнают правду — как на самом деле проголосовал народ. И если они будут знать, что 10 миллионов людей проголосовали против войны — войны не будет. Если 10 миллионов людей проголосуют за другую экономическую политику — они внесут изменения в свою. Это не столько выборы, сколько референдум. Вот вам четыре партии — ЕР, КПРФ, СР, ЛДПР, которые все оставят как есть, и вот «Яблоко», которое предлагает перемены. Выбирайте сами. Потом не жалуйтесь.

«Сталинисты и не сталинисты, больше ничего на этих выборах нет»

15 сентября 2021 г., радио «Свобода»

Михаил Соколов — У нас в студии сегодня гость — Григорий Явлинский, председатель политкомитета партии «Яблоко», известный российский экономист. Мы начнем, наверное, с избирательной кампании, с таких маленьких сенсаций для общественности, которыми нас кормят постоянно. Я вижу сегодня в сетях шуму много, обсуждают не миллиардное состояние второго номера «Единой России» Сергея Лаврова и его второй семьи, а публикацию о вас в издании «Инсайдер». Вы правда дом купили где-то в районе Одинцовао, дают они верную информацию?

Григорий Явлинский — Абсолютно.

Михаил Соколов — Хороший дом?

Григорий Явлинский — Там еще много очень работы. Это первый дом в моей жизни, я его хочу сделать хорошо.

Михаил Соколов — Они пишут, что вы зарабатываете экономическими консультациями в крупной юридической фирме «Инфралекс». Это соответствует действительности?

Григорий Явлинский — Да. А вас очень интересует, что у меня в карманах.

Михаил Соколов — Меня лично не интересует.

Григорий Явлинский — Зачем спрашиваете?

Михаил Соколов — Люди спрашивают, люди хотят знать.

Григорий Явлинский — Люди интересуются, что в карманах — это со времен Шарикова у нас. И вы теперь туда же. Я после передачи вам выверну карманы наизнанку и покажу все, что там, вам будет интересно. Это вас интересует, я вас поздравляю. А вообще все правда, все так и есть.

Знаете, сколько лет у меня стаж трудовой?

Михаил Соколов — Лет 50 есть.

Григорий Явлинский — Точно — 51 год. И это моя первая покупка, и я очень рад, что она состоялась.

Михаил Соколов — Но они-то намекают, что вы не по средствам живете, с какими-то фирмами имеете дело, которые власть обслуживают, вот такая как бы коррупция.

Григорий Явлинский — У нас все власть обслуживают. Вы знаете такие фирмы, которые у нас власть не обслуживают? Вы, например, тоже власть обслуживаете.

Михаил Соколов — Я налоги плачу — это правда.

Григорий Явлинский — В том-то и дело. Платите налоги за войну с Украиной, за войну с Сирией.

Михаил Соколов — Скоро мне стыдно будет.

Григорий Явлинский — Вот именно, вам уже давно должно быть стыдно, а вы еще такие вопросы задаете.

Михаил Соколов — Я задаю вопросы, которые просит народ.

Григорий Явлинский — Задавайте. Такой у вас народ, у меня другой.

Михаил Соколов — Жалко, что вы так уходите от ответа.

Григорий Явлинский — Задайте вопрос. Вы же не можете вопрос задать.

Михаил Соколов — Например, есть такое мнение, что вы специально не участвуете теперь в выборах, чтобы не светить этот дом и доходы в декларации.

Григорий Явлинский — Это глупости. Доходы эти были еще до того, как я участвовал в президентских выборах, а дом был куплен

в прошлом году. Не участвовать в этих выборах — это принципиальное решение.

Михаил Соколов — Почему принципиальное решение?

Григорий Явлинский — На самом деле осталось три дня, если бы вы были так любезны пригласить меня после выборов, я бы вам рассказал. Мне лучше об этом рассказать после выборов. Сколько можно? Зюганов, Жириновский, Путин 20–30 лет, надо новых людей, надо других людей. Для этого партия существует. У нас четыре председателя сменились за все это время, больше нигде такого не произошло, ни в одной структуре. Мы считаем это чрезвычайно важным. У нас средний возраст наших кандидатов около 40 лет, я считаю это абсолютно правильным. Я вчера встречался с людьми на улице, позавчера и сегодня вечером пойду на встречу, люди хлопают, как только им это скажешь. Потому что когда стоит молодой человек, у него нет биографии той, которая людей раздражает, у него нет долгов политических и человеческих.

Михаил Соколов — И опыта нет.

Григорий Явлинский — Я буду их помощником. Я в вашей передаче вам обещаю: если наша молодежь пройдет, я буду у них работать помощником, нам это, как говорится, не западло. Мы все, и я, и Иваненко, и Арбатов, академик, кстати, мы будем их помощниками, мы будем им помогать. Постсоветская эпоха проиграна, нужно новое поколение. Неужели это непонятно? А вы все деньги в карманах считаете чужих.

Михаил Соколов — Знаете, деньги считаю не я, деньги считают люди, которые читают подобные публикации.

Публикация на что направлена, чтобы вас срезать немножечко, внести раздор в ваши ряды?

Григорий Явлинский — Почему она сделана на последней неделе выборов? Поэтому так и сделана.

Михаил Соколов — И кто заказчик?

Григорий Явлинский — Не знаю. Не хочу об этом думать, мне все равно.

Михаил Соколов — А сколько у вас кандидатов снесли? Вы говорите, будете поддерживать молодежь.

Григорий Явлинский — Около 15 человек, насколько я знаю.

Михаил Соколов — Шлосберга сняли.

Григорий Явлинский — У нас в Татарстане сняли. У нас в других местах стали снимать. У нас общее количество снятых, я думаю, по политическим причинам — человек 11, в целом человек 15. Но я, кстати, должен сказать вам, что мы выдвинули список уникальный в том смысле, что кандидаты наши, которые имеют шансы на прохождение в Госдуму, а их немало, они подписали общественный договор о том, что они будут получать в Думе зарплату на уровне средней по Москве, а остальные 360 тысяч они будут отсылать в благотворительные организации, больным детям, в детские дома. Я думаю, это очень хорошая идея, что в нынешней ситуации депутаты должны жить так, как живут их избиратели.

Вы скажете мне, что это популизм, я соглашусь, но это добрый популизм. Это гораздо лучше, чем считать чужие деньги, это гораздо честнее. Свои отдавай, чего чужие считаешь. Я думаю, что это очень хороший жест с их стороны. Кроме того, они будут отказываться от всех льгот и привилегий в Государственной Думе. Это все будет прозрачно, все избиратели будут об этом знать и видеть.

Михаил Соколов — Я думал, что вы скажете, что у вас есть кандидат, который сидит в тюрьме, Андрей Пивоваров.

Григорий Явлинский — У нас есть и такой кандидат. Из-за этого нас назвали «иностранным агентом». В списке «Яблоко» номер 7, и мы там будем «иностранным агентом», единственная партия.

Михаил Соколов — Раз вы «иностранный агент», давайте об иностранных делах немножко и российских. Про пандемию. Люди не хотят в России прививаться, в Европе и Америке прививаются. Положение там стало лучше, в России, похоже, лучше не стало. В России застой, там некоторый экономический подъем. Что будет дальше в связи с пандемией, в связи со всей этой историей?

Григорий Явлинский — Это же только проявление глубинных тенденций. Я вам могу как «иностранный агент» «иностранному агенту» сказать, что это проявление того, что люди в России тотально не доверяют власти. Я, например, считаю, что в России создали одну из лучших вакцин в мире. Вакцина «Спутник», на мой взгляд, я сам прививался

ею уже дважды, могу от всей души поблагодарить тех, кто ее создал. Я очень уважаю этих людей, считаю, что, как и во многих других случаях, перед нами показатель того, какие люди есть в России, вот такую вакцину сделали. А люди не верят государству, потому что государство почти все время лжет. Оно лжет по всем вопросам и занимается пропагандой. Поэтому люди не верят и не хотят вакцинироваться.

Да, во всем мире есть группы людей, которые против вакцинирования, но в России они самые значительные. Если в мире 60–70% вакцинированных людей уже, то в России порядка 20–30%, если верить официальным данным, которым верить невозможно. Это первое обстоятельство. Второе обстоятельство очень важное: в России сейчас прирост смертности в последний год самый высокий в мире, такой в России был только в 1847 году, когда был голод, прекратился «ленд-лиз», только что закончилась война, это сочетание привело к тому, что смертность была на высочайшем уровне, точно так же, как и сейчас прирост смертности. Это означает следующее: что встретившись с серьезным противником, с таким противником, которого нельзя подкупить, напугать, обмануть, ему нельзя солгать, с ним нельзя за стеной договориться, с таким противником власть оказалась не способна справляться. Система здравоохранения, если говорить откровенно, потерпела поражение, поэтому у нас самая высокая или почти самая высокая смертность от сердечно-сосудистых заболеваний и от других заболеваний. Когда система стала заниматься только ковидом, она полностью оказалась беспомощной по отношению ко всем другим заболеваниям.

Михаил Соколов — Вы сетовали, что мало дали гражданам денег в связи с пандемией, как и многие экономисты об этом писали. Сейчас власть стала давать эти деньги пенсионерам, родителям школьников, кому 10, кому 15, военным. Это плохо или хорошо?

Григорий Явлинский — Если бы я вас не знал столько лет, я бы просто решил, что не повезло мне, я просто разговариваю с каким-то глупым человеком. Но поскольку я вас хорошо знаю, я понимаю, что кроме ехидства в вашем вопросе больше ничего нет. Поэтому я отвечаю не столько вам, сколько нашим зрителям — это подкуп избирателей.

Раздача по 10 тысяч никакого экономического значения не имеет вообще. Даже по 15 тысяч, когда раздают полицейским, тоже не имеет никакого политического значения. Некоторые политики, помните, разбрасывали деньги, привозили какие-то старые вещи, говорили, что каждой женщине нужно по мужику, а мужику по бутылке водки — это из этой области, ничего другого в этом нет. Это даже невозможно комментировать. При чем здесь экономика, при чем здесь другие страны, при чем здесь то, что они выдавали? Это вообще все разные темы совершенно.

Михаил Соколов — С одной стороны, людям подкидывают немножко денег, с другой стороны, обещают всякие мегапроекты, какие-то железные дороги построить по Северам.

Григорий Явлинский — Это уже замечательный вопрос. Вот он — Михаил Соколов.

Михаил Соколов — Будем строить железные дороги?

Григорий Явлинский — Это будет стоить минимум, даже начало этих строек, будет стоить около 400 миллиардов рублей. Это значит, что сразу после выборов ждите повышения налогов — это я вам могу просто гарантировать.

Михаил Соколов — У них же в Фонде национального благосостояния денег много.

Григорий Явлинский — Это на войну. Пришли из МВФ деньги, 18 миллиардов долларов, что они сделали с ними? Сказал Силуанов: это все в резервы. Ни копейки людям не дают, ничего не отправляют ни на бизнес, ни на поддержку населения, все в резервы. Зачем это все в резервы? Вот эти все золотовалютные резервы, которые у нас существуют, манипуляции с ними, выход из доллара с большими потерями, попытки уйти в юань — это все в их воспаленной голове мероприятия по подготовке к крупному вооруженному серьезному конфликту.

Михаил Соколов — А с кем воевать — с Украиной?

Григорий Явлинский — Это теперь новая тема. Во-первых, о войне с Украиной Путин написал 15 июля, он прямо в своей статье об этом написал. Если бы эта статья была написана 40 лет назад — это просто объявление войны. Поэтому он сделал Шойгу главой списка «Единой России».

Михаил Соколов — Но не Медведева же ставить было.

Григорий Явлинский — Министр нападения — это Лавров, стал вторым. Сталинист Лавров, как вы знаете. Теперь ситуация стала еще более серьезной, чем была в середине июля.

Дело в том, что в связи с тем, что американцы таким феерическим образом ушли из Афганистана, я думаю, что они теперь десяток лет не будут вмешиваться ни в какие международные дела. Они потерпели очень неприятное поражение в Ираке, в результате чего появился ИГИЛ, им пришлось вернуться и заниматься ИГИЛом.

Михаил Соколов — Разгромили ИГИЛ.

Григорий Явлинский — Нет, не совсем. ИГИЛ взрывал сейчас в кабульском аэропорту, как вы знаете. Громить комаров — это вообще-то мероприятие довольно бессмысленное. Я думаю, что все диктаторы, все авторитаристы такого масштаба, все международные крупные негодяи и авантюристы теперь получат некоторый период времени, когда они смогут вытворять, что им охота, потому что Америка вмешиваться не будет. Европа и НАТО без Америки ни на что не способны. Поэтому теперь всем надо будет надеяться на себя.

В этом смысле угрозы, которые стоят перед Украиной, очень серьезные. И в этом хоть какой-то есть смысл этих выборов. Потому что если бы миллионы людей все же заявили бы на этих выборах, что они против войны и против такого развития событий, это могло бы иметь сдерживающее значение. Посмотрим, что будет. В этом самый главный итог Афганистана, там их несколько, их три, один я вам назвал, то, что американцы, я думаю, будут долго, 5 или 10 лет заниматься только своими делами.

Михаил Соколов — Вы мрачную статью об этом написали.

Григорий Явлинский — Дело не в мрачной статье, дело в сути. Второй смысл — опасность. Вместо совершенно бессмысленной войны в Сирии, я бы сказал, преступной войны в Сирии надо было заниматься своими южными рубежами.

Михаил Соколов — Вы имеете в виду России и Путину?

Григорий Явлинский — России и Путину в Центральной Азии заниматься.

Михаил Соколов — Вот будут заниматься, учения проводят все время.

Григорий Явлинский — Теперь это уже другая история. Надо было не выпирать американцев всеми силами оттуда, а заниматься собственными рубежами там. Потому что ОДКБ — это миф. От одного-двух учений ничего не изменится. Это вторая угроза. Будут ли двигаться талибы на север или не будут, не знаю, но вполне вероятно, что да. Самое главное, что население среднеазиатских регионов под влиянием того, что происходит в Афганистане, будет очень серьезно реагировать на происходящие изменения. Чем закончатся эти турбулентности, сказать сейчас очень сложно. Не хочу делать эсхатологических сценариев, но думаю, что это очень серьезная история.

А третье последствие, даже Лавров об этом говорил, что так называемые боевики из Сирии, то есть ИГИЛ, они, как он выразился, и правильно выразился, перетекли в Афганистан. И они мстить будут России столько, сколько смогут. Как сказал другой лидер «Единой России» господин Шойгу, мы там испытали 300 видов вооружений. Испытание 300 видов вооружений в чужой гражданской войне на женщинах, детях и стариках, мы же не вели наземных операций, мы же делали все это с воздуха — это значит, что это касалось всего населения. А когда гражданская война, как определишь, кто боевики, кто не боевики, кто прав, кто не прав, кто использовал химическое оружие, кто не использовал, понять наблюдателям никак невозможно. Эта угроза тоже очень серьезная.

Михаил Соколов — А вы не думаете, что угроза — это сама внешняя политика Кремля? Поскольку появляются российские товарищи в форме, всякие «ихтамнеты» в самых неожиданных местах. Недавно в Мали какой-то скандал, правительство хочет их нанять, а французы говорят: тогда мы отсюда поедем, с ними имейте дело. Ливия и прочие экзотические точки, Мозамбик. Какое дело России сегодняшней до Мозамбика и страны Мали, например?

Григорий Явлинский — Поэтому эти выборы настолько серьезны. Мы единственная партия, которая категорически не поддерживает внешнюю политику Владимира Путина, в том числе все, что вы говорите. Этих примеров полно совсем разных.

Михаил Соколов — Зачем им это?

Григорий Явлинский — Путин выйдет из изоляции, будете брать у него интервью, у него спросите — зачем? Если вы спрашиваете меня со стороны, то со стороны я вам скажу: потому что идеологическая концепция восстановления чего-то, похожего на СССР. Это то, чем занимался СССР бесконечно.

Михаил Соколов — Он помогал режимам социалистической ориентации. А сейчас каким режимам помогает Кремль?

Григорий Явлинский — Не знаю.

Михаил Соколов — Понять же невозможно, каким-то диктатурам.

Григорий Явлинский — Я просто считаю, что не является даже внешней политикой, это другими словами называется. Но я не имею прямого с этим соприкосновения, не могу комментировать то, что совершенно неизвестно. Участие по всему миру таким образом с этими так называемыми частными военными компаниями, которые незаконны в России, — это отдельный разговор. Потому что они когда-нибудь вернутся и будут действовать в России.

Михаил Соколов — Кстати, о настроениях в России, может быть, они меняются в лучшую сторону? Есть свежие опросы «иноагента» «Левада-центра»: две трети россиян хотели бы видеть страну с высоким уровнем жизни, пусть и не одной из самых сильных стран мира, а державой, которой боятся, — там гораздо меньше. То есть есть определенный тренд. Вас это может порадовать, наверное, люди вдруг начали приходить в себя?

Григорий Явлинский — Это же не о том — это же о падении уровня жизни. Я должен сообщить вам, что 10 лет уже снижается уровень жизни, с 2013 года снижается уровень жизни систематически каждый год. А в последние годы начался довольно существенный рост цен. Эти комбинация привела людей к тому, что люди уже ни о чем больше не думают, а думают только о своем благосостоянии. Это не говорит о том, что великодержавных амбиций стало меньше, это говорит о том, что сильно падает уровень жизни, быстро.

Кстати говоря, вы же помните и знаете, что то, что произошло в 1990–91 году с Советским Союзом, было в решающей степени связано не только со свободой слова, но еще и с пустыми полками

магазинов. Были пустые полки в магазинах, и все люди были на улице. Сейчас падает уровень жизни, сейчас все тоже захотят чего-то другого. Надо успеть провести выборы.

Михаил Соколов — Это они успеют. Дальше в этом опросе: половина россиян считают предпочтительной советскую политическую систему и почти две трети плановую экономику. Почему люди, которых опрашивают, хотят другой жизни, той, что экономист ваших взглядов будет считать катастрофой и политик ваших взглядов?

Григорий Явлинский — Это действительно так. Это примыкает к двум темам. Во-первых, должен сказать, что, на мой взгляд, власть — это отражение активной части общества. Иногда ее называют тусовкой, еще какими-то словами, не хочу их употреблять, иногда называют интеллигенцией — это прямое отражение, это слепок активной части общества.

Когда активная часть общества в восторге собирается голосовать за КПРФ, то не надо удивляться, в программе которой записано создание Госплана, национализация отраслей промышленности и торговли, и они за это собираются голосовать, многие ваши знакомые, друзья, а что вы хотите? Люди это видят, слышат, они тянутся в эту сторону. Но только потом пускай все, и те, и другие, не жалуются, когда окажутся на нарах. Вообще говоря, суть этих выборов такова: сталинисты и не сталинисты, больше ничего нет на этих выборах.

Михаил Соколов — Это вы так упрощаете, черное и белое.

Григорий Явлинский — Это я так упрощаю, чтобы вам понятно было, иначе это все треп ни о чем. Вы же меня спросите: что будет после выборов? Если победят сталинисты, то и будет сталинский модерн со всеми этими «иностранными агентами», «нежелательными организациями». Конституцию для этого уже поменяли, все уже для этого готово, статья написана, референдум по статье — это эти выборы. У нас сегодня политических заключенных, как вы знаете, сидит больше, чем в советское время при Брежневе. Я говорю про сталинский модерн. Вот собираются устанавливать ему памятники, сегодня у нас появляются большевики такого рода. Пусть запомнят нашу сегодняшнюю передачу. Шуточки кончились, они кончились еще год назад, когда поменяли Конституцию, просто это мало кто понял.

Михаил Соколов — Вы на этот референдум призывали не ходить, или плебисцит, как его правильно назвать, ваша партия, и Навальный уклонился, и вы уклонились.

Григорий Явлинский — Мы не уклонились, мы считали и считаем. Это вы послушно участвуете, что вам скажут, туда вы и идете.

Михаил Соколов — Зря вы так наезжаете.

Григорий Явлинский — Мы не уклонились, мы сказали, что в этом стыдно, и позорно, и преступно участвовать, как бы вы ни голосовали, хоть за, хоть против.

Михаил Соколов — Вы обидели тех, кто был против.

Григорий Явлинский — Одним голосованием вы голосуете за или против 257 поправок — это же абсурдная вещь. Но она специально так придумана, чтобы всех участников этого мероприятия унизить и поставить на колени. Мы это объясняли, но не все это поняли. Я свой народ люблю и уважаю, это его право — понял, не понял.

Михаил Соколов — На ваш взгляд, зачем власти сейчас к выборам стали резко усиливать репрессии? Например, за четыре месяца 26 организаций и физических лиц внесли в реестр СМИ-«иноагентов», вообще сажали, судили 6 тысяч человек по Москве, оштрафовано и осуждено было за всякие выступления, протесты. Может быть, вы ошиблись, может быть, надо было как раз в январе и апреле людям больше выходить на акции протеста, тогда бы власть не посмела с ними так обращаться сейчас? Вышел бы миллион, и другая была бы жизнь перед выборами.

Григорий Явлинский — Я не знаю, у вас всякие фантазии, «Гарри Поттера» будете рассказывать кому-нибудь другому. То, что произошло, то и произошло, иначе произойти не могло. И теперь все, кто агитировал за это, несут ответственность за выходы на улицы, которые хлопали в ладоши, радовались, называли всех героями. Сейчас важно, чтобы они не забыли, что 116 уголовных дел, за них надо теперь людям этим помогать. Я, например, помогаю, хотя не хлопал в ладоши, а наоборот, говорил: вы что, с ума сошли? За разгром оппозиции, полный разгром, кто несет ответственность?

Михаил Соколов — Несет ответственность власть, которая громила оппозицию.

Григорий Явлинский — Ах, власть несет ответственность? Вы думали, что она перед вами на колени встанет, что она будет ласковой, скажет «извините»? уметь надо бороться.

Михаил Соколов — А как надо было бороться?

Григорий Явлинский — Уже теперь поздно говорить, как надо бороться.

Михаил Соколов — Хорошо, говорите, как надо сейчас. Власть ушла на самоизоляцию, можно воспользоваться.

Григорий Явлинский — Воспользуйтесь.

Вы радуйтесь, что вы программу покажете — вот вам о чем надо думать. А всякие такие вещи, между прочим, составление списков, за кого надо голосовать, знаете, что это такое? Это донос, кого надо не пускать.

Михаил Соколов — Собянин выставил список, за кого голосовать или за кого не надо голосовать, многие это воспримут так.

Григорий Явлинский — Вы шутите, потом будете переживать, что зря я так шутил. Не о чем сейчас шутить, сейчас не до шуток. Я вам серьезно говорю: уже осенью, вы меня спросили, для чего столько репрессий, для того, чтобы такие, как вы, поняли, что будет потом.

Чтобы когда вы голосовали, вы знали: если вы голосуете за КПРФ — вы голосуете за эти репрессии. Если вы голосуете за «Справедливую Россию», вы голосуете за эти репрессии. Если вы голосуете за ЛДПР, конечно, если вы голосуете за ЕР, то тоже вы за это голосуете. И за «Новых людей», кстати. Все эти партии голосовали за все эти законы, вы это прекрасно знаете. Вам власть все показывает, как на ладошке, пишет статьи, показывает все репрессии, ничего не скрывает, говорит, что с вами будет. Что же вы такие несообразительные?

Власть — это слепок ваших представлений о жизни, они, к сожалению, такие. Почему власть так себя ведет? Потому, что она вам не родственник, потому что это жесткое дело, и оно всегда будет жестким. Когда вдруг начинают оппозиционеры заявлять: ой, а мы не думали, что так будет жестоко. Да думайте, что так будет жестоко, она убивает в ста метрах от Кремля в спину своего оппонента, отравляет всех, кого может, и журналистов, как Щекочихина, например.

Михаил Соколов — Навального тоже отравили, а люди поверить в это не могут.

Григорий Явлинский — Потому что ни одна партия, кроме «Яблока», не требует расследования его отравления, и ни одна радиостанция.

Михаил Соколов — Это не дело радиостанции требовать.

Григорий Явлинский — Скоро у вас никакого дела не будет.

Михаил Соколов — Спасибо. Хороший прогноз, будем отдыхать.

Я прочитаю несколько фраз: «Россия прямо сейчас готова стать богатым, успешным государством, идущим по европейскому пути развития. Основой политического устройства должна стать парламентская демократия, честные выборы, независимость судов, полная свобода СМИ. Только три фактора эти могут победить коррупцию, а не расследования и публичные судебные процессы, хотя они тоже нужны. Главной целью новой власти должен стать рост доходов населения. Русские слишком бедны — это нищие граждане богатой страны». У вас есть возражения против подобных тезисов?

Григорий Явлинский — Да, конечно, я же знаю, кто это говорит.

Михаил Соколов — Кто это говорит?

Григорий Явлинский — «Новые люди».

Михаил Соколов — Нет, вы ошиблись. Это интервью Алексея Навального «Нью-Йорк таймс».

Григорий Явлинский — Там 54 страницы.

Михаил Соколов — Вы не осилили?

Григорий Явлинский — Я не осилил. Это только вы могли осилить. Это говорят «Новые люди».

Михаил Соколов — Но это неправильные тезисы?

Григорий Явлинский — Правильные. И что?

Михаил Соколов — Люди многие до сих пор не могут понять, как «Яблоко» оказалось оппонентом Алексея Навального, хотя объективно вы могли бы быть союзниками хотя бы на такой платформе?

Григорий Явлинский — Придет время, все всё поймут. Например, я могу сказать, что вас интересуют какие-нибудь другие вещи, я вам сообщаю, например, есть «умное голосование». Слыхали такое?

Михаил Соколов — Да, сегодня публикуются списки «умного голосования». Я, кстати, поздравляю, 10 «яблочников» попали в этот список, вас поддерживают.

Григорий Явлинский — 95% «умного голосования» — это голосование за людей, из которых ни один не скажет, что он против политики Путина. Вот это, а не это словоблудие, и есть политика Навального, мы ее не поддерживаем.

Запомните и поймите: эта цифра, а не всякие ваши выдумки, которые написаны, скорее всего, журналистами «Нью-Йорк таймс», потому что там 54 страницы. Они даже сделали пометочку, что мы их переписали, изложили так, чтобы понятно было.

«Умное голосование» — это 95,5% за партии, в которых ни один человек, и никто из этого списка «умного голосования» не скажет, что он против политики Путина. Следовательно, «умное голосование» в исполнении Навального, а в этом его политика — это политика поддержки товарища Путина.

Михаил Соколов — Или ошибка, политическая ошибка.

Григорий Явлинский — По факту это поддержка. Вот эту политику мы не поддерживаем, объясните это людям.

Михаил Соколов — Представьте, 10 ваших кандидатов проходит с помощью «умного голосования»…

Григорий Явлинский — Что касается наших кандидатов, то это донос.

Михаил Соколов — Вишневский, Митрохин…

Григорий Явлинский — Я знаю все фамилии. Всех, скорее всего, наших кандидатов власти теперь провалят в трехдневном голосовании именно потому, что их указали в «умном голосовании».

Михаил Соколов — А так бы их пропустили?

Григорий Явлинский — Я не знаю.

Михаил Соколов — Шлосберга сняли до всякого голосования. Вы же сказали, что власть жестока, она жестоко с вами борется.

Григорий Явлинский — Не надо, товарищ журналист, писать доносы.

Михаил Соколов — Я пишу доносы?

Григорий Явлинский — Вы занимаетесь пропагандой доносов.

Михаил Соколов — Я вас спрашиваю про «умное голосование».

Григорий Явлинский — В данных условиях в этой ситуации это является доносом.

Михаил Соколов — То есть если кандидат от «Яблока» не попал в список «умного голосования», он пройдет, если сильный кандидат?

Григорий Явлинский — Не знаю.

Михаил Соколов — А если он теперь в списке, его обязательно провалят?

Григорий Явлинский — Скорее всего.

Михаил Соколов — Очень сомневаюсь. Все ваши кандидаты видны как на ладони.

Григорий Явлинский — Я вам и говорил о том, что вы сторонник нынешней власти, поэтому вы сомневаетесь. А если бы вы ее видели не через розовые очки, вы бы видели, что в наших условиях, не вообще всегда, а в этих условиях такая штука со стороны людей, которые представляют Навального, — это донос на этих людей, чьи результаты надо фальсифицировать.

Михаил Соколов — Там еще 137 коммунистов, их тоже всех будут проваливать?

Григорий Явлинский — Столько коммунистов, что заменят этих на других, ничего не будет.

Михаил Соколов — Там есть еще «зеленые», самовыдвиженцы. То есть всех зачистят?

Григорий Явлинский — Они вам позвонят, вы уточните, они справятся.

Михаил Соколов — Если действительно они пройдут — это разве плохо?

Григорий Явлинский — Только давайте не будем обсуждать всякие фантазии. Это драматическая серьезная вещь, это совсем не шуточки. Никакие улыбочки тут неуместны, потому что люди будут платить кровью потом за всю эту историю. Вы сами объясняете нашим зрителям, какие предпосылки этих выборов, куда привела власть и что еще будет. Она будет, заявляю вам, еще жестче.

Если вы не ожидаете этого, так вот ожидайте, что все еще будет тверже и жестче, потому что такой тренд. Это тренд идеологический, он перестал был случайным, он стал идеологическим. Это сложная серьезная вещь, когда-нибудь вам объясню, если у нас еще будет возможность разговаривать после таких передач.

Михаил Соколов — Хорошо, если это диктатура, она становится все более диктаторской, она устойчива вообще? Если мы знаем рейтинги, например, «Единой России», у нее рейтинг 27%, его превратят в 45%, а потом скажут, что конституционное большинство…

Григорий Явлинский — В диктатурах управляет страх. Не имеют значения все эти ваши опросы, рейтинги.

Михаил Соколов — И настроения людей ни на что не влияют?

Григорий Явлинский — Долгое время в диктатуре имеет значение только страх. Когда страха не будет, тогда начнется что-то другое. Я жил в Советском Союзе, я это знаю, я это видел, видел, как это уходило год за годом. Уходил страх, появлялись свободные люди. Сейчас время, чтобы страха было много. Там был жесткий авторитаризм, а впереди у нас мягкая диктатура, сначала мягкая, потом будет не мягкая. Я же говорю об определенном всплеске. Если вы меня спрашиваете, что будет с Россией в масштабе 50 лет, — это просто другой разговор.

Михаил Соколов — Давайте хотя бы о пяти поговорим.

Григорий Явлинский — Я вас очень уважаю, давно знаю и люблю, хотел вам подарить свою книжку, я ее специально вам принес. Я вам ее потом подпишу.

Михаил Соколов — Спасибо. Книжки теперь мало кто читает. Надеюсь, в интернете есть версия?

Григорий Явлинский — Пока нет, но будет.

Михаил Соколов — Что в течение пяти лет? Будет эта диктатура, будет в России, условно говоря, цифровой концлагерь по типу Китая с точечными репрессиями против тех, кто высунулся?

Григорий Явлинский — Я сейчас ехал к вам на передачу, здесь рядом Цветной бульвар, как там столбы увешаны камерами, я такое видел первый раз, просто гроздья этих камер на столбах. Да, это вы правильно говорите, цифровые технологии для этой полудиктатуры на какое-то время будут использованы в полной мере, можете не сомневаться.

По методу ли Китая? До той степени, до которой мы в состоянии их повторить. Они действительно делают, как вы выразились, цифровой концлагерь. У них теперь каждый человек, например Михаил Соколов, там точно есть количество баллов, что вам можно делать.

Если вы плохо себя ведете, машина считает, что вы плохо себя ведете, количество баллов до ста вы не набрали, вам не продадут билет на электричку до Малаховки. Вы будете объяснять, рассказывать, что у вас там бабушка живет или мама, нет, все, плохо себя ведет.

Михаил Соколов — И к вам в гости не съездишь.

Григорий Явлинский — И ко мне в гости не доедете, пешком дойдете — это совсем близко, Одинцовский район здесь рядом, я там живу с 1974 года. Приходите.

Михаил Соколов — Если выпустят из концлагеря. Никаких способов это изменить нет, кроме голосования за одну хорошую партию?

Григорий Явлинский — Сегодня нет.

Михаил Соколов — Власть испугается, что партия «Яблоко» вдруг получит 14 мест в Государственной Думе, где доминировать будут люди, о которых вы сегодня уже много всего интересного сказали, сталинисты разных сортов?

Григорий Явлинский — Дело не в том, чего испугается власть, а дело в том, что если власть увидит, что десятки миллионов людей действительно не согласны с этой политикой, с тем, что есть сегодня, во всех ее проявлениях, то, что происходило с ковидом, то, что с ценами, то, что с уровнем жизни, — это всё, если она увидит, что есть десятки миллионов людей, которые понимают, что это, и не согласны с этим, это будет иметь значение. Это будет тормозить переход ко всему тому, о чем мы говорили, к современному в стиле постмодерна сталинизму, к современному большевизму.

Михаил Соколов — Если произойдет то, что вполне возможно: «Единая Россия» получит то, что ей нарисовали в разных прогнозах, а коммунисты сильно прибавят, я пока про вас не говорю, это что будет за сигнал для власти?

Она будет считать, что во внешней политике она должна идти тем же самым курсом, а в социальной политике, раз они против повышения пенсионного возраста, за большие раздачи, надо смягчить и давать больше денег народу?

Григорий Явлинский — Она будет считать, что во внешней политике надо идти тем же курсом, только еще круче. Во-вторых, она будет считать, что нужно проводить репрессии, только еще круче.

Расширять сферу «иностранных агентов», санкции за «иностранных агентов» делать еще круче, «нежелательные организации» расширять еще круче, уничтожать всякое инакомыслие, как всегда было при коммунистах, еще больше, что люди всего этого хотят. Они же все хотят, они же за это голосуют.

Михаил Соколов — Они протестуют таким образом.

Григорий Явлинский — Они протестуют и при этом выражают, чего они хотят. Один ваш знакомый написал, не буду говорить кто, сами найдете, что можно голосовать даже за педофилов. Один написал: можно голосовать за гомофобов, за расистов, за сталинистов. А его приятель пишет: за педофилов. Это еще круче, чем за мерзавцев. Это люди, относящиеся к сливкам современной интеллигенции. Поэтому когда все это получите, не удивляйтесь.

Михаил Соколов — А вдруг все будет хорошо? Власть успокоится, получит результат, близкий к тому, что она планирует, и расслабится. Вот одна вершина взята, можно жить до 2024 года спокойно, отменить обязательный техосмотр личного автотранспорта.

Григорий Явлинский — Вы в это верите?

Михаил Соколов — Про техосмотр?

Григорий Явлинский — У меня нет машины. У меня нет богатств, я хожу пешком. Даже техосмотр сделают после выборов, наоборот.

Я сидел в этой студии и говорил вам в 2018 году: выберете Путина, вам произведут такие пенсионные реформы, что мало не покажется.

Михаил Соколов — Еще произведут новые пенсионные реформы?

Григорий Явлинский — Выберете так, как есть, вам такой сделают техосмотр, что вы будете себя осматривать всю оставшуюся жизнь. Давайте не будем забалтывать серьезные вещи людям техосмотром, всякой белибердой. Серьезное дело, просто серьезное совсем для ваших детей, для всех.

Михаил Соколов — Пенсионная реформа тоже дело серьезное. Все, кроме «Единой России», выступают, чтобы ее отменить. Вы тоже думаете, что можно отменить?

Григорий Явлинский — Нет, я не верю. Я не представляю, как это экономически может выглядеть. Можно сделать другую пенсионную систему.

Михаил Соколов — Просто отменить тот закон, вернуть старый.

Григорий Явлинский — В это я не могу поверить.

Михаил Соколов — Поверить или можно сделать новую систему, другую?

Григорий Явлинский — Не могу в это поверить, поэтому думать об этом тоже не могу. Я не верю, что когда-нибудь Кремль пойдет на попятную. У него и так все хорошо. Он провел эту реформу, вот и все.

Все равно все бегут голосовать за Конституцию, все бегут сейчас голосовать на выборы за коммунистов, даже которые были против этой реформы, за ЛДПР, за националистов в виде «Справедливой России». Это выборы, в которых есть сталинисты, и люди, которые против современного сталинизма. Людей, которые против современного сталинизма, представляет «Яблоко», все остальные партии со своими списочными и другими всякими голосованиями выступают за современный сталинизм. Если непонятно, тогда посмотрите, как это будет.

Михаил Соколов — А хорошо ли вы донесли эту главную свою мысль до избирателя? Как вы сами оцениваете эту кампанию?

Григорий Явлинский — Мы сделали все, что смогли, по-честному, по всем направлениям. Наверное, никогда не бывает всего достаточно, но все, что мы могли, мы сделали, от начала до конца. Мы даже перетерпели все эти унижения со снятием Льва Шлосберга, со снятием других наших товарищей. Мы перетерпели унижение с цензурой, когда нам то ролики запрещают, то газеты запрещают, то еще что-нибудь, мы сделали все, что смогли.

Михаил Соколов — Люди пойдут на выборы, люди будут сейчас думать о том, что вы им пообещали ужас-ужас. Выход из ужаса-ужаса есть у России и ее населения?

Григорий Явлинский — Да, есть. Голосовать за «Яблоко», поменьше слушать кремлевских политологов и уметь отличать серьезную политическую аналитику от болтовни. Хотя бы это — это уже будет отличное дело.

«Это голосование за вас»

15 сентября 2021 г., стенограмма выступления на телемарафоне в поддержку партии «Яблоко»

15 сентября в Москве прошел телемарафон в поддержку «Яблока» на выборах в Госдуму. Участие в нем приняли известные российские деятели науки, культуры и искусства, журналисты и общественные деятели, среди них — Лев Шлосберг, Владимир Кара-Мурза, Алексей Арбатов, Лев Пономарев, Виктория Ивлева. С заключительным словом на форуме выступил председатель федерального политического комитета «Яблока» Григорий Явлинский:

Дорогие друзья, я очень признателен вам за то, что вы пришли. Я признателен моему давнему-давнему другу, иногда оппоненту, иногда очень близкому товарищу, Льву Шлосбергу, за идею организовать эту встречу. Только что говорил о смыслах. Друзья, а ведь смыслы очень простые. Ну совсем простые. «Яблоко» говорит… И это написано в «Российской газете», в программе «Яблока»: «Политика Путина ведет в тупик». Яблоко выступает за свободу, «Яблоко» против политических репрессий. «Яблоко» считает, что наклеивание ярлыков иностранных агентов, нежелательных организаций и все прочее такое — это совершенно неприемлемое, абсурдное безобразие.

«Яблоко» считает, что сегодня в России создана система, которую следует определить как систему государственно-монополистического капитализма. Это система монополий. «Яблоко» полагает, что сегодня в стране проводится не социальная политика, а антисоциальная

политика. «Яблоко» не согласно с разрушением Конституции, которое произошло примерно год назад.

У нас простая и ясная программа. Все это ведет нашу страну в тупик. Поэтому мы считаем нашим успехом то, что мы вышли на выборы. Это трудное дело. Мы многое потеряли в ходе этого. Мы потеряли наших кандидатов, в том числе таких важных и ярких, как Лев Шлосберг. Но мы продолжили этот путь. Мы всерьез обсуждали вопрос — а может, «Яблоку» надо прекратить все это, хлопнуть дверью и сказать: «Все, хватит!». Мы знали, что такая возможность существует, мы обсуждали ее. Но мы пришли к выводу, что так неправильно, что иногда нужно переступить через себя и через свое настроение, и продолжить свой путь.

И одним из инициаторов сегодняшней встречи (важным или даже первым) был Лев Шлосберг. Он сказал: «Неправильно хлопать дверью. Надо продолжать дорогу. Слишком высоки ставки». Так вот, я не знаю, будет ли это показано широкой аудитории, по телевидению. Но мне очень хочется, чтобы близкие мне люди услышали то, что я вам сейчас скажу. Мы действительно с вами на грани наступления очень серьезной реакции. Реакции в смысле репрессий, в смысле модернистской системы сталинизма.

Та система, куда мы вступаем и сейчас перешагнем эту дорогу… Это неслучайно, что нас здесь именно столько, сколько нас есть. Это ж надо сообразить, понять вовремя. То, чего не поняли многие в 1990-е, потом в начале 2000-х. Вот мы и сейчас говорим. Мы переступаем черту. Это современный сталинизм. Это сталинизм в стиле постмодерна. Это то, что здесь нас сейчас ожидает.

А есть ли у нас возможность затормозить? Есть. Это зависит от тех миллионов голосов, которые будут отданы сейчас за «Яблоко». Это не за нас голосование. И уж точно даже не за меня. И уж точно даже не за Льва Шлосберга. Это голосование за вас.

Я даже обращаюсь не к вам, тем, кто в этом зале. Я обращаюсь к тем, кто если меня увидит, это вы голосуете за себя. Вы даже не представляете, какую черту сейчас перешагивает страна. Ну как еще вам объяснить? Президент страны 15 июля опубликовал статью, в которой он сказал, что Украина не государство и территория

не их, и древляне там купались. Поэтому это все Россия и так далее. 40 лет назад это было бы прямое объявление войны. А потом он создал список, который возглавляет министр обороны. И вторым номером, как сказал Лев Шлосберг, идет министр нападения — сталинист Лавров. Это вопрос ко всем нам. Какое будет голосование, такая будет и политика.

Я хочу сказать вам. Поймите, какое будет голосование, такая будет и политика. Понятно, что будут фальсификации. Никто в этом не сомневается. Но в Кремле и Владимир Путин лично будут знать, какие результаты были на самом деле, как на самом деле люди проголосовали, сколько все же миллионов людей (представляете, миллионов людей) все-таки пришло на выборы и так или иначе проголосовало против войны с Украиной, против лжи, против коррупции, против беззакония, против отсутствия судебной независимой власти, против снятия кандидатов, против неправосудных судов.

Сколько миллионов проголосовало за расследование отравления Навального. Все это есть в нашей программе. Они будут знать. Поэтому это так важно. Не забудьте эту встречу. Не забудьте этот разговор. Если из этого ничего не получится, потом вспомните об этом, что было предложено, что были шансы. Но все же я думаю, что люди в России очень умные. Я правда так думаю. Иначе бы я не занимался политикой 40 с лишним лет. Я им верю. Я на них надеюсь. Я понимаю, что они живут во многом в условиях абсурда, в условиях обмана. Но они знают, что это их страна. Ну они знают, что это их будущее. И я в него верю.

Однажды меня спросили: «Вы оптимист?» Я сказал: «Да, я оптимист. Но без всяких на то оснований». Сегодня я хочу сказать вам. У нашей страны может быть прекрасное будущее. Сегодня я хочу сказать вам, что нам никто не обещал, что за 30 лет все случится после той катастрофы, которая случилась в 1917 году. У нас есть перспектива. У нас есть возможности. Они обязательно будут реализованы. Но сегодня вы должны проголосовать за себя.

Я абсолютно убежден, что на сегодняшний день ваши интересы, ваше будущее, интересы ваших детей и даже внуков представляет партия «Яблоко». Дело не в лицах, не в кандидатах, не в спорах. Сов-

сем не в этом. Сегодня развилка по существу. Развилка такая. Или мы идем к войне, или мы не идем к войне. Вот и все. Совсем просто.

Я все-таки уверен в том, что абсолютное большинство граждан России не хотят идти к войне. Они не хотят повторения убийства Немцова здесь, совсем рядом. Они не хотят отравления Кара-Мурзы, который здесь присутствует. Они не хотят смерти Щекочихина и Политковской. Давайте об этом скажем. У нас есть шанс сказать об этом. Вот и весь смысл выборов. Шанс сказать о том, что мы не желаем этого. Мы желаем жить по-другому. Вот и все. Мы любим нашу страну. Мы верим в нее, мы надеемся. Спасибо большое.

«Мы не откажемся от своей позиции»

20 сентября 2021 г., стенограмма выступления на брифинге по итогам выборов

20 сентября в офисе партии «Яблоко» состоялся брифинг для прессы, на котором лидеры партии подвели итоги выборов в Государственную Думу. Председатель Федерального политического комитета партии «Яблоко» Григорий Явлинский поблагодарил избирателей за поддержку и назвал определяющие факторы дальнейшей политики власти. Полный текст выступления:

Конечно, мне хочется самыми первыми словами поблагодарить миллионы людей, которые за нас голосовали. Я уверен, что это миллионы. Я знаю точно, что это миллионы. Спасибо за доверие. Мы вам очень обязаны. Это было очень непросто — в этих условиях голосовать за такую партию, как «Яблоко». Что сделало «Яблоко» на этих выборах? Оно предложило позицию и программу по всем ключевым вопросам развития страны. Это действительно единственная партия, которая предложила альтернативу. Наши одномандатники предложили альтернативу и наша партия в целом предложила альтернативу.

В результате того, как (нам сегодня рассказывают) закончились выборы, «Единая Россия» имеет 72% голосов в парламенте. То есть она опять имеет конституционное большинство. А сторонников Путина в парламенте 100%. Ну тогда о чем нам с вами говорить? Значит, тогда понятно, что с нами произошло. Нам приклеили название, что мы список с иностранным агентом. Ну а разве можно иностранного

агента пускать в Думу? Ну, конечно, нельзя. Вот и весь результат. Тут нечего думать. Они написали такой результат, который нужен для иностранного агента. Все понятно.

Более того, у них 100% сторонников политики Владимира Путина, а «Яблоко» — партия, которая не поддерживает политику Владимира Путина и считает ее бесперспективной для страны.

Поэтому, поскольку такая позиция естественна и такая программа не подходит для тех, кто определяет результаты выборов, это дело не в народе, а дело в тех, кто определяет результаты выборов. До сих пор не могут даже подвести, посчитать не могут. Вся техника работает на это: компьютеры, электронное голосование. А посчитать не могут. Как вы думаете, почему?

Нашим избирателям, если кто-нибудь это покажет в большом эфире, я хочу сказать еще раз спасибо. Хочу сказать: нас с вами, по нашим представлениям, которые мы делаем уже много лет, а мы 30 лет уже участвуем скоро в выборах, мы получили около 6–7% в этот раз. Чуть даже больше, чем обычно мы получали. Поэтому вы не одиноки. Вы не одиноки.

Но теперь о политической сути. Есть несколько содержательных вещей.

Сегодня Государственная Дума — это союз «Единой России» и КПРФ. Этим будет определяться политика. Это значит, что все то, что происходит сегодня, все эти истории с иностранными агентами, нежелательными организациями, арестами, угрозами, репрессиями, отказами в публичных мероприятиях, преследование журналистов — все это сохранится и усилится.

В экономике это означает госкапитализм. Госкапитализм — это очень высокий уровень государственной собственности в экономике. Такая экономика неэффективная. Главный союзник «Единой России» (коммунисты) будут еще рассказывать, что нужно вообще создать госплан. Ну, при госкапитализме несложно создать госплан. Он для этого приспособлен. Там только его создай — да и все. Так еще Ленин говорил, что это простая вещь.

А это значит рост цен. А это значит падение доходов. Они уже почти 10 лет падают. С 2013 года. А это значит снижение уровня жизни.

А еще у них есть гигантские проекты на сотни миллиардов рублей. Это означает рост налогов. По крайней мере точно понятно, что им надо добрать 400 млрд. Сейчас будут осенью принимать решение о росте налогов. В общем, знаете, друзья, теперь мало не покажется.

Есть еще одна тема — это подавление среднего класса. Средний класс в России — это еще один неофициально нежелательный элемент. А мы партия, во многом представляющая интересы среднего класса. Но не того среднего класса, который только врачи, учителя (потому что это бюджетники). А мы хотим, чтобы средний класс в России — это были люди (помимо учителей, врачей, которых мы любим, уважаем и готовы представлять их интересы, и это очень важно), которые сами себе зарабатывают на хлеб, в том смысле, что создают собственное дело, собственный бизнес. Потому что в этом развитие экономики. Здесь находятся все так называемые стартапы. Здесь появляются самые инициативные люди. Эти люди хотят участвовать в политике. И не в виде придуманных, неизвестно откуда взявшихся партий в виде «Новых людей», а в тех партиях, которые выражают их интересы. Вот поэтому то, что случилось с «Партией Роста», и поэтому это случилось и с нашей партией. Потому что мы защищаем… Это для нас принципиальный вопрос. А они, начиная с Болотной площади, все хотят участвовать в политике. И это неприемлемо.

Вот подавление среднего класса — это еще один тренд, который сейчас будет очень активен. Потому что это направление совсем не дружит с тем, чем обычно заняты коммунисты.

И есть еще одна тема — это тема внешней политики. Все эти партии — абсолютные союзники в части внешней политики. А смысл внешней политики последних лет — это изоляция, как вы знаете, война в Сирии (причем гражданская, участие в гражданской войне в Сирии), и мало того — постоянная эскалация жестокого столкновения с Украиной и подавление протеста в Беларуси. Вот такая у нас внешняя политика, то есть отгораживание от всего мира. Мы полагаем, что вот этот тренд на возможную войну с Украиной — это очень опасное направление. И теперь, я думаю, в Государственной Думе не будет ни одного депутата, который выступит против этого.

Вот суммарно такая нас с вами ожидает политика. Мы будем в ней работать. Мы не откажемся от своей позиции. Потому что мы любим наш народ и любим нашу страну. И никогда его не оставим. Мы надеемся, что справедливость и свобода восторжествуют. Россия раньше или позже (лучше — раньше) станет свободной и процветающей страной. Еще раз повторю: всем большое спасибо за поддержку. Мы ее очень ценим и бережем.

Отрицательный отбор

Осень 2021 года: итоги и перспективы

19 октября 2021 г., сайт Григория Явлинского

Ровно месяц назад завершились выборы в Госдуму. К этим выборам мы подошли в ситуации, когда система консолидировалась, окончательно и осознанно стала двигаться к агрессивно-репрессивной модели отношений с обществом. После 1 июля 2020 года возникла уже новая, следующая за авторитарной модификация путинской вертикали[1]. Постсоветская модернизация России, с точки зрения ценностной основы и государственного строительства, завершилась провалом.

ВЫБОРЫ?

В условиях политического режима без разделения властей и независимого суда открытых, честных и просто нормальных выборов быть не может. Невозможно бесконечно удивляться нечестному подсчету голосов. В сентябре 2021 года в России другого подсчета и других выборов и не могло быть. Разговоры о фальсификациях как о чем-то новом — от наивности или от бессилия: многим не хочется принимать реальность такой, какая она есть, и думать о долгом пути к свободе — легче обсуждать, как «нас обманули». Такие разговоры, пожалуй, парадоксальным образом бросают на нынешнюю Государственную Думу

---

[1] *Явлинский Г. А.* Второе июля // Официальный сайт Григория Явлинского. 31 августа 2021. Доступ (проверено 29.09.2021).

тень легитимности: раз вопрос о честности выборов вообще обсуждается, значит, это уже не марионеточный парламент, формируемый в администрации президента, а результат «немного сомнительного», но все же всенародного волеизъявления.

Почему я не баллотировался в этот раз? Потому что не считаю такие «выборы» выборами и уверен, что Дума будет принимать совершенно неприемлемые для меня, возможно, даже преступные, с моей точки зрения, решения. Эти решения будут поддержаны абсолютным большинством «избранников», воспрепятствовать этому будет невозможно. И мое голосование «против» будет лишь создавать иллюзию обсуждения, дискуссии вокруг принимаемых решений: вот, смотрите, есть же в Думе и те, кто против.

А что, предыдущие думские выборы были лучше? Нет, по существу, с 1999 года не были. Однако не предполагалось принятия заведомо преступных законов. Была надежда. После изменения прошлым летом Конституции надежды не осталось. Госдума уже давно ничего толком не обсуждает и не решает, а только штампует спущенные из АП проекты законов. Расчет на то, что с трибуны такого парламента удастся доносить до людей правду, тоже иллюзия. В условиях оккупации Путиным нынешнего информационного поля ни одно политически значимое СМИ ничего об этом не скажет, не покажет. Соответственно, никто ничего не услышит. Да и, скорее всего, выступить теперь тоже не дадут.

Единственная реальная цель участия в мероприятиях формата «якобы выборы» — рассказать правду о происходящем в стране и ее возможном будущем громко и почти без обиняков по всем доступным каналам. И мы, партия «Яблоко» и наши единомышленники, это сделали. Мы с самого начала планировали «избирательную» кампанию как знаковую. Кампания «Яблока» — это не столько борьба за проценты, сколько за манифест, обращенный к обществу. В июне на заседании политкомитета перед партийным съездом обсуждался как отказ от участия в выборах вообще, так и выдвижение списка, полностью состоящего из политзаключенных. Однако политкомитет, а затем и съезд приняли решение выдвинуть список в основном из молодых политиков, которым надо было предоставить возможность учиться разговаривать с избирателями в условиях авторитарного режима.

В наш список также был включен арестованный по политическим мотивам Андрей Пивоваров.

Смысл работы «Яблока» в эти месяцы заключался в том, чтобы прямо сказать всему российскому народу о самом главном для нашей страны на сегодняшний день:

- политика Путина ведет в тупик: бедность, растущая смертность, провал системы здравоохранения, деградирующая и неспособная развиваться экономика — последствия именно этой политики;
- нет войне с Украиной;
- свободу политзаключенным;
- требуем расследования отравления и убийства оппозиционеров;
- для России жизненно необходима смена власти.

И главное, на этих выборах «Яблоко» было единственной партией, которая выступила против политики войны. Политика войны — это не только агрессия в отношении соседей и не только милитаристская риторика, адресованная всему миру. Это еще и опасное и болезненное состояние общества. Ради того, чтобы это объяснить и донести до максимально широких кругов, мы и участвовали в этом действе. На наших кандидатов, на доверенных лиц партии, на организаторов нашей кампании, помощников и агитаторов оказывалось постоянное давление. Кандидатов от «Яблока» снимали с выборов. Наш список получил клеймо «иностранного агента». Несмотря на все это, мы продолжали кампанию, чтобы предоставить людям возможность отдать свой голос, заявить о своей позиции — в бюллетене, в соцсетях, в разговорах с соседями, коллегами, знакомыми. Это было серьезное полноценное политическое предложение обществу альтернативы — и призыв бороться за нее.

РЕАЛЬНОСТЬ

Официальные результаты основных партий на «выборах»-2021 по партийным спискам почти такие же, как в 2011 году: цифры десятилетней давности у «Единой России» и КПРФ почти полностью совпадают с сегодняшними. Тогда такому результату поспособствовали

«Голосуй за кого угодно, кроме…» и «НаХ-НаХ», теперь — «умное голосование» (УГ). За десять лет думского союза ЕР и КПРФ появилось «болотное дело», произошла аннексия Крыма, была развязана война в Донбассе, убит критик режима политик и государственный деятель Борис Немцов, совершено вмешательство в гражданскую войну в Сирии, приняты десятки крайне репрессивных законов.

Тем, кто в сентябре 2021 года, руководствуясь указаниями УГ, проголосовали за коммуниста-одномандатника или по списку за КПРФ, теперь придется посмотреть в глаза реальности и увидеть, в чем они приняли участие: с их помощью КПРФ увеличила свое представительство в Госдуме, а власть сохранила конституционное большинство. Коммунисты укрепились как идеологическая опора власти и будут еще больше толкать государственную политику в сторону войны, репрессий, поиска врагов, огосударствления экономики, наплевательства на интересы людей — «винтиков в большом механизме».

Что касается самого «умного голосования» как электоральной стратегии, то эта технология всегда была глубоко порочной и политически безнравственной, ориентированной на то, чтобы создать иллюзию успеха с помощью реально «перспективных и ресурсных» кандидатов независимо от их взглядов и идеологии[2]. Заявленная задача УГ — снижение результата ЕР и таким образом как бы достижение победы над системой Путина — рассчитана на людей, совершенно лишенных малейших представлений о смыслах российской политики.

Сентябрьские выборы не только не отменили полуторапартийную систему, а наоборот, существенно укрепили ее. Теперь стержень российской красно-коричневой политики — это консолидация вокруг борьбы с Западом, реальность войны с соседями и ничем не ограниченные репрессии внутри страны. За три недели до выборов Путин на съезде «Единой России» прямо поблагодарил все представленные в Госдуме партии за «патриотическую позицию» и уточнил, что ЕР «играет здесь консолидирующую, объединяющую роль»[3]. Однако

---

[2] Призывы голосовать за любого, кто имеет большие шансы на победу, невзирая на его взгляды, убеждения и программу, и есть политика популизма, в этом ее основная идея.

[3] Владимир Путин принял участие во втором этапе XX съезда Всероссийской политической партии «Единая Россия» // Официальный сайт президента России. 24 августа 2001. Доступ (проверено 29.09.2021).

президентской благодарности заслуживают и те, кто поддержал навальновские «электоральные технологии» и таким образом активно поучаствовал в обеспечении результата, при котором абсолютно все депутаты Госдумы без исключения поддерживают Путина, а ЕР имеет конституционное большинство.

С этой точки зрения послевыборные заявления организаторов УГ настолько расходятся с реальностью и противоречат здравому смыслу, что скорее похожи на неудачную попытку оправдаться за провал: «Главный политический результат заключается в том, что выборы в Госдуму 2021 года свелись к масштабному противостоянию Путина и УГ» или «Наша консолидация, наше УГ поставили Путина перед очень тяжелым выбором: либо признать поражение, либо пойти на фальсификации беспрецедентного масштаба»[4]. А утверждения о том, что «Кремль всех расчехлил, всех агентов раскрыл, все возможности использовал…»[5] и что «мы показали, что выборы фальсифицируются», — это попытка выдать за сенсацию секрет Полишинеля. И электронное голосование в Москве — часть этого «секрета»[6].

Эти выборы также показали беспочвенность надежд на то, что новые технологии, социальные сети и горизонтальные структуры придут на помощь в борьбе с авторитарными режимами. Все как раз наоборот. Вот и Алексей Навальный, сетуя на то, что Apple и Google удалили приложения с рекомендациями УГ, удивляется тому, «как покорно всемогущий Big Tech превратился в его [Путина] помощников»[7]. Но удивляться нечему. Неужели кто-то сомневается, что собранными в интернете «протестными» базами данных уже давно пользуются силовики? А в условиях нынешней российской власти иначе быть не может[8].

---

[4] «Это результат, который войдет в историю»: команда Навального подвела итоги «умного голосования» // «Дождь». 23 сентября 2021. Доступ (проверено 7.10.2021).

[5] «Пока точно не ясно, каким зверем мы станем. Но точно красивым». Письмо Алексея Навального, адресованное его сотрудникам и соратникам // «Медуза». 13 октября 2021. Доступ (проверено 16.10.2021).

[6] Когда вы голосуете и все голоса уходят Путину // Страница Григория Явлинского в Facebook. 21 сентября 2021. Доступ (проверено 7.10.2021).

[7] Instagram, аккаунт Алексея Навального. 23 сентября 2021. Доступ (проверено 29.09.2021).

[8] *Явлинский Г. А.* Информационная охлократия // Официальный сайт Григория Явлинского. 9 декабря 2020. Доступ (проверено 29.09.2021).

Через неделю после выборов в Госдуму в отношении учредителей и бывших сотрудников ФБК было возбуждено масштабное уголовное дело о создании экстремистского сообщества. Вряд ли для кого-то это стало неожиданностью (но почему-то это не произошло раньше — ни в 2012-м, ни в 2014-м, ни даже в 2020-м). Более того, очевидно, что новое дело в отношении Навального и его соратников — это сигнал о том, что в Кремле вполне удовлетворены результатами выборов и переходят к новому этапу репрессий.

К большому сожалению, последние десять лет были потрачены активистами на игры по правилам власти на как бы специально выделенной для этого площадке[9]. И февральская статья «Без путинизма и популизма» была именно про это: про кардинально изменившиеся условия, про наступление репрессивного государства, про неэффективность активизма и опасность закономерно приходящего ему на смену национал-большевистского популизма[10]. Кроме того, эта статья была предупреждением о грядущих арестах и сотнях уголовных дел, о разочаровании людей в бессмысленных протестах, которые только ухудшают ситуацию в стране. И все попытки заболтать эти ключевые темы, перевести разговор на личности свидетельствовали лишь о нежелании воспринимать реальность, которая теперь дает о себе знать уже буквально каждый день.

НЕРУШИМЫЙ БЛОК

Расставленные еще в феврале акценты и сделанные тогда оценки оказались правильными. Навальный и его сторонники открыто и прямо поддержали на выборах коммунистов-сталинистов. Результат такого голосования — союз ЕР и КПРФ при безусловном сотрудничестве «Справедливой России» и ЛДПР — не случайность, а закономерность.

---

[9] *Явлинский Г. А.* Активизм и политика // «Новая газета». 19 октября 2019. Доступ (проверено 18.10.2021).

[10] *Явлинский Г. А.* Без путинизма и популизма // Официальный сайт Григория Явлинского. 6 февраля 2021. Доступ (проверено 29.09.2021).

И в основе этой закономерности, во-первых, популистская сущность такой политики, а во-вторых — логика безыдейного голосования.

Уровень жизни в стране падает, недовольство, усиленное страхом перед неизвестностью в будущем, растет, публичная политика примитивизируется. На этом фоне поднимает голову сталинистский реваншизм, союзниками которого оказываются именно сторонники «умного голосования», ошибочно принимая реваншистов за противников Путина.

И здесь сотрудничество с реваншистами не просто тактический союз. Российский политический популизм — это направление, сознательно опирающееся на примитивные страхи и предрассудки, психологию толпы. Если изначально ставка делалась на национализм, то после того, как власть перехватила эту повестку аннексией Крыма и агрессией в отношении Украины, акцент был смещен в сторону левого популизма, социальной, классовой ненависти.

Впрочем, и национализм по-прежнему остается одной из характерных черт этой политической линии. Да и поддержанная в рамках «умного голосования» КПРФ есть не что иное, как национал-большевизм, сочетающий имперский национализм с неприятием частной собственности и вульгарным марксизмом. Это репрессивный авторитаризм, стремящийся к тоталитаризму.

И реваншистов система Путина прекрасно устраивает. Только сталинисты хотят, чтобы Путин стал еще больше сталиным, чем сейчас. Тем временем беспартийные попутчики коммунистов (помните нерушимый «блок коммунистов и беспартийных», который выдвигал единственный список на выборах в Верховный Совет СССР?) продолжают сдавать позиции, боясь обидеть сталинистов.

Чего только не придумывают, чтобы способствовать росту влияния коммунистов. Например, предлагают вывести из актуальной повестки вопросы внешней политики[11], что станет фактически поддержкой

---

[11] На сайте «Эха Москвы» политолог Галлямов советует: «В идеале несистемной оппозиции следовало бы вообще на время вывести все внешнеполитические вопросы за пределы своей повестки и сконцентрироваться на делах внутренних. Борьба за власть осуществляется ВНУТРИ страны, и здесь коммунисты — скорее союзник, чем противник». См. *Галлямов А.* Как Кремль либералов с коммунистами рассорить собирается // «Эхо Москвы». 23 сентября 2021. Доступ (проверено 29.09.2021).

большой войны, угроза которой с середины прошлого века не была более реальной, чем сейчас. И учитывая, что прошедшие выборы были в том числе плебисцитом об отношении к войне, голосование за коммунистов стало голосованием за войну. В Кремле это заметили, оценили и учли. Теперь этот «красный кирпич» укрепит основание имперской политики, суть которой ясно изложена в провокационной статье Медведева, опубликованной уже после выборов[12].

И еще. После того как в сентябре национал-большевистская идеология заручилась дополнительной поддержкой, борьба с коррупцией и олигархией наполнится совсем иным смыслом. Вместо создания в России рыночной конкурентной экономики и прочного, стабильного института частной собственности власть будет ориентироваться на национализацию, что-то вроде государственного планирования, укрепление госмонополий, уравниловку, усиление давления на средний и малый бизнес.

Поддержка сталинистов не единственное, хотя и очень серьезное следствие политической линии популизма. Уже много лет российская власть убивает институт выборов, уничтожая доверие общества к самой процедуре и идее парламентской демократии. Это многолетнее разрушение государственности. И ровно тем же занимаются так называемые властители дум, те, кто внушает людям, что ради того, чтобы что-то «показать» власти, «можно голосовать и за сталиниста, и за педофила, за кого угодно»[13], кто убеждает, что УГ — «самый эффективный удар по российской власти», даже если это будет голосование за людей, «которые поддерживают Сталина или являются открытыми гомофобами и расистами»[14].

Выхолащивание содержания, сведение политики к технологиям, к какому-то алгоритму — это аналог кремлевской концепции «винтика в большом механизме». История нашей страны убедительно показала, что там, где к человеку относятся как к винтику, очень быстро

---

[12] *Медведев Д.* Почему бессмысленны контакты с нынешним украинским руководством // Коммерсантъ. 11 октября 2021. Доступ (проверено 18.10.2021).

[13] *Сонин К.* Особое мнение // «Эхо Москвы». 30 августа 2021. Доступ (проверено 29.09.2021).

[14] *Гуриев С.* Особое мнение // «Эхо Москвы». 2 апреля 2021. Доступ (проверено 29.09.2021).

возникает другой образ: лес рубят — щепки летят. Именно щепкой становится голос, отданный по алгоритму.

Абсолютно вредно и этически неприемлемо внедрение в общественное сознание идеи о том, что ради достижения каких-то якобы политических целей допустима и даже оправданна поддержка не просто идейно неблизкой фигуры, а носителя человеконенавистнических взглядов. Так происходит обесценивание ценностей, отказ от собственной личности и свободы воли. Бесследно для человека такое пройти не может.

Путин приучает общество к оруэлловскому абсурду[15], а «мыслящая оппозиция» уже прекрасно обжилась в этом абсурде и уверяет свою аудиторию, что голосование за сталинистов — это «поддержка политзаключенных».

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Неоднократно говорил и писал, но повторю снова: национал-популистская политическая линия совершенно чужда нашей партии. «Яблоко» — партия демократическая, европейская, партия центристского социально-либерального направления, партия идеологическая.

Направление Навального принципиально иное. Это такой большевизм эпохи постмодерна. Основные «ценности» этого направления: вождь, единство стаи, принципы «кто не с нами, тот против нас» и «цель оправдывает средства», бесконечное натравливание бедных на богатых, империализм, национализм, моральная амбивалентность, ненависть к оппонентам.

---

[15] Ярчайший пример такого абсурда — прошлогоднее обоснование Конституционным судом обнуления путинских президентских сроков тем, что в нашей стране сегодня есть «развитый парламентаризм, реальная многопартийность, наличие политической конкуренции, эффективная модель разделения властей, снабженная системой сдержек и противовесов, а также обеспечение прав и свобод независимым правосудием, включая деятельность Конституционного суда Российской Федерации». См. Чем Конституционный суд объяснил законность поправок к Основному закону // «Ведомости». 16 марта 2020. Доступ (проверено 30.09.2021).

Кроме того, нельзя не согласиться с мнением[16], что Навальный в течение почти десяти лет препятствовал созданию в России консолидированной на основе демократических ценностей оппозиции и в этом качестве полностью устраивал Кремль. Соратники Навального в любых обстоятельствах защищали и защищают своего вождя и с дикой злобой отстаивают его непогрешимость. Это его «политические менеджеры» в феврале этого года бросали людей «в топку», организовывали травлю осмелившихся критиковать Навального, а затем сознательно и целенаправленно агитировали голосовать за сталинистов. Эти люди преследуют свои цели, ищут свои выгоды. Эти люди несут всю полноту ответственности за свои призывы и подстрекательства.

Капитан футбольной сборной Англии Гарри Кейн этим летом обратился к болельщикам-расистам: «Вы нам не нужны». По сути, то же самое перед выборами я сказал сторонникам политики Навального: можете за нас не голосовать, мы вашу программу знаем и выполнять никогда не будем. Так называемые навальнисты нам чужды, как и все подобного рода вождистские группы, будь то националисты, сталинисты или путинисты. Их отличительная черта — органическая неспособность к диалогу, их удел — хейтерство, то есть ненависть и травля несогласных с ними: они ведут себя как большевики-ленинцы, как «революционные матросы», которые в январе 1918 года с балконов Таврического дворца освистывали и запугивали депутатов Учредительного собрания в первый и последний день его заседания.

Но есть еще одна важная и влиятельная группа, также принимающая участие в обесценивании общественного мнения и способствующая деградации своей аудитории. Это некоторые представители интеллигенции и увлеченные активизмом журналисты, которые считают Навального единственной фигурой, «способной консолидировать

---

[16] См. *Пастухов В.* Отравление Кирова // «Новая газета». 15 сентября 2021. Доступ (проверено 30.09.2021). Автор статьи делает два вывода: 1. десять лет Кремль играл с частью российского общества через Навального, но в прошлом году было принято решение закончить эту игру; 2. результатом десяти лет протестов стало то, что единственной альтернативой Путину теперь видится кровавый большевистский хаос.

протест»[17]. На прошедших выборах была очевидная альтернатива глуповатой и безнравственной идее «умного голосования». Для тех, кому это было недостаточно очевидно, партию «Яблоко» даже отметили в бюллетене для голосования как сотрудничающую с «иностранными агентами». Однако те же люди, которые говорили о невозможности критики сидящего в тюрьме Навального, призывали голосовать за коммунистов, принимавших закон об иноагентах. И уже неважно, поддерживали ли они конкретного коммуниста-одномандатника, или весь список КПРФ. Теперь это уже не имеет значения. Все те, кто прямо или косвенно агитировал за коммунистов, будь то правозащитник из «Мемориала», профессор Высшей школы экономики, известный писатель, популярный блогер или просто яркие представители медийной интеллигенции, — все эти «лучшие люди» теперь несут личную ответственность за последствия этого безнравственного действа. И хорошо еще, если в ближайшие годы не случится какой-нибудь необратимой для страны катастрофы.

«Лучшие люди», конечно, не являются для нас политическими противниками. Но и воспринимать их в качестве моральных авторитетов в политике тоже более невозможно. Эти люди, как правило, высоко профессиональны в своем деле, но при этом абсолютно некомпетентны в политической сфере и к тому же безгранично самоуверенны, хотя в большинстве своем страдают комплексом неполноценности.

«Лучшие люди» и «путинские элиты», как ни странно, один слой, все они вышли из 1990-х. И те и другие не поддерживали реформы для большинства, и те и другие по-большевистски относились к людям как к материалу. Но «лучшие люди» своей болтовней еще и прикрывали губительные для населения «реформы» 1990-х, криминальную передачу собственности через залоговые аукционы, создание олигархической экономики и государства, разрушение института выборов начиная с 1996 года. «Лучшие люди» поддерживали Вторую чеченскую войну

[17] Журналист Константин Эггерт прокомментировал это явление так: «Читать в соцсетях столичных интеллигентов, с гордостью пишущих о голосовании за КПРФ или того же Прилепина, одновременно больно и смешно». См. *Эггерт К.* Реакция Вассермана. Почему сторонникам «умного голосования» стоит прислушаться к «демшизе» // «Сноб». 21 сентября 2021. Доступ (проверено 8.10.2021).

и утверждение Путина в качестве «лидера нации». Будучи близорукими и лишенными стратегического мышления, они не разглядели вовремя опасность (даже для самих себя) той модификации олигархической системы, которая формировалась вокруг Путина. Однако, перейдя в оппозицию Путину, «лучшие люди» не смогли критически взглянуть на свой собственный печальный опыт и не признали ошибок. Но рано или поздно стране придется дать честные и исчерпывающие оценки эпохе 1990-х годов. И это не «старые споры», это, как и оценка большевистско-сталинского периода истории, то, без чего невозможно двигаться в будущее.

Наконец, есть те, кто либо поддался массированной агитации и после «промывания мозгов» проголосовал за коммунистов, либо, разочаровавшись в активизме и увидев неприемлемые призывы авторитетных для себя фигур, решил вообще в политике не участвовать. Людей можно понять. Их просто утопили в бесконечных подсчетах и разговорах о «рациональности» при голосовании, в алогичных, многословных и навязчивых рассуждениях о том, что если голосовать за КПРФ, то это «против власти и Путина», а если голосовать по совести, то «голоса, отданные за непрошедшие партии, перейдут к ЕР». На самом деле это не более чем «размышлительный блуд»[18]. Рассуждения о «необходимости» поддержать как бы меньшее зло, исходя из какого-то расчета, не новы, такое было и раньше. Это просто наукообразный обман. Что же касается брезгливого призыва к бойкоту, то в нынешних условиях это просто подарок властям, это самоустранение из информационного поля, ведь тот, кто отсутствует, всегда неправ.

Наивно полагать, что в России последние 30 лет можно находиться «вне политики» или «над схваткой». Массовое распространение такой позиции привело к тому, что профессиональной влиятельной журналистики в нашей стране почти не осталось. В большинстве российских СМИ нет ничего, кроме госпропаганды. Но даже отважные расследования, которые появляются иногда в пока встречающейся честной и независимой прессе, только еще больше озлобляют людей,

---

[18] Facebook, страница журналистки Юлии Калининой. 13 сентября 2021. Доступ (проверено 8.10.2021).

поскольку не говорят при этом об альтернативе — не указывают на тех, кто может вести страну в правильном направлении и решать накопившиеся серьезнейшие проблемы. Такая журналистика, систематически разжигая справедливое недовольство, толкает людей к бунту, после которого, как известно, жить становится еще хуже.

И наконец, надо понять, что пресловутое «умное голосование» за «любого проходного кандидата, кроме…» не просто крайне неблагородный поступок, а популизм в чистом виде, который на практике работает как механизм отрицательного отбора, обеспечивающий в наших условиях выбор худших. Такой подход направлен на достижение мнимого или краткосрочного успеха и в итоге приводит к ощутимому ухудшению исходной ситуации.

Агитаторы и сторонники «умного голосования» теперь в полной мере несут ответственность за действия КПРФ, «Справедливой России» с прилепинцами и ЛДПР в нынешней Думе.

АЛЬТЕРНАТИВА

Люди устали от бедности и ждут положительных изменений в экономике. Ассортимент товаров огромный, благодаря интернету можно совершать покупки, даже не выходя из дома. Но денег нет. В таких условиях беднеющему населению можно подсунуть что угодно: и новый госплан, и национализацию[19], и закрытие границ — в общем, недавнее прошлое. Обнищание — подходящая почва для реванша.

Ответа на вопрос «что делать?» теперь долго в обществе не будет. Тандем коммунистов и путинских силовиков не избавит страну от бедности, преступности, государственной лжи, не вернет доверие к власти. Граждане России об этом догадываются и от государства ничего хорошего давно не ждут, но при этом считают, что сами не несут ответственности за действия власти и за происходящее в стране. В то же время люди готовы к репрессивной модели действий со стороны

[19] Предвыборная программа партии КПРФ // Официальный сайт КПРФ. Доступ (проверено 16.10.2021).

властей, ожидают ее и в некотором смысле даже как бы под нее «заточены». Общество просто не представляет себе иного государства, кроме репрессивного, и ждет от него только насилия, принуждения, грабежа. В этой ситуации появляется стремление отбросить моральные соображения, мстить и грабить награбленное, реализуя единственный доступный способ не быть больше «тварью дрожащей». И если это стремление примет массовый характер, если жизнь пойдет в этом направлении, то Россия утратит не просто перспективу, а вообще будущее: нашей страны с ее нынешней территорией, единым историческим и культурным пространством просто не станет.

Угроза такого развития делает приоритетной задачу разъяснения людям возможности и необходимости построения другого государства, других институтов, работающих на совершенно иных основах. Для решения этой задачи следует уже сейчас культивировать желание созидать, что отнюдь не равноценно призыву из «Интернационала» — «до основанья, а затем».

Среди неотложных взаимосвязанных задач также необходимость противостоять нарастающему мракобесию, защищать демократические ценности, постоянно помнить и говорить о политзаключенных, требовать расследования политических убийств и отравлений, искать точки опоры внутри российского общества, создавать и развивать элементы альтернативы «системе Путина» — идеологической (европейские ценности), содержательной (законопроекты и программы, такие как «Земля – Дома – Дороги»), кадровой (высокопрофессиональные специалисты с незапятнанной репутацией).

Не нужно ждать, когда наступит некий момент «после Путина», чтобы начать все с чистого листа. Уже сейчас необходимо определять приоритеты оппозиции с учетом будущего. Мы оказались правы в оценке ситуации в стране — происходит именно то, о чем мы предупреждали. Но мы верим в будущее, в Россию, в наш народ, в жизнь без страха, в правовое государство и в свободу. Именно ради этого мы будем продолжать убеждать людей, что в политике, как и в жизни, можно и нужно поступать по совести — и голосовать в том числе. Это и есть то самое единственно возможное в условиях реакции,

репрессий и фальсификаций моральное и интеллектуальное сопротивление. С ложью нельзя мириться, нельзя закрывать на нее глаза, иначе становишься соучастником обмана. Надо голосовать каждый раз за себя, а не ставить на лошадь, которая первая придет к финишу. Это не скачки, это ваш выбор того, где и как вы будете жить. Голосование всегда дело совести, а не расчета.

Сегодня в России установлена власть абсолютного меньшинства. Большинству же объективно необходимы модернизация и реформы. Но только мирным путем. Бунт — не в интересах народа, не в интересах страны. Европейский путь для России — объективно единственный. При всех наших проблемах и слабостях никакое другое политическое направление не может сформулировать смысл движения вперед. Все другие направления — «пути, которых нет», воспроизводство в той или иной форме путинской системы, того же курса. Одиннадцать раз за 28 лет партия «Яблоко» и я лично предлагали обществу содержательную альтернативу, ни разу не обманули, не отказались от своих принципов и убеждений. У нас и сейчас есть программа, которую мы готовы реализовывать. Поддержка платформы и программы «Яблока» соответствует истории и времени, и это возможность в будущем победить.

Помните о ней

7 октября 2021 г., сайт Григория Явлинского

15 лет назад убили Анну Политковскую. Это не первое и не последнее политическое убийство в истории современной России — до этого уже был смертельно отравлен депутат Госдумы, член фракции «Яблоко» журналист Юрий Щекочихин, а спустя несколько лет у стен Кремля расстрелян в спину политик Борис Немцов. Убийство журналиста «Новой газеты» Анны Политковской стало во многих смыслах рубежом. После этого был аннексирован Крым и развязана война на востоке Украины. После этого влезли в гражданскую войну в Сирии. После этого ввели едва ли не постоянную практику отравления критиков режима и разделались с Конституцией.

Сегодня, в октябре 2021 года, честные журналисты в России — а таких осталось совсем немного — живут и работают в условиях постоянной опасности. Мы знаем о реальных угрозах, поступающих регулярно в их адрес, в частности в адрес журналистов «Новой газеты», где работала Анна Политковская. Наша общая ответственность — постоянно помнить об этом. Ведь мы уже знаем о существовании «эскадронов смерти», занимающихся уничтожением оппонентов власти. Говорил об этом многократно и повторю снова: всю ответственность за жизнь и безопасность политических оппонентов и журналистов несут российские власти и лично президент Путин. Как и за то, что наша страна стремительно возвращается в прошлое — туда, где человеческая жизнь не стоит ничего, где государство управляется страхом и насилием, где нет правосудия и закона, одинакового для всех.

Берегите живых, говорящих правду. Берегите «Новую газету». Только эти люди могут предостеречь вас и всю страну о наступающих опасностях и угрозах. И именно поэтому их убивают — как Анну Политковскую. Помните о ней.

«Муратов буквально своими руками защищает свободу слова в нашей стране»

8 октября 2021 г., сайт Григория Явлинского

О заслугах Дмитрия Муратова в нашей стране известно не многим. Но теперь о них узнают — и не только в России, но и во всем мире. Главный редактор «Новой газеты» удостоен Нобелевской премии мира. Муратов стал третьим получившим эту награду в нашей стране после Сахарова и Горбачева. И это очень справедливо.

Это Муратов сохранил «Новую» как последний бастион честной журналистики в России. Это Муратов уже много лет спасает журналистов от смертельных угроз. Это Муратов буквально своими руками, постоянно рискуя жизнью, защищает свободу слова в нашей стране.

Поздравляю Дмитрия Андреевича с заслуженной наградой!

P. S. И, конечно, очень приятно, что нобелевский лауреат 2021 года Дмитрий Муратов — давний член партии «Яблоко».

На языке войны

12 октября 2021 г., сайт Григория Явлинского

Опубликованная Путиным в июле статья об Украине была дописана вчера Медведевым. И если кто-то до сих пор сомневался в намерениях, то теперь все стало очевидно: Россия движется к войне.

Нет смысла обсуждать ни форму, ни содержание того, что было опубликовано за подписью бывшего президента России, а ныне зампреда Совбеза РФ. Понятно, что грубые ксенофобские и шовинистические заявления в адрес соседнего суверенного государства есть не что иное, как провокация.

Нет и особого смысла анализировать то, что предшествовало появлению этого текста (попытка определить темы для обсуждения на гипотетических переговорах Путина и Зеленского), или то, с чем совпала публикация (визит в Киев и Москву замгоссекретаря США Нуланд и телефонные переговоры Путина с Меркель и Макроном). Даже без всяких совпадений для подобной писанины не бывает удачного или неудачного момента. Такая статья — истерический отказ от переговоров. И, конечно, это провал. Провал дипломатический, провал моральный, провал государственный.

Июльская статья Путина, помимо всего прочего, была еще и предупреждением всей нашей стране, декларацией о намерениях. Хаотичный уход американцев из Афганистана в августе этого года, создав ощущение развязанных рук, еще больше приблизил войну, сделал ее более реальной (См. «Провал», 11.09.2021). Однако в сентябре у граждан России была возможность высказаться против войны

с Украиной в любой момент — на думских выборах нужно было проголосовать за единственную партию, поставившую антивоенную повестку в центр своей программы. Но голосование за коммунистов вместе с Шойгу и Лавровым только укрепило власть в намерениях.

Собственно, для Кремля эти выборы были прежде всего плебисцитом в поддержку имперского национализма и советской политики ограниченного суверенитета. А насколько в такой системе вообще нужен парламент, подробно объяснил другой кремлевский писатель в статье, по удивительному стечению обстоятельств тоже опубликованной вчера.

Следующий шаг в агрессии России по отношению к Украине не заставил себя долго ждать. Пока это только слова. Но слова эти написаны уже на языке войны.

ГЛАВНОЕ. ВЫБОРЫ-2021

Публикации, выступления и интервью Григория Явлинского
в феврале – октябре 2021 года

Корректор: И.М. Осипова

Верстка: А. М. Солохина

Подписано в печать 15.01.2022

Формат 70x100/16. Печать офсетная.

Гарнитура Franklin Gothic Normal (ITC)

Печ. л. 31,5. Усл.-печ. л. 40,6

Тираж 500 экз.

Издание отпечатано в типографии

ООО «Галлея-Принт»

111024, Москва, 5-я Кабельная ул., 2-б

«Никакого достойного будущего не построить, если здесь и сейчас не практиковать отношения к гражданам, соответствующего той России, которую мы хотим создать. Крайне важно, чтобы протест был политически осознанным, гражданским в полном, высоком смысле этого слова. Основа такого протеста — люди, которые открыто выступают против системы Путина, но при этом не поддерживают популизм, отторгают национализм, вождизм, большевистское разжигание социальной розни, не приемлют подмену демократических процедур и институтов властью толпы, манипулирование».

Г. А. Явлинский, «Без путинизма и популизма», февраль 2021

«Именно в российско-европейской интеграции содержится решение не только проблемы отношений России и Украины, но и путь к безопасному и благополучному будущему и для самой России, и для Беларуси».

Г. А. Явлинский, «Об историческом будущем России и Украины», июль 2021

«Политика Владимира Путина до и особенно после выборов 2021 года направлена на подавление свободы личности и прав человека, на укрепление государственно-монополистического капитализма, на полную изоляцию от внешнего мира».

Г. А. Явлинский, «С чем Россия пришла к выборам?», август–сентябрь 2021

«Путин приучает общество к оруэлловскому абсурду, а «мыслящая оппозиция» уже прекрасно обжилась в этом абсурде и уверяет свою аудиторию, что голосование за сталинистов — это „поддержка политзаключенных“».

Г. А. Явлинский, «Отрицательный отбор», октябрь 2021

9 785856 910925